
ВОСПОМИНАНІЯ

КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА

I.

При заключеніи Адрианопольскаго трактата, въ 1829 году, Порта отказалась въ пользу Россіи отъ всего восточнаго берега Чернаго моря и уступила ей черкесскія земли, лежащія между Кубанью и морскимъ берегомъ, вплоть до границы Абхазіи, отдѣлившейся отъ Турціи еще лѣтъ двадцать тому назадъ. Эта уступка имѣла значеніе на одной бумагѣ;—на дѣлѣ Россія могла завладѣть уступленнымъ ей пространствомъ не иначе какъ силой. Кавказскія племена, которыхъ султанъ считалъ своими подданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его, какъ наслѣдника Магомета и падишаха всѣхъ мусульманъ, своимъ духовнымъ главою, но не платили податей и не ставили солдатъ. Турокъ, занимавшихъ нѣсколько крѣпостей на морскомъ берегу, горцы терпѣли у себя по праву единовѣрія, но не допускали ихъ вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла и дрались съ ними или, лучше сказать, били ихъ безъ пощады при всякомъ подобномъ вмѣшательствѣ. Уступка, сдѣланная султаномъ, горцамъ

казалась совершенно непонятною. Не углубляясь въ изслѣдованіе политическихъ началъ, на которыхъ султанъ основывалъ свои права, горцы говорили: „Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотимъ принадлежать. Султанъ нами не владѣлъ и поэтому не могъ насъ уступить.“ Десять лѣтъ спустя, когда Черкесы уже имѣли случай коротко познакомиться съ русскою силою, они все-таки не измѣнили своихъ понятій. Генералъ Раевскій, командовавшій въ то время черноморскою береговою линіей, усиливался объяснить имъ право, по которому Россія требовала отъ нихъ повиновенія, сказалъ однажды шапсугскимъ старшинамъ, пріѣхавшимъ спросить его по какому поводу идетъ онъ на нихъ войной: „Султанъ отдалъ васъ въ пещъ-кешъ,—подарилъ васъ рускому царю.“ „А! теперь понимаю,“ отвѣчалъ Шапсугъ, и показалъ ему птичку, сидѣвшую на ближнемъ деревѣ. „Генералъ, дарю тебѣ эту птичку, возьми ее!“ Этимъ кончились переговоры. Очевидно было, что при такомъ стремленіи къ независимости одна сила могла переломить упорство Черкесовъ. Война сдѣлалась неизбѣжною. Оставалось только сообразить необходимыя для того средства и отыскать лучший путь къ покоренію горцевъ, занимавшихъ новопріобрѣтенную часть Кавказа.

Для того чтобы получить понятіе о нашемъ положеніи на восточномъ берегу Чернаго моря, въ 1835 году, когда судьба забросила меня въ Абхазію, необходимо познакомиться съ обстоятельствами, сопровождавшими первое появленіе здѣсь русскихъ войскъ.

При Селимѣ II и Амуратѣ III, Турки подчинили себѣ Гурію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію. Въ 1578 году они построили двѣ крѣпости на берегу моря, одну въ Потѣ, другую въ Сухумѣ. Къ этому времени, кажется, можно отнести также постройку турецкой крѣпости у Натухайцевъ, на берегу Гелленджикской бухты. Въ 1771 году, Абхазцы возстали противъ Турокъ и принудили ихъ оставить Сухумъ. Во главѣ возстанія находились два брата, Леванъ и Зурабъ Шервашидзе. Поссорившись между собою, одинъ изъ нихъ, Леванъ, передалъ Сухумъ опять Туркамъ, которые держались въ немъ послѣ того не болѣе трехъ лѣтъ, утомленные непрерывными нападеніями Абхазцевъ. Тогда Келешъ-бей Шервашидзе

занялъ Сухумъ, силой подчинилъ себѣ Абхазцевъ и отдался подъ верховную власть султана, признавашаго его за то владѣтелемъ Абхазіи и сухумскимъ наслѣдственнымъ пашой. Подчиненность Келешъ-бея турецкому правительству длилась также недолго. Давъ убѣжище Тереръ-пашѣ трезизондскому, осужденному Портою на смерть, онъ навлекъ на себя ея негодование, и сталъ искать покровительства Россіи, принявшей въ то время подъ свою защиту Грузинское царство. Въ то же время онъ перешелъ какъ говорятъ, тайнымъ образомъ въ христіанскую вѣру. Турки, услышавъ о перемѣнѣ вѣры и о сношеніяхъ Келешъ-бея съ Русскими, подкупили, его старшаго сына, Асланъ-бея, убить своего отца, которому онъ долженъ былъ наслѣдовать. Преступленіе совершилось въ Сухумѣ; но Асланъ-бей не воспользовался его плодами. Младшіе братья его, Сеферъ-бей, Босталъ-бей и Гассанъ-бей, осужденные на гибель подобно отцу, успѣли спастись и вооружили противъ него всю Абхазію. Асланъ-бей бѣжалъ въ Батумъ отъ народнаго мщенія, пославъ чего Сеферъ-бей лживо принялъ христіанскую вѣру и въ 1808 году отдалъ Абхазію подъ покровительство Россіи, поставленной въ необходимость воспользоваться его предложеніемъ. Отъ занятія нашими войсками Абхазіи и отъ учрежденія въ ней нѣкотораго порядка зависѣло спокойствіе Мингреліи, признавшей надъ собою подобно Грузіи, власть Россіи. Кромѣ того Сухумъ, пользующійся единственнымъ удобнымъ рейдомъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, отъ Батума до Гелленджика, обѣщала доставить намъ военныя и торговыя выгоды, которыми нельзя было пренебрегать, думая о будущности вновь приобрѣтенныхъ закавказскихъ провинцій. По этому поводу и согласно съ желаніемъ самого владѣтеля, русскія войска вступили, въ 1810 году, въ Абхазію, вытѣснили Турокъ изъ Сухума и помѣстили въ немъ небольшой гарнизонъ. Это обстоятельство нисколько не измѣнило существовавшаго въ Абхазіи порядка дѣлъ. Владѣтель попрежнему оставался полнымъ властелиномъ своего народа. Не думая о новыхъ завоеваніяхъ, русское правительство не увеличивало въ Абхазіи войскъ, продолжавшихъ занимать одну сухумскую крѣпость; не мѣшалось во внутреннее управленіе княжества, и заботилось только объ уничтоженіи вліянія Турокъ на народъ, обнаруживавшій склонность, по примѣру владѣтеля, возвращаться къ христіанской вѣрѣ, которую исповѣдывали его

предки. Турки, бѣжавшіе изъ Сухума, рассыпались между тѣмъ по всей Абхазіи и съ ожесточеніемъ возбуждали народъ противъ Русскихъ. Отцеубійда Асланъ-бей также не переставалъ разными происками набирать себѣ приверженцевъ въ Абхазіи, и число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ. Первый порывъ негодованія противъ него прошелъ, а Турки твердили безпрестанно абхазскимъ магометанамъ, что Келешъ-бей, какъ отступникъ, заслужилъ смерть отъ руки сына, который въ этомъ случаѣ не совершилъ преступленія, будучи только слѣпымъ исполнителемъ воли Аллаха. Такое толкованіе поступка Асланъ-бея находило въру и одобреніе со стороны недовольныхъ въ Абхазіи, пользовавшихся его именемъ и его будто бы не угасшими правами на княжество, для того, чтобы производить безпорядки всякаго рода. При такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ двѣ русскія роты, находившіяся въ Сухумѣ, едва были достаточны для обороны крѣпости, и не могли думать о водвореніи порядка въ краѣ. Въ 1821 году, Сеферъ-бей умеръ, оставивъ наслѣдникомъ княжества своего старшаго сына Димитрія, воспитывавшагося въ Петербургѣ. Пользуясь его отсутствіемъ, Абхазцы, волнуемые Асланъ-беемъ, Турками и Гассанъ-беемъ, готовившимся съ своей стороны завладѣть княжествомъ въ ущербъ своего племянника, вооружились противъ Русскихъ, поддерживавшихъ право законнаго наслѣдника. Для усмиренія Абхазіи была назначена экспедиція, кончившаяся водвореніемъ Димитрія на княжескомъ престолѣ. Гассанъ-бей схватили и отправили въ Сибирь, гдѣ онъ прожилъ около пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ ему было дозволено вернуться въ Абхазію. Въ 1824 году умеръ Димитрій, не оставивъ дѣтей. Возстаніе въ Абхазіи повторилось и вызвало новое вооруженное вмѣшательство со стороны Русскихъ, въ пользу Михаила, втораго сына покойнаго Сеферъ-бея.

Въ 1830 году, когда весь восточный берегъ Чернаго моря перешелъ во владѣніе Россіи, отрядъ изъ десяти ротъ 44-го егерскаго полка, восьми орудій и небольшой команды казаковъ прибылъ моремъ въ Абхазію и занялъ Бамборы, Пицунду и Гагры. Первые два пункта, находящіеся въ предѣлахъ Абхазіи, были заняты безъ выстрѣла, не взирая на стараніе абхазскихъ дворянъ возбудить народъ къ сопротивленію и, по

примѣру прежнихъ возстаній, призвать на помощь Убыховъ и Шансуговъ.

Гагры, лежащія за Бзыбюмъ, у подножія высокаго, скалистаго хребта, примыкающаго къ самому морю, достались намъ не безъ боя. Садзы, Убыхи и Шансуги, собравшіеся въ значительныхъ силахъ, противились высадкѣ и послѣ того нѣсколько разъ пытались овладѣть новымъ укрѣпленіемъ открытою силой. Потерявъ много людей въ своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, они перемѣнили образъ дѣйствій и принялись тревожить наши войска, не давая имъ отдыха ни днемъ ни ночью, нападая на небольшія команды, высылавшіяся за дровами и за фуражомъ, подстерегая съ высоты горъ людей выходившихъ за стѣны укрѣпленія, и посылая въ нихъ свои мѣткіе выстрѣлы. Существованіе гагринскаго гарнизона сдѣлалось положительно нестерпимымъ.

Годъ спустя, русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Берхмана, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, овладѣлъ Гелленджикомъ, не взирая на упорное сопротивленіе Натухайцевъ и Шансуговъ. Недостатокъ лошадей, рабочаго скота и преимущественно лѣса, который приходилось подвозить на судахъ изъ Керчи и Феодосіи, не помѣшалъ нашимъ войскамъ укрѣпиться и построить въ одно лѣто всѣ необходимыя помѣщенія. Пока производились работы и послѣ того въ теченіе цѣлой зимы непріятель не давалъ покоя нашимъ войскамъ.

До занятія Гагръ и Гелленджика мы не имѣли точнаго понятія объ ожидавшемъ насъ сопротивленіи, о дурномъ климатѣ и о другихъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться нашимъ войскамъ на черкесскомъ берегу. Опытъ, которымъ мы обогатились въ этихъ случаяхъ, заставилъ приостановить дальнѣйшія дѣйствія на берегу Чернаго моря, до того времени, когда окажется возможность приготовить всѣ средства, необходимыя къ отстраненію замѣченныхъ неудобствъ. Многочисленный и хорошо вооруженный непріятель, встрѣтившій наши войска съ отчаянною храбростью, требовалъ для отраженія его числительныхъ силъ, какими мы не могли располагать въ то время на Кавказѣ. Кази-Мегметъ, первый распространитель мюридизма между горцами, поднявъ противъ насъ Чечню и весь Дагестанъ, разграбилъ пограничные города, Кизляръ и Моздокъ, и въ послѣднее

время сталъ угрожать военно-грузинской дорогѣ, нашему ближайшему, если не единственному сообщенію съ закавказскими провинціями. Сперва надо было усмирить лѣвый флангъ кавказской линіи, куда и были направлены всѣ свободныя войска, а потомъ уже думать о новыхъ завоеваніяхъ.

Военныя дѣйствія тридцать втораго года въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ доставили намъ полный успѣхъ. Главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ, баронъ Розенъ, поднялся съ небольшимъ отрядомъ на гору Галгай, близъ военно-грузинской дороги, считавшуюся у горцевъ совершенно неприступною для нашихъ войскъ, и покорилъ снова кистинскія общества, увлеченныя Кази-Мерметомъ въ общее возстаніе. Послѣ того, наши войска, подъ личнымъ начальствомъ барона Розена и Вельяминова, прошли по всей Чечнѣ, разбивая непріатели вездѣ, гдѣ онъ только показывался; проникнули черезъ Ичкеринскій лѣсъ въ Беной и Дарго, уничтожили эти два селенія, и позднею осенью спустились наконецъ въ глубокое ущелье рѣки Койсу, для того чтобы послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ поразить возстаніе въ его корнѣ. Гимры, въ которыхъ Кази-Мерметъ родился и постоянно жилъ, были взяты приступомъ, и онъ самъ убитъ. Громкія удачи нашихъ войскъ и въ особенности смерть имама, главы мюридовъ, сильно поразившая умы горцевъ, понудили Чечню и Дагестанцевъ покориться безусловно русской волѣ. Лѣвый флангъ кавказской линіи казался усмиреннымъ на долгое время; послѣ этого можно было перенести снова военныя дѣйствія въ западную часть Кавказа, и заняться предпочтительно устройствомъ береговой линіи.

Полагая что горцы не въ силахъ долго обороняться собственными средствами, безъ помощи Турокъ, доставлявшихъ имъ товары, соль и разные военные припасы въ промѣнъ на женщинъ и на мальчиковъ, все наше вниманіе обратилось на прекращеніе турецкой торговли съ Черкесами. Для этой цѣли уже въ 1830 году, черкесскій берегъ былъ объявленъ въ блокадномъ положеніи, и для наблюденія за нимъ учреждено постоянное крейсерство. Не взирая на эту мѣру, турецкіе купцы продолжали сообщаться съ Черкесами. Наши крейсера весьма рѣдко успѣвали ихъ захватывать, такъ какъ наши парусныя килевыя суда (пароходовъ не существовало еще тогда въ черноморскомъ флотѣ) должны были держаться въ

въ некоторомъ отдаленіи отъ береговъ и въ случаѣ бури уходить въ открытое море, между тѣмъ какъ плоскодонныя турецкія чектермы плавали почти всегда подъ защитою берега и въ непогоду вытаскивались на него, или прятались въ устьяхъ безчисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море. Малый успѣхъ морской блокады привелъ къ заключенію, что сообщеніе Турокъ съ черкесскимъ берегомъ прекратится только въ томъ случаѣ, когда всѣ пункты, которые они привыкли посѣщать, будутъ заняты русскими укрѣпленіями. Эта мысль, казавшаяся весьма основательною и удобоисполнимою на первый взглядъ, встрѣчала въ примѣненіи невыгоды и затрудненія, которыя могли одѣлать вполне только люди, близко знакомые съ кавказскими обстоятельствами. Одно изъ главныхъ затрудненій для учрежденія береговой линіи заключалось тогда въ недостаткѣ точныхъ свѣдѣній о мѣстности, о количествѣ непріятеля и о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своей обороны. Кроме того, было весьма желательно отсграничить неудобства, обнаруженныя прежними десантными экспедиціями, ставившими сухопутныя войска въ совершенную зависимость отъ моря. Но для того чтобы рѣшить, дозволяютъ ли мѣстность и обстоятельства дѣйствовать предпочтительно сухимъ путемъ, слѣдовало опять-таки точнѣе изучить страну, въ которой мы предполагали утвердиться прочнымъ образомъ. Все это побудило Вельяминова противиться ускоренному занятію морскаго берега рядомъ укрѣпленій, не связанныхъ между собою и съ линіей хорошими и безопасными дорогами. По его мнѣнію, для основательнаго усмиренія горцевъ слѣдовало остерегаться болѣе всего опрометчивости, подвигаться въ горахъ шагъ за шагомъ, не оставляя за собою непокореннаго пространства и, заботиться о достиженіи положительныхъ результатовъ на будущее время, а не мгновенныхъ блестящихъ успѣховъ, которые уже не разъ влекли за собою цѣлый рядъ неожиданныхъ неудачъ.

Но въ 1834 году послѣдовало приказаніе немедленно положить первое начало устройству береговой линіи, открывъ военныя дѣйствія противъ Черкесовъ съ Кубани, и съ южной стороны горъ, изъ Абхазіи; а для пополненія свѣдѣній о берегахъ между Гаграми и Гелленджикомъ предписано было произвести усиленныя десантныя рекогносцировки.

Покоряясь вышей волѣ, Вельяминовъ двинулся весною тридцать четвертаго года за Кубань изъ Ольгинскаго редута съ цѣлію открыть сообщеніе съ Суджукскою бухтою. Постройка Абиньскаго укрѣпленія заняла все лѣто. Въ Абхазію былъ посланъ въ томъ же году подъ командою генералъ-майора Н. отрядъ состоявшій изъ нѣсколькихъ батальоновъ, для разработки дорогъ и для постройки укрѣпленій необходимыхъ для защиты сообщенія. Въ теченіи лѣта Н. успѣлъ разработать дорогу не далѣе Драндскаго древняго монастыря, который онъ обратилъ въ укрѣпленіе, и построить небольшой редутъ въ Илори. Жители не обнаруживали никакого сопротивленія; за то нашъ отрядъ нашелъ столько препятствій собственно въ абхазской природѣ, что Н. не надѣялся проложить дороги отъ Драндъ до Бзыба прежде осени другаго года, считая притомъ совершенно невозможнымъ продолжать сухимъ путемъ движеніе за Гагры, по причинѣ скалъ, преграждавшихъ береговую дорогу около этого мѣста. Означенное препятствіе существовало во всей силѣ только для нашихъ войскъ, обязанныхъ возить за собою обозъ и артиллерію. Горцамъ оно не мѣшало проходить въ Абхазію разными другими горными путями, или проѣзжать въ хорошую погоду около скалъ, чему совершенно препятствовалъ прибой во время вѣтра со стороны моря. Это обстоятельство еще болѣе затрудняло вопросъ о пути, который слѣдовало избрать для устройства береговой линіи, и побудило военное министерство повторить требованіе относительно усиленныхъ рекогносцировокъ, произвести которыя давно уже было предписано.

Но какъ баронъ Розенъ, такъ и Вельяминовъ, въ одинакой мѣрѣ желали избѣгнуть необходимости употребить въ дѣло этотъ способъ, который, по мнѣнію ихъ, не могъ принести ожидаемой отъ него пользы. Для производства десантныхъ рекогносцировокъ въ разныхъ пунктахъ, на протяженіи сорока географическихъ миль, совершенно намъ незнакомаго, гористаго берега, покрытаго сплошнымъ лѣсомъ, представлявшимъ для непріятеля отличную оборону, требовалось употребить нѣсколько тысячъ человѣкъ и около двадцати военныхъ и транспортныхъ судовъ. Жертвы людьми и деньгами, которыя правительство должно было понести въ этомъ случаѣ, далеко превышали выгоды, какія могли принести рекогносцировки. Мѣста пришлось

бы занимать наудачу, платя жизнью десятковъ солдатъ за каждый клочокъ земли, не превышающій пространства находящагося подъ огнемъ нашей артиллеріи. Самыя важныя свѣдѣнія о дорогахъ внутри горъ, о количествѣ народонаселенія, о его средствахъ къ жизни и къ войнѣ, оставались совершенно недоступными для войскъ. Всѣ потери и издержки, понесенныя во время рекогносцировокъ, должны были сверхъ того повториться еще разъ при окончательномъ занятіи пунктовъ, избранныхъ для постройки укрѣпленій. Кромѣ того, рекогносцировки, безъ сомнѣнія, привлекли бы вниманіе горцевъ на осматриваемыя мѣста, и побудили бы усилить ихъ оборону искусственными средствами, сверхъ природныхъ препятствій, которыми такъ щедро надѣленъ черкесскій берегъ.

Оставалось одно средство замѣнить полезнымъ образомъ малообщавшія рекогносцировки: поручить достаточно свѣдущему офицеру осмотрѣть тайнымъ образомъ морской берегъ. Благодаря расположенію, памятнаго всѣмъ старымъ Кавказцамъ, генерала Вольховскаго, выборъ палъ на меня. На Кавказѣ я находился съ начала тридцать втораго года, участвовалъ прежде того въ задунайской кампаніи противъ Турокъ, и въ польской войнѣ. Получивъ довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиціи тридцать втораго года, я былъ долго боленъ и черезъ годъ еще принужденъ былъ провести лѣто на кавказскихъ минеральныхъ водахъ для укрѣпленія моихъ силъ. Когда я вернулся въ Тифлисъ, Вольховскій встрѣтилъ меня съ предложеніемъ отказаться на долгое время отъ общества и отъ всѣхъ его удовольствій, преобразоваться съ виду въ Черкеса, поселиться въ горахъ и посвятить себя на сообщеніе свѣдѣній, добытыя которыя предполагалось было такою дорогою цѣной: онъ не скрывалъ отъ меня опасностей, съ которыми я долженъ былъ бороться; да и я самъ понималъ ихъ очень хорошо. Такъ какъ возлагаемое на меня дѣло выходило изъ круга обыкновенныхъ порученій, то нельзя было требовать отъ меня его исполненія служебнымъ порядкомъ, безъ моего добровольнаго согласія. Поэтому главнокомандующій поручилъ генералу Вольховскому убѣдить меня ѣхать въ горы, предоставивъ мнѣ самому назначить условія, на которыхъ я считалъ для себя выгоднымъ оказать требуемую отъ меня услугу. Готовый жерт-

новать собою безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободой, я отвергнулъ условія, которыя могли касаться до моихъ личныхъ выгодъ, и настоялъ только на доставленіи мнѣ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, отъ которыхъ зависѣла, по моему убѣжденію, удача предпріятія. Баронъ Розенъ согласился предоставить мнѣ право: располагать свободно собою и своимъ временемъ, вступать въ сношенія съ покорными и непокорными горцами, не стѣсняясь существующими правилами и, въ указанныхъ мнѣ границахъ, обшачать имъ награды, или прощенье за различныя преступленія, если кто изъ нихъ станетъ мнѣ помогать въ моихъ дѣлахъ. Обезпеченный такимъ образомъ противъ посторонняго вмѣшательства мѣстныхъ кавказскихъ властей, я принялся съ охотою и съ увѣренностью въ успѣхѣ за мое порученіе и въ тридцать пятомъ году сдѣлалъ два удачныя путешествія изъ Абхазіи на линію и обратно.

Не я первый изъ Русскихъ отправлялся въ горы. Въ 1830 году шапсугскій старшина Абатъ Беслиней провелъ съ опасностью жизни переодѣтаго артиллерійскаго капитана Новичкаго, по дорогѣ, которую Вельяминовъ разрабатывалъ послѣ того въ тридцать пятомъ году. Путешествіе ихъ длилось трое сутокъ, въ которые они проѣхали около семидесяти верстъ, пользуясь ночнымъ временемъ. Въ 1834 году, генеральнаго штаба капитанъ князь Шаховской перешелъ черезъ снѣговой хребетъ изъ Сванетіи въ Большую Кабарду. Путешествіе его было весьма любопытно, сопряжено съ большими трудностями среди дикой природы, но не представляло прямой опасности для жизни. Вновь покорившійся владѣтель Сванетіи къ которому онъ былъ отправленъ съ подарками, принявъ его у себя открыто, переправилъ его съ своими людьми черезъ горы, и сдалъ князьямъ покорной намъ Кабарды проводившими его далѣе на линію.

Путешествіе, которое мнѣ предстояло исполнить вдоль черкесскаго берега, предпринималось при совершенно иныхъ условіяхъ. Первое затрудненіе состояло въ отысканіи надежныхъ проводниковъ, способныхъ, по смѣлости и по своему положенію въ горахъ, взяться за подобное дѣло. Далѣе, я долженъ былъ проникнуть въ средину самаго густаго черкесскаго населенія встревоженнаго и раздраженнаго опасностью, угрожавшею ему съ двухъ сторонъ, вслѣд-

ствіе появленія нашихъ войскъ въ Абхазіи и за Кубанью. Мнѣ предстояло осмотрѣть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство въ горахъ, жить и путешествовать долгое время между непріателемъ, котораго смѣтливая недовѣрчивость равнялась враждѣ къ намъ, и не измѣнить себѣ ни однимъ словомъ или движеніемъ, несвойственными горцу. Я не зналъ черкесскаго языка и умѣлъ только сказать нѣсколько словъ по-татарски. Последний недостатокъ не долженъ былъ, впрочемъ, служить для меня столь непреодолимымъ препятствіемъ, какъ могутъ подумывать не знающіе Кавказа. Между горами существуетъ такое множество различныхъ нарѣчій, что мнѣ всегда было возможно выдавать себя за человека принадлежащаго къ племени, котораго языка не понимали жители того мѣста, гдѣ я находился.

По этимъ причинамъ многіе на Кавказѣ, долѣе меня имѣвшіе случай ознакомиться съ горами и вообще съ мѣстными обстоятельствами считали подобнаго рода путешествіе дѣломъ совершенно несбыточнымъ. Но чѣмъ болѣе представлялось препятствій и затрудненій, тѣмъ сильнѣе укоренялось во мнѣ желаніе исполнить путешествіе вопреки всѣмъ предсказаніямъ; я, впрочемъ, нисколько не скрывалъ отъ себя, что въ случаѣ неудачи мое положеніе въ горахъ дѣлалось дѣйствительно безвыходнымъ.

Для того чтобы скрыть настоящую цѣль моего отъѣзда въ Абхазію, откуда найдено было удобнымъ начать мои путешествія, я получилъ гласное назначеніе состоять при войскахъ абхазскаго дѣйствующаго отряда. Не теряя времени, я выѣхалъ изъ Тифлиса въ декабрѣ тридцать четвертаго года, хотя ненастное зимнее время обѣщало мнѣ самую трудную и непріятную дорогу.

II.

Не стану описывать подробно моего путешествія отъ Тифлиса до границъ Абхазіи; оно было весьма незанимательно. Зимнее время скрывало отъ меня живописную сторону богатой имсретинской и мингрельской природы. Плохія дороги, дурные ночлеги, холодъ, грязь и снѣгъ попеременно преслѣдовали меня отъ начала до конца путешествія. До Сура-

ма я ѣхалъ на русскихъ почтовыхъ телѣгахъ; всѣмъ извѣстно какъ онѣ покойны. Черезъ Сурамскія горы и далѣ приходилось ѣхать верхомъ, на казачьихъ перемѣнныхъ лошадяхъ. Въ Кутаисѣ я остановился на нѣсколько дней, чтобы явиться къ управлявшему Имеретіей, начальнику абхазскаго дѣйствующаго отряда, знавшему только о моемъ гласномъ назначеніи находится при войскахъ въ Абхазіи, такъ какъ въ Тифлисѣ признано было необходимымъ никому не повѣрять тайны моего настоящаго порученія, для того чтобы предохранить меня отъ послѣдствій всякой даже неумышленной нескромности. Оттуда я продолжалъ свой путь безъ отдыха. Теперь, говорятъ, устроена отъ Тифлиса до Поти дорога, весьма удобная для проѣзда въ самомъ тяжеломъ экипажѣ; тогда было совсѣмъ не то; въ 1834 году и еще долго послѣ того и верхомъ было не легко проѣхать по этимъ мѣстамъ во всякое время года. Особенно послѣднія три почты, не доѣзжая Редуть-Кале, были невыносимы. Дорога, проходившая надъ болотомъ, была устлана полубревнами, плававшими въ тинистой грязи. При каждомъ шагѣ, который дѣлала лошадь, ступая на нихъ, онѣ погружались въ грязь. Не попавъ на бревно, лошадь проваливалась въ болото выше колѣна, падала и перѣдко сбрасывала съ себя сѣдока. Тогда всѣ останавливались, поднимали упавшаго освобождали лошадь изъ западни, въ которую она попала, хорошо еще, если не съ переломленными ногами. Не проходило часа безъ подобнаго происшествія съ кѣмъ-нибудь изъ нашего поѣзда, состоявшаго, кромѣ меня, изъ моего слуги, вьюки и обычной команды донскихъ постовыхъ казаковъ, безъ которыхъ, не ѣздили въ то время даже по Мингреліи. Подобнаго рода похождениями и чувствомъ постоянного голода, такъ какъ на казачьихъ постахъ имѣлись только хлѣбъ да кислое вино, ограничивались мои путевыя впечатлѣнія. Отъ самаго Кутаиса я не пользовался другимъ помѣщеніемъ, кромѣ постовыхъ плетневыхъ хижинъ, ночуя въ нихъ, по кавказскому обыкновению, на землѣ, окутанный въ бурку вмѣсто постели и одеяла; поэтому я не мало обрадовался, услышавъ шумъ моря, означавшій близость Редуть-Кале, въ которомъ я ожидалъ найти нѣкоторое вознагражденіе за испытанныя мною лишенія. Когда мы подъѣхали къ Редуту совершенно смеркло, и только эта темнота помѣшала моему преждевременному разочарованію. Редуть-Кале—

земляное укрѣпленіе, построенное на берегу моря, около устья рѣки Хопи, посреди непроходимыхъ болотъ, былъ въ то время забытый уголокъ, въ которомъ прозябали, изнуренные лихорадками, нѣсколько солдатъ, офицеровъ и карабинныхъ и таможенныхъ чиновниковъ. Внутри укрѣпленія, уставленнаго небольшимъ числомъ деревянныхъ строений, на всемъ лежала печать скуки, тоски, ветхости и бѣдности. Отъ дождя, лившаго весь день, я измокъ до костей и былъ покрытъ грязью, падавъ съ лошадыю нѣсколько разъ. Съ нетерпѣніемъ желалъ я обогрѣться и отдохнуть отъ дороги. По приказанію коменданта мнѣ указали лучшую изъ комнатъ, опредѣленныхъ для приѣма путешественныхъ по дѣламъ службы. Кромѣ стола, двухъ стульевъ и деревянной кровати, безъ тюфяка, въ ней не существовало никакой мебели; за то множество досокъ, разставленныхъ по комнатѣ въ видѣ колоннъ, подпирали потолокъ, угрожавшій, безъ помощи ихъ, накрыть своею тяжестью дерзкаго жильца. Къ моему счастью, въ комнатѣ былъ огромной величины каминъ, въ которомъ развели огонь, позволившій мнѣ обсушиться, сварить чаю и изжарить тощую курицу, проданную мнѣ сторожемъ дома за дорогія деньги. На другой день, собираясь въ дорогу, я замѣтилъ, что домъ, въ которомъ я провелъ ночь, былъ и снаружи подпертъ съ боковъ бревенчатыми контръ-форсами, безъ которыхъ онъ могъ легко развалиться во все стороны. Надѣюсь, что рѣшились разобрать его на дрова прежде, чѣмъ какой-нибудь несчастный путешественникъ найдетъ подъ его развалинами преждевременную кончину.

Старая нетерпѣніемъ скорѣе пріѣхать въ Бамборы, гдѣ я долженъ былъ найти генерала Пацовскаго, командовавшего, за отсутствіемъ Н., всѣми войсками въ Абхазіи, я не продвинулся ни на одинъ часъ своего отдыха въ Редуть-Кале и съ разсвѣтомъ другаго дня отправился въ дорогу. Я спѣшилъ увидать Пацовскаго, потому что въ Абхазіи онъ былъ единственный человѣкъ, имѣвшій возможность помочь мнѣ въ моемъ предпріятіи дѣломъ и совѣтомъ, зная край и пользуясь хорошимъ вліяніемъ на Абхазцевъ.

Отъ Редуть-Кале до Сухума вели двѣ дороги. Первая изъ нихъ, служившая для Абхазцевъ обыкновеннымъ сообщеніемъ псковъ вѣковъ, проходила надъ самымъ моремъ по береговому песку и мелкимъ камнямъ. Весьма неудобная

для движенія артиллеріи и обозовъ, она, кромѣ того, заливалась водою въ вѣтрѣную погоду. Другая была проложена нашими войсками въ прошедшемъ году, для избѣжанія этого неудобства, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Небо было покрыто тучами, необыкновенно сильный вѣтеръ дулъ съ моря, гряды темныхъ волнъ, окаймленныхъ бѣлою пѣной, мѣрно разбивались объ обрывистый берегъ, возвышавшійся справа надъ дорогою; и заливали ее, на протяженіи, какое могъ видѣть глазъ. Берегомъ ѣхать было невозможно. Казаки просили меня лучше переждать погоду чѣмъ сдѣлать новую дорогую, по которой, какъ они говорили, лошади не дойдутъ до перваго поста, находившагося въ двадцати верстахъ отъ Редута. Время было для меня дорого, и я, не слушая ихъ совѣта, отправился по верхней дорогѣ, разработанной генераломъ N., полагая найти ее все-таки въ лучшемъ видѣ, чѣмъ какъ говорили постовые казаки. Но скоро я убѣдился въ справедливости ихъ словъ. Проходя на большомъ протяженіи черезъ вѣковой лѣсъ, безъ выбора мѣстности, вдоль глубокихъ лощинъ и по тонкимъ мѣстамъ, она извивалась lento густой черной грязи, въ которой лошади утопали выше колѣна, спотыкаясь на каждомъ шагу о пни и корни срубленныхъ деревьевъ. Въ Абхазіи снѣгъ начиналъ таять, и это обстоятельство не служило къ улучшенію обыкновенныхъ качествъ дороги. Не находя никакого способа подвигаться по ней впередъ, мы были принуждены объѣзжать ее по лѣсу, медленно пробираясь между деревьями, хлеставшими насъ вѣтвями въ лицо, и частымъ колючимъ кустарникомъ, цѣпавшимся за лошадей и рвавшимъ на насъ платье.

Много времени отнимали у насъ также переправы черезъ безчисленное множество рѣчекъ, выступившихъ изъ своихъ береговъ, по причинѣ ростопели и морскаго прибоя, останавливавшаго ихъ теченіе. Въ Анакліи, мингрельскомъ пограничномъ мѣстечкѣ, съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ Турокъ, Мингрельцевъ, Абхазцевъ и Армянъ, мы переправились черезъ широкій Ингуръ. Это была единственная переправа по всей дорогѣ отъ Редутъ-Кале до Бамборъ, на которой я нашелъ паромъ, хотя и плохой, но на которомъ все-таки можно было перевести въ одинъ разъ небольшое число лошадей и повозокъ, и при немъ нѣсколько человѣкъ перевозчиковъ. На всѣхъ другихъ рѣчкахъ мы встрѣчали только два выдолбленные изъ дерева, и сплоченные между собою каюка,

на которыхъ едва становилась одна лошадь, и виноградную лозу, перекинутую вмѣсто каната съ одного берега на другой, за которую держались руками во время переправы. Случалось и такъ, что одинъ маленькій каюкъ, вытасенный на берегъ, обозначалъ мѣсто, гдѣ слѣдовало переправиться. О перевозчикахъ не было и помину. Жители, на которыхъ лежала обязанность оберегать переправы и содержать на нихъ перевозчиковъ, исполняли кое-какъ свою обязанность, пока войска находились вблизи. Вслѣдъ за удаленіемъ ихъ, они сами разбѣгались и уносили, сверхъ того, канаты, доски и все желѣзо, находившееся на паромахъ. Строить на каждой переправѣ посты и занимать ихъ командами, было бы затруднительно и дробило бы войска, а оставлять по нѣскольку человѣкъ, для присмотра за туземными перевозчиками, было опасно.

Мои конвойные казаки, хорошо знакомые съ существующимъ порядкомъ, завидѣвъ издали рѣчку, тотчасъ бросались отыскивать паромъ или каюкъ въ кустахъ и въ затопленномъ водою камышѣ, снимали выюки, разсѣдывали лошадей, и переправа начиналась. Лошадей пускали обыкновенно влავъ, для чего одинъ казакъ садился, раздѣвшись, на лучшую лошадь и плывъ впереди, зная, что другія лошади отъ нея не отстанутъ. Людей, поклажу и сѣдла перевозили въ каюкѣ, на днѣ котораго помѣщались съ трудомъ два или три человѣка, занятые одною мыслию и однимъ дѣломъ—удержать въ равновѣсіи каюкъ, который подпрыгивалъ и крутился какъ щенка подъ напоромъ быстрой рѣчки, стремившейся въ море, и прибоя, отбрасывавшаго назадъ ея теченіе. Донскіе казаки, содержавшіе въ Абхазіи конную почту, были вообще хорошіе пловцы, какъ всѣ Русскіе, живущіе на берегу большихъ рѣкъ; поэтому я не боялся потонуть, хотя самъ не умѣлъ плавать.

Въ первый день моего отъѣзда изъ Редутъ-Кале я добрался съ большимъ трудомъ, поздно ночью, до перваго поста, сдѣлавъ не болѣе двадцати верстъ. Обѣзды, которые мы принуждены были отыскивать безпрестанно въ дѣсу, для того, чтобъ избѣгнуть мученія ѣхать по разработанной дорогѣ, и частыя переправы насъ совершенно измучили. Люди и лошади едва дотащились до ночлега. На другой день, испытавъ тѣ же самыя напасти, я переехалъ въ Илори, на границу Абхазіи, гдѣ въ прошедшемъ году наши войска построи-

ли укрѣпленіе на берегу Гализги. Настоящая граница Абхазіи начиналась на правомъ берегу Ингура. Гализга служила прежде только для раздѣленія двухъ абхазскихъ округовъ—Самурзаканскаго и Абжельскаго. По причинамъ, которыхъ я не могъ никогда понять яснымъ образомъ, Самурзаканскій округъ былъ причисленъ нами къ владѣніямъ князя мингрельскаго, и абхазская граница отодвинута съ Ингура къ Гализгѣ. Послѣдствіемъ этого отчисленія было то, по крайней мѣрѣ въ мое время, что Самурзаканды, избавленные отъ послушанія своему природному князю, отказывались также повиноваться и новому владѣтелю; а независимое направленіе своего образа мыслей принялись обнаруживать воровствомъ и разбоями.

Илорскій редутъ, если только можно назвать этимъ именемъ неправильныя кучи грязи, означавшія мѣста, на которыхъ слѣдовало находиться брустверу, вмѣщалъ въ своей окружной чертѣ роту грузинскаго гренадерскаго полка. Солдаты, жившіе въ балаганахъ, построенныхъ изъ жердей и изъ камыша, буквально утопали въ грязи. Ротный цейхгаусъ, провіантскій магазинъ, конюшни и кухни не имѣли мѣста въ укрѣпленіи. Желая осмотрѣть его внутренность, я оставилъ въ грязи солдатскіе сапоги, надѣтые мною вмѣсто каалошъ, сверхъ тонкой черкесской обуви, и былъ очень доволенъ, когда самъ изъ нея освободился съ помощію взявшихъ меня подъ руки солдатъ. Трудно было понять, для какой надобности редутъ былъ построенъ въ Илори, гдѣ онъ ничего не защищалъ кромѣ оборонявшихъ его солдатъ; а зачѣмъ они здѣсь находились, и притомъ въ числѣ одной только роты, еще менѣе того можно было объяснить. Самый редутъ исполнялъ очень дурно свое офиціальное назначеніе, потерявъ подъ потокомъ абхазскихъ осеннихъ дождей всю оборонительную силу своего профиля. Смотря на него, невольно рождалась мысль, почему не строили тогда въ Абхазіи, чрезвычайно богатой строевымъ лѣсомъ всѣхъ родовъ, деревянныхъ оборонительныхъ казармъ, укрѣпленій изъ палисада, хотя бы даже изъ плетня, увѣнчаннаго колючимъ кустарникомъ, а усиливались вскидывать насыпи изъ жирнаго иловатаго грунта, совершенно неудобнаго для земляныхъ построекъ. Человѣкъ полтораста солдатъ, помѣщенныхъ въ редутѣ, ни въ какомъ случаѣ не были въ силахъ ни предупредить, ни остановить безпорядковъ, еслибъ они возникли между

жителями. Для надзора за переправою черезъ Гализгу и для перемѣны лошадей, достаточно было бы имѣть здѣсь казачій постъ, усиленный десятками двумя пѣхотныхъ солдатъ. Къ нашему несчастію, въ то время на Кавказѣ дѣлалось множество подобныхъ ошибокъ. Безпрестанно занимали мѣста безъ всякой надобности, строили укрѣпленія, неприспособленныя ни къ мѣстности, ни къ роду войны, помѣщали въ нихъ гарнизоны слишкомъ слабые для того, чтобы держать въ страхѣ жителей, раздробляли такимъ образомъ свои силы, войска подвергали безъ всякой пользы болѣзнямъ и всевозможнымъ лишеніямъ, а горцамъ доставляли этими фальшивыми мѣрами только случай обкрадывать и убивать русскихъ солдатъ. Причина этому заключалась: въ невозможности главнымъ начальникамъ все видѣть своими глазами и обсудить собственнымъ умомъ, и въ неспособности и неопытности частныхъ командировъ, особенно такихъ, которые прибывъ изъ Россіи, получали, по своему чину или по какому-нибудь другому поводу, отдѣльныя начальства, и не слушая старыхъ кавказскихъ служивыхъ, принимались распорядиться въ горахъ или посреди абхазскихъ и мингрельскихъ болотъ, по правиламъ воинскаго устава и школьной фортификаціи того времени. Не забуду, какъ одинъ изъ инженеровъ, укрѣплявшихъ береговую линію, спросилъ съ удивленіемъ: изъ какой фортификаціи взято это правило? когда ему совѣтовали вмѣсто палисада, располагаемаго на кронѣ бруствера, усадить его колючимъ кустарникомъ, что было бы не только дешевле, но и дѣйствительнѣе. Надо прибавить, что колючій кустарникъ употреблялся съ большою пользою еще во времена Ермолова, при которомъ всѣ укрѣпленія на Кабардинской плоскости были усилены этимъ оборонительнымъ средствомъ, и благодаря ему, всегда избавлялись отъ несчастія видѣть въ своихъ стѣнахъ непріятеля, что случалось съ нѣкоторыми укрѣпленіями черноморской береговой линіи, строители которыхъ были весьма ученые теоретики.

Отъ Илори до Драндъ считали сорокъ верстъ, которыя я проѣхалъ въ одинъ день, потому что на этомъ пространствѣ встрѣчалось меньше лѣса, слѣдовательно и дорога была лучше. Черезъ три рукава Кодора, на которыхъ не было возможности устроить поромовъ, по причинѣ необыкновенно

быстрога теченія, мы переправились въ бродъ, имѣя воды выше сѣдла, такъ что мѣстами лошади должны были плыть.

Драндская древняя церковь, построенная, какъ должно полагать, въ серединѣ шестаго вѣка, въ одно время съ Тедундскимъ монастыремъ, лежитъ въ пяти верстахъ отъ морскаго берега, на возвышеніи, образующемъ открытую площадь, окруженную лѣсомъ со всѣхъ сторонъ. Какъ памятникъ византійской архитектуры, она представляла не мало замѣчательнаго; но я не имѣлъ тогда времени заглянуть въ ея разсмотрѣніемъ и ограничился первымъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на меня своею простою, величественною массою, уединенно господствовавшею надъ пустынною окрестностью. Кто пожелаетъ ближе познакомиться съ характеромъ ея постройки, равно какъ и съ другими памятниками древности на Кавказѣ, найдетъ ихъ подробное описаніе въ путешествіи археолога Дюбуа. Направо отъ Дранды видѣлись постепенно подымавшіеся лѣсистые контръ-форсы главнаго хребта, подпиравшіе рядъ снѣговыхъ вершинъ, вѣзавшихся въ горизонтъ зубчатою блестящею стѣной. Налѣво шумѣло море, скрытое отъ глазъ темными лѣсами. За исключеніемъ этого шума повсюду царствовала пустынная тишина.

Выборъ этого мѣста подъ укрѣпленіе былъ весьма удаченъ, жаль только, что при этомъ коснулись церкви, занявъ ея офицерскими квартирами и складомъ провіанта. Въ полухристіанской, полумагометанской Абхазіи слѣдовало беречь подобнаго рода памятники христіанской старины, къ которымъ сами Абхазцы-мусульмане питали неизъяснимое чувство благоговѣнія, основанное на темныхъ преданіяхъ о святыхъ, осѣнявшихъ вѣру ихъ праотцевъ. Въ военномъ отношеніи этотъ пунктъ представлялъ весьма ощутительныя выгоды: давалъ твердый базисъ для дѣйствій противъ Цебельды, занимавшей неприступныя ущелья по верховьямъ Кодора, и представлялъ, по причинѣ здороваго климата и хорошей воды, всѣ условія, необходимыя для сбереженія войскъ. Пріятно было видѣть свѣжія и веселыя лица солдатъ, ясно свидѣтельствовавшія въ пользу драндской стоянки. Число больныхъ въ батальонѣ Грузинскаго гренадерскаго полка, зимовавшаго въ Драндахъ, не превышало обыкновенно двѣнадцати человекъ изъ семисотъ. Это былъ замѣчательный фактъ между кавказскими войсками, которыя обыкновенно страдали и гибли несравненно болѣе отъ болѣзней чѣмъ отъ непріятельскаго оружія.

Въ Драндахъ я воспользовался съ удовольствіемъ дружельбынымъ гостепріимствомъ батальоннаго командира для того чтобъ отдохнуть одинъ день и вознаградить себя, въ первый разъ послѣ Кутаиса, за усиленную воздержность, на которую я былъ осужденъ во время всего пути.

Отъ Драндъ дорога спускалась къ берегу черезъ густой лѣсъ, и поворотивъ направо, вела потомъ до Сухума, надъ самымъ моремъ, по глубокому береговому песку. Съ одной стороны море, а съ другой непроходимый лѣсъ, отнимали у нея просторъ до того, что мѣстами она была не шире четырехъ или пяти сажень. Здѣсь Абхазцы перегородили въ двадцать четвертомъ году дорогу высокимъ заваломъ и встрѣтили изъ-за него и изъ лѣсу самымъ убійственнымъ огнемъ русскій отрядъ, шедшій, подъ начальствомъ управлявшаго Имеретіей князя Горчакова, выручать капитана Марачевского, оборонявшаго, около Бамборъ, съ двумя ротами абхазскаго владѣтеля Михаила отъ его возставшихъ подданныхъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля и на невыгоды положенія, подвергавшаго ихъ мѣткимъ выстрѣламъ въ упоръ, отъ невидимыхъ противниковъ, наши войска мгновенно овладѣли заваломъ и открыли себѣ дорогу въ Сухумъ. Абхазцы, видя, что Русскихъ нельзя остановить страхомъ смерти и перегородить имъ дорогу открытою силой, рассыпались послѣ того въ опушкѣ лѣса, прекратили огонь по солдатамъ и стали стрѣлять исключительно по артиллерійскимъ и по выючнымъ лошадямъ. Перебивъ большую часть изъ нихъ, они принудили отрядъ остановиться въ Сухумѣ и выждать пока собралось достаточное число судовъ для перевозки его моремъ въ Бамборы, потому что сухимъ путемъ не на чемъ было вести провіантъ и снаряды. Отъ этого Марачевскій едва не погибъ. Болѣе шести сотъ убитыхъ лошадей лежали на морскомъ берегу и заражали воздухъ по дорогѣ, что принудило нарядить на другой годъ два военныхъ транспорта для отвоза ихъ остатковъ въ открытое море.

Не доѣзжая пяти верстъ до крѣпости лежало на пути абхазское селеніе Келассури, въ которомъ жилъ Гассанъ-Бей, дядя владѣтеля. Его рубленый деревянный домъ, имѣвшій видъ широкой четвероугольной башни, стоялъ на высокихъ каменныхъ столбахъ. Крытая галлерей, обхватывавшая весь домъ, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лѣстница, облегчала его оборону. Дворъ былъ окруженъ высокимъ

палисадомъ съ бойницами, въ которомъ открывалась тѣсная калитка, способная только пропустить одного человѣка или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавшій его палисадъ, на эту маленькую, плотно застроенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояніе опасенія, въ которомъ Гассанъ-бей проводилъ свою жизнь. Тревожное положеніе Абхазіи вообще, личная вражда, какую онъ успѣлъ возбудить во многихъ, и нѣсколько покушеній на его жизнь, отъ которыхъ онъ спасался почти чудомъ, заставляли Гассанъ-бея не пренебрегать никакими мѣрами осторожности.

Противъ его дома, надъ самымъ моремъ, находился длинный рядъ деревянныхъ лавокъ, принадлежавшихъ Туркамъ, перешедшимъ изъ Сухума въ Келассури, когда крѣпость досталась Русскимъ. На порогѣ лавокъ сидѣли по своему всегдашнему обыкновенію турецкіе купцы и курили изъ длинныхъ чубуковъ, съ видомъ глубочайшаго спокойствія. Казалось ничто, что происходило кругомъ, не занимало ихъ духа парящаго въ невѣдомыхъ предѣлахъ,—такъ безжизненно-равнодушно глядѣли они въ даль. Но равнодушіе ихъ было очень обманчиво. Съ одной стороны они наблюдали за дорогой, пристально разглядывая проезжающихъ, а съ другой не упускали изъ виду нашей военной эскадры, стоявшей на сухумскомъ рейдѣ. Ничто изъ происходившаго на нашихъ судахъ не скрывалось отъ ихъ напряженного вниманія. Изъ всего они выводили свои заключенія, имѣвшія одну постоянную цѣль: обмануть бдительность нашихъ моряковъ, и провезти запрещенный товаръ. Все что клонилось къ нашему вреду и могло мѣшать нашимъ видамъ, радовало ихъ душевно. Турки откровенно насъ ненавидѣли;—это было въ порядкѣ вещей. Прежде они первенствовали въ Абхазіи и пользовались самою прибыльною торговлею съ Черкесами и съ Абхазцами, отъ которой купецъ обогащался въ три или четыре рейса; теперь мы ихъ вытѣснили изъ этого выгоднаго положенія и старались, кромѣ того, совершенно уничтожить ихъ торговлю, захватывая и обращая въ призы суда, нагруженные военными припасами и Черкешенками. Гассанъ-бей, управлявшій Сухумскимъ округомъ на правахъ удѣльнаго князя, считался не безъ причины самымъ закоренѣлымъ покровителемъ Турокъ, проживавшихъ въ Абхазіи, и этого нельзя было ставить ему въ вину. Религія, привычки молодости склоняли его на сторону Турокъ, и кромѣ того, онъ нахо-

диль постоянный источникъ доходовъ въ своемъ келассурскомъ базарѣ. Турецкіе купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверхъ того доставляли ему всѣ рѣдкіе товары, которыхъ нельзя было найдти въ цѣлой Абхазіи. Носились темные слухи про ночную торговлю на этомъ базарѣ, несравненно болѣе оживленную чѣмъ какою представлялась его дневная дѣятельность, про лодки видѣнныя въ лѣсу не далеко отъ Келассури, къ которымъ съѣзжались въ ночное время толпами вооруженные люди; но все это были, кажется, одни пустые толки завистниковъ Гассанъ-бея. Наши военные баркасы, проходившіе иногда случайно ночью мимо Келассури, никогда не замѣчали ничего подобного: базаръ они находили всегда въ глубокомъ снѣ, а по всему берегу, на разстояніи десяти верстъ отъ Гассанъ-беева дома, не было уголка, въ которомъ могла скрыться турецкая чсктерма; въ этомъ ручались всѣ наши моряки, осматривавшіе берегъ съ величайшимъ вниманіемъ. Поэтому келассурскіе Турки невозбранно продолжали продавать табакъ, рагадлукумъ и бумажныя матеріи, и слѣдить съ участіемъ и любопытствомъ за нашею эскадрой, разсматривая ее, когда было нужно, въ свои длинныя зрительныя трубы.

Прибывъ съ намѣреніемъ отыскать въ Абхазіи средство проѣхать за Гагры, къ непріязненнымъ Черкесамъ, я не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; я долженъ былъ, дѣлая безпрестанныя поѣздки, знакомиться съ краемъ и съ людьми, отъ которыхъ, по моему расчету, можно было ожидать помощи для моего предпріятія. Прежде всего было необходимо составить себѣ связи и знакомства между Абхазцами, съ которыми обстоятельства заставляли меня имѣть дѣло, и найдти благовидный предлогъ для моихъ будущихъ поѣздокъ, способный отвлечь ихъ недовѣрчивое любопытство отъ моего настоящаго намѣренія. Мнѣ казалось, что лучше всего начать дѣло съ умнаго и хитраго Гассанъ-бея, тайнаго противника Русскихъ, имѣвшаго большой вѣсъ у Абхазцевъ, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей. Я рѣшился не миновать его дома. Для меня было очень важно пріобрѣсти его расположеніе и если можно, выиграть его довѣренность. Не разчитывая даже на его содѣйствіе, все-таки было лучше имѣть его пріателемъ чѣмъ врагомъ; его вражда была бы вдвойнѣ для меня

опасна, по причинѣ связей, которыя онъ имѣлъ въ горахъ. Къ счастью, предлогъ для моихъ будущихъ странствованій по Абхазіи былъ у меня приготовленъ, и не только долженъ былъ успокоить любопытство Гассанъ-бея, но даже заинтересовать его самого, касаясь нѣсколько его личныхъ разчетовъ. Онъ заключался въ цебельдинскомъ дѣлѣ, о которомъ мнѣ было поручено собирать при случаѣ самыя точныя свѣдѣнія. Упоминая объ этомъ дѣлѣ, я считаю необходимымъ объяснить: что такое была въ то время Цебельда и въ чемъ состоялъ, говоря дипломатическимъ языкомъ нашего времени, цебельдинскій вопросъ, очень простой для горцевъ, но чрезвычайно запутанный для насъ.

Абхазія, подчинившаяся Россіи въ лицѣ своего владѣтеля, занимала морской берегъ отъ Ингура до Бзыба и дѣлилась на четыре округа: Самурзаканскій, Абжелъскій, Сухумскій и Бзыбскій. Самурзаканскій округъ, какъ я прежде упомянулъ, былъ нами отчисленъ къ Мингреліи. Кромѣ того, находилось въ горахъ, между источниками Бзыба и Кодора, независимое общество, составленное изъ абхазскихъ выходцевъ, именуемое Цебель и долженствовавшее, по своему географическому положенію между свѣговымъ хребтомъ и абхазскимъ прибрежьемъ, составить пятый округъ Абхазіи, но которое всегда отказывалось повиноваться владѣтелю *, находя въ неприступности занимаемаго имъ мѣстоположенія достаточную защиту отъ его притязаній. Когда русскія войска занялись въ Абхазіи разработкою дорогъ, Цебельдинцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы безпрестанно тревожить насъ, угонять порціонный скотъ, лошадей и убивать одиночныхъ солдатъ, удерживаясь, впрочемъ, отъ нападеній открытою силой. Кромѣ прямого вреда, который они намъ дѣлали, ихъ примѣръ увлекалъ иногда Абхазцевъ и, что было хуже всего, давалъ имъ случай производить кражи и убійства подъ ихъ именемъ.

Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашимъ тогдашнимъ свѣдѣніямъ, не болѣе какъ изъ восьми сотъ или тысячи семействъ, служила непріятною помѣхой для нашихъ дѣлъ въ Абхазіи. Для усмиренія ея силою, надо было пожертво-

* Цебельда не повиновалась владѣтелю, но находилась подъ его вліяніемъ и старалась сколько можно было сохранить его доброе расположеніе.

вать временемъ и частью войскъ, которыя, казалось, полезнѣе было употребить на работы, имѣвшія предметомъ скорѣйшее устройство береговой линіи, обѣщавшей, какъ тогда полагали, отнять у горцевъ всѣ способы сопротивленія. Въ то время мингрельскій владѣтель, Дадіанъ, предлагалъ свои услуги, обѣщая мирнымъ путемъ склонить Цебельдинцевъ жить покойно и даже подчинить себя русской власти, если ихъ навсегда избавятъ отъ покушеній абхазскаго владѣтеля на ихъ независимость. Предложеніе его было принято съ большимъ удовольствіемъ. Дадіанъ не имѣлъ никакого значенія у Цебельдинцевъ, и могъ на нихъ дѣйствовать только черезъ Гассанъ-бея, котораго сестра была замужемъ за Хенкурусомъ Маршаніемъ, однимъ изъ цебельдинскихъ князей. Оба они сошлись въ этомъ дѣлѣ, ненавидя въ равной степени Михаила, владѣтеля Абхазіи, и имѣя въ виду выслужиться на его счетъ передъ русскимъ правительствомъ и сдѣлать ему чувствительную непріятность, уничтоживъ окончательно его вліяніе на Цебельдинцевъ. Но связь Гассанъ-бея съ Дадіаномъ не могла быть откровенна; дѣйствуя съ одной стороны противъ выгодъ Михаила, онъ съ другой мѣшалъ подъ рукою переговорамъ Дадіана съ Цебельдинцами, не видя особыхъ выгодъ для себя въ положительномъ успокоеніи Абхазіи и въ примиреніи ея горныхъ сосѣдей. Между тѣмъ и Михаилъ принималъ косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ, противясь, сколько было возможно, проискамъ Дадіана и Гассанъ-бея совершенно отвлечь отъ него Цебельду. Какъ владѣтель, онъ былъ правъ, дѣйствуя въ пользу своей власти, которая одна могла послужить къ сохраненію въ Абхазіи чего-то похожаго на гражданскій порядокъ. Мы, Русскіе, не имѣли въ ней тогда никакого нравственнаго значенія, и могли опираться на одну только силу. Да и въ цебельдинскомъ дѣлѣ онъ имѣлъ возможность болѣе способствовать нашимъ выгодамъ чѣмъ его два соперника. Особое расположеніе къ Дадіану мингрельскому и какое-то безсознательное предубѣжденіе противъ Михаила не позволяли намъ ясно видѣть истинное положеніе дѣлъ. Изъ всѣхъ этихъ противоположныхъ интересовъ сплелась, какъ водится у горцевъ, непроницаемая сѣть самыхъ хитрыхъ интригъ, въ которой русскія власти запутались наконецъ, ничего не понимая. Я не имѣлъ самонадѣянной мысли распутать эту сложную, хитросвязанную интригу; но находилъ весьма удобнымъ воспользоваться

ею для моей собственной цѣли. Она мнѣ давала случай сблизиться съ Гассанъ-беемъ, не жаловавшимъ насъ вообще, а черезъ него и съ другими туземцами, врагами русскаго порядка, между которыми я скорѣе всего могъ отыскать помощниковъ для моего предпріятія, и узнать ихъ мысли, насколько не обнаруживая сокровенныхъ желаній.

Подѣхавъ къ дому, я остановился и, не называя себя, послалъ узнать, желаетъ ли Гассанъ-бей видѣть у себя проезжаго. Это одна изъ выгодныхъ сторонъ кавказскаго гостепріимства. Чужаго человека принимаютъ не спрашивая кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, пока онъ самъ не сочтетъ необходимымъ объявить объ этомъ, иногда только за тайну, одному хозяину, имѣя причины скрыть свое имя и свои дѣла отъ постороннихъ людей. Пока обо мнѣ докладывали, прошло хорошихъ полчаса. Въ это время разсматривали изъ дому меня и моихъ конвойныхъ съ большимъ вниманіемъ. Безпрестанно показывались у бойницъ разныя лица, вглядывались въ меня очень пристально и потомъ исчезали. Наконецъ калитка отворилась и Гассанъ-бей вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, имѣя за собой нѣсколько Абхазцевъ съ ружьями въ рукахъ. Я увидалъ въ немъ плотнаго человѣка, небольшого роста, одѣтаго въ богатую черкеску, съ высокою турецкою чалмой на головѣ, вооруженнаго двумя длинными пистолетами въ серебряной оправѣ; одинъ изъ нихъ онъ держалъ въ рукѣ готовый для выстрѣла. Кто только знавалъ Гассанъ-бея, не помнитъ его безъ этихъ пистолетовъ, спасавшихъ его раза два отъ смерти, и изъ которыхъ онъ стрѣлялъ почти безъ промаха. Оставивъ лошадь, я подошелъ къ нему съ просьбою дозволить мнѣ назвать себя и объясниться во всемъ, когда мы будемъ наединѣ. Гассанъ-бей молча ввелъ меня въ комнату, усадилъ на низкомъ диванѣ противъ себя, потребовалъ кофею и чубуковъ, какъ слѣдовало по турецкому обыкновенію, и выслалъ прислугу. Я назвалъ себя, сказалъ о моемъ назначеніи состоять при войскахъ и о причинѣ побудившей меня одѣться по-черкесски; имѣя, прибавилъ я, порученіе изучить цебельдинское дѣло, что требовало отъ меня безпрестанныхъ поѣздокъ по Абхазіи, я считъ благоразумнымъ не обращать на себя вниманіе народа. Моя откровенность до того понравилась Гассанъ-бею, что мы черезъ полчаса сдѣлались совершенными друзьями, и повѣряли другъ другу свои самыя сокровенныя мысли,—разумѣется не

теряя должной осторожности. Онъ не только согласился со мною, но крайней мѣрѣ на словахъ, во всемъ, что я говорилъ насчетъ сильно интересовавшихъ его абхазскихъ и чебелъ-динскихъ дѣлъ, и похвалилъ мое намѣреніе, подъ черкескою одеждой, остаться для народа неизвѣстнымъ лицомъ, но снабдилъ меня, сверхъ того, множествомъ весьма основательныхъ совѣтовъ, касавшихся моей личной безопасности. Послѣ многоблюднаго турецкаго обѣда, приправленнаго краснымъ перцемъ до такой степени, что я опалилъ себѣ горло и нѣбо какъ огнемъ, Гассанъ-бей проводилъ меня до Сухума съ довольно пестрою толпой своихъ конныхъ тѣлохранителей. Въ крѣпость онъ не заѣхалъ, имѣя отъ нея непреодолимое отвращеніе съ того времени, когда его схватили въ ней неожиданно передъ отправленіемъ въ Сибирь.

Сухумъ произвелъ на меня самое неблагоприятное впечатлѣніе. Базаръ, находившійся передъ крѣпостью, состоялъ не болѣе какъ изъ двадцати грязныхъ духановъ-кабаковъ, въ которыхъ были выставлены для продажи безъ всякаго разбора: вино, водка, табакъ, сѣдла, оружіе, говядина, соленая рыба, овощи и самыя простыя турецкія матеріи. Хозяева были Греки и Армяне. По единственной тонкой улицѣ этого рынка прохаживались лѣниво нѣсколько Абхазцевъ съ винтовками за спиною, съ башлыками на головѣ, повязанными въ видѣ чалмы, и перебѣгали матросы въ своихъ холщевыхъ брюкахъ и темнозеленыхъ курткахъ, заглядывая въ лавки и торгуясь съ купцами. Только изъ одного духана раздавались веселые голоса; въ его открытомъ окнѣ видѣлись эплеты и фуражки нашихъ морскихъ офицеровъ. Это былъ духанъ Тоганеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное мѣсто отдыха въ Сухумѣ, доставлявшее имъ возможность за стаканомъ портера или марсалы забывать невыразимую тоску, которую онъ наводилъ на каждого. Тоганесова лавка отличалась отъ другихъ духановъ поставленною передъ ея дверьми гипсовою статуей съ транспорта, потерпѣвшаго кораблекрушеніе посреди сухумской бухты.

Крѣпость, построенная изъ дикаго камня въ видѣ четырехъугольника, около ста сажень по фасу, съ башнями по угламъ, имѣла видъ развалины. Внутри ея помѣщались двѣ ветхія, деревянныя казармы, госпиталь, артиллерійскій цейхаузъ, провіантскій магазинъ и домъ коменданта. Су-

хумскій гарнизонъ составляли двѣ пѣхотныя роты и команда крѣпостной артиллеріи. Люди имѣли болѣзненный видъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на вѣчную лихорадку, отъ которой половина ихъ ежегодно умирала. Они знали это и, нельзя сказать съ спокойнымъ духомъ, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу съ покорностью, свойственною русскому солдату. Побѣги случались между ними очень рѣдко. При Туркахъ считали въ Сухумѣ около шести тысячъ жителей; въ тридцать пятьмъ году нельзя было насчитать и сотни, сверхъ гарнизона. Прежде крѣпость была окружена красивыми предмѣстьями, отличавшимися множествомъ тѣнистыхъ садовъ, и пользовалась отличною водою проведенною изъ горъ далѣе мили. Турки называли Сухумъ вторымъ Истамбуломъ. Теперь разстлались около крѣпости болота, заражавшія воздухъ своими гнилыми испареніями; водопроводы были разрушены, солдаты пили вонючую, тинистую воду, и это было главною причиною болѣзней. Насъ нельзя было нисколько винить въ упадкѣ Сухума, онъ былъ неотвратимымъ послѣдствіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ пребываніе нашихъ войскъ въ Абхазіи. Видя, что мы положительно утвердились въ крѣпости, Турки оставили немедленно предмѣстье; Абхазцы не имѣли обыкновенія жить въ городахъ; а русское населеніе не могло существовать въ сосѣдствѣ ихъ, при тревожномъ и неустроенномъ состояніи, въ которомъ находился край. Окрестности Сухума опустѣли, и только въ стѣнахъ крѣпости прозябали около четырехсотъ русскихъ солдатъ, изъ числа которыхъ сто человѣкъ постоянно лежали въ лазаретѣ. Весьма понятно, что эта горсть людей не могла въ одно время исполнять службу, обороняться отъ дразнившего ее непріятеля и производить около крѣпости очистительныя работы лежавшія прежде на всемъ турецкомъ населеніи. Въ такомъ положеніи засталъ я Сухумъ. Впрочемъ, если крѣпость и ея окрестности не имѣли ничего живаго и привлекательнаго, за то рейдъ представлялъ картину самой оживленной дѣятельности. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ турецкихъ чектермъ, качавшихся на водѣ, около десяти русскихъ военныхъ судовъ разной величины, начиная отъ красиваго фрегата до уродливаго толлы, лежали на якорѣ передъ Сухумомъ. Тяжелые баркасы и легкія шлюбки перерѣзывали бухту по всѣмъ направленіямъ, сообщалась съ бере-

гомъ и съ судами, на которыхъ кипѣла работа. Эскадра спѣшила исправиться отъ поврежденій причиненныхъ ей послѣднюю бурю, недѣли за двѣ до моего прїѣзда. Статуя поставленная у дверей Тоганесова духана, принадлежала транспорту выброшенному на берегъ этою бурей, причемъ его капитанъ и четыре матроса сдѣлались жертвою моря. И другія суда были близки испытать ту же участь, еслибы не унялся вѣтеръ. Фрегатъ, на которомъ находился контръ-адмиралъ, касался уже дна: корветъ и бригъ потеряли рули, не считая поломанныхъ мачтъ, рей и бугшпритовъ у прочихъ судовъ. Все это происходило въ сухумской бухтѣ. Несмотря на двойные и тройные якоря, корабли несло къ берегу. Сильный ураганъ налетѣлъ съ такою быстротою, что наша эскадра не успѣла уйти въ открытое море. Мнѣ очень хотѣлось побывать на нашихъ корабляхъ и познакомиться съ морскими офицерами, пользовавшимися уже тогда репутаціей образованныхъ людей и отличныхъ моряковъ, но я долженъ былъ на этотъ разъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, имѣя въ виду доказать какъ можно скорѣе до Бамборъ.

Оставивъ Сухумъ на другой день съ развѣтомъ, я прїѣхалъ къ обѣду въ бамборское укрѣпленіе. Отъ Сухума до Бамборъ считали сорокъ пять верстъ довольно удобной береговой дороги, загроможденной камнями только въ одномъ мѣстѣ, что не составляло впрочемъ чувствительнаго препятствія для пѣшаго или для коннаго. Бродъ черезъ Гумисту считался довольно опаснымъ въ полноводіе; другія маленькія рѣчки не заслуживали вниманія.

Въ Бамборахъ, гдѣ я долженъ былъ имѣть свое постоянное пребываніе, помѣщались: батальонъ 44 егерскаго полка, полковой штабъ и всѣ главные военныя заведенія и склады для войскъ занимавшихъ Абхазію. Генералъ Пацовскій, командиръ егерскаго полка и начальникъ всѣхъ войскъ во время отсутствія генерала А., жилъ въ Бамборахъ, занимая длинный низенькій домъ съ небольшимъ садикомъ впереди, стоявшій возлѣ гауптвахты, на обширной площади. Укрѣпленіе имѣло видъ большаго бастіонированнаго параллелограмма и состояло изъ землянаго бруствера обыкновеннаго размѣра. Внутренность его, разбитая на шесть правильныхъ кварталовъ, обстроенныхъ небольшими, чисто выбѣленными домами, длинными казармами и магазинами была опрятна и не наводила тоски, свойственной другимъ абхазскимъ укрѣпле-

ніямъ. Возлѣ крѣпости находился небольшой форштатъ съ неизбѣжнымъ базаромъ, населеннымъ армянскими и греческими торгашами. Сюда Абхазцы, а подлѣ ихъ покровительствомъ и незнакомые непріятельскіе Черкесы, приходили, менѣе для торговли, чѣмъ для того чтобъ узнавать новости и высматривать что дѣлается у Русскихъ. Положеніе Бамборъ въ широкой и привольной долинѣ рѣки Пиандры, въ трехъ верстахъ отъ морскаго берега и почти въ такомъ же разстояніи отъ селенія Лехне, или Саукъ-су, какъ его называли Турки, мѣстопребыванія владѣтеля Абхазіи, давало этому пункту значеніе, которымъ Пацовскій воспользовался весьма искусно для сближенія съ нами Абхазцовъ, и для распространенія на нихъ, сколько было можно, нашего нравственнаго вліянія. Бамборы имѣли только одну невыгоду, общую со всѣмъ берегомъ, на которомъ, кромѣ трехъ бухтъ, Геленджидской, Суджунской и Сухумской, нигдѣне существовало удобнаго якорнаго мѣста. Суда не могли бросать передъ Бамборами якоря ближе трехъ миль отъ берега, что служило чувствительнымъ затрудненіемъ для выгрузки военныхъ тяжестей, привозимыхъ сюда въ довольно большомъ количествѣ. Сверхъ того, суда должны были уходить въ море съ открытаго бамборскаго рейда при первыхъ признакахъ будущей зыби, изъ опасенія быть брошенными на берегъ прежде чѣмъ разыграется вѣтеръ, который позволилъ бы распуснуть паруса. Въ тридцать девятомъ году военный пароходъ, стоявшій на якорѣ въ Тугансе, разбился прежде чѣмъ успѣли развести пары. Подобныхъ несчастныхъ примѣровъ можно было насчитать очень много.

Пріѣхавъ въ Бамборы, я, не мѣняя одежды, пошелъ явиться къ генералу Пацовскому. Его ласковый пріемъ ободрилъ меня съ перваго раза и расположилъ къ этому почтенному челоуѣку; въ послѣдствіи, чѣмъ ближе узнавалъ я его, тѣмъ болѣе возрастала моя вѣра въ его душевную доброту. По его приказанію, меня помѣстили въ крѣпости въ двухъ свѣтлыхъ и покойныхъ комнатахъ, снабженныхъ всѣмъ, что могло быть необходимо для отдыха и для занятій. Слишкомъ мало думая въ то время объ удобствахъ жизни, я оцѣнилъ эту заботливость обо мнѣ со стороны Пацовскаго не по мѣрѣ удовлетворенія моихъ скромныхъ потребностей, а по силѣ доказанной имъ внимательности. Эта квартира, которую я помню будто вчера только съ нею

разстался, рѣдко, впрочемъ, видѣла меня въ своихъ стѣнахъ. Я спалъ или изрѣдка занимался въ ней, находясь все остальное время въ разъѣздахъ, или въ домѣ у Пацовскаго, который по кавказскому гостепріимному обычаю съ перваго дня пригласилъ меня бывать у него и обѣдать, когда захочу. Жена трое маленькихъ дѣтей и двѣ воспитанницы лѣтъ десяти составляли его семейство. Пацовская была весьма недурна, добродушна и старалась всѣми мѣрами сдѣлать свой домъ пріятнымъ для посѣщавшихъ его, въ числѣ которыхъ я бывалъ почти ежедневнымъ гостемъ. Кромѣ нея находились въ укрѣпленіи еще три офицерскія жены, которыхъ можно было, за неимѣніемъ другихъ, пригласить на кадрили или мазурку. Ими ограничивалось наличное женское общество, что нисколько не мѣшало молодымъ офицерамъ танцовать и веселиться отъ всей души въ неизвѣстномъ уголку земли, носившемъ названію Бамборъ. На берегу моря, недалеко отъ укрѣпленія, зимовали: батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка и артиллерійская батарея, принадлежавшіе къ абхазскому дѣйствующему отряду. Это обстоятельство служило къ немалому оживленію бамборскаго общества. Во всю зиму Пацовская давала у себя танцевальныя вечера по два раза въ недѣлю. Не только вышешюименованныя дамы, но и ея маленькія воспитанницы принимали въ нихъ участіе, а за недостаткомъ женскаго пола, становились молодые офицеры и танцовали до-упаду. Люди пожилые, не танцующіе, проводили вечеръ за бостоннымъ столомъ. Балъ кончался ужиномъ, болѣе сытнымъ чѣмъ изысканнымъ, за которымъ не жалѣли абхазскаго вина, которое, право, было весьма не дурно. Все это было очень незатѣйливо, но занимало молодежь, богатую избыткомъ жизни, и отвлекало отъ менте невинныхъ удовольствій, неразлучныхъ съ военною зимовкой. Забавно было видѣть, какъ въ темную дождливую ночь собирались на балъ. Изъ прибрежныхъ баракъ офицеры съѣзжались верхомъ, укутанные въ бурки и башлыки, провожаемые казаками, освѣщавшими дорогу факелами, а иногда и пѣхотнымъ конвоемъ съ заряженными ружьями, безъ котораго неблагоразумно было ѣхать черезъ лѣсъ, находившійся между моремъ и укрѣпленіемъ. Гости, жившіе въ стѣнахъ крѣпости, приходили пѣшкомъ. Глубокая грязь, затапливавшая всѣ улицы при первомъ дождѣ, не допускала обыкновенныхъ

калошъ, вмѣсто которыхъ принуждены были надѣвать сверхъ комнатной обуви тяжелые солдатскіе сапоги. Не легко было совладать съ ними въ грязи, поэтому два солдата проводжали каждого посетителя: одинъ велъ его подъ руку, другой свѣтилъ впереди фонаремъ; я былъ тогда довольно молодъ, готовъ воспользоваться каждымъ случаемъ общающимся нѣкоторое удовольствіе и поэтому нисколько не пренебрегалъ скромными бамборскими вечерами. Но главное удовольствіе я находилъ бесспорно въ обществѣ самого Пацовскаго. Съ удивительнымъ терпѣніемъ и скромностью, принадлежащими истинному достоинству, онъ объяснилъ мнѣ самымъ подробнымъ образомъ свои прежнія дѣйствія въ Абхазіи и знакомилъ меня съ положеніемъ края. Увѣрившись въ его прямомъ характерѣ и здоровомъ смыслѣ, не подчинявшихся внушеніямъ мелочнаго самолюбія, я открылъ ему въ скоромъ времени настоящую цѣль, которую я преслѣдовалъ въ Абхазіи. Въ скромности Пацовскаго я былъ увѣренъ, потому что никто лучше его не понималъ опасности, которой могло подвергнуть меня одно неосторожное слово. По его мнѣнію не существовало никакой возможности проѣхать изъ Абхазіи за Гагры; впервыхъ, потому что онъ не зналъ Абхазца могущаго быть моимъ проводникомъ, а вовторыхъ, по причинѣ удвоенной осторожности, съ которою непріятель караулилъ Гагринскій проходъ со времени прибытія въ Абхазію дѣйствующихъ войскъ. Позже я совершенно убѣдился въ справедливости его мнѣнія, но на первый разъ не смѣлъ отказать отъ своего предпріятія, основываясь только на его словахъ, и не увѣрившись самъ въ положительной невозможности исполнить его съ этой стороны. Я не скрылъ отъ него моего намѣренія стараться всѣми силами опровергнуть фактомъ его убѣжденіе, послѣ чего онъ откровенно пожелалъ мнѣ успѣха, обѣщалъ помогать мнѣ съ своей стороны сколько будетъ возможно. Слово свое онъ сдержалъ какъ слѣдуетъ. Чувство душевнаго уваженія, которое я сохранилъ къ его памяти до сихъ поръ, двадцать семь лѣтъ послѣ нашего знакомства, побуждаетъ меня указать на его, хотя не громкія, но весьма полезныя заслуги въ Абхазіи.

Пацовскій началъ свою службу на Кавказѣ съ юнкерскаго званія, тридцать лѣтъ до нашей встрѣчи. На глазахъ Циціанова, Котляревскаго и Ермолова онъ бралъ съ бою каждый чинъ и, будучи полковникомъ, былъ назначенъ при Алексѣѣ

Петровичъ сперва тифлисскимъ комендантомъ, а потомъ командиромъ 44-го егерскаго полка. Это обстоятельство свидѣтельствуегъ уже достаточно въ пользу Пацовскаго, потому что Ермоловъ не имѣлъ обыкновенія давать полки людямъ ради имени, связей, дружбы или въ утѣшеніе прекрасныхъ глазъ, и кромѣ того обладалъ отмынымъ даромъ угадывать людей и употреблять ихъ согласно съ ихъ способностями и наклонностями. Изъ немалаго числа генераловъ командовавшихъ при мѣ на Кавказѣ, я зналъ только одного равнявшагося съ нимъ въ этомъ отношеніи: это былъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ. Факты, которые я имѣлъ передъ глазами, ясно доказывали, что Ермоловъ не ошибся въ Пацовскомъ. Въ тридцатомъ году онъ высадился въ Абхазіи съ десятью ротами своего полка, съ восемью орудіями и съ командою казаковъ, занялъ Гагры, Пицунду и Бамборы, и не переставалъ трудиться съ того времени надъ устройствомъ порученной ему части. Что онъ успѣлъ въ этомъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ скудныхъ средствъ, которыми онъ располагалъ, долженъ былъ сознаться каждый человѣкъ, видѣвшій Бамборы и понимавшій военное дѣло. Укрѣпивъ Пицунду и Гагры и построивъ въ нихъ необходимыя помѣщенія для гарнизоновъ, Пацовскій успѣлъ въ четыре года полковыми средствами возвести бамборское укрѣпленіе съ казармами, офицерскими домами, всѣми солдатскими хозяйственными заведеніями и окружить его садами и огородами, возбуждавшими удивленіе и зависть Абхазцевъ. Кромѣ главнаго укрѣпленія онъ построилъ редуты изъ палисада: на берегу моря для склада провіанта, на рѣкѣ Хыпстѣ, для обереженія полковыхъ лошадей, ходившихъ въ этомъ мѣстѣ на травѣ, и на рѣкѣ Мцыштѣ, для защиты мельницы, имѣ же устроенной. Всѣ эти работы были произведены руками солдатъ, безъ всякаго отягощенія для нихъ. Надо было видѣть его заботливость о солдатскихъ нуждахъ и его снисходительность къ ихъ недостаткамъ, не мѣшавшимъ ему нисколько поддерживать между ними самую строгую дисциплину, чтобъ оцѣнить вполнѣ его практическій умъ и сердечную доброту. Абхазцевъ онъ умѣлъ привлечь къ себѣ и овладѣть ихъ довѣренностію, припоровавшаяся къ ихъ понятіямъ и не нарушая, ни въ какомъ случаѣ, даннаго слова. Сами вѣроломные, они тѣмъ болѣе умѣли цѣнить правдивость. Они вѣрили ему безотчетно и пріѣзжали къ нему издалека за совѣ-

томъ и за помощію. Въ подобныхъ случаяхъ онъ помогать имъ часто своими собственными деньгами, не заботясь, будутъ ли онѣ ему возвращены правительствомъ. Пильная мельница на Мцышѣ служила однимъ изъ главныхъ способовъ сближенія Абхазцевъ съ своими русскими сосѣдями. До Пацовскаго Абхазцы не видывали пильной мельницы и дѣлали доски съ руки пилою и топоромъ или получали ихъ моремъ отъ Турокъ. Мало-по-малу они стали пріѣзжать на Мцышу вымѣнивать и выпрашивать доски у Пацовскаго, которыя онъ имъ давалъ подъ разными условіями, имѣвшими въ предметѣ выгоды полковаго устройства. Сношенія завязались, и скоро возникла изъ нихъ нѣкоторая зависимость Абхазцевъ отъ русскаго издѣлія. Надо быть очевидцемъ подобнаго обстоятельства, чтобы понять какъ легко можно сблизиться иногда съ необразованнымъ противникомъ помощію самаго простаго средства, если оно даетъ ему матеріальныя выгоды, заставляющія его забывать, хотя на время, нравственный гнетъ, который всегда лежитъ на завоеванномъ народѣ. Значеніе, которое Пацовскій умѣлъ пріобрѣсти въ глазахъ Абхазцевъ, отзывалось на всѣхъ Русскихъ. Въ Бзыбскомъ округѣ, гдѣ находились Бамборы, не было слышно о нападеніяхъ на нашихъ солдатъ, ходившихъ поодиночкѣ въ самыя дальнія селенія. Абхазцы встрѣчались съ ними какъ съ добрыми знакомыми, дѣтьми Пацовскаго, котораго они любили. Говоря о хорошихъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ Бзыбскомъ округѣ между Русскими и Абхазцами, надо отдать справедливость владѣтелю, прилагавшему съ своей стороны всѣ старанія поддержать эти отношенія. Не смотря на вещи другими глазами, и право, не его вина, если наши дѣла не приняли въ то время болѣе выгоднаго для насъ оборота. Вмѣшавшись, какъ начальникъ страны, въ споры Дадіана и Гассанъ-бея съ Михаиломъ, онъ принялъ слишкомъ явно сторону перваго, видимо задѣлъ интересы послѣдняго, оскорбилъ его самолюбіе, и возбудилъ въ немъ неудовольствіе, имѣвшее послѣдствіемъ разлады въ другихъ дѣлахъ, которыя, по своему существу, вели къ цѣли столько же выгодной для самого владѣтеля, какъ и для насъ. Пацовскій то-и-дѣло мирилъ обѣ стороны и улаживалъ ихъ отношенія, что не всегда было легко при столкновеніи русскою начальственной власти съ владѣтельской гордостью, опиравшеюся на санъ и на свои независимыя права.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Бамборы, я поѣхалъ съ Падовскимъ въ Лехне представиться владѣтелю, имѣвшему въ то время званіе полковника лейбъ-гвардіи Пресображенскаго полка. Дорога вела по широкой и совершенно гладкой полянѣ, уставленной тополями, шелковичными и орѣховыми деревьями, повитыми до самой вершины необыкновенно толстыми лозами, составляющими одно изъ главныхъ богатствъ абхазскихъ поселянъ. Отъ винограда, растущаго въ изобиліи на этихъ лозахъ, получается очень порядочное вино, добываемое въ Абхазіи самымъ первобытнымъ способомъ. Жители дѣлаютъ для этого яму въ землѣ, обкладываютъ ее глиною и потомъ обжигаютъ сколько можно, разложивъ въ ней огонь. Вытопгавъ виноградъ ногами въ этой ямѣ, изъ нея вычерпываютъ вино, когда сокъ перебродилъ, и хранятъ его въ глиняныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землѣ. Лозы стоятъ въ полѣ безъ ограды; каждый хозяинъ знаетъ свое фруктовое дерево и употребляетъ весьма дешевый способъ для сбереженія его отъ воровъ. Для этого привѣшиваютъ къ лозѣ, къ скотинѣ или къ каждому другому предмету, который желаютъ уберечь отъ воровскихъ рукъ, кусокъ желѣзнаго шлака. Не каждый горецъ осмѣлится тронуть вещь, отданную подъ покровительство этого талисмана, угрожающаго, какъ полагаютъ, насильственной смертью чужимъ рукамъ, которыя позволяютъ себѣ коснуться его. Впрочемъ, и кавказскія горы имѣютъ своихъ вольнодумцевъ, пренебрегающихъ подобнаго рода угрозами. Отъ нихъ уберегаетъ одно ружье, исправляющее у Черкесовъ главную полицейскую должность.

Домъ владѣтеля нѣтъ причины описывать подробно. Архитектурою онъ былъ много похожъ на домъ Гассанъ-бея и отличался отъ него только размѣрами, будучи несравненно выше и просторнѣе. Палисадъ замѣнялся высокимъ плетневымъ заборомъ, огораживавшимъ чрезвычайно обширный дворъ. Въмѣсто тѣсной калитки отворялись для прѣзжаго широкія ворота. Замѣтно было, что Михаилъ менѣе Гассанъ-бея опасался враговъ, или болѣе надѣялся на своихъ окружающихъ. Налѣво за оградой, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ владѣтельскаго дома, находилась старинная церковь. Въѣзжая на дворъ, я разсматривалъ съ большимъ любопытствомъ домъ и его окрестности, представлявшіе для меня много замѣчательнаго. Здѣсь двѣ русскія

роты и двадцать два Абхазца, не покинувшіе своего князя, защищались въ двадцать четвертомъ году болѣе трехъ недѣль противъ десяти или двѣнадцати тысячъ Джекетовъ, Убуховъ и бунтующихъ жителей Абхазіи. Около трехъ сотъ пятидесяти человѣкъ, занимавшихъ домъ, службы и дворъ, огороженный однимъ плетнемъ, безъ рва и бруствера, успѣли не только выдержать осаду, но отбить удачно нѣсколько нападеній открытою силой, пока не выручили ихъ, высадившись въ Бамборахъ, князь Горчаковъ, командовавшій войсками въ Имеретіи. Во время осады непріятель занялъ церковь, о которой я выше упомянулъ, командовавшую надъ всею окрестностію, и сталъ обстрѣливать изъ нея середину двора. Въ темную ночь, двадцать солдатъ, подъ командой поручика (не припомню его имени), сдѣлали вылазку, ворвались въ церковь и перекололи всѣхъ засѣвшихъ въ ней Абхазцевъ, кромѣ одного, успѣвшаго скрыться на хорахъ. Очистивъ церковь, они отступили въ ограду владѣтельскаго дома, потерявъ только четырехъ человѣкъ. Этотъ урокъ подѣйствовалъ на непріятеля такъ сильно, что онъ не рѣшался болѣе занимать церкви, стоявшей, какъ опытъ доказалъ, слишкомъ близко отъ руки и штыка нашихъ солдатъ. Человѣкъ, уцѣлѣвшій въ церкви отъ побоища, былъ извѣстный Абхазецъ Каца Маргани, передавшійся въ послѣдствіи всею душою на сторону владѣтеля, который, кажется, теперь еще живъ и пользуется генеральскимъ званіемъ. Самъ Каца разказывалъ мнѣ объ этомъ ночномъ происшествіи, признаваясь, что при одномъ воспоминаніи о немъ его пробираетъ дрожь и что онъ въ жизни своей не испыталъ ничего болѣе ужаснаго. Каца же, какъ всѣ знаютъ, былъ не изъ числа робкихъ и въ продолженіе своей жизни не разъ глядѣлъ смерти въ глаза безъ страха. На дворѣ владѣтельскаго дома не существовало тогда колодца, а водою пользовались изъ ручья, протекавшаго вострѣ самой ограды. Къ ручью велъ спускъ подъ гору около десяти сажень по совершенно открытому мѣсту. Днемъ непріятель занималъ всѣ пункты, съ которыхъ можно было обстрѣливать ручей и засыпалъ пулями каждаго, кто подходилъ къ водѣ. Ночью онъ приближался къ самому ручью. Опасаясь, что Абхазцы перебьютъ поочередно всѣхъ людей, пытавшихся достать воды, рѣшили придумать другое, болѣе безопасное средство запастись ею. Въ домѣ оказался старый винный бурдюкъ, который ухитрились приспособить

для этой потребности. Его поставили на колеса, къ верхнему концу придѣлали клапанъ, а къ нижнему грузъ, и въ этомъ видѣ начали спускать на веревкахъ въ ручей, гдѣ онъ наполнялся водою, послѣ чего его втаскивали на гору. Нѣсколько дней гарнизонъ пользовался водою, добытою этимъ замысловатымъ способомъ. Сначала непріятель осыпалъ бурдюкъ выстрѣлами, но пули скользили по его толстой и уругой оболочкѣ. Тогда нѣсколько непріятельскихъ удалцовъ подкрались ночью къ самой оградѣ, и когда наши, на разсвѣтѣ, стали опускать бурдюкъ за водой, они напали на него и изрубили кинжалами. Почти всѣ они заплатили жизнью за это отважное дѣло, но другаго бурдюка не было, и гарнизонъ остался безъ воды. Послѣ нѣсколькихъ дней мучительной жажды, дождикъ, пошедшій во время, помогъ нашимъ людямъ. Провіанту не было совсѣмъ; люди доѣдали послѣднюю кукурузу, приготовленную въ домѣ для владѣтельскихъ лошадей, которыя были съѣдены уже прежде. Въ это-то время подоспѣлъ князь Горчаковъ и освободилъ осажденныхъ, принудивъ горцевъ удалиться. Объ этой зашитѣ владѣтельскаго дома въ Лехне нашими солдатами, кажется, никто не писалъ, и я слышалъ о ней только въ Абхазіи, на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Командовалъ ротами, принадлежавшими къ 44-му егерскому полку, капитанъ Марачевскій, котораго Ермоловъ наградилъ за это дѣло орденомъ Св. Владимира четвертой степени съ бантомъ, что считалось въ то время необыкновеннымъ отличіемъ.

Михаилъ Шерванидзе, абхазскій владѣтельный князь, носившій у своихъ имя Гамидъ-бей, былъ тогда красивый молодой человекъ, лѣтъ двадцати четырехъ, пользовавшійся всѣми качествами, имѣющими высокую цѣну у Черкесовъ, то-есть былъ силенъ, стрѣлялъ отлично изъ ружья, ловко владѣлъ конемъ и не боялся опасности. Какъ правитель, онъ былъ, несмотря на свою молодость, далеко не хуже, если не лучше другихъ, много хваленыхъ кавказскихъ владѣльцевъ; понималъ простыя нужды своего народа и умѣлъ заставить себя повиноваться. Въ отношеніи Русскихъ онъ держалъ себя какъ слѣдуетъ, безъ особой гордости и безъ подобострастія, дѣйствовалъ нескрывтно и охотно исполнялъ всѣ наши требованія, когда они не находились въ совершенномъ разногласіи съ средствами и съ пользою Абхазіи. Я познакомился съ нимъ очень коротко и искренно полюбилъ его

за участіе, которое онъ мнѣ показывалъ, и за его откровенные поступки со мною. Пацовскій понималъ его настоящимъ образомъ и, какъ умный человѣкъ, защищалъ его противъ людей, обвинявшихъ его въ нерасположеніи къ русскому правительству, потому только, что они не находили въ немъ всегдашняго выраженія покорности, которая въ сущности такъ рѣдко доказываетъ истинную преданность. Какъ настоящій горскій князь, Михаилъ исполнялъ правила гостепріимства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; никто не уѣзжалъ изъ его дома безъ угощенія и безъ подарка. Мнѣ онъ подарилъ въ началѣ нашего знакомства прекрасную винтовку, съ которою я потомъ никогда не расставался до моего послѣдняго, весьма неудачнаго путешествія, лишившаго меня и этой дорогой для меня вещи.

Насчетъ Цебельды Михаилъ объяснился со мною безъ всякихъ хитростей. Все, что онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ, вполне согласовалось съ мыслями Пацовскаго. Онъ считалъ не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ, уговаривать Цебельдинцевъ покориться, когда они сами не находили въ этомъ ни нужды, ни выгоды. Это значило придавать имъ важность, которой они не имѣли. Только сила могла ихъ принудить промѣнять свою необузданную волю на подчиненность, тягостную для каждаго горца. Прекратить же ихъ набѣги, и сдѣлать ихъ по возможности безвредными для Русскихъ въ Абхазіи, могъ только онъ одинъ, при добровольномъ содѣйствіи своего народа. Для этого онъ долженъ былъ сохранить въ полной силѣ свою власть надъ Абхазцами, и то значеніе, которымъ онъ пользовался въ Цебельдѣ, зависѣвшей отъ него по случаю зимнихъ пастбищъ, удобныхъ для нихъ только въ его владѣніяхъ. Онъ никакъ не разчитывалъ допустить Дадіана мѣшаться въ его дѣла, или предоставить Гассанъ-бею случай усилить свое личное значеніе на счетъ его владѣтельныхъ правъ. Это было ясно и такъ справедливо, что тутъ нечего было спорить.

Пацовскій, заботясь, сколько было возможно, облегчить для меня сношенія съ Абхазцами, назначилъ поручика своего полка, абхазскаго уроженца Шакрилова, находиться постоянно при мнѣ въ званіи переводчика. Шакриловъ говорилъ равно хорошо по-русски, по-абхазски и по-турецки, зналъ основательно свою родину, и къ этимъ качествамъ, дѣлавшимъ изъ него весьма дорогую находку для меня, при-

соединялъ еще большую смѣлость, прикрытую видомъ необыкновенной скромности. Онъ и другой Абхазецъ, Цонбай, первые рѣшились вступить еще молодыми людьми въ русскую военную службу. Пацовскій, желая этимъ способомъ составить новую связь съ Абхазами, и приманить ихъ выгодами службы, взялъ Шакрилова и Цонбая къ себѣ въ домъ на воспитаніе, и въ нѣсколько лѣтъ образовалъ изъ нихъ прекрасныхъ офицеровъ, ни въ чемъ не отстававшихъ отъ своихъ русскихъ товарищей. Шакриловъ былъ женатъ, имѣлъ старика-отца и трехъ братьевъ. Отецъ и старшіе братья остались мусульманами; два младшіе брата, Муты и мой переводчикъ Николай, продолжавшій также носить названіе Эмина, приняли христіанскую вѣру. Въ Абхазіи нѣрѣдко встрѣчались подобные случаи, когда въ одномъ и томъ же семействѣ бывали и христіане и магометане, что впрочемъ нисколько не вредило ихъ родственному согласію. Съ шестаго по шестнадцатый вѣкъ весь абхазскій народъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Церковью управлялъ независимый католикъ, имѣвшій пребываніе въ пидундскомъ монастырѣ; въ Драндахъ находилось епископство, и кромѣ того вся Абхазія была усеяна церквами, развалины которыхъ я встрѣчалъ на каждомъ шагу. Турки, обратившіе Абхазцевъ въ магометанскую вѣру, не успѣли совершенно уничтожить въ нихъ воспоминаній о христіанской старинѣ. Въ абхазскомъ магометанствѣ не трудно было замѣтить слѣды христіанства, въ соединеніи съ остатками язычества. Когда Сеферъ-бей принялъ христіанскую религію, примѣру его послѣдовали нѣкоторые Абхазцы; другіе крестились позже при его наслѣдникахъ. Новообращенные христіане строго исполняли всѣ наружныя обряды, налагаемыя церковью, не разставаясь однако съ нѣкоторыми мусульманскими привычками, вошедшими въ народный обычай. Они имѣли, напримѣръ, не болѣе одной жены; но за то позволяли себѣ мѣнять ее при случаѣ. Абхазскіе магометане не отказывались ни отъ вина, ни отъ мяса нечистаго животнаго, противнаго каждому доброду мусульманину. Христіане и магометане праздновали вмѣстѣ Рождество Христово, Св. Пасху, Духовъ день, Джуму и Байрамъ, и постились въ рамазанъ и великій постъ, для того чтобы не давать другъ другу соблазна. Тѣ и другіе уважали въ одинаковой степени священныя лѣса и боялись не на шутку горныхъ и лѣсныхъ

духовъ, которыхъ благосклонность они снискивали небольшими жертвами, приносимыми по старой привычкѣ, тайкомъ, такъ какъ это запрещалось имъ священниками.

Въ Бамборахъ я не терпѣлъ долго времени. Одна изъ моихъ первыхъ поѣздокъ была направлена въ Пицунду, куда я поѣхалъ вмѣстѣ съ Пацовскимъ, съ цѣлью осмотрѣть мѣсто для постройки укрѣпленія, долженствовавшего обезпечить сообщеніе Гагръ съ Бамборами. Пицундскій монастырь, занимаемый нашими войсками, лежалъ на берегу моря, совершенно въ сторонѣ отъ прямой гагринской дороги, загороженный отъ нея и отъ Бамборъ цѣпью невысокихъ, но очень крутыхъ, покрытыхъ лѣсомъ горъ. Черезъ эти горы вела въ Пицунду довольно неудобная выючная дорога, проходима только для войскъ, а не для артиллеріи и для тяжестей, которыя принуждены были доставлять туда моремъ. Отъ Бамборъ до Пицунды считалось двадцать восемь верстъ, отъ Пицунды до Гагръ восемнадцать. Прямая гагринская дорога была двѣнадцатью верстами ближе, и на ней не встрѣчалось горъ. На ней же существовалъ около Адженхуне довольно удобный бродъ черезъ Бзыбъ. Между Пицундою и Гаграми, переправа черезъ эту рѣку, возлѣ ея устья, была въ полномодіе положительно невозможна, а въ остальное время года чрезвычайно опасна, по причинѣ перемѣнчиваго ложа, то заносимаго съ моря пескомъ, то размываемаго быстрымъ рѣчнымъ теченіемъ. Бзыбъ обтекалъ сѣверную подошву горнаго хребта, заслонявшаго пицундскій мысъ отъ Бамборъ. Между Бзыбомъ и отраслью главнаго кавказскаго хребта, примыкавшею за Гаграми къ морскому берегу, открывалась широкая равнина, принадлежавшая по своему положенію къ Абхазіи; но загагринскіе Джекеты завладѣли ею для пастбища, и Абхазцы молча терпѣли это нарушеніе своихъ правъ, чтобы не заводить открытой ссоры съ своими нахальными сосѣдями. На берегу Бзыба, у поворота дороги черезъ горы въ Пицундскій монастырь, находилось многолюдное селеніе Адженхуне, въ которомъ жили Инаат-ины, считавшіеся, послѣ владѣтеля, самыми богатыми и сильными князьями въ Абхазіи. Отъ Бамборъ до Адженхуне существовала уже весьма удобная дорога; далѣе не встрѣчалось никакого затрудненія проложить ее по совершенно ровной мѣстности до самаго Гагринскаго монастыря. Выгоднѣе Адженхуне нельзя было найти пункта для предполагаемаго

укрѣпленія: оно оберегало бы здѣсь въ одно время дорогу отъ Бамборъ къ Гаграмъ и къ Пицундѣ и переправу черезъ Бзыбъ, повелѣвало бы непріятельскими пастбищами и наблюдало за пограничнымъ абхазскимъ населеніемъ, имѣвшимъ постоянныя сношенія съ приморскими, одноплеменными съ нимъ Джекетами. Пацовскій одобрилъ мой выборъ во всѣхъ отношеніяхъ; я прибавилъ чертежъ проектированнаго мною укрѣпленія, приспособленнаго къ мѣстнымъ обстоятельствамъ: землянаго редута съ деревянными оборонительными казармами посреди фасовъ, отъ которыхъ выдавались капониры для обороны рва. Каждая казарма, представляя собою отдѣльный редутъ, способный защититься, еслибы непріятель даже ворвался во внутренность его, должна была дѣлиться на двѣ равныя половины помощью большихъ стѣнъ, находившихся въ непосредственной связи съ капониромъ. Окна казармъ я предлагалъ обратить во внутренность укрѣпленія; въ наружной стѣнѣ должны были находиться однѣ бойницы съ задвижками. Нары помѣщались бы посреди казармы, для того чтобы солдаты, въ случаѣ тревоги, вскочивъ съ постели, находили свои ружья возлѣ стѣны, которую имъ слѣдовало оборонять. Я считалъ это необходимымъ для того, чтобы облегчить нашимъ солдатамъ мучительное положеніе, въ которое приводили ихъ Черкесы, заставляя ихъ нѣсколько разъ ночью выбѣгать на брустверъ въ одной рубашкѣ и по цѣлымъ часамъ напрасно ожидать нападенія, которое обыкновенно они производили, измучивъ сперва гарнизонъ пустыми ночными тревогами, продолжавшимися иногда цѣлые мѣсяцы. Моя мысль была въ то время совершенно нова на Кавказѣ, и кажется только по этой причинѣ не заслужила одобренія тифлискаго инженернаго управленія, которому слѣдовало ее подробно рассмотреть. Въ 1840 году начали строить, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, подобнаго рода укрѣпленія на всей береговой линіи, убѣдившись, какъ мало защищаютъ простыя земляныя насыпи отъ черкесскаго способа вести войну, особенно въ обстоятельствахъ подобныхъ тѣмъ, въ какихъ находились тогда наши войска на восточномъ берегу Чернаго моря.

Пицундскій монастырь занялъ мое вниманіе еще болѣе Драндской церкви; положеніе его было не менѣ живописно, а постройка отличалась величиною и нѣкоторыми частными достоинствами, которыхъ не было у послѣдней. Церковь чисто

византийской архитектуры, воздвигнутая по указанію Проконъ въ шестомъ вѣкѣ, въ царствованіе Юстиніана, сохранилась довольно хорошо. Въ одномъ придѣлѣ были видны на стѣнахъ и на потолкѣ весьма любопытныя фрески, пережившія время владычества Турокъ въ Абхазіи. На большомъ орѣховомъ деревѣ, возлѣ церкви, висѣлъ колоколъ весьма искусной работы, съ изображеніемъ Мадонны и латинскою надписью, указывавшею, что онъ былъ отлитъ въ 1562 году. Уваженіе, которое Абхазцы и Джикеты питали по преданію къ остаткамъ Пицундскаго монастыря, не позволило имъ коснуться этого колокола, принадлежавшаго ко времени генуезскаго владычества на восточномъ берегу Чернаго моря. Пицунда была снабжена отличною ключевою водою посредствомъ древняго водопровода, сохранившагося въ полной цѣлости. На Пицундскомъ мысу существовала, кромѣ того, сосновая роща, единственная по всему абхазскому побережью, доставлявшая отличный строевой лѣсъ. Двѣ роты егерскаго полка, занимавшія Пицунду, помѣщались въ монастырской оградѣ, къ которой Пацовскій пристроилъ по угламъ деревянныя башни для фланговой обороны. Они пользовались здоровымъ климатомъ, хорошею водою, но находились здѣсь безъ всякой особой цѣли. Лѣсистыя окрестности монастыря скрывали непріятельскія партіи, проходившія черезъ горы или пристававшія къ берегу на галерахъ; двухъ ротъ было слишкомъ мало для того, чтобы отыскивать ихъ и драться съ ними въ лѣсу; поэтому пицундскій гарнизонъ ограничивался собственною обороною, довольный тѣмъ, когда ему удавалось сберечь отъ непріятеля свой скотъ и казенныхъ лошадей. До Гагръ мы не пытались дойти, такъ какъ пространство, лежавшее между ними и Пицундою было, какъ я уже упоминалъ, въ рукахъ непріятеля. Туда еще можно было проѣхать не подвергаясь опасности; но обратно пришлось бы пробиваться черезъ непріятеля, который конечно, не упустилъ бы удобнаго случая отрѣзать намъ дорогу. Это обстоятельство доказывало ясно, что гагринское укрѣпленіе, не взирая на свою позицію, вслѣдствіе которой оно считалось ключомъ береговой дороги, вовсе не открывало намъ пути въ непріятельскія владѣнія и не запирало для непріятеля входа въ Абхазію. Чего же можно было ожидать отъ другихъ подобныхъ крѣпостей на морскомъ берегу?

Послѣ того я продолжалъ, не давая себѣ отдыха, странствовать по горной Абхазіи, осматривать дороги и знакомиться съ людьми, отъ которыхъ надѣялся узнать что-нибудь полезное для моего скрытаго намѣренія. Безпрестанно бывалъ я въ Сухумѣ, въ Келассури у Гассанъ-бей, или въ Драндахъ, не говоря уже о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ владѣтельскаго дома. Дороги были въ то время весьма небезопасны. Между Бамборами и Сухумомъ появлялись нерѣдко разбойники изъ Песо и Ачипсоу, двухъ независимыхъ абазинскихъ обществъ, занимавшихъ высокія горы около источниковъ Бзыба и Мдзымты; между Сухумомъ и Драндами встрѣчались цебельдинскіе искатели приключеній. Трудно было уберечься отъ нихъ, тѣмъ болѣе что всѣ выгоды находились на ихъ сторонѣ. Спрятанные въ чащѣ, они выжидали путешественниковъ по открытой дорогѣ, пролегавшей между моремъ и густымъ лѣсомъ, убивали ихъ изъ своей засады и грабили, не подвергаясь сами большой опасности. Абхазскіе лѣса были непроходимы для того кто не зналъ мѣстности и всѣхъ положенныхъ по нимъ воровскихъ тропинокъ. Дерево тѣснилось возлѣ дерева; огромные пни и корни деревьевъ, опрокинутыхъ бурей, загораживали дорогу со всѣхъ сторонъ; колючіе кусты и тысячи нитей отъ вьющихся раотеній, снабженныхъ острыми шипами и широкими листьями пресѣкали путь и составляли непроницаемую сѣть, черезъ которую можно было прорываться только съ помощью топора или кинжала. Поэтому, иногда даже видя непріятеля, нельзя было до него добраться и его преслѣдовать. Безпрестанно получались извѣстія о солдатахъ и казакахъ убитыхъ изъ лѣсу невѣдомо кѣмъ; нерѣдко сами Абхазцы подвергались той же участи, и только долгаго времени успѣвали узнавать кто были убійцы. Впрочемъ, каждый участокъ береговой дороги имѣлъ своего героя, присвоившаго себѣ право грабить путешественниковъ преимущественно на его протяженіи. Между Бамборами и Сухумомъ дѣялся обыкновенно засады съ своей шайкой абхазскій бѣглець Софыджъ Гублія, жившій въ Песо, котораго имя наводило неописанный страхъ на каждаго изъ его соотечественниковъ, имѣвшаго поводъ считать его своимъ недругомъ. Про его хитрость и отвагу разказывали чудеса. Что Софыджъ ненавидѣлъ Русскихъ и подстерегалъ ихъ гдѣ было возможно, считалось въ порядкѣ вещей и никого не удивляло. За Суху-

момъ и около Драндъ грабилъ чаще другихъ цецельдинскій князь Богорканъ-ипа Маршомій, молодой, ловкій и смѣлый наѣздникъ.

Николай Шакриловъ былъ моимъ неразлучнымъ товарищемъ во всѣхъ поѣздкахъ. Люди встрѣчавшіе насъ на дорогѣ въ горской одеждѣ, съ винтовками за спиною, ни въ какомъ случаѣ не могли принять насъ за русскихъ служащихъ. Это было первое условіе нашей безопасности. Зная, что отъ случайной встрѣчи съ Софыджемъ, съ Богорканъ-ипою, или съ другимъ разбойникомъ, и отъ пули, направленной изъ лѣсу, не существовало другой защиты кромѣ случая же и счастья, мы заботились только о томъ, чтобы уберечь себя отъ засады приготовленной собственно для насъ. Съ этой цѣлью я мѣнялъ безпрестанно моихъ лошадей и цвѣтъ черкески; вызъезжалъ въ дорогу то съ однимъ Шакриловымъ, то съ его братьями или съ болѣе многочисленнымъ абхазскимъ конвоемъ, который мнѣ давали владѣтель или Гассанъ-бей. Никогда я не говорилъ заранее когда и въ какое мѣсто намѣренъ ѣхать; никогда не возвращался по прежней дорогѣ. Эта послѣдняя предосторожность соблюдается постоянно у горцевъ, изъ коихъ рѣдкій не имѣетъ врага, способнаго выждать его на пути если онъ ему будетъ извѣстенъ. Моего Николая Шакрилова знали весьма многіе въ Абхазіи. Встрѣчая его часто съ незнакомымъ человѣкомъ въ горскомъ платьѣ кабардинскаго покроя и съ бородою, усвоенными мною съ намѣреніемъ противно абхазскому обычаю, потому что я не зналъ языка и не могъ выдавать себя въ Абхазіи за Абазина, любопытные стали дознавать кто я таковъ и по какому поводу бываю такъ часто у владѣтеля и у Гассанъ-бея. Находя отвѣты, которые давали имъ по этому случаю Шакриловы, да и самъ Гассанъ-бей (владѣтеля не смѣли спрашивать) недовольно ясными, они начали за мною слѣдить, и я сдѣлался, не зная того, предметомъ частыхъ разговоровъ абхазскихъ политиковъ. Вслѣдствіе этихъ толковъ и вниманія, котораго я не могъ избѣгнуть со стороны людей, заботившихся болѣе всего о томъ что происходило на большихъ дорогахъ, мои поѣздки не остались безъ приключеній.

Въ концѣ февраля сдѣлалась тревога по всей Абхазіи. Разнесся слухъ, будто Цецельдинцы, возстановленные противъ абхазскаго владѣтеля происками Дадіана и Гассанъ-бея,

намѣрены ворваться неожиданно въ Абхазію съ единственнымъ цѣлью дать явное доказательство того, какъ они его мало боялись и уважаютъ. Дѣло было придумано довольно ловко. Однимъ ударомъ хотѣли поставить его на рѣшительную враждебную ногу съ Цебельдинцами и уронить въ глазахъ собственныхъ подданныхъ, чьихъ кровь и раззореніе по этому случаю должны были пасть лично на него. Цебельда раздѣлилась на двѣ партіи: одна желала сохранить съ нимъ прежнія мирныя отношенія; другая выжидала только случая нанести ему оскорбленіе. Для послѣдней всѣ предлоги были хороши. Въ первомъ порывѣ гнѣва владѣтель хотѣлъ арестовать Гассанъ-бея и самъ напасть на Цебельдинцевъ, прежде чѣмъ они успѣютъ спуститься въ Абхазію; съ этою цѣлью онъ разослалъ во всѣ стороны собирать дружину изъ преданныхъ ему людей. Передъ тѣмъ онъ заѣхалъ посоветоваться съ Пацовскимъ, успѣвшимъ уговорить его не предпринимать ничего противъ Гассанъ-бея, вѣроломство котораго невозможно было доказать, и который явилъ имъ въ чемъ не нарушалъ своихъ обязанностей, а напротивъ того воспользоваться имъ же, для того чтобы покончить дѣло безъ кровопролитія. Пацовскій совѣтовалъ созвать сперва цебельдинскихъ князей и старшинъ на совѣщаніе въ Келассури, предложивъ самому Гассанъ-бею принять на себя обязанность посредника въ ихъ распрѣ съ владѣтелемъ. Разчетъ Пацовскаго былъ весьма основателенъ: если Гассанъ-бей дѣйствительно поднялъ Цебельдинцевъ, то онъ имѣетъ возможность и унять ихъ воинственный порывъ. Пацовскій зналъ хорошо Гассанъ-бея и былъ увѣренъ, что онъ не рѣшится дѣйствовать открыто противъ выгодъ владѣтеля, что довольный ролью посредника, изъ одного самолюбія, постарается покончить дѣло хорошимъ образомъ, какъ для того чтобы явно обязать владѣтеля, такъ и для того, чтобы выказать передъ русскими властями вѣсь, какимъ онъ пользуется въ Цебельдѣ и въ Абхазіи. Сборъ дружины Пацовскій одобрилъ, находя весьма благоразумнымъ со стороны владѣтеля показать своимъ непріятелямъ, что онъ имѣетъ средства и готовъ встрѣтить ихъ силою, если добровольно не откажутся отъ своихъ враждебныхъ намѣреній. Это былъ лучшимъ способомъ кончить дѣло не вынимая ружей изъ чехловъ.

Собравъ около пятисотъ конныхъ Абхазцевъ, владѣтель

отправился къ Гассанъ-бею въ Келассури. Пацовскій былъ нездоровъ и попросилъ меня ѣхать въ Сухумъ, съ тѣмъ чтобы слѣдить за ходомъ переговоровъ и немедленно дать ему знать, если какое-нибудь неожиданное обстоятельство потребуетъ его личнаго присутствія. На другой день я прибылъ въ Сухумъ съ моимъ Эминомъ Шакриловымъ. Када Марганій находился въ числѣ дворянъ провожавшихъ владѣтеля. Не знаю право за что этотъ человекъ меня очень полюбилъ, и, слѣдя за мною, кажется, одинъ догадывался, что я имѣю скрытое намѣреніе. Када говорилъ только по-абхазски, и я очень жалѣлъ, что не могъ объясниться съ нимъ безъ переводчика; при его тонкомъ умѣ и при значеніи, которымъ онъ пользовался въ народѣ, я могъ найти у него пособіе или по крайней мѣрѣ весьма полезныя указанія для моего дѣла; но я молчалъ, опасаясь повѣрить мою тайну кому бы то ни было, не исключая даже Шакрилова. Узнавъ что я пріѣхалъ въ Сухумъ съ однимъ Эминомъ, Када покачалъ только головой. „Очень неосторожно, сказалъ онъ мнѣ, ѣздить вдвоемъ въ такое тревожное время; побереги свою голову, она нужна тебѣ для другаго дѣла; не бойся меня, я тебѣ искренній пріятель и не выдамъ тебя, а въ доказательство моей дружбы скажу, что за тобою уже слѣдятъ. Богорканъ-ипа хвалился тебя поймать и привезти въ Цебельду, живаго или мертваго, если ты не перестанешь ѣздить по Абхазіи, и прибавилъ, что онъ позволяетъ надѣть себѣ черезъ плечо прялку вмѣсто ружья, если онъ не сдержитъ своего слова, только бы ему удалось тебя встрѣтить. Ты знаешь, что значитъ у горца подобный зарокъ.“ Поблагодаривъ Марганія за совѣтъ и за пріятельское увѣдомленіе, я сказалъ, что у меня нѣтъ никакого тайнаго намѣренія и увѣрялъ его, что ѣзжу весьма часто въ разныя стороны изъ одного любопытства, а еще болѣе потому что не люблю сидѣть долго на одномъ мѣстѣ. Это не удовлетворило Марганія, прекратившаго разговоръ словами: „ты молодая лисица, а я старый волкъ, напрасно станемъ другъ друга обманывать“.

Скоро съѣхались въ Келассури цебельдинскіе старшины; владѣтель послушался совѣта даннаго ему Пацовскимъ. Я остался съ намѣреніемъ въ Сухумѣ и только посылалъ Шакрилова въ Келассури узнавать каждый день что тамъ дѣлается. Въ то время, я знаю, партизаны Дадіана обвиняли

меня въ Тифлисѣ передъ главнокомандующимъ, будто бы я вмѣшался въ цебельдинское дѣло и далъ ему неблагоприятный оборотъ. Это обвиненіе было несправедливо уже потому, что распря владѣтеля, Гассанъ-бея и Цебельдинцевъ распуталась самымъ лучшимъ образомъ, безъ военной тревоги, какъ требовали тогда наши выгоды въ Абхазіи. Такъ-называемое усмиреніе Цебельды путемъ переговоровъ была безсмыслица, которой могли вѣрить только люди рѣшительно незнакомые съ положеніемъ дѣлъ въ западной части Кавказа. Кромѣ того, я никогда не мѣшался въ самый ходъ дѣла, а только слѣдилъ за нимъ со стороны, изучая его, какъ я говорилъ владѣтелю и Гассанъ-бею. Изучать дѣло значило знакомиться съ положеніемъ Цебельды и съ отношеніями ея къ Абхазіи. Для этой цѣли я могъ выслушивать каждаго и даже высказывать иногда мое личное мнѣніе, что меня ни въ чемъ не связывало и не обязывало никого дѣйствовать какъ я думалъ.

Въ Сухумѣ я проводилъ почти все мое свободное время на судахъ нашей эскадры, или въ крѣпости у доктора К*, съ которымъ я познакомился очень близко, находя у него всегда готовую квартиру, мѣсто за столомъ и постель, какъ водилось въ старину на Кавказѣ. Онъ былъ женатъ на молоденькой и хорошенькой черноглазой Армянкѣ изъ Астрахани, которая была въ Сухумѣ единственная представительница своего пола и во всѣхъ отношеніяхъ представляла его весьма недурно. Самъ онъ, хорошій докторъ и очень умный человѣкъ, пользовался уваженіемъ всего сухумскаго общества, состоявшаго почти исключительно изъ нашихъ моряковъ, и имѣлъ одинъ только недостатокъ: онъ былъ бѣденъ и своими трудами не могъ ничего нажить, не имѣя въ Сухумѣ другой практики кромѣ военнаго госпиталя. Лишь Гассанъ-бей призывалъ его иногда на совѣтъ, когда заболѣвала одна изъ его женъ, и платилъ за визиты натурою, баранами или табакомъ. Въ такихъ случаяхъ К* приходилось прописывать рецепты заочно, основываясь на описаніи болѣзни какое дѣлалъ самъ Гассанъ-бей, строго соблюдавшій турецкій обычай никому не показывать женъ своихъ. По этому поводу К* разказывалъ довольно оригинальный анекдотъ. У любимой жены Гассанъ-бея заболѣло колѣно. К*, призванный на помощь, отказался положительно дать совѣтъ, не выдавъ прежде больной. Объ этомъ Гассанъ-бей не хо-

тѣлъ и слышать, требуя, чтобы докторъ удовольствовался его разказомъ. Завязался споръ, изъ котораго докторъ вышелъ наконецъ побѣдителемъ. Гассанъ-бей нашелъ способъ удовлетворить медика не нарушая законовъ гарема. Передъ диваномъ, на которомъ лежала больная жена, поставили ширмы съ прорѣзаннымъ въ нихъ небольшимъ отверстіемъ. Въ присутствіи Гассанъ-бея, просунули ея ногу черезъ это отверстіе для осмотра доктора, которому не позволили впрочемъ до нея дотронуться и который никогда не видалъ лица своей больной.

Скажу нѣсколько словъ о женѣ моего знакомаго доктора. Въ такомъ глухомъ мѣстѣ какъ Сухумъ, единственная порядочная женщина невольно должна была обратить на себя вниманіе и занять замѣтное мѣсто въ многочисленномъ обществѣ мушкетъ, составлявшихъ около нея постоянный кругъ обожателей. Моя докторша умѣла въ одно и то же время исполнять обязанности небогатой женщины, заботясь безпрестанно о своихъ домашнихъ дѣлахъ, и удовлетворять требованіямъ общества, составленнаго къ счастью изъ однихъ военныхъ, которые при подобныхъ обстоятельствахъ весьма не взыскательны и довольствуются существеннымъ наслажденіемъ простаго, но дружескаго приема, нисколько не обращая вниманія на щегольство или на бѣдность обстановки. Свое маленькое хозяйство она держала въ большомъ порядкѣ, занимаясь имъ въ продолженіи дѣлаго дня, а вечеромъ, нарядившись, какъ позволяли обстоятельства, принимала гостей; и въ гостяхъ, право, не бывало недостатка. Гостепріимные хозяева жили въ старомъ пашинскомъ домѣ, стоявшемъ на крѣпостной стѣнѣ. Передъ окнами находилась большая терраса, обращенная къ морю и покрытая кустами самыхъ лучшихъ душистыхъ розъ, составлявшихъ единственное хорошее наслѣдство, перешедшее къ намъ отъ Турокъ. На этой террасѣ собирались каждый вечеръ почти всѣ офицеры нашей эскадры, начиная отъ почтеннаго командира и до младшаго мичмана; и всѣ они безъ исключенія сыпали къ ногамъ хорошенькой докторши богатую жатву комплиментовъ и самыхъ изысканныхъ любезностей, а она отвѣчала имъ только улыбками и стаканами горячаго чаю. На корабляхъ давали въ честь ея обѣды и вечера, убирали суда флагами, освѣщали разноцвѣтными фонарями, устраивали фейерверки на водѣ, заставляли флотскую музыку играть на крѣпост-

ной площади — все изъ угожденія ей одной. Немногимъ женщинамъ, я полагаю, удавалось видѣть разомъ у своихъ ногъ такое большое число поклонниковъ, преданныхъ ей исключительно.

Пока я въ Сухумѣ переѣзжалъ съ одного корабля на другой или проводилъ цѣлые дни у доктора и, казалось, рѣшительно ничѣмъ не былъ занятъ, я не упускалъ изъ виду Келассури и зналъ все что тамъ происходитъ. Дѣло не ладилось сначала, и было мгновеніе, въ которое оно стало принимать довольно раздражительный оборотъ. Я не замедлил дать знать объ этомъ Пацовскому, который, какъ бы случайно, пріѣхалъ въ Сухумъ инспектировать гарнизонъ, разумѣется, имѣлъ при этомъ случаѣ свиданіе съ владѣтелемъ и съ Гассанъ-беемъ, и успѣлъ ихъ согласить и дать переговорамъ болѣе выгодное направленіе. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ уѣхалъ обратно въ Бамборы, а я остался ожидать окончательнаго исхода переговоровъ. Дней черезъ пять все было приведено въ порядокъ, сколько позволяли обстоятельства и нравы переговаривавшихся: Цебельдинцы дали обѣщаніе не вторгаться въ Абхазію, взявъ же чего Михаилъ обязался не нападать на нихъ и не обижать тѣхъ изъ нихъ, которые станутъ приходить въ его владѣнія безъ дурныхъ намѣреній. Лишь одна частная вражда между какимъ-то цебельдинскимъ семействомъ и владѣтельскими тѣлохранителями осталась нерѣшенною, потому что первые упирались на право кровомщенія, а вторые на свою полицейскую обязанность задерживать и даже убивать воровъ и разбойниковъ; самъ же Михаилъ весьма основательно не считалъ возможнымъ сдѣлать въ этомъ случаѣ уступки. Гассанъ-бей старался всѣми силами дать переговорамъ возможно благоприятный оборотъ для владѣтеля и покончить ихъ въ самое короткое время, столько же изъ самолюбія, чтобы возвысить себя въ его глазахъ, сколько, полагаю, и для того, чтобы скорѣе избавиться отъ него и отъ его многочисленной дружины, которую онъ, какъ княжескій вассалъ, былъ обязанъ кормить пока она находилась въ его округѣ. По наружности всѣ остались довольны исходомъ дѣла и начали разѣзжаться по домамъ.

Въ день отъѣзда владѣтеля, сухумскій комендантъ далъ обѣдъ въ его честь, задержавшій насъ до пяти часовъ вечера. Когда мы сѣли на лошадей, небо было покрыто тучами,

море волновалось, и вѣтеръ дулъ съ большою силой. Накинувъ бурки и окутавъ головы башлыками, мы выѣхали густою толпою на береговую дорогу. Я ѣхалъ возлѣ владѣтеля, окруженнаго полусотнею своихъ тѣлохранителей, за которыми слѣдовала конница собранная изъ разныхъ мѣстъ Абхазіи. Погода становилась хуже съ каждымъ часомъ, вѣтеръ усиливался, и дорога исчезала подъ водой. Волненіе заливало ее все болѣе и болѣе, разбиваясь съ шумомъ и пѣною подъ ногами нашихъ лошадей, которыя отъ испуга храпѣли и только подъ ударами плети подавались впередъ. Наконецъ двумъ человѣкамъ нельзя было ѣхать рядомъ, и нашъ поѣздъ растянулся въ одну длинную нить. Стало темнѣть, когда незнакомый человѣкъ обсккалъ насъ всѣхъ, и сказавъ нѣсколько словъ владѣтелю, скрылся въ лѣсу. Михаилъ имѣлъ подъ собою свѣтлосѣрую лошадь, и мы оба были очень замѣтны по бѣлымъ черкесскимъ башлыкамъ, которыхъ Абхазцы не имѣютъ привычки носить, предпочитая темные цвѣта. Всягда за тѣмъ Михаилъ пересѣлъ на другую лошадь, перемѣнилъ башлыкъ, и приказалъ одному изъ своихъ людей дать и мнѣ башлыкъ другого цвѣта, прося меня настоятельно держаться какъ можно ближе къ нему. Всѣ эти предосторожности объяснялись извѣстіемъ доставленнымъ ему догнавшимъ насъ человѣкомъ, будто Цебельдинцы, имѣющіе противъ него *канлу* (такъ называютъ въ горахъ обычай кровомщенія) изъ-за его тѣлохранителей, намѣрены убить его пользуясь темнотою и дурнымъ временемъ, чрезвычайно облегчавшими подобнаго рода предпріятіе. Имъ не трудно было вмѣшаться въ число провожавшихъ насъ людей, растянутыхъ на чрезвычайно большомъ пространствѣ, закутанныхъ въ башлыки и не узнававшихъ другъ друга, сдѣлать покушеніе противъ владѣтеля, а при случаѣ и противъ меня, какъ онъ самъ меня предостерегалъ, и потомъ, бросивъ лошадей, скрыться въ лѣсу, гдѣ ихъ никто бы не отыскалъ въ подобную погоду. Долго слѣдовалъ я за Михаиломъ, впереди котораго ѣхалъ на свѣтлой лошади его любимый слуга, хорошо говорившій по-русски и по-грузински, безъ котораго онъ никуда не выѣзжалъ. Вѣтеръ обратился между тѣмъ въ настоящій ураганъ; крупный дождь билъ въ глаза и ослѣплялъ насъ совершенно. Въ темнотѣ была видна одна бѣлая пѣна мелькавшая подъ ногами лошадей; брызги воды обдавали меня съ ногъ до головы; я потерялъ изъ виду владѣтеля. Шакри-

лона уже давно не было возлѣ меня, и мнѣ пришлось ѣхать между совершенно незнакомыми людьми, обгонявшими меня безпрестанно, не обращая на меня никакого вниманія. Въ одномъ отношеніи это было для меня можетъ-быть и хорошо, но съ другой стороны ставило меня въ самое затруднительное положеніе: не зная языка, я ни съ кѣмъ не могъ объясниться и не понималъ бы чего отъ меня хотятъ, еслибы кто-нибудь ко мнѣ подъѣхалъ. На половинѣ пути между Сухумомъ и Бамборами, дорога огибала мысъ, устьянный огромными обломками скалъ. Здѣсь море захватило совершенно дорогу; волненіе дробилось о камни съ громовымъ шумомъ; лошадь не хотѣла идти впередъ, подымалась на дыбы и бросалась въ сторону; я рѣшительно не зналъ что дѣлать, но всматриваясь въ темноту, скоро замѣтилъ, что я одинъ бьюсь открыть себѣ проѣздъ между скалами. Абхазцы исчезали одинъ за другимъ въ лѣсу, возвышавшемся вправо отъ дороги подобно высокой черной стѣнѣ. Я повернулъ мою лошадь въ ту же сторону, но этого было недостаточно для того чтобы поправить мое положеніе. Послѣ первыхъ шаговъ въ лѣсу я замѣтилъ, что не выпутаюсь изъ чащи въ подобную ночь. Тутъ было еще темнѣе чѣмъ на морскомъ берегу, вой вѣтра оглушительнѣе; деревья трещали и скрипѣли подъ напоромъ бури; изрѣдка мелькали возлѣ меня, подобно чернымъ тѣнямъ, конные Абхазцы, ѣхавшіе по разнымъ направленіямъ; каждый изъ нихъ, зная мѣстность, болѣе или менѣе предвидѣлъ куда онъ долженъ былъ пріѣхать, а я даже не могъ объ этомъ спросить. Въ эту минуту я рѣшился остановить лошадь и звать на удачу Шакрилова, не имѣя впрочемъ большой надежды его дозваться. Однако моя попытка не пропала даромъ: я вздрогнулъ, почувствовавъ неожиданно на моемъ плечѣ чужую руку, и мое первое движеніе было схватить пистолетъ, но голосъ подъѣхавшаго ко мнѣ Абхазца успокоилъ меня, я узналъ въ немъ Каду Маргани. Знаками онъ звалъ меня ѣхать за собою. Долго мы пробирались по лѣсу, то подъ гору, то на гору, мѣстами онъ велъ мою лошадь на поводу, наконецъ выѣхали на открытую площадку, посреди которой темнѣлся балаганъ, освѣщенный изнутри рѣдкими вспышками огня. Возлѣ шалаша стояли двѣ лошади. „Хорошо!“ сказалъ Маргани по-абхазски, увидавъ лошадей: „владѣтель здѣсь“. Столько я могъ понять, хотя и не зналъ языка. Привязавъ своихъ лошадей, мы

вошли въ шалашъ и увидали въ немъ владѣтеля съ однимъ человѣкомъ, которые, нагнувшись надъ кучею сыраго хвоста, усиливались развести огонь. Они насъ не замѣтили, будучи заняты своимъ дѣломъ; да и кромѣ того буря шумѣла такъ громко въ лѣсу, что они не могли слышать какъ мы подѣхали. Тихо начали мы снимать съ себя мокрые башлыки и бурки, когда Михаилъ сказалъ своему товарищу: „только раздуемъ огонь, ты, Якубъ, ступай опять въ лѣсъ собирать нашихъ людей изъ Лехне и непремѣнно отыщи съ ними Т.; онъ пропадетъ въ эту ночь, но зная языка. Тебѣ извѣстно какіе молодцы есть между нашими; другой изъ нихъ не долго задумается поподчивать его кинжаломъ въ темнотѣ; да и концы въ воду.“—„Меня не надо отыскивать, я здѣсь,“ отозвался я на слова владѣтеля. Неожиданность моего отвѣта поразила его до того, что онъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ, и блѣдный вперилъ блуждающіе глаза въ темноту, изъ которой раздался мой голосъ, пока я не выступилъ къ огню, освободившись отъ башлыка. Тогда онъ оправился и задыхаясь проговорилъ: „такъ это вы; какъ вы сюда попали? Право я полагалъ, что васъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, и что вашъ духъ отвѣтилъ мнѣ; говорятъ, подобные случаи бываютъ.“ Въ первыя минуты дѣйствительно не легко было объяснить какимъ образомъ нашелъ я въ темную бурную ночь, среди совершенно незнакомой мнѣ мѣстности, охотничій шалашъ владѣтеля, о существованіи котораго знали только весьма немногіе Абхазцы. Потерявъ въ лѣсу бамборскую дорогу и разлучившись съ провожавшими его людьми, самъ Михаилъ и не отстававшій отъ него Якубъ, отыскиали его съ большимъ трудомъ. Сбѣхались же мы въ шалашъ самымъ естественнымъ образомъ. Каца Маргани зналъ о немъ и повелъ меня туда, разчитывая застать въ немъ владѣтеля, если буря не позволила ему продолжать путь, или по крайней мѣрѣ воспользоваться имъ для ночлега. На меня Каца наѣхалъ случайно, и услыжавъ, что я зову Эмина, понялъ въ чемъ дѣло и поспѣшилъ мнѣ помочь. Въ ночь собрались къ шалашу нѣсколько человѣкъ владѣтельскихъ тѣлохранителей, вѣтеръ стихъ поутру, и на другой день мы прибыли благополучно въ Бамборы. Передъ нашимъ выѣздомъ изъ шалаша, пріѣхали сказать владѣтелю, что два человѣка изъ провожавшихъ его Абхазцевъ найдены убитыми на берегу моря. Михаилъ не сомнѣвался въ

томъ кто были виновники этого дѣла и знать гдѣ ихъ должно было отыскивать, да сила его не хватала такъ далеко. Это были Цебельдинцы, о которыхъ я уже говорилъ, отплатившіе за кровь своихъ родственниковъ, убитыхъ нѣсколько времени тому назадъ владѣтельскими людьми. Не отыскавъ случая, или не имѣя довольно рѣшительности отомстить, какъ они грозили, самому владѣтелю, они обратили мщеніе на двухъ постороннихъ Абхазцевъ, которыхъ родственники теперь были обязаны въ свою очередь подстергать цебельдинскихъ разбойниковъ и непременно заплатить имъ кровью за кровь. *Канла* переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и распространяется на всю родню убійцы и убитаго. Самые дальніе родственники убитаго обязаны мстить за его кровь; даже сила и значеніе какого-нибудь рода много зависятъ отъ числа кровомстителей, которыхъ онъ можетъ выставить. *Канла* прекращается не иначе какъ по суду, съ уплатою кровзавой пени, когда враждующія стороны того пожелаютъ. Они могутъ судиться духовнымъ судомъ, по шаріату, или по адату, произносящему свои рѣшенія на основаніи обычая. По силѣ шаріата всѣ мусульмане равны передъ Кораномъ, и кровь каждого изъ нихъ, князя или простаго землевладѣльца, цѣнится одинаково; адатъ признаетъ постепенное значеніе различныхъ сословій; и жизнь князя стѣбитъ дороже жизни дворянина, имѣющаго въ свою очередь преимущество надъ простымъ вольнымъ человекомъ. По этой причинѣ люди высшаго званія предпочитаютъ адатъ, а низшіе стараются подвести дѣло подъ шаріатъ. Одно соглашеніе враждующихъ сторонъ передать дѣло *канлы* рѣшенію шаріата или адата порождаетъ столько споровъ и ссоръ, что горцы прибѣгаютъ къ суду только въ крайнемъ случаѣ, когда *канла* угрожаетъ принять слишкомъ большіе размѣры, или когда весь народъ заставляетъ семейство кончить свою распрю этимъ способомъ.

Нѣсколько разъ случалось мнѣ упоминать о тѣлохранителяхъ владѣтеля. Въ Абхазіи они называются *ашнахмуа* и составляютъ особое сословіе не существующее въ этомъ видѣ въ другихъ кавказскихъ княжескихъ владѣніяхъ. Говоря о нихъ, считаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ объ Абхазцахъ вообще, о раздѣленіи ихъ на различныя сословія и объ обычныхъ правахъ этихъ сословій.

Восточный берегъ Чернаго моря населенъ двумя совершенно различными племенами: отъ Анапы до рѣки Саше живутъ Натухайцы и Шансуги, принадлежащіе къ племени извѣстному у насъ подъ именемъ Черкесскаго, или Адыге какъ они сами себя называютъ; отъ Саше до устья Ингура морской берегъ занятъ Абазинами, называющими себя „Абсасци“. Последніе дѣлятся на Джекетовъ или Садзовъ, живущихъ между рѣками Саше и Бзыбъ, и на Абхазцевъ, составляющихъ отдѣльное владѣніе. Черкесы и Абзины говорятъ на двухъ различныхъ языкахъ, не имѣющихъ между собою никакого сходства. Трудно опредѣлить число абхазскаго народонаселенія: въ мое время намъ не удалось еще нигдѣ пересчитать горцевъ точнымъ образомъ. Всѣ цифры того времени, которыми означали кавказское населеніе, брались приблизительно, можно сказать на глазъ. По понятіямъ горцевъ считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грѣшно; почему они, гдѣ можно было, сопротивлялись народной переписи, или обманывали, не имѣя возможности сопротивляться. Въ мое время, то-есть въ тридцать пятомъ году, считали въ Абхазіи около сорока тысячъ головъ мужескаго пола, цифра, которую я повторяю, не позволяя себѣ ручаться за ея точность.

Абхазцы, называющіе своего владѣтеля „ахъ“, дѣлятся на пять сословій: на „таводъ“, князей; „амиста“, дворянъ, „ашнахмуа“, владѣтельскихъ тѣлохранителей, составляющихъ среднее сословіе; „анхао“, крестьянъ и „агруа“, рабовъ.

Владѣтельская власть была въ то время весьма ограничена. Не получая опредѣленной подати отъ народа и пользуясь только постояннымъ доходомъ съ своихъ собственныхъ земель, владѣтель находился въ зависимости отъ князей и дворянъ, которые всегда были готовы сопротивляться его требованіямъ, когда они не согласовались съ ихъ сословными интересами. Принудить кого-нибудь изъ нихъ подчиниться безусловно его волѣ онъ могъ не иначе какъ съ помощью тѣхъ же дворянъ, которыхъ онъ долженъ былъ въ подобномъ случаѣ сперва склонить на свою сторону просьбами и подарками. Согласно весьма древнему обычаю, владѣтель пользовался правомъ раза два въ году навѣститъ каждаго князя и дворянина, и при этомъ случаѣ получить отъ него подарокъ. Кромѣ того, ему платилась особенная пеня за убійство, воровство и за каждый другой безпорядокъ, произведенные въ

составлять его дома или на землѣ составляющей его родовую собственность. Эти подарки и пени составляли единственную подать, получаемую владѣтелемъ отъ своихъ подданныхъ.

Князья и дворяне числятся въ одной категоріи, имѣя одинакія права надъ народомъ и тѣ же обязанности въ отношеніи къ владѣтелю. Они составляютъ господствующій классъ землевладѣльцевъ. Крестьянами они владѣютъ на правѣ подданства за землю, которою они ихъ надѣляютъ, сами избавлены отъ податей и не подлежатъ другому наказанію, кромѣ денежной пени. По зову владѣтеля они обязаны собираться для защиты края и его собственного лица, обязаны также почтить его подаркомъ, когда онъ посѣщаетъ ихъ дома. Цѣнность подарка зависитъ отъ достатка и отъ воли хозяина, который обыкновенно старается изъ самолюбія не отставать въ этомъ случаѣ отъ своихъ богатыхъ собратьевъ. Абхазское дворянство, въ чувствахъ своей независимости, никогда не хотѣло признавать подарокъ дѣлаемый владѣтелю за обязательную повинность, считая его только способомъ доказать свое уваженіе почетному гостю. Вообще должно замѣтить, что правила гостепріимства, установленныя здѣшнимъ обычаемъ, во всѣхъ отношеніяхъ весьма раззорительны для Абхазцевъ. Земля ихъ покрыта лѣсомъ, пастбища скудны, слѣдственно они очень небогаты скотомъ; а обычай требуетъ между тѣмъ отъ хозяина, въ честь каждаго почетнаго гостя, убить козла, барана или даже быка, и ставить его разомъ на столъ, при чемъ, что подано, должно быть и съѣдено, если не гостями, такъ народомъ сбѣгающимся на угощеніе пріѣзжихъ. Въ прочее время Абхазецъ живетъ чрезвычайно умеренно, имѣя обыкновеніе ѣсть только одинъ разъ въ сутки, передъ закатомъ солнца. Въмѣсто хлѣба здѣсь употребляютъ кукурузу или крутую кашу изъ мингрельскаго проса. *гомми*, и обыкновенная пища состоитъ изъ варенаго мяса, яицъ и молока, приготовленныхъ самымъ простымъ образомъ.

Княжескимъ званіемъ пользуются въ Абхазіи: Шервашидзе, Иналъ-ипы, Анчабадзе, Эмхуа, Чабалурхуа, Маршани и Дзапшъ-ипы. Самыя значительныя дворянскія фамиліи: Лакербай, Маргани, Микамбай и Зумбай. Кромѣ того, существуютъ въ Абхазіи незначительные дворяне, называемые лѣсными, „акуаца амиста“, состоящіе изъ чрезвычайно многочисленныхъ родовъ: Цымбай, Баргба и Акыртаа.

„Ашнахмуа“, владѣтельскіе тѣлохранители, составляютъ

особенное сословіе, степенью ниже дворянства, но пользуются всѣми его правами относительно земли и крестьянъ. Это сословіе образовалось частью изъ владѣтельскихъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ повинностей и поставленныхъ выше своего прежняго званія за разныя заслуги, частью изъ черкѣсскихъ выходцевъ, прибѣгнувшихъ подъ защиту владѣтеля, который могъ имъ дать только это сословное положеніе, не имѣя права возвышать въ дворянское достоинство, достигающееся не иначе какъ по рожденію. Они не платятъ никакихъ податей, и вся обязанность ихъ заключается въ охраненіи владѣтеля и его дома.

Крестьяне имѣютъ право владѣть землей и даже рабами, но сами несутъ установленныя обычаемъ повинности по отношенію къ господину, на землѣ котораго поселены. Они обязаны помогать ему въ полевыхъ работахъ, когда ихъ собственныя хозяйственныя дѣла то допускаютъ, два раза въ годъ давать ему по полной арбѣ кукурузы или гомми, по одной скотинѣ и по кувшину вина съ дыма. Тѣлесное наказаніе не допускается, въ Абхазіи для крестьянъ и ихъ заковываютъ въ желѣза только въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей или сопротивленія господину. Крестьянинъ въ правѣ звать своего господина на судъ за обиды и за притѣсненіе, и когда господинъ окажется дѣйствительно виновнымъ, освобождаются отъ его власти. Чтобы спастись отъ мщенія своего прежняго владѣльца, освобожденный крестьянинъ обыкновенно принужденъ селиться на землѣ другаго дворянина, подчиняясь обыкновеннымъ крестьянскимъ условіямъ, или отдать себя подъ непосредственное покровительство владѣтеля. Въ первомъ случаѣ онъ мѣняетъ только господина, во второмъ дѣлается чѣмъ-то похожимъ на вольнаго собственника, неизъятаго впрочемъ отъ обычной крестьянской подати.

Рабы существуютъ въ Абхазіи двухъ родовъ: коренные „агуа“, рожденные въ краѣ, и новые, добытые грабежомъ или на войнѣ. Рабъ составляетъ неотъемлемую собственность своего господина, обязаннаго его кормить и одѣвать или снабдить его землею, подобно крестьянину. Находясь въ домѣ своего господина, рабъ обязанъ исполнять всѣ работы, которыя на него будутъ наложены; если же господинъ снабжаетъ его землею, то онъ обязанъ работать на хозяина три дня въ недѣлю, а въ остальное время свободенъ. Дочери рабовъ

находятся въ домѣ владѣльца, имѣющаго право подарить ихъ кому захочетъ, промѣнять или продать. Жены рабовъ не могутъ быть разлучены съ мужьями. Кореннаго агруа господинъ можетъ продать не иначе, какъ съ разрѣшенія владѣтеля, который одинъ имѣетъ надъ ними право жизни и смерти; новопріобрѣтеннаго раба онъ продаетъ куда и какъ ему угодно. Хотя рабы не изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, но оно почти никогда не исполняется надъ ними, потому что горцы вообще его гнушаются.

Власть родительская неограничена. Отецъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка; но Абхазцы, какъ и прочіе горцы, такъ сильно привязаны къ своимъ дѣтямъ, что случаи злоупотребленія родительской власти почти неслыханы.

Обычные законы о наслѣдствѣ весьма просты. Имѣніе дѣлится послѣ умершаго поровну между его сыновьями. Дочери не имѣютъ участія въ наслѣдствѣ, но должны получить пропитаніе до замужества у своихъ братьевъ, обязанныхъ также дать имъ приданое сообразно ихъ состоянію. Когда умершій не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ, то имѣніе дѣлится поровну между его ближайшими родственниками, которые равномѣрно обязаны содержать и выдать замужъ его дочерей. Вдова ничего не получаетъ изъ имѣнія своего покойнаго мужа, но въ правѣ требовать пожизненнаго содержанія отъ его наслѣдниковъ. Имѣніе челоѣка, умершаго безъ наслѣдниковъ, переходитъ къ владѣтелю.

Всѣ спорныя дѣла рѣшаются въ Абхазіи судомъ по обычаю; къ шаріату Абхазцы прибѣгаютъ рѣдко и весьма неохотно, такъ какъ исламизмъ не пустилъ еще между ними глубокихъ корней. Тяжущіяся стороны выбираютъ обыкновенно судей изъ числа дворянъ, пользующихся вѣсомъ въ народѣ. Избранные судьи назначаютъ, по своей волѣ, день суда, испросивъ на то соизволеніе владѣтеля. Въ случаѣ кажнаго дѣла засѣданіе помѣщается въ оградѣ одного изъ древнихъ монастырей, возлѣ развалинъ церкви или подъ тѣнью священныхъ деревьевъ, въ мѣстахъ уважаемыхъ Абхазами по преданіямъ христіанской и языческой старины. Народъ собирается слушать дѣло, которое обсуживается публично. Судьи, давъ присягу, что станутъ судить дѣло по совѣсти, по правдѣ и по обычаю, выслушиваютъ тяжущихся и свидѣтелей, и когда всѣ обстоятельства приведены

въ ясность, удаляются для тайнаго совѣщанія. Согласившись между собою, они, до объявленія приговора, берутъ отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ присягу и поручительство въ исполненіи его, потому что на судьяхъ лежитъ не только обязанность рѣшить дѣло, но и выполнить рѣшеніе. Иногда тяжущіеся подчиняются суду самого владѣтеля, который, въ такомъ случаѣ, разбираетъ дѣло на основаніи общихъ правилъ, служащихъ руководствомъ для обыкновеннаго третейскаго суда. Подобнымъ образомъ разбираются всѣ дѣла, касающіяся до наслѣдственныхъ споровъ, до условій, семейныхъ дѣлъ, воровства, грабежа, убійства и кровомщенія.

Смертная казнь не существуетъ въ Абхазіи. Князья и дворяне отвѣчаютъ обиженному только своимъ имуществомъ; крестьяне своею личною свободою, когда ихъ собственности не достанетъ на уплату пени. Въ такомъ случаѣ они обращаются въ собственность обиженного, который можетъ ихъ продать въ рабство или оставить за собою, пока они не найдутъ способа откупиться. Пеня вносится деньгами, скотомъ и всякаго рода имуществомъ или мальчиками-рабами. За воровство, грабежъ или убійство, учиненные въ сосѣдствѣ владѣтельскаго дома или на землѣ принадлежащей владѣтелю, преступникъ подвергается, сверхъ обыкновеннаго взысканія въ пользу пострадавшихъ, уплатѣ самому владѣтелю двухъ мальчиковъ, ростомъ не ниже четырехъ и не выше шести ладоней, или денежному взносу ихъ стоимости. Для опредѣленія мѣры дѣтскаго роста служить ладонь того, кто взимаетъ пеню.

За убійство зовутъ на судъ только люди, не имѣющіе силы сами отомстить обидчику, или когда кровомщеніе угрожаетъ сдѣлаться безконечнымъ.

За безчестіе женщины или дѣвушки оплачиваютъ смертію, не зная въ этомъ случаѣ другаго способа загладить стыдъ. Въ минуту доказанной невѣрности жены, мужъ имѣетъ право убить ее. По суду она обращается только въ его рабу, что ему даетъ возможность продать ее. У Черкесовъ, строго соблюдающихъ правила исламизма, существуетъ совершенно противоположный обычай. Мужъ пользуется правомъ продать невѣрную жену, если онъ не хочетъ подвергнуть ее суду шаріата, неумолимо наказывающаго смертію подобнаго рода преступленія.

Все абазинское племя воинственно и только мѣтѣ Черкесовъ. Занималъ весьма лѣсистую и гористую мѣстность, Абазины дерутся преимущественно пѣшкомъ и пользуются славою отличныхъ стрѣлковъ. Въ домашней жизни, въ одеждѣ и вооруженіи они совершенно сходны съ Черкесами, и отличаются отъ нихъ въ этомъ отношеніи только двумя особенностями, весьма примѣтными для горца. Кафтанъ, съ патронами на груди, составляющій общую горскую одежду на всей сѣверной сторонѣ Кавказа, они носятъ гораздо короче Черкесовъ, и кромѣ того, имѣютъ привычку обвивать башлыкъ чалмою около шапки, когда концы его не распушены по плечамъ противъ дождя, чего не дѣлаютъ Черкесы.

Прибрежные Абхазцы занимаются рыбною ловлей. Устья горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ море, изобилуютъ лососинною, которая составляетъ весьма лакомую пищу и по здѣшнему обычаю жарится обыкновенно на вертелѣ. Берега посѣщаются лѣтомъ несчетнымъ количествомъ дельфиновъ, которыхъ Абхазцы ловятъ для вытапливанія изъ нихъ жиру, закупаемаго Турками и Греками. Ловля дельфиновъ весьма любопытна. Въ хорошую погоду они имѣютъ привычку держаться на поверхности моря, подпрыгивая безпрестанно колесомъ. Тогда Абхазцы выѣзжаютъ на самыхъ маленькихъ каюкахъ, выдолбленныхъ изъ дерева, обхватываютъ довольно большое водное пространство длинною сѣтью, имѣющею футовъ шесть ширины, съ поплавками наверху и съ тяжестью внизу, заставляющими ее принять въ водѣ вертикальное положеніе. Два или три каюка въѣзжаютъ во внутренность обхваченнаго сѣтью пространства, и ловцы начинаютъ бить баграми находящихся въ немъ дельфиновъ. Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому что каюки иногда тонутъ подъ тяжестью убитой рыбы, и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ кружась въ водѣ, но Абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана.

Хлѣбопашество находится въ Абхазіи, какъ и во всѣхъ горахъ, въ самомъ первобытномъ состояніи и ограничивается небольшимъ посѣвомъ „гомми“, кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сѣютъ очень мало. Русскіе научили Абхазцевъ разводить капусту, картофель и нѣкоторые другіе овощи. Абхазія чрезвычайно богата виноградомъ и разными

фруктами, въ особенности грушами, сливами и персиками, растущими безъ всякаго ухода. Въ лѣсахъ господствуютъ—дубъ, букъ, чинаръ, чиндаръ, орѣхъ, каштанъ и шелковица. Около Сухума встрѣчается въ большихъ размѣрахъ буксовое дерево и растетъ лавръ. Скотомъ Абхазцы бѣднѣе прочихъ горцевъ. Лошади ихъ небольшого роста и не отличаются силою; ослы въ большомъ употребленіи. Дичи такъ много въ горахъ и въ абхазскихъ лѣсахъ, что хлѣбопашны не знаютъ какъ уберечь отъ нея свои поля. Чаще всего встрѣчаются дикія козы, серны и кабаны. Последніе производятъ весьма убыточные опустошенія въ поляхъ, засѣянныхъ просомъ, почему Абхазцы истребляютъ ихъ безъ пощады, и продаютъ въ Сухумѣ ихъ головы и окорока за нѣсколько зарядовъ пороху. Изъ дикихъ звѣрей водятся медвѣди, волки, лѣсныя кошки, лисицы, куницы и шакалы въ несмѣтномъ количествѣ. Иногда случается охотникамъ ловить барсовъ, но это бываетъ не часто.

Приключеніе, случившееся со мной въ поѣздку съ владѣтелемъ, не отняло у меня охоты продолжать мой прежній образъ жизни, которому я предавался не безъ цѣли. Я былъ слишкомъ безпеченъ для того, чтобы задумываться долго надъ совѣтомъ Каца Маргани, и мысленно надѣлся на свое счастіе, когда мнѣ напоминали о Софыджѣ или о Богорканъ-ипѣ, указывая на ихъ дерзкія и хитрыя продѣлки. Моя увѣренность не обманула меня въ этомъ отношеніи. Случай свелъ меня съ однимъ изъ нихъ лицомъ къ лицу, и я вышелъ изъ этой встрѣчи цѣлъ и невредимъ. Разкажу, какъ это случилось.

Проживая въ Бамборахъ, я видѣлся съ владѣтелемъ почти ежедневно, навѣщая его въ Лехне, и попрежнему продолжалъ появляться нерѣдко въ Сухумѣ и въ Келассури. Не взирая на скрытную вражду, существовавшую между Михаиломъ и Гассанъ-беемъ, я находился съ обоими въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и пользовался ихъ довѣренностію въ одинакой мѣрѣ, употребляя для этого самое простое средство—никогда ихъ не ссорить, а напротивъ того, улаживать дѣло, когда между ними возникали какія-нибудь недоумѣнія. Для моихъ собственныхъ дѣлъ мнѣ были нужны болѣе всего личные друзья. Часто я проводилъ у Гассанъ-бея по нѣскольку дней сряду, почевалъ у него, игралъ съ нимъ въ шахматы, кормился его жирными турецкими обѣдами, приправленными краснымъ перцомъ отъ перваго до послѣдняго блюда, или

ѣздилъ съ нимъ въ Дранды къ батальонному командиру играть въ бостонъ. Гассанъ-бей выучился этой игрѣ въ Сибири, очень ее любилъ, игралъ хорошо, и твердо помнилъ бостонный расчетъ, не взирая на свою безграмотность.

Однажды я пріѣхалъ въ Келассури съ однимъ Шакриловымъ, не засталъ Гассанъ-бей, и не останавливаясь поѣхалъ въ его домъ, поѣхалъ въ Дранды, желая узнать отъ батальоннаго командира подробности дѣла, случившагося около самаго укрѣпленія. Дѣло это заключалось въ томъ, что цецельдинскіе разбойники угнали нѣсколько подземныхъ лошадей и убили двухъ солдатъ, которые ихъ стерегли. Отъ Келассури до Драндъ недалеко, и мы пріѣхали черезъ два часа въ укрѣпленіе. Первое время естественно прошло въ разказахъ о неспріятномъ происшествіи; потомъ сѣли обѣдать. Мы были еще за столомъ, когда караульный офицеръ прислалъ спросить къ намъ ли принадлежать Абхазцы, расположившіеся кормить лошадей въ виду укрѣпленія. Въ Абхазіи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ на Кавказѣ, видя передъ собою горцевъ, рѣдко можно было знать навѣрное, друзья ли они, или неспріатели. Чрезвычайно дерзкіе въ своихъ воровескихъ покушеніяхъ, они подѣзжали довольно часто въ небольшомъ числѣ къ укрѣпленіямъ и останавливались около нихъ съ видомъ миролюбивыхъ людей, имѣющихъ какую-нибудь надобность; потомъ, выждавъ удобную минуту, бросались неожиданно на солдатъ и на скотину, находившихся въ укрѣпленіи, убивали однихъ, угоняли другую, и уходили, прежде чѣмъ успѣвали послать за ними погоню. Поэтому караульные были обязаны слѣдить за всѣми горцами, показывавшимися вблизи постовъ и укрѣпленій и тотчасъ дознавать, кто они и зачѣмъ пріѣхали. Отвѣтивъ, что мы пріѣхали только вдвоемъ и что объ этихъ людяхъ ничего не знаемъ, я поручилъ Шакрилову разсмотрѣть ихъ въ зрительную трубку. Исполняя мое приказаніе, онъ насчиталъ семь человекъ, совершенно ему незнакомыхъ, пасшихъ своихъ лошадей въ разстояніи пущаго выстрѣла. Можно было выслать казаковъ, узнать поближе, кто они таковы, и даже заставить ихъ отъѣхать подальше; но это было плохое средство отъ нихъ избавиться. Хуже было встрѣтиться съ ними на дорогѣ чѣмъ возлѣ укрѣпленія, если они дѣйствительно составляли неспріательскую партію. Я былъ увѣренъ, что никто не зналъ о моемъ

предположеніи ѣхать въ Дранды и не слѣдилъ за мною. На дорогѣ мы хорошо осматривались во все стороны и также никого не видали. Повтому я не полагалъ, что эти люди, кто бы они ни были, выжидаютъ собственно меня. Лучше всего было оставить ихъ въ покоѣ, не показывая даже вида, что за ними наблюдаютъ, и дожидаться когда они сами уйдутъ, замѣчая только въ какую сторону, для того чтобы не наткнуться на нихъ неосторожнымъ образомъ. Нѣсколько разъ я посылалъ и самъ ходилъ узнавать изъ-за бруствера, очистили ли они мѣсто; но лошади паслись попрежнему, а люди около нихъ, казалось, спали крѣпкимъ сномъ. Передъ вечеромъ мыѣ дали знать, что они, наконецъ, уѣхали по направленію къ Кодору, въ противоположную сторону отъ моей дороги. Изъ предосторожности я далъ пройти еще полчаса и оставилъ потомъ укрѣпленіе, не изиравъ на убѣжденія коменданта переночевать у него или взять, по крайней мѣрѣ, казачій конвой. Ночевать я не остался для того, чтобы сдержать мое обѣщаніе провести вечеръ въ Келассури, опасаясь дать Гассанъ-бею дурное понятіе о моей смѣлости, если онъ узнаетъ что остановило меня пріѣхать; а отъ казачьяго конвоя я отказался, желая сберечь въ глазахъ Абхазцевъ неизвѣстность, въ которую облакалъ меня мой черкесскій нарядъ. Дорога изъ Дранды вела черезъ открытую поляну, подъ горю, въ густой лѣсъ, примыкавшій къ морскому берегу. Лѣсомъ приходилось ѣхать около трехъ верстъ. Подъѣзжая къ опушкѣ, мы увидѣли нѣсколько въ сторонѣ отъ нашей дороги стреноженныхъ лошадей, и около нихъ людей, которые, замѣтивъ насъ, стали подыматься съ земли. Шакриловъ узналъ въ нихъ горцевъ, кормившихъ такъ долго лошадей въ виду крѣпости, и тотчасъ вывелъ заключеніе, что они бродятъ здѣсь не съ добрымъ намѣреніемъ. Въ лѣсу мы прибавили шагу, нисколько не ревнуя схватиться съ ними двое, противъ семерыхъ. Дорога была такъ узка, что Шакриловъ не могъ ѣхать рядомъ со мною. Мы не сдѣлали по лѣсу двухъ сотъ шаговъ, какъ передъ нами показался ѣхавшій намъ навстрѣчу высокаго роста молодой человѣкъ. По горскому обыкновенію, когда встрѣчаются незнакомые люди, уступаетъ дорогу тотъ, кто чувствуетъ себя ниже званіемъ, или слабѣе. Дворянинъ черкесскаго рода скорѣе станетъ драться, чѣмъ своротить для Абазина. Молодой человѣкъ былъ Абазинъ, а моя черкеска, оружіе и отличная кабардин-

ская лошадь обличала Черкеса не простаго званія. Я зналъ на столько горцевъ, чтобы понять, что въ этомъ случаѣ мнѣ надо было удержать дорогу или возбудить въ моемъ противникѣ пренебреженіе ко мнѣ, что было опасно. Мы ѣхали прямо одинъ на другаго. Не доѣзжая двухъ шаговъ, Абазинъ положилъ лѣвую руку на чехолъ своей винтовки. Какъ извѣстно, горцы носятъ ружье за плечами въ бурочномъ чехлѣ, изъ котораго выхватываютъ его мгновенно однимъ взмахомъ правой руки, откинувъ сперва лѣвою рукой чехолъ съ приклада. Это движеніе, означавшее вызовъ, доказывало, что онъ не намѣренъ уступать. Не касаясь своего ружья, я взмахнулъ плетью, и наши лошади столкнулись мордами. Это его такъ озадачило, что онъ невольно своротилъ въ сторону, но поровнявшись съ Шакриловымъ, вдругъ схватилъ его лошадь за поводъ, назвалъ по имени и сталъ ему съ горячностью говорить что-то по-абхазски. Въ ту же минуту я остановилъ лошадь, взвелъ курокъ у моего пояснаго пистолета, и повернулся на сѣдлѣ, готовый выстрѣлить ему въ спину прежде чѣмъ онъ успѣетъ взяться за оружіе. Когда курокъ щелкнулъ на взводѣ, Абазинъ оглянулся, сказалъ еще нѣсколько словъ, съ видомъ сдержанной досады, взмахнулъ плетью и отъѣхалъ скорымъ шагомъ. Нѣсколько времени мы удалялись другъ отъ друга, безпрестанно оглядываясь и въ полной готовности выхватить ружья, если понадобится. На первомъ поворотѣ дороги Шакриловъ объявилъ мнѣ, что мы встрѣтили Богорканъ-ипу, что люди бывшіе въ лѣсу принадлежать къ его шайкѣ, и что намъ остается теперь только уходить, не дожидаясь пока онъ опомнится и станетъ насъ догонять съ своими товарищами. До Келассури мы скакали сколько было силы у лошадей, и только въ виду деревни дали имъ вздохнуть. Тутъ Шакриловъ разказалъ мнѣ какъ было дѣло. Богорканъ-ипа, озадаченный и разсерженный моею неуступчивостью, спросилъ его грознымъ голосомъ, схвативъ поводъ лошади: „кто ѣдетъ съ тобою? — не пущу ни шагу, пока не отвѣтишь!“ Шакрилова онъ узналъ, видѣвъ его нѣсколько разъ въ домѣ у Михаила.

— Кабардинскій князь, гость владѣтеля.

— Какъ его зовутъ, куда вы ѣздили и зачѣмъ?

— Не мое дѣло знать его имя и его дѣла. Владѣтель приказалъ мнѣ проводить его въ Дранды и я исполняю владѣтельское приказаніе.

— Все это неправда!

— Въ твоей волѣ вѣрить или нѣтъ.

— А если я вздумаю остановить васъ обоихъ?—мои люди въ двухъ шагахъ.

— Попробуй! если мы еще дадимся!— не забывай только, что за кровь своего гостя метить владѣтель, и что пуля его хватаетъ далеко.

Въ это мгновеніе я взвелъ курокъ у пистолета.

— Это что значитъ? спросилъ Богорканъ-ипа.

— То значитъ, что Кабардинецъ не намѣренъ долѣе терпѣть твоего нахальства. Развѣ ты не держишь моей лошади?—Еслибы не въ чужой землѣ, такъ онъ бы тебѣ давно показалъ, позволено ли съ нимъ шутить.

Увѣренность, съ которою говорилъ Шакриловъ и мой пистолетъ на-готовѣ, умилили гнѣвъ Богоркана. Съ словами: „эти Кабардинцы бѣшенныя собаки!“ онъ бросилъ поводъ лошади Шакрилова и отъѣхалъ.

Вечеромъ я разказалъ мое похождение Гассанъ-бею, который поздравилъ меня съ тѣмъ, что я такъ дешево отдѣлался, потому что сила была на сторонѣ Богорканъ-ипы, и онъ не призвалъ своихъ людей только изъ страха казны, еслибы я действительно оказался кабардинскимъ княземъ, за котораго меня выдавалъ Шакриловъ. При этомъ я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи попросить Гассанъ-бея передать Цебельдину, что встрѣтившись съ незнакомцемъ, котораго онъ такъ самоуверенно обѣщалъ привести домой живаго или мертваго, и не сдержавъ своего слова, хотя имѣлъ силу на своей сторонѣ, онъ заслужилъ такимъ славнымъ подвигомъ полное право не только вооружиться прикладомъ вмѣсто ружья, но даже надѣтъ женскую юнку. Сильнѣе этого нельзя было обидѣть горца.

Пока я ѣздилъ, знакомился и не находилъ людей, которыхъ отыскивалъ, наступила весна, дороги просохли и приблизилось время для нашихъ войскъ приняться опять за прошлогоднюю работу, прорубать лѣса и насыпать укрѣпленія. Въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Абхазію генералъ Н. Мои изслѣдованія и предположенія не были имъ одобрены. Мѣсто, выбранное мною для бзыбскаго укрѣпленія показалось ему неудобнымъ, и онъ предоставилъ себѣ самому отыскать новый пунктъ. Осмотрѣвъ разныя мѣста, онъ нашелъ его, наконецъ, возлѣ устья Бзымбы, въ четырехъ верстахъ сѣвернѣе Пицунды,

гдѣ онъ также предполагалъ учредить переправу. По моему мнѣнію мѣсто было одинаково неудобно для переправы и для укрѣпленія. Заброшенный уголокъ на берегу моря, отрѣзанный высокимъ гребнемъ отъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ, въ сторонѣ отъ дороги, посреди густаго лѣса, этотъ пунктъ ничѣмъ не владѣлъ и ничего не защищалъ. Бзыбъ проходитъ всадѣ въ обыкновенную воду, но въ три лѣтніе мѣсяца, когда снѣгъ таетъ въ высокихъ горахъ или послѣ сильныхъ дождей, полая вода заливаешь всѣ броды. Горцы называютъ Бзыбъ бѣшеною рѣкой, потому что по всему берегу Чернаго моря нѣтъ другой рѣки, которая такъ неожиданно и такъ скоро поднимается, такъ часто мѣняетъ глубину и направленіе и въ которой гибнетъ столько людей отъ неимовѣрной быстроты теченія. Около Адженхуне и выше этого селенія броды весьма удобны въ обыкновенное время, хотя съ опасностью, но возможны и въ полноводіе, между тѣмъ какъ возлѣ устья исчезаетъ всякая возможность воспользоваться бродомъ или устроить переправу. Н. оправдывалъ свой выборъ тѣмъ, что Шансури и Джекеты пристають въ этомъ мѣстѣ на своихъ галерахъ, дѣлая на Абхазію набѣги съ моря, и что онъ надѣется прекратить эти набѣги устроивъ здѣсь укрѣпленіе. Это было весьма сомнительно. Прибрежные Черкесы и Абазины, живущіе на сѣверѣ отъ Абхазіи, имѣли дѣйствительно обыкновеніе отправляться на морской разбой въ узкихъ, длинныхъ и чрезвычайно легкихъ лодкахъ, вмѣщавшихъ отъ тридцати до пятидесяти человѣкъ. Эти лодки, названныя нами галерами, были уже извѣстны византійскимъ Грекамъ подъ именемъ „камаръ“. Быстрота ихъ удивительна, и онѣ такъ легки, что люди выносятъ ихъ изъ воды на своихъ плечахъ, прячутъ въ лѣсу и отправляются потомъ на грабежъ. Черкесскіе морскіе разбойники приставали около устья Бзыба, потому что это мѣсто не посѣщалось никѣмъ и находилось въ совершенной глуши, но кто могъ заставить ихъ приставать къ нему, еслибы на немъ находилось наше укрѣпленіе; нѣсколько сотъ сажень выше или ниже его, да и гдѣ угодно имѣлось множество подобныхъ притоновъ на абхазскомъ берегу.

Какъ ни противился этому выбору Пацовскій, что ни говорилъ о немъ владѣтель, Н. остался непоколебимъ. Морскія силы Черкесовъ заняли совершенно его воображеніе.

Часть отряда подъ его личнымъ начальствомъ отправилась строить бзыбское укрѣпленіе, для котораго надо было сперва очистить лѣсъ. Полтора батальона получили назначеніе устроить дорогу черезъ горы между Адженхуне и Пицундою. Для прикрытія работъ на лѣвомъ берегу Бзыба необходимо было выдвинуть авангардъ на правый берегъ рѣки, и устроить для него сообщеніе съ главнымъ отрядомъ. Съ этой цѣлью Н. вызвалъ къ войскамъ владѣтеля съ нѣсколькими сотнями абхазскихъ милиціонеровъ, которыхъ онъ расположилъ въ лѣсу за Бзыбомъ, давъ имъ въ подкрѣпленіе двѣ русскія роты. Скоро и Пацовскій отправился изъ Бамборъ на Бзыбъ, и я остался въ опустѣломъ укрѣпленіи, одинъ съ Шакриловымъ, преслѣдовать съ упрямствомъ цѣль, для которой я пріѣхалъ въ Абхазію. Дамское общество, остававшееся въ осиротѣлыхъ Бамборахъ, не занимало меня достаточно для того, чтобы хотя на одно мгновеніе отвлечь мои мысли отъ предпріятія, которому я предался всею душой, съ увлеченіемъ молодого восторженнаго воображенія. Въ Тифлисѣ я далъ слово не упустить никакого случая, сколько бы онъ ни представлялъ опасностей, увидать морской берегъ за Гаграми чтобы разрѣшить различные спорные вопросы, и старалъ нетерпѣніемъ исполнить мое слово, имѣя въ виду одну пользу, какую я надѣялся принести своимъ самопожертвованіемъ. Между тѣмъ я встрѣчалъ съ каждымъ днемъ новыя затрудненія, и все болѣе убѣждался въ томъ, что не найду въ Абхазіи средствъ исполнить мое порученіе. Всего проще было отказаться отъ него, основываясь на положительной невозможности, и никто не могъ доказать противнаго; но не боясь чужихъ упрековъ, я стыдился самого себя. Чего нельзя было найти въ Абхазіи, можно было отыскать въ другомъ мѣстѣ. Днемъ и ночью я работалъ мысленно, придумывая новыя средства и другіе пути для моего путешествія. Къ этой борьбѣ съ враждебными обстоятельствами присоединилась для меня еще новая напасть, угрожавшая разрушить всѣ мои планы. Начальникъ абхазскаго отряда, несогласный съ моимъ взглядомъ на вещи, и недовольный тѣмъ что я имѣлъ, сверхъ офиціальнаго, еще другое назначеніе, освобождавшее меня отъ его непосредственнаго надзора, началъ мнѣ вредить служебнымъ путемъ, выставляя всѣ мои дѣйствія не имѣющими положительнаго основанія и не общающимися никакого резуль-

тата. Получивъ объ этомъ уведомленіе изъ Тифлиса, я узналъ очень хорошо, что могу опровергнуть его заключенія не словами, а только фактомъ, и долженъ спѣшить представить его на глаза твоихъ лицъ, которымъ старался внушить противъ меня предубѣжденіе. Мое положеніе было въ это время не завидно, и я рѣшился освободиться изъ него, составивъ слѣдующій планъ, основанный на свѣдѣніяхъ собранныхъ мною въ Абхазіи. Не надо забывать, что въ то время всѣ эти свѣдѣнія были для насъ еще очень новы, и никто не зналъ, гдѣ именно живутъ люди того или другаго племени и какимъ языкомъ они говорятъ. Абхазцы какъ я узналъ, не имѣли никакой связи съ Шапсугами; сношенія ихъ съ приморскими Джекетами были совершенно ничтожны; и такъ какъ непріятель караулилъ гагринскую дорогу день и ночь со времени прихода нашихъ войскъ на устье Бзыба, то нечего было и думать проѣхать этимъ путемъ. Между тѣмъ Башилбай, Тегирей, Тамъ и нѣкоторые другіе аулы на сѣверной покатости горъ состояли изъ населенія чистаго абазинскаго происхожденія, съ которымъ Абхазцы поддерживали самыя дружескія отношенія, находя въ этихъ аулахъ пристанище, когда имъ случалось переходить черезъ снѣговой хребетъ съ цѣлю грабить Черкесовъ, съ которыми они давно уже жили не въ ладу. Мое намѣреніе было, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, перейти черезъ горы съ Абхазцемъ имѣющимъ друзей или родственниковъ въ одномъ изъ означенныхъ ауловъ, слывшихъ настоящими разбойничьими гнѣздами, поселиться въ немъ, и выждавъ удобный случай, склонить перваго рѣшительнаго удалыца провести меня къ морю. Этотъ расчетъ былъ составленъ мною не необдуманно, и я имѣлъ уже въ виду людей, къ которымъ я хотѣлъ обратиться съ моимъ предложеніемъ. На верховьѣ Зелничуга, недалеко отъ Башилбая, скрывались абазинскіе князья Ловы, жившіе прежде на линіи въ своемъ собственномъ аулѣ, лежавшемъ на берегу Кумы. Въ припадкѣ оскорбленной гордости они убили пристава, поставленнаго русскимъ начальствомъ надъ ихъ ауломъ и принадлежавшаго къ числу ихъ узденей; послѣ того имъ нельзя уже было оставаться въ предѣлахъ подвластныхъ русской власти. Они бѣжали въ горы съ довольно большимъ числомъ преданныхъ узденей и болѣе четырехъ уже лѣтъ тревожили нашу границу своими частыми и весьма удачными

пабѣгами. Имя ихъ получало нѣкоторую извѣстность на линіи и между черкесскими абреками; дѣла ихъ, согласно горскому взгляду на вещи, шли хорошо; но сами они скучали о родномъ мѣстѣ, и не увлекались своими удачами, думали только о томъ какъ бы снова сблизиться и помириться съ Русскими. Объ этомъ я узналъ отъ абхазскаго дворянина Микамбая, ходившаго въ прежнія времена довольно часто на сѣверную сторону горъ. Я познакомился съ нимъ въ одну изъ моихъ прѣздокъ по нагорной части Абхазіи, и не зналъ еще (на что можетъ онъ мнѣ пригодиться, на всякой случай сталъ поддерживать наше знакомство, приглашая его къ себѣ и дѣлая ему подарки, которые онъ очень любилъ. Не полагаясь на его дружбу, я не открывалъ ему моихъ настоящихъ намѣреній, рѣшившись повѣрить ихъ только тому горцу который бы согласился быть моимъ проводникомъ. Поэтому я просилъ только Микамбая переслать отъ меня къ Ловамъ туредкое письмо, написанное Эминомъ Шакриловымъ, въ которомъ я предлагалъ имъ мое посредничество, если они дѣйствительно намѣрены покориться и звалъ ихъ къ себѣ въ Абхазію переговорить объ этомъ дѣлѣ. Охотникъ Хатхуа, одинъ изъ крестьянъ Микамбая, сходилъ съ этимъ письмомъ черезъ горы и принесъ мнѣ отвѣтъ, въ которомъ Ловы съ удовольствіемъ принимали мое предложеніе, но отказывались ѣхать въ Абхазію, опасаясь оставить безъ защиты, свое семейство на которое русскія войска могли напасть въ продолженіи ихъ отлучки. Они предлагали мнѣ самому пріѣхать къ нимъ для свиданія, обѣщая принять меня какъ неприкосновеннаго гостя, кто бы я ни былъ, такъ какъ въ моемъ письмѣ я объявилъ имъ, что назову себя только тогда, когда наше дѣло уладится, и они удостовѣрятся въ моемъ правѣ говорить именемъ русскаго правительства. Ихъ приглашеніе меня очень обрадовало, давая мнѣ весьма благовидный предлогъ для путешествія черезъ горы. Я рѣшился воспользоваться имъ немедленно. Съ письмомъ Лововъ въ рукѣ, я предложилъ Микамбаю провести меня черезъ горы, увѣряя его притомъ, что я предпринимаю эту поѣздку единственно для того, чтобы не упустить случая помирить съ Русскими такихъ опасныхъ абрековъ, каковы братья Ловы и, въ то же время, вывести ихъ самихъ изъ ненадежнаго положенія, въ которое они себя поставили.

Не взирая на мои убѣжденія, подкрѣпленные выгодными предложеніями, Микамбай отказался рѣшительно идти со мною на линію, считая подобное предпріятіе слишкомъ опаснымъ, особенно послѣ случившагося недавно происшествія, состоявшаго въ слѣдующемъ. Осенью, передъ моимъ прїѣздомъ въ Абхазію, выбросило бурю недалеко отъ устья Бзыба турецкое судно, на которомъ возвращались изъ Мекки черкесскіе хаджіи. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ абазинскаго языка, и это ихъ погубило. Простые Абхазцы, изъ ближайшихъ селеній, услыхавъ о крушеніи судна съ чужими людьми, говорящими на какомъ-то непонятномъ языкѣ и имѣющими при себѣ много товара и богатое оружіе, сбѣжались ихъ грабить. Хаджіи стали обороняться, и дѣло кончилось тѣмъ, что народъ перебилъ изъ ихъ числа тридцать трехъ человекъ. Только семеро успѣли спастись отъ смерти, благодаря Ростому Иналъ-ипѣ, къ несчастію, прискакавшему слишкомъ поздно на мѣсто побоища. Спасенные имъ Черкесы, всѣ, безъ исключенія, были покрыты ранами. Владѣтель, который не могъ смотрѣть равнодушно на это несчастное происшествіе, призрѣлъ раненыхъ у себя въ домѣ, гдѣ старался всѣми способами облегчить ихъ горькую судьбу. Между ними находился семидесятилѣтній Кабардинецъ, Хаджи Джансеидъ, которому Абхазцы прибавили шесть новыхъ ранъ къ двадцати прежнимъ, покрывавшимъ его старое тѣло. Казалось, смерть его была неизбежна, но благодаря уходу за нимъ во владѣтельскомъ домѣ, онъ вылѣчился и со всѣми принадлежавшими ему вещами и большими подарками былъ отправленъ къ себѣ. Послѣ этого негостепріимнаго поступка Абхазцевъ съ мусульманами, возвращавшимися изъ святаго путешествія въ Мекку, Кабардинцы, Шапсуги и Абадзехи, имѣвшіе между побитыми хаджіями своихъ соотечественниковъ, назвали Абхазію проклятою страной и поклялись убивать безпощадно каждаго Абхазца, который имъ попадется, кромѣ Ростомъ Иналъ-ипы и владѣтеля, сохранившихъ жизнь израненныхъ хаджіевъ. Микамбай находилъ слишкомъ неблагоразумнымъ для Абхазца ѣхать на другую сторону горъ, пока время не загладитъ, хотя нѣсколько, впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ на Черкесовъ, и нисколько не желалъ попасться имъ одинъ изъ первыхъ на глаза.

Шакризовъ проводилъ меня къ Микамбаю и служилъ перс-

водчикомъ въ переговорахъ съ нимъ. Это были послѣднія услуги, оказанныя имъ мнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Н. потребовалъ его къ себѣ переводчикомъ, и Шакриловъ отправился въ отрядъ, находившійся на Бзыбѣ, поручивъ мнѣ не забывать его жены, жившей въ небольшомъ домикѣ по дорогѣ отъ укрѣпленія въ Лехне. Съ потерей Шакрилова я остался безъ языка, и когда прїѣзжали ко мнѣ Абхазцы, долженъ былъ по-неволѣ прибѣгать къ обязательному посредничеству его жены. Она говорила по-русски не хуже своего мужа и вела въ этихъ случаяхъ за меня разговоръ съ людьми, которыхъ я къ ней привозилъ. Въ Абхазіи скрываютъ женщинъ, равно какъ и у прочихъ горцевъ, но она пользовалась, какъ христіанка и жена русскаго офицера, свободою, которой не имѣли другія Абхазки, показывалась безъ покрывала и принимала у себя гостей, впрочемъ всегда только въ присутствіи какой-нибудь старой родственницы.

Не уладивъ дѣла съ Мукамбаемъ, я поѣхалъ въ бзыбскій отрядъ съ намѣреніемъ упросить владѣтеля доставить мнѣ другой способъ съѣздить черезъ горы къ Ловамъ. Кромѣ того, я любопытствовалъ увидать вблизи работы производившіяся на Бзыбѣ и переправу черезъ эту рѣку, о которыхъ доходили до меня разные непонятные слухи. Ожидали полноводья, и именно въ это время надо было изучить свойства рѣки для того, чтобъ убѣдиться въ невозможности устроить на ней какого бы рода ни было постоянную переправу, кромѣ натурального брода, когда состояніе воды его допускало. Я зналъ характеръ Бзыба довольно хорошо, по распросамъ, но теперь хотѣлъ лично удостовѣриться вѣрны ли были свѣдѣнія, собранныя мною черезъ Шакрилова, и которыя я передавалъ уже начальнику войскъ. Съ однимъ изъ его братьевъ я прїѣхалъ въ отрядъ въ то самое время, когда вода стала подниматься. Не видавъ собственными глазами, трудно себѣ представить силу и быстроту, съ какою безпрестанно возрастающая масса воды отрывала куски берега, ворочала камни и проносила въ море огромныя деревья, подмытыя въ корняхъ. Для переправы на другой берегъ ходилъ баркасъ на блокахъ по якорному канату, перетянутому черезъ рѣку подъ острымъ угломъ. Внизъ онъ легалъ съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука; вверхъ его тянули болѣе ста солдатъ выбиваясь изъ силъ, и работая иногда цѣлый часъ, хотя рѣка была въ этомъ мѣстѣ не шире сорока саженей. Когда баркасъ

тянули вверхъ по теченію, вода ударяла въ его носовую часть съ такою силой, что каждое мгновеніе можно было ожидать, что онъ разобьется въ щепки, или будетъ залитъ водою. Устройство этой переправы стоило неимовѣрныхъ трудовъ, канаты рвались, баркасы ломало, и надо отдать полную справедливость искусству и терпѣнію, съ которыми наши моряки успѣли, наконецъ, взять верхъ надъ бѣшеною рѣкой. Я не понималъ только цѣли, для которой все это дѣлалось, и удивлялся, что до сихъ поръ не случилось какого-нибудь большаго несчастія. Его дождались, впрочемъ, очень скоро. Ночью рѣка выступила изъ береговъ и залила часть лагеря, въ которомъ я ночевалъ; пришлось спасаться въ рубашкахъ и переносить палатки на другое мѣсто.

Укрѣпленіе мое показалось также не на мѣстѣ; его разбили слишкомъ близко къ рѣкѣ, имѣвшей обыкновеніе мѣнять безпрестанно свое теченіе и обмывать берега на весьма большое пространство. Въ военномъ отношеніи я не могъ не сознать его положительной безполезности. Оно строилось въ видѣ бастіонированнаго треугольника для двухъ орудій и для гарнизона въ сорокъ человѣкъ, въ ста саженьяхъ отъ морскаго берега кончавшагося десятифутовымъ обрывомъ. За этимъ обрывомъ черкесскія галеры оставались скрытыми отъ выстрѣловъ изъ укрѣпленія, и могли, еслибы имъ вздумалось приставать къ берегу у него подъ носомъ; а выходить на встрѣчу къ непріятелю, не зная числа его, едва ли можно было совѣтовать такому малочисленному гарнизону. Къ счастью, Бзыбъ привалъ на себя трудъ рѣшить вопросъ о выгодахъ и невыгодахъ этого укрѣпленія, размышъ сего слѣдующею весной до основанія, такъ что люди промучились въ немъ только одну зиму. Жаль было только трудовъ и времени, потерянныхъ на его постройку.

На другой день я перѣхалъ на правую сторону рѣки въ лагерь абхазскаго ополченія, утопавшаго въ грязи, между пнями и валежникомъ вновь расчищеннаго лѣса. Владѣтель принялъ меня въ низенькомъ балаганѣ, на мокрой соломѣ, въ весьма дурномъ расположеніи духа, и сообщилъ мнѣ съ первыхъ словъ, что Абхазцы громко ропщутъ на скучную стоянку въ лѣсу, безъ всякаго дѣла, и что ему самому надобно караулить непріятеля, который не показывался еще, да и впередъ не покажется, имѣя твердое намѣреніе не мѣшать Русскимъ на Бзыбѣ, а встрѣтить ихъ только когда они

двинутся за Гагры. Самъ онъ намѣревался просить начальника отряда уволить его изъ лагеря съ частью милиціи, которую, по его мнѣнію, должно было раздѣлить на нѣсколько смѣнъ, для того чтобы не отнять у людей совершенно всякую охоту намъ служить. Михаилъ разсуждалъ въ этомъ случаѣ весьма справедливо, и нисколько не думалъ отказывать намъ въ своей помощи. Но онъ зналъ свой народъ и предвидѣлъ, что милиціонеры станутъ разбѣгаться, если не будутъ имѣть передъ собою достаточно короткій и точно опредѣленный срокъ службы; а для того чтобы не допустить между ними самовольныхъ отлучекъ и явнаго сопротивленія, въ случаѣ строгости, существовало одно средство—распустить ихъ добровольно. По нетерпѣливости характера, Абхазцы были рѣшительно неспособны къ долгой и скучной сторожевой службѣ, имъ надо было, собравшись, пострѣлять, подраться, пограбить и потомъ сейчасъ разойтись. Съ моей стороны я разказалъ владѣтелю мою неудачу съ Микамбаемъ и просилъ его помочь мнѣ проѣхать на линію. Князь Михаилъ обѣщалъ мнѣ взяться за это дѣло вернувшись въ Лехне, считая даже возможнымъ уговорить самого Микамбай быть моимъ проводникомъ, несмотря на его весьма основательныя опасенія встрѣтиться съ Кабардинцами или Абазинами послѣ несчастнаго истребленія хаджіевъ. Старикъ Микамбай, сказалъ мнѣ владѣтель, не трусливъ, чрезвычайно изворотливъ, хорошо знаетъ дороги въ горахъ и очень часто въ своей молодости и даже еще недавно ходилъ за горы красть лошадей и черкесскихъ мальчиковъ. Эти подвиги доставили ему извѣстность и уваженіе въ Псоу и въ Цебельдѣ, гдѣ онъ, кромѣ того, имѣетъ родственниковъ. На случай же встрѣчи съ Черкесами, Михаилъ обѣщалъ дать мнѣ одного изъ братьевъ Шакриловыхъ съ письмомъ на имя хаджи Джансеида, даваго ему изъ благодарности святое слово беречь какъ самого себя каждаго, кого онъ поручитъ его покровительству.

Въ тотъ же день владѣтель отпросился изъ отряда съ небольшою милиціонеровъ. Людей, клажу и сѣдла переправили обратно на баркасѣ. Лошадей пустили вплавь, не черезъ Бзыбъ, такъ какъ это было невозможно, а моремъ, по которому онѣ обогнули огромною дугой быструю рѣку и выплыли на другой сторонѣ. Абхазскія лошади держатся на водѣ немногимъ хуже своихъ хозяевъ. Въ Бамборахъ наши корабли станови-

лись на якорѣ не ближе трехъ италіянскихъ миль отъ берега, и я имѣлъ тутъ возможность видѣть какъ плаваютъ Абхазцы. Двое или трое изъ нихъ бросались раздѣвшись въ море, доплывали до корабля, выпивали на палубѣ по стакану водки и, отдохнувъ полчаса, тѣмъ же путемъ возвращались на берегъ.

Не позже какъ на третій день послѣ моего отъѣзда изъ отряда въ Бамборы прискакалъ Абхазецъ увѣдомить меня о несчастіи случившемся на Бзыбѣ. Видѣвъ состояніе рѣки и переправу черезъ нее, я могъ ожидать несчастія, но отнюдь не полагалъ, что оно коснется меня такъ близко. Баркасъ, ходившій отъ одного берега къ другому, опрокинуло напоромъ воды съ бывшими на немъ двадцатью человѣками, изъ которыхъ двѣнадцать потонуло. Въ числѣ утопшихъ находился Эминъ Шакриловъ, тѣло котораго унесло въ море, такъ что его не могли даже отыскать. Это извѣстіе меня чрезвычайно огорчило, потому что я привыкъ видѣть въ Шакриловѣ моего неразлучнаго товарища и любилъ его за добрый нравъ и за качества ума, которыми онъ отличался передъ всѣми знакомыми мнѣ молодыми Абхазцами. Первымъ долгомъ было для меня поспѣшить къ его несчастной вдовѣ. Здѣсь меня ожидала сцена, которой я не могъ предвидѣть, не имѣвши прежде случая присутствовать на абхазскомъ погребеніи.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпилось не малое число мужчинъ и женщинъ, я сошелъ съ лошади и попросилъ увѣдомить вдову о моемъ пріѣздѣ. Черезъ нѣсколько времени послышался изъ дома громкій плачь, дверь отворилась, и Шакрилова вышла ко мнѣ рыдала и заливалась слезами; нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго мужа окружали и поддерживали ее. Она была одѣта въ длинную шерстяную рубашку, чернаго цвѣта, босалъ съ открытою грудью и съ распущенными волосами. Лицо, грудь и руки были исцарапаны и избиты до крови не только у нее, но и у всѣхъ родственницъ Шакрилова. Непрितворная скорбь, написанная на ее лицѣ, возбуждала искреннее сожалѣніе; но, признаюсь, язвы, которыми оно было изуродовано, не усиливали этого чувства, а возбуждали только отвращеніе. Въ этомъ случаѣ она исполняла обычай, котораго никакая Абхазка не смѣла нарушить, подъ опасеніемъ потерять всякое уваженіе въ народѣ. Выслушавъ отъ меня выраженіе участія, какое принималъ я въ постигшемъ ее горѣ, она ввела меня за руку въ шалашъ, построенный

возлѣ дома и убранный внутри коврами и разными матеріями, посреди котораго стояла на высокихъ подмосткахъ парадная постель. Въмѣсто неотысканнаго тѣла лежало на постелѣ платье Шакрилова, оружіе и сѣдло висѣли надъ изголовьемъ. При видѣ этихъ вещей, принадлежавшихъ покойнику и какъ бы замѣнявшихъ его теперь, плачъ и рыданіи, перемѣшанные съ ударами въ грудь и лицо, возобновились съ удвоенною силой и продолжались пока вдова не упала въ изнеможеніи на кресла, поставленные для нея возлѣ подмостковъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха ее отвели въ домъ. Эта сцена должна была повторяться, при появленіи каждаго новаго посѣтителя, причемъ всѣ присутствующія женщины присоединяли свои голоса къ плачу вдовы съ оглушительнымъ рвеніемъ. Приличіе не позволяло мнѣ скоро уѣхать; я долженъ былъ увидать еще нѣсколько выходовъ вдовы и исполнилъ свою обязанность весьма добросовѣстно, не желая показать пренебреженія къ народному обычаю, особенно когда дѣло касалось до человѣка, который, какъ всѣ знали, въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ.

Между тѣмъ владѣтель призывалъ къ себѣ Микамбалъ и, послѣ продолжительныхъ отказовъ съ его стороны, уговорилъ его проводить меня черезъ горы. Онъ просилъ только дожидаться для нашего путешествія теплыхъ іюньскихъ дней, когда горы очистятся, сколько можно болѣе, отъ снѣга, а до того времени считалъ необходимымъ не только о немъ никому не говорить, но даже прекратить между нами всякаго рода гласныя сношенія, а мнѣ не оставлять Бамборъ, для того чтобъ отвлечь отъ себя совершенно вниманіе Абхазцевъ.

Время ожиданія проходило для меня чрезвычайно скучно и медленно. Кромѣ обѣда въ домѣ Пацовской и вечера за бостономъ у нея же, да прогулки верхомъ въ ближайшихъ бамборскихъ окрестностяхъ, я не имѣлъ другихъ средствъ подавить нетерпѣніе, съ какимъ я ожидалъ моего отъѣзда. Черезъ три недѣли послѣ несчастной кончины Шакрилова было положено его семействомъ совершить поминки по немъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, который описывалъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ Генуезецъ Интеріано. Отецъ покойнаго Эмина пріѣхалъ въ Бамборы звать меня на эти поминки, на которыхъ долженъ былъ присутствовать самъ владѣтель. Каждый гость обязанъ сѣлать при этомъ случаѣ какой-ни-

будь подарокъ вдовѣ, безъ чего подобныя поминки, продолжающіеся трое сутокъ, въ теченіе которыхъ поминающіе обязаны кормить всѣхъ посѣтителей, могутъ совершенно раззорить небогатое семейство. Гости приносятъ въ подарокъ, кто чѣмъ богатъ, оружіе, сукно, холстъ, матеріи, лошадей, скотину, барановъ, даже домашнюю птицу и зерно.

Взявъ съ собою для подарка кусокъ шелковой матеріи и десятка два цѣлковыхъ, я поѣхалъ на мѣсто собранія, назначеннаго около домовъ, принадлежавшихъ семейству Шакриловыхъ, между Бамборами и владѣтельскимъ домомъ. Вся поляна была покрыта людьми и лошадьми, расположенными живописными группами подѣ тѣнью высокихъ шелковичныхъ деревъ, обвитыхъ виноградными лозами. Народу собралось болѣе двухъ тысячъ. Въ открытомъ полѣ стояли подмости съ кроватью, убранною попрежнему коврами, матеріями и платьемъ принадлежавшимъ покойнику. Возлѣ подмостковъ сидѣла вдова подѣ чернымъ покрываломъ, окруженная множествомъ молодыхъ и очень хорошенькихъ женщинъ въ самыхъ яркихъ нарядахъ. Недалеко отъ нея братья покойника держали подѣ усты трехъ лошадей, осѣданныхъ разными сѣдлами, дѣтскимъ, щегольскимъ съ серебряными украшениями и боевымъ. Когда я пріѣхалъ, всѣ еще были заняты утѣпнымъ угощеніемъ. Груды варенаго мяса и баранины истреблялись съ неимоверною скоростью; котлы съ просомъ кипѣли во всѣхъ мѣстахъ, вино, разносимое въ глиняныхъ узкогорлыхъ кувшинахъ, лилось ручьемъ. Когда всѣ насытились, народъ собрался въ одно мѣсто и образовалъ кругъ, въ середину котораго ввели первую лошадь съ дѣтскимъ сѣдломъ. Возлѣ нея шелъ импровизаторъ, разказывавшій рифмованнымъ напѣвомъ какъ росъ Эминъ въ дѣтствѣ на радость отца и матери. Когда привели лошадь съ сѣдломъ изъ яркаго сафьяна, украшеннаго серебрянымъ галуномъ, тотъ же человѣкъ пѣлъ народу о красотѣ и ловкости покойнаго и разказывалъ какъ на него заглядывались и какъ вздыхали о немъ абхазскія красавицы. При появленіи лошади съ боевою сбруей, онъ привелъ на память его военныя достоинства, храбрость, хитрость, и разказалъ его несчастный конецъ. Подѣ-конецъ каждой фразы народъ отвѣчалъ на его слова, громко вскрикивая и ударяя себя по лицу, въ знакъ скорби и сожалѣнія. Это прославленіе покойника повторялось въ теченіи трехъ дней

каждое утро, между тѣмъ какъ жена его сидѣла неподвижно подъ своимъ покрываломъ. Послѣ того стрѣляли въ цѣль изъ ружей разными способами, съ присошекъ и съ руки, въ неподвижную и въ подвижную мишени, въ кружокъ поднятый на высокомъ шестѣ, и въ живаго орла, привязаннаго къ вершинѣ его на длинной веревкѣ. За удачные выстрѣлы раздавались призы разнаго достоинства, начиная отъ огнива и пояснаго ремня, до пистолета въ серебряной оправѣ. Выстрѣлы гремѣли весь день до поздняго вечера, пока народъ не принялся опять пировать при свѣтѣ многочисленныхъ огней. Женщины отправились потомъ почевать въ Лехие, а мужчины заснули на мѣстѣ, укутавшись въ бурки по кавказскому обыкновенію.

На третій день была назначена скачка, которою всегда кончается тризна по умершему. Эта скачка представляла самый оживленный и самый любопытный эпизодъ празднества. Скакали на тридцати лошадяхъ мальчики лѣтъ двѣнадцати и четырнадцати, имѣя подъ собою черкесскія сѣдла безъ подушекъ, для того чтобъ не сидѣть, а стоять въ стременахъ, съ мѣста поминокъ къ Пицундскому монастырю и обратно, черезъ горы по чрезвычайно тѣсной и каменистой дорогѣ. Разстояніе, которое они должны были проскакать, составляло около сорока восьми верстъ. Хозяева скаковыхъ лошадей слѣдовали за ними на переѣзженныхъ лошадяхъ, разставленныхъ по дорогѣ, имѣя право возбуждать ихъ голосомъ и хлопаньемъ, не касаясь только плетью. Вся эта ватага, состоявшая болѣе чѣмъ изъ сотни вѣздоковъ, неслась, подобно вихрю, съ крикомъ, гуломъ и хлопаньемъ нагаскъ, черезъ бугры и рытвины, по полямъ и по лѣсу, на гору, подъ гору, нигдѣ не сдерживая лошадей, съ одной мыслью перегнать одинъ другаго и взять призы, состоявшіе въ прекрасной кабардинской лошади съ сѣдломъ и въ богатомъ ружьѣ, пожертвованными владѣтелемъ на поминки Шакрилова. Я ничего не видалъ въ Абхазіи болѣе увлекательнаго этой скачки. Владѣтель и я вмѣшались въ толпу, когда она понеслась мимо насъ и скакали съ нею пока наши лошади не выбились изъ силъ, и мы не были принуждены остановиться поневолѣ. Рѣдкая скачка подобнаго рода обходится безъ несчастія. Мальчики очень часто падаютъ съ лошадей, убиваются, и за одними поминками слѣдуютъ другія, кончаясь тѣми же головоломными скачками. На этотъ разъ къ великой радости

участниковъ скачки всё скакавшіе дѣти остались въ цѣлости; трюзна совершилась какъ слѣдуетъ по закону пріотцевъ, и духъ бѣднаго Эмина могъ наконецъ успокоиться.

Оскоро послѣ этихъ тревожныхъ дней, поднявшихъ на ноги весь Бзыбскій округъ, Михаилъ далъ мнѣ знать, что Мукамбай готовъ къ отъѣзду и ждетъ меня у себя. Муты, старшій братъ покойнаго Эмина, былъ назначенъ ко мнѣ переводчикомъ и снабженъ отъ владѣтеля охраннымъ письмомъ на имя хаджи Джансеида, еслибы мы имѣли несчастье встрѣтить Черкесовъ. Въ дорогу мнѣ нечего было долго собираться. На маленькой абхазской лошади, ружье за плечами, въ саквахъ одна перемѣна бѣлья и обуви, да часы, бусоль и записная книжка съ карандашомъ за пазухой,—я выѣхалъ въ одно утро изъ Бамборъ съ Муты Шакриловымъ, сказавъ всемъ знакомымъ, что я ѣду въ Сухумъ провести нѣсколько дней въ обществѣ морскихъ офицеровъ. Въ Сухумѣ я пробылъ не болѣе одного дня и выѣхалъ изъ крѣпости по балборской дорогѣ, распустивъ на базарѣ слухъ, что меня неожиданно потребовали въ бзыбскій отрядъ, куда я спѣшу проѣхать, минуя даже свою квартиру. Отъѣхавъ верстѣ десять отъ Сухума, мы повернули въ лѣсъ, прождали въ немъ пока смерклось, и оттуда, никѣмъ не замѣченные, пробрались горными тропинками къ Соломону Мукамбаю въ Анухву. На Кавказѣ нельзя было въ то время имѣть довольно осторожности, особенно мнѣ, за которымъ, какъ я не разъ замѣчалъ, слѣдили невидимые глаза. Но въ этотъ разъ мой слѣдъ совершенно пропалъ въ Абхазіи для непрощеннаго любопытства; кромѣ владѣтеля никто не зналъ куда я дѣвался.

Т.

(До слѣд. №).

ВОСПОМИНАНІЯ

КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА *

III.

Въ Анухву, лежащую въ горахъ, противъ Анаконіа, верстъ пятнадцать отъ морскаго берега, мы пріѣхали поздно ночью. Микамбай ожидалъ насъ каждый часъ, и наши постели были уже приготовлены въ *кунахской*, какъ называютъ домъ назначенный для гостей. Абхазцы, равно какъ и Черкесы, живутъ обыкновенно въ хижинахъ, крытыхъ соломой или камышемъ, которыхъ плетевыя стѣны плотно замазаны глиной, перемѣшанною съ рубленною соломой. Въ каждой хижинѣ по одной комнатѣ, получающей свѣтъ черезъ двери, растворенныя настежъ лѣтомъ и зимою. Около стѣны, возлѣ дверей, сдѣлано полукруглое или четверугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ привѣшена высокая труба изъ плетя же обмазаннаго глиною. По другую сторону очага, въ почетномъ углу, находится небольшое окно, безъ стекла, плотно запираемое ставнею, и служащее болѣе для наблюденія за тѣмъ что происходитъ на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія внутренности хижины. У горцевъ каждый имѣетъ

* Продолженіе. *Русскій Вѣстникъ*, № 9, 1864 года.

свою особую хижину: хозяинъ, его жены, взрослые дѣти; но посторонній человѣкъ никогда не проникаетъ въ эти помѣщенія, посвященныя исключительно семейной жизни. Для гостей опредѣлена кунахская, совершенно пустая комната, убранная только по стѣнамъ рядомъ деревянныхъ гвоздей для развѣшиванья оружія и конской сбруи. Сидятъ и спятъ въ ней на землѣ, на камышевыхъ циновкахъ, на коврахъ, подушкахъ и тѣлякахъ, составляющихъ у гостепріимнаго Черкеса самую значительную и самую роскошную часть его домашнихъ принадлежностей. Въ кунахской всегда есть кромѣ того мѣдный кувшинъ съ тазомъ для умыванья и намазлыкъ, шкурка съ дикой козы или небольшой коврикъ, для совершенія молитвы. Кушанье подаютъ на низкихъ круглыхъ столикахъ. Весьма немногіе знатные и богатые горцы строятъ рубленные деревянные дома. Микамбай имѣлъ такой домъ, и по этой причинѣ слылъ очень богатымъ человекомъ. Домъ этотъ, занятый его семействомъ, былъ въ два этажа, съ окнами затянутыми пузеремъ, между которыхъ кое-гдѣ проглядывало небольшое стеклышко, добытое отъ Русскихъ. Кромѣ того Микамбай пользовался уваженіемъ народа еще по другой причинѣ: его мѣховая шапка была постоянно обвита бѣлою кисейною чалмой, доставлявшей ему видъ и титулъ хаджіа, хотя онъ никогда не бывалъ въ Меккѣ. На Кавказѣ нѣрѣдко горецъ, задумавшій ѣхать въ Мекку поклониться каабѣ, надѣваетъ чалму, принимаетъ названіе хаджіа и пользуется имъ иногда всю жизнь, не думая исполнить своего обѣта; а народъ смотритъ на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на избранника ифры.

Весь слѣдующій день хаджи Соломонъ повѣтилъ на обсужденіе вопросовъ, касавшихся до нашего путешествія. Горцы не начинаютъ никакого дѣла, не собравъ для совѣта всѣхъ въ немъ участвующихъ. Переговоры бываютъ въ этихъ случаяхъ очень продолжительны, такъ какъ старики, излагающіе обыкновенно содержаніе дѣла, любятъ говорить много и медленно, и въ свою очередь также терпѣливо и внимательно выслушиваютъ чужія рѣчи. По черкесскимъ понятіямъ, опрометчивость и нетерпѣливость простительны только дѣтямъ и женщинамъ, а мужчина долженъ обдумывать и обсуживать каждое предпріятіе зрѣлымъ образомъ, и если есть у него товарищи, то подчинять ихъ своему мнѣнію не силою, а словомъ и убѣжденіемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свою сво-

бодную волю. Мнѣ нельзя было уклониться отъ этого обыкновенія, и я провелъ весь день въ переговорахъ и разсужденіяхъ, выслушивая поочередно мнѣніе всѣхъ моихъ будущихъ путевыхъ товарищей, знавшихъ что я Русскій, и ѣду за горы для свиданія съ князьями Ловъ. Всего, насъ готовилось въ дорогу семь человѣкъ: трое верхомъ: Микамбай, я и Муты Шакриловъ, и четверо пѣшихъ: Хатхуа, двое слугъ Соломоновыхъ, да Багры, Абазинъ изъ Псоу или Псхѣ, женатый на дочери Хатхуа. Последняго вызвалъ Микамбай изъ Псхѣ, для того чтобъ онъ служилъ проводникомъ, при проѣздѣ чрезъ мѣста принадлежащія этому обществу. Мы не могли обойтись безъ него, такъ какъ въ горахъ опасно путешествовать по незнакомымъ мѣстамъ, не имѣя провожатаго изъ того племени, общества или аула, черезъ которые приходится ѣхать. Такой провожатый служить передъ своими отвѣтчикомъ за путешествующихъ и, съ другой стороны, обязанъ защищать ихъ и мстить за нихъ, если имъ будетъ нанесена обида. Багры былъ настоящій горный волкъ, готовый на все изъ алчности, подчинявшійся одному инстинкту своей хищной природы, но въ то же время безсознательно покорный всему что повелѣвалъ вѣковой обычай. Полудѣтый, съ обнаженною грудью и съ руками только до локтей, покрытыми густыми черными волосами, съ всклокоченною бородой и съ косматою шапкой на головѣ, изъ-подъ которой свѣтилась пара маленькихъ черныхъ глазъ, съ буркою на плечахъ, — онъ походилъ скорѣе на какого-то махнатаго звѣря чѣмъ на человѣка. Только три вещи: ружье, обувь и кинжалъ, безъ которыхъ нельзя жить и путешествовать въ горахъ, были у него исправны; все остальное висѣло на немъ въ лохмотьяхъ. Микамбай и даже самъ Хатхуа мало ему вѣрили и не рѣшились бы взять его въ товарищи, еслибы не знали за нимъ слабыхъ сторонъ, позволявшихъ спутать его по рукамъ и по ногамъ. Багры очень любилъ деньги, но еще болѣе денегъ любилъ онъ свою жену: черезъ нее-то надѣялись привязать его къ нашему дѣлу. За это взялись слѣдующимъ образомъ. У Черкесовъ существуетъ давній обычай не воспитывать дома дѣтей знатнаго происхожденія. Вскорѣ послѣ рожденія, мальчика отдаютъ обыкновенно на прокормленіе и воспитаніе въ чужую семью, до тѣхъ поръ пока онъ не подрастетъ и не научится владѣть оружіемъ. Весьма часто вы-

бирають для этого совершенно другое племя. Принявшій ребенка на воспитаніе называется *аталыкъ*, и приобретаетъ всѣ права кровнаго родства съ семействомъ своего питомца. Этотъ обычай много способствуетъ къ примиренію и къ сближенію между собою разноплеменныхъ горскихъ семей и обществъ; а дѣти научаются говорить на чужихъ нарѣчіяхъ, что для нихъ бываетъ весьма полезно при существующемъ на Кавказѣ разноязычій. Женщины заботятся съ особенною тщательностью о своихъ питомцахъ, которые тѣмъ сильнѣе привязываются къ постороннимъ кормилицамъ, чѣмъ менѣе знаютъ своихъ родныхъ матерей. Горцы убѣждены, что вредъ, сдѣланный аталыкомъ своему питомцу, навлекаетъ неотвратимое несчастіе на семейство аталыка, падающее преимущественно на кормилицу. Кромѣ аталычества существуетъ еще другой родъ пріемнаго родства, хранить который обычай повелѣваетъ также свято какъ и настоящее аталычество. Если два человека согласились составить между собою союзъ на жизнь и на смерть, то жена или мать одного изъ нихъ даетъ другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, послѣ чего онъ считается родственникомъ семьи и пользуется покровительствомъ, какое принадлежитъ дѣйствительному питомцу. При этомъ случаѣ дѣлаются подарки аталыку и кормилицѣ. Жена Багры, пришедшая съ мужемъ погостить въ отцовскомъ домѣ, была налицо, сдѣлственно дѣло не представляло большихъ препятствій. Съ согласія мужа, Хатхуа породнилъ меня съ нею описаннымъ способомъ, при чемъ нѣсколько кусковъ бумажной матеріи, холста, ножницы и иглолки, считавшіяся въ Пехѣ неоцѣненными рѣдкостями, да княжалъ съ золотою насѣчкой, запечатлѣли нашъ союзъ. Багры, вступивъ въ обязанность аталыка, принадлежалъ мнѣ вполне. Благодаря его суевѣрію и привязанности, которую онъ питалъ къ своей женѣ, я могъ полагаться на него какъ на самого себя.

Совѣтъ, на который мы были созваны, начался торжественною присягой хранить все дѣло въ совершенной тайнѣ, не обманывать и не выдавать другъ друга ни въ какомъ случаѣ, даже еслибъ это стоило жизни. Шакриловъ и я клялись крестомъ, Абхазцы кораномъ, а Багры могилою отца и матери. Послѣ того, сообразили какою дорогой намъ слѣдовало идти черезъ горы, и постановили условія, на ко-

торыхъ Микамбай и его товарищи соглашались служить мнѣ проводниками и защитниками. Дорогу выбрали черезъ Псхо, какъ потому что съ нами былъ Багры, такъ и потому что на ней менѣе всего предвидѣлось для меня опасности быть открытымъ. Жители Псхѣ, родомъ Абазины, рѣдко приходятъ въ Абхазію и спускаются на сѣверную сторону горъ только для грабежа, не имѣя другого стелкновенія съ настоящими Черкесами; потому между ними и не трудно было выдать меня за Кабардинца. Черезъ Цебельду, гдѣ меня зналъ Хенкурусъ Маршани, зять Гассанъ-бел, и однажды видѣлъ, около Драндѣ, Богорканъ-ина, было бы неблагодарно направить наше путешествіе. Непредвидѣнная встрѣча съ этими людьми могла бы намъ обойтись слишкомъ дорого. По окончаніи путешествія, если проводники исполнять добросовѣстно свое дѣло, я обязался заплатить: хаджи Соломону триста дѣлковыхъ, Хатхуа пятьдесятъ, двумъ крестьянамъ Микамбая по двадцати пяти; Багры выпросилъ у меня осѣдланную лошадь и двухъ коровъ съ телятами; Шакриловъ желалъ офицерскаго чина. Владѣтель, сдѣлавшій кромѣ того подарки Микамбаю, впередъ поручился за меня въ точномъ исполненіи всего что стану обѣщать; слѣдственно сомнѣнія тутъ не могли существовать, и совѣтъ заключился рѣшеніемъ выѣхать на другой день, передъ разсвѣтомъ. Шакриловъ занялся чисткою нашего оружія и приведеніемъ въ исправность конской сбруи; я лежалъ на коврѣ, въ самомъ темномъ и прохладномъ углу кунахской, и отъ нечего дѣлать курилъ и думалъ, довольный тѣмъ что насъ оставили однихъ.

Въ абхазскихъ селеніяхъ дома раскиданы на большомъ пространствѣ небольшими группами, означающими число отдѣльныхъ семействъ. Жители сходятся довольно рѣдко и только издали наблюдаютъ одни за другими, стараясь, изъ чувства приличія, побѣдить свое любопытство и недовѣрчивость, побуждающія ихъ мѣшаться въ дѣла сосѣдей. Хаджи Соломонъ не могъ скрыть ни отъ кого, что у него гоститъ чужой человекъ; но почтеніе, которое онъ внушалъ крестьянамъ Анухвы, оберегало насъ отъ нескромности любопытныхъ, и никто изъ нихъ не рѣшился допытываться, кого именно хаджи принялъ подъ свою кровлю. Передъ самымъ вечеромъ наше спокойствіе было нарушено неожиданнымъ конскимъ топотомъ возлѣ кунахской. Люди засуетились,

Микамбай вышелъ на встрѣчу гостямъ и черезъ нѣсколько времени вернулся съ тремя чужими горцами. На лицѣ его была замѣтна скрытая досада: гости пріѣхали видимо некстати; но ничего не оставалось какъ принять ихъ, а наше путешествіе отложить до ихъ отъѣзда. Пріѣзжихъ расположили довольно далеко отъ насъ, на другомъ концѣ кунахской, которая, къ нашему счастью, была очень велика и темна. Микамбай, какъ водится, самъ снялъ съ нихъ оружіе и, вмѣсто того чтобы повѣсить его въ кунахской, приказалъ отнести къ себѣ въ домъ. Это могло имѣть, по черкесскимъ обычаямъ, двоякое значеніе: или что хозяинъ беретъ на себя, изъ дружбы всю отвѣтственность за безопасность гостей подъ его кровлею, или что, не зная ихъ, не очень имъ довѣряетъ. Послѣ того взошелъ Багры и, увидавъ пріѣзжихъ, сталъ съ ними здороваться какъ съ весьма короткими знакомыми. Тогда я понялъ досаду Микамбая: пріѣзжіе были изъ Псохъ. Послѣ ужина мы легли спать на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ прежде сидѣли, и провели ночь какъ и весь другой день возяъ гостей изъ Псохъ, съ видомъ невозмутимаго равнодушія, будто не замѣчали другъ друга, и нисколько не заботились о ссѣдяхъ, которыхъ намъ Богъ послалъ. Между тѣмъ, я увѣренъ, они пересчитали всѣ пряжки на нашихъ ремняхъ, и знали сколько у насъ патроновъ на груди; да и мы, съ своей стороны, старались, по ихъ одеждѣ, вооруженію и пріемамъ, заключить, чего можно было отъ нихъ надѣяться, и чего должно было опасаться. Передъ вечеромъ они отправились къ морю, объявивъ что ѣдутъ повидаться съ родственниками въ Абживскомъ округѣ. Могло быть, что они дѣйствительно имѣли въ Абживѣ родню; или, можетъ-быть, ѣхали туда съ весьма обыкновеннымъ намѣреніемъ перехватить на дорогѣ что ловко попадется подъ руку: мальчика, дѣвочку, лошадь или корову, — это нисколько не касалось до насъ. Интересовало насъ только узнать, расходятся ли наши дороги, дѣйствительно ли они ѣдутъ къ морю, когда намъ самимъ надо ѣхать въ горы, и можемъ ли мы быть увѣрены, что не столкнемся съ ними въ Псохъ. Долго мы глядѣли имъ вслѣдъ и съ удовольствіемъ видѣли, какъ она удалялись отъ насъ на западъ.

Было еще совершенно темно, когда чаджа Соломонъ поднималъ насъ на ноги, уговаривая скорѣе сѣсть на лошадей, чтобы выѣхать изъ Анухвы до разсвѣта. Но и ночь, казалось ему, не довольно еще ручалась за тайну нашего

отъѣзда и избраннаго нами пути: онъ повелъ насъ сперва подъ гору, въ совершенно противную сторону, потомъ обогнулъ по лѣсу селеніе, и только къ утру вывелъ насъ на нашу настоящую дорогу. Она поднималась круто въ гору и была такъ тѣсна, что мы должны были ѣхать одинъ за другимъ. Впереди шелъ Хатхуа съ Багры, потому что они знали дорогу лучше прочихъ; за ними ѣхалъ хаджи Соломонъ, потомъ слѣдовали я и Муты; шестіе заключали двое слугъ Микамбай, тащившіе на своихъ плечахъ мѣшки съ просомъ, тулуки съ кислымъ молокомъ, котель, и подгойявшіе двухъ барановъ, назначенныхъ для нашего продовольствія до перваго селенія, лежавшаго въ трехъ переходахъ впереди насъ. Багры уже описанъ мною; но я сказалъ слишкомъ мало о Хатхуа, нашемъ главномъ путеводителѣ. Ему было болѣе семидесяти лѣтъ, изъ коихъ болшую часть провелъ онъ не подъ кровлею, а въ путешествіяхъ и на охотѣ въ горахъ. Высокій, худощавый, закаленный въ трудахъ и опасностяхъ, всегда разсудительный и хладнокровный, стрѣлокъ безъ промаха,—этотъ желѣзный человѣкъ не имѣлъ въ цѣлой Абхазіи равнаго себѣ охотника, который бы такъ хорошо зналъ въ горахъ всѣ тропинки и всѣ скрытныя мѣста, представлявшія удобную защиту отъ врага и отъ непогоды. Его загорѣлое морщинистое лицо, казалось, имѣло самое угрюмое выраженіе, но, всматриваясь въ него поближе, можно было отыскать мягкія черты, позволявшія угадать его настоящій характеръ. Онъ былъ невѣроятно добродушенъ. Обыкновенно онъ молчалъ; когда его спрашивали, отвѣчалъ коротко и отрывисто; но за то находились въ безпрестанномъ движеніи и дѣлали болѣе другихъ. Усталость не существовала для него; онъ вставалъ раньше и ложился позже всѣхъ, осматривалъ каждый разъ съ большимъ вниманіемъ мѣста около ночлега, замѣчалъ все, и по признакамъ, незамѣтнымъ для прочихъ, дѣлалъ самыя безошибочныя заключенія. Его опытность и вѣрный взглядъ на все касавшееся горной жизни, знаніе звѣрей, за которыми онъ привыкъ охотиться съ дѣтства, имѣли такое значеніе, что никто не смѣлъ спорить съ нимъ, и самъ Микамбай безпрекословно подчинялся его мнѣнію.

Нѣсколько часовъ подвигались мы впередъ, беззаботно вдыхая свѣжій горный воздухъ и любясь прекрасными видами, безпрестанно мѣнявшимися передъ нашими глазами. Солнце поднялось уже довольно высоко на чи-

стомъ, безоблачною небѣ, разливая повсюду знойные лучи. Мы были рады ѣхать въ тѣни густаго лѣса, весьма рѣдко прерываемаго небольшими полянами, покрытыми свѣжею травой, усыпанныю множествомъ разнородныхъ цвѣтовъ и кустами спѣлой клубники. Чѣмъ выше поднимались мы въ гору, тѣмъ тщательнѣе Хатхуа разсматривалъ дорогу, лѣсъ и траву. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ наша дорога сошлась съ другою тропинкой, онъ остановилъ насъ, внимательно разсмотрѣвъ каждый кустъ, прошелъ нѣсколько сотъ шаговъ по боковой дорогѣ, и, довольный осмотромъ, кивнулъ головою, что значило: ѣхать дальше. Около полудня онъ сталъ опять приглядываться къ каменистой почвѣ нашего пути, черезъ который мѣстами протекали небольшіе ручьи. Около нихъ земля была нѣсколько размягчена. Возлѣ одного изъ ручьевъ онъ остановился, припнулся къ землѣ и, разсмотрѣвъ ее, сказалъ:

— Недавно лошади прошли!

Осторожный хаджи Соломонъ встревожился.

— Сколько ихъ было? куда идти слѣдъ? вскрикнулъ онъ.

— Дальше узнаемъ, отвѣтилъ Хатхуа, и мы продолжали еще нѣсколько времени нашу дорогу.

Вдругъ онъ опять остановился, указавъ на дорогу палкой, окованною желѣзомъ, и сказалъ нѣсколько словъ Микамбаю, который тотчасъ слѣзъ съ своего катера. Мы последовали за нимъ и начали осматривать земаю, на которой даже я, при всей моей непривычкѣ, разобралъ легкіе слѣды конскихъ копытъ. Я видѣлъ, что этимъ слѣдамъ придаютъ какую-то особую важность, но не понималъ еще, какую связь имѣютъ они съ нашимъ путешествіемъ. Собрались въ кружокъ совѣтоваться. Муты, говорившій по-русски ломанымъ языкомъ, служилъ переводчикомъ. Микамбаи заговорилъ первый, объясняя, что открытыя нами слѣды, обнаруживающіе не болѣе трехъ лошадей, принадлежатъ, вѣроятно, гостившимъ у него Медовесвцамъ, — подъ этимъ общимъ названіемъ были извѣстны жители изъ Пехо, Агипсоу и Айбоги, — которые кругомъ обманули насъ на счетъ своихъ намѣреній, и пробрались объѣздомъ на дорогу въ Пехо, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Абживу, что даромъ не дѣлаютъ подобныхъ вещей, что тутъ кроется какая-то измѣна, и что онъ считаетъ необходимымъ возвратиться въ Анухву. Противъ этого рѣшенія я возсталъ всеми силами, доказывая,

что Медовесовы не могли догадаться кто я, и узнать о нашем намѣреніи ѣхать черезъ Псхѣ если кто-нибудь изъ нашихъ товарищей не сказалъ имъ объ этомъ, чего я не позволяю себѣ и думать послѣ клятвеннаго обѣщанія, которымъ мы обязали себѣ. Въ это время Микамбай посматривалъ искоса на Багры, который, спокойно играя подареннымъ мною кинжаломъ, бросалъ пытливые взгляды на молодыхъ слугъ хаджи Соломона, хлопотавшихъ около своихъ мѣшковъ и барановъ. Трудно было разобрать, что скрывалось подъ нѣмыми слѣдами: случай ли нисколько некасавшійся до насъ, измѣна ли, или, можетъ-быть, неумышленная болтливость, открывшая кому-нибудь наши намѣренія. Каждый призывалъ Бога въ свидѣтели своей невинности. Наконецъ я обратился къ Хатхуа, молчавшемъ пока другіе громко спорили и разсуждали.

— Здѣсь не большая дорога, по которой ѣздятъ каждый день, отвѣчалъ онъ, указывая на слѣдъ: — три лошади ночевали въ Анухвѣ; эти три лошади прошли обратно въ Псхѣ; люди тебя видѣли: не хорошо!

— Что жъ это доказываетъ? На лицѣ моемъ не написано что я Русскій: они должны были принять меня за Кабардинца.

— Для человѣка изъ Псхѣ все равно, что Русскій, что Кабардинецъ; спроси Багры, можно ли вѣрить его вчерашнимъ знакомымъ?

Багры покачалъ отрицательно головой.

Я замѣтилъ, что меня удивляетъ отсутствіе по дорогѣ тѣхъ слѣдовъ, которые лошади оставляютъ обыкновенно за собою.

— Тѣмъ хуже! Значитъ они заматали слѣдъ за собою, какъ заматаетъ его лисица хвостомъ. Въ горахъ дороги тѣсны, насъ только семеро, а въ Псхѣ разбойниковъ много; я говорю: не слѣдуетъ идти въ Псхѣ.

Всѣ присоединились къ мнѣнію Хатхуа. Я самъ находилъ его отчасти справедливымъ, но никакъ не хотѣлъ отказаться отъ мысли продолжать наше путешествіе. Я опять обратился къ Хатхуа и настоятельно требовалъ отъ него указать другую дорогу, между Псхѣ и Цебельдою, если намъ нельзя идти по этой. Я прибавилъ, что надъ нами станутъ смѣяться, когда узнаютъ, какъ мы собрались въ дорогу за горы, выѣхали, и бѣжали назадъ, уви-

давъ, что не одни мы такіе храбрецы, которые ходятъ въ горы безъ няньки. Продолжая насмѣхаться надъ моими товарищами, я возбудилъ ихъ самолюбіе. Хатхуа, наморщившись, объявилъ, что онъ знаетъ другую дорогу, и согласенъ вести насъ по ней, но предупреждаетъ, что она трудна, продолжительна, неудобопроходима для лошадей, и пролегаетъ по совершенно безлюднымъ мѣстамъ. На замѣчаніе Микамбая, что у насъ не достанетъ съѣстныхъ припасовъ для такой дороги, Хатхуа возразилъ, что съ ружьемъ нечего бояться умереть съ голоду тамъ, гдѣ есть козы, туры и адомбеи. Абхазцы зовутъ адомбеемъ зубра, который водится на сѣверной покатости Кавказа, въ глубокихъ ущельяхъ, около источниковъ Урупа и Большаго и Малаго Зеленчуговъ. Микамбай не смѣлъ болѣе отговариваться; дѣло было рѣшено, и всѣ согласились идти по дорогѣ, которую станеть указывать Хатхуа. Мы свернули вправо отъ прежняго пути, перешли черезъ глубокое ущелье и начали подыматься на высокій гребень, безъ видимой тропинки, по густому вѣковому лѣсу, нетронутому отъ сотворенія міра. Хатхуа у Багры шли опять впереди и помѣчали топорами нѣкоторыя деревья, для того чтобы найти по нимъ обратный путь, еслибы мы потеряли въ лѣсу дорогу. Солнечные лучи едва проникали въ чащу лѣса, загроможденнаго деревьями, опрокинутыми бурей, которыя на каждомъ шагу перегораживали путь нашимъ лошадямъ. Иногда мы бились по цѣлымъ часамъ, отыскивая обходъ мимо этихъ натуральныхъ заваловъ, или прорубая себѣ топоромъ дорогу чрезъ нихъ. Весь первый день мы провели на безводномъ гребнѣ, не имѣя капли воды чтобы напиться въ палящій жаръ. Два Абхазца, которымъ была поручена провизія, отстали отъ насъ въ лѣсу; не взиралъ на крики и ружейные выстрѣлы, мы не могли ихъ дозваться; по этой причинѣ у насъ не стало даже молока утолить жажду. Микамбай не понималъ, какимъ образомъ они насъ потеряли, и былъ уже готовъ думать, что они бѣжали. Во всякомъ случаѣ ихъ надо было отыскать, и это дѣло мы поручили Багры, который долженъ былъ идти потомъ по нашему слѣду и по знакамъ, оставленнымъ Хатхуа на деревьяхъ. На этомъ не кончились еще наши неудачи этого дня, сдѣлавшія очень дурное впечатлѣніе на суевѣрныхъ Абхазцевъ, которые видѣли въ нихъ дурное предзнаменованіе. Лошадь Муты оборвалась на горѣ и покатила съ крутизны въ нѣсколько десятъ-

ковъ саженой. Кусты, за которые она падая цѣплялась, помѣшали ей убиться, и пострадало только одно сѣдло. Сначала Муты былъ въ отчаяніи, хотѣлъ вернуться домой, потомъ успокоился, но все-таки не переставалъ морщиться, вспоминалъ объ этомъ происшествіи; Микамбай бормоталъ все время невнятные слова, обвиняя, кажется, меня во всѣхъ несчастіяхъ, и призывалъ на помощь Аллаха; молчали только и крѣпились. Хатхуа по привычкѣ и я изъ самолюбія. Измученные труднымъ переходомъ и жаждою, мы остановились передъ сумерками для ночлега, — можно себѣ представить въ какомъ расположеніи духа. Часа черезъ два голосъ Багры извѣстилъ насъ что онъ близокъ, и скоро явился къ нашему огню онъ, слуги Микамбая, бараны и молоко. Оказалось, что Абхазцы потеряли насъ изъ виду, гоняясь за баранами, упущенными на дорогѣ въ какомъ-то трудномъ мѣстѣ. Теперь, казалось, все было хорошо; дѣло стояло только за водою. Никто не зналъ гдѣ ее найдти, и не рѣшился идти за нею въ темнотѣ. Посоветовавшись съ Хатхуа, помнившимъ источникъ около этихъ мѣстъ, Багры согласился за три червонца совершить головоломное ночное путешествіе, спустившись подъ гору по скаламъ, доступныхъ съ виду для однихъ только звѣрей. Долго ждали мы, пока онъ воротился съ козымъ тулукомъ, наполненнымъ счастливо отысканною водою. Тогда мы напились, сварили проса, баранины и, поужинавъ, легли спать, закутавшись въ бурки, имѣя возлѣ себя ружья въ чехлахъ, чтобы оберечь ихъ отъ сырости. Стрелокъ лошади ѣли траву возлѣ насъ. Горцы употребляютъ весьма простой и удобный способъ спутывать лошадей *треногами*, отнимающими у нихъ возможность далеко уходить и дѣлать скорые прыжки. Тренога состоитъ изъ двухъ широкихъ сыромятныхъ ремней, одного длиннаго и другого короткаго, связанныхъ между собою въ видѣ латинскаго T; на концахъ этихъ ремней находятся петли изъ узкихъ ремешковъ, застегиваемыя на костяныя чеки. Короткимъ ремнемъ спутываются обѣ переднія ноги нѣсколько выше копыта, а концомъ длиннаго ремня обвязывается одна изъ заднихъ ногъ выше колѣна. Петли съ чеками позволяютъ разтреножить лошадь въ одно мгновеніе, что имѣетъ особую важность въ быту горца, встрѣчающаго такъ часто необходимость, въ случаѣ неожиданной тревоги, вскочить на лошадь, не теряя времени. За то горецъ никогда не выезжаетъ безъ

треноги, привѣщенной за сѣдломъ. Передъ сномъ, Микамбай распредѣлялъ очереди ночнаго караула, безъ котораго можно было, пожалуй, обойтись, такъ какъ Хатхуа имѣлъ привычку спать только однимъ глазомъ. Во время нашихъ ночныхъ бивуаковъ я имѣлъ часто случай видѣть какъ, при самомъ легкомъ шорохѣ въ кустахъ, Хатхуа, не подымая головы, уже глядѣлъ въ ту сторону, откуда слышался звукъ, и рука его машинально ложилась на прикладъ ружья.

На другой день, наша дорога все еще шла по густому лиственному лѣсу, состоявшему преимущественно изъ дуба, карагача, клена, чинара и чиндара. Полоса, богатая капитановыми и орѣховыми деревьями, лежала уже ниже насъ. Подъѣмы становились круче, ущелья суживались замѣтнымъ образомъ. Эготъ переходъ обошелся совершенно безъ приключеній; погода была прекрасная, и мы пользовались ею чтобы уйти какъ можно дальше. Въ прямой линіи можно было полагать отъ морскаго берега до перевала черезъ главный сѣвговой хребтъ отъ шестидесяти до семидесяти верстъ; по дорогѣ, которую мы принуждены были избрать для нашего путешествія, должно было считать не менѣе ста двадцати. Бѣдность нашихъ съѣстныхъ припасовъ, разчитанныхъ сначала только на три перехода, заставляла насъ сѣншить.

На третій день, мы поднялись на высоту, покрытую сосновымъ лѣсомъ такой величины, о которой я не имѣлъ до того времени никакого понятія. Въ немъ насъ застала страшная буря. Съ перваго порыва вѣтра оглушительный скрипъ и трескъ пронеслись по всему лѣсу, заложавшему какъ въ лихорадкѣ. Вѣковая сосны неимоверной вышины, въ пять и болѣе охватовъ, зашаталась на корню; молодые деревья крутило и ломало вихремъ, устилавшимъ землю огромными сучьями, летѣвшими въ лѣсу по всѣмъ направленіямъ. Я не испытывалъ прежде опасности быть въ подобномъ лѣсу во время бури, и потому не совсѣмъ и понималъ ее. Мои Абхазцы раскрыли мнѣ глаза. Съ крикомъ: аллахъ! аллахъ! они бросились къ ближайшей скалѣ и подъ ее навѣсомъ прождали все время пока не перестала буря. Опустошеніе, произведенное ею въ лѣсу, дало мнѣ понятіе объ участи, которая насъ ожидала, еслибы мы не встрѣтили такъ близко спасительной скалы. Вездѣ лежали огромной величины деревья, переломленныя, расщепленныя сверху до низу, или вырван-

ныя съ корнемъ изъ земли; лѣтъ было буквально утѣлныя сучьями и отломленными вершинами.

Четвертый и пятый день, мы переходили по скаламъ изъ долины Гумисты къ началу Чаголты, впадающій въ Кодоръ. Узенькая тропинка, на которой лошади едва находили довольно мѣста ставить копыто, испорченная во многихъ пунктахъ дождемъ, а въ другихъ заваленная большими скользкими камнями, тянулась карнизомъ надъ пропастями неизмѣримой глубины. Мы шли все время пѣшкомъ, а лошадей гнали передъ собою: было опасно вести ихъ въ поводу; къ тому же они шли гораздо охотнѣе на дурныхъ мѣстахъ за катеромъ Микамбая, признавая его инстинктивно надежнымъ указчикомъ дороги въ горахъ.

Поворотивъ отъ начала Чаголты круто направо, къ источнику Бзыба, мы только на седьмой день подошли къ главному перевалу, покрытому вѣчнымъ снѣгомъ. Еще накануне, мы сдѣлали болѣе половины перехода по снѣгу, разтворявшемуся, подъ лучами юньскаго солнца, въ потоки студеной воды, протекавшей вѣтвистыми ручьями по всѣмъ долинамъ, и ниспадавшей потомъ, собравшись въ одно болѣе широкое русло, шумными водопадами въ глубокую разсѣлину, дававшую Бзыбу свое начало. Жаркое солнце палило наши головы, между тѣмъ какъ ноги не выходили изъ снѣгу и изъ холодной воды. Надвинувъ на глаза мохнатыя бараныи шапки, и намазавъ вѣки пороховымъ растворомъ, для того чтобы не ослѣпнуть отъ солнечныхъ лучей, ярко отражаемыхъ блестящею снѣжною пеленой, покрывавшею все видимое пространство, босоногіе, потому что наша размокшая обувь не держалась болѣе на ногахъ, мы подвигались медленнымъ шагомъ, проваливаясь безпрестанно въ снѣгу. Неудивительно, если мы утомлялись болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Наши силы замѣтно упали отъ недостатка пищи. Порціи, на которыя мы были принуждены раздѣлить наши припасы, для того чтобы не остаться совершенно безъ продовольствія, едва служили для утоленія голода, и не могли возобновлять силъ, растрчиваемыхъ нами ежедневно въ усиленной ходьбѣ. Наканунъ мы съѣли послѣдній кусокъ баранины; молока давно уже не было; оставалось въ запасъ нѣсколько проса, которое Микамбай беретъ на крайній случай, выдавая скупою рукою каждый вечеръ не болѣе одной горсти на человека. Багры и Хатхуа уходили отъ насъ безпрестанно въ

сторону искать дичи, но, къ несчастію, не находили ее. Туры показывались на скалахъ, какъ будто для того только чтобы дразнить нашъ голодъ, всегда даѣе выстрѣла, и потомъ исчезали съ быстротою молніи. Они такъ осторожны, что ихъ нельзя иначе стрѣлять какъ изъ засады, устроенной на дорогѣ, по которой они имѣютъ обыкновеніе ходить къ водѣ. Эти дороги бываютъ чрезвычайно опасны. Днемъ надо отыскивать слѣды туровъ, садиться вечеромъ за скалою и ждать до утра, пока они пойдутъ къ водопою. Болѣе одного выстрѣла охотникъ не успѣваетъ сдѣлать въ подобномъ случаѣ, еслибы онъ имѣлъ съ собою даже два ружья: прежде чѣмъ онъ успѣетъ приложиться во второй разъ, все стадо пропахло уже у него изъ виду. Мы слишкомъ дорожили временемъ, для того чтобы жертвовать имъ на эту трудную и не всегда удачную охоту, требующую иногда нѣсколькихъ дней для отысканія только турьихъ слѣдовъ. Хатхуа не взялъ съ собою собаки, съ которою онъ и въ обыкновенное время не любилъ охотиться въ горахъ, потому что она призываетъ своимъ лаемъ непріятеля и не позволяетъ скрыться отъ него. Последніе два дни Хатхуа уходилъ въ сторону съ самаго утра и присоединялся къ намъ только вечеромъ, каждый разъ съ пустыми руками, утѣшая насъ надеждою на адомбеевъ, которые, по его обѣщанію, должны непременно намъ встрѣтиться на сѣверной сторонѣ горъ.

Передъ главнымъ снѣговымъ хребтомъ мы переночевали въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалами, покрытой пушистою травой, и загороженной отъ заваловъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. На днѣ котловины протекалъ многоводный ручей. Мѣсто было самое скрытное и доступъ къ нему сопряженъ съ трудностями, которыхъ никто бы не рѣшился испытать безъ настоящей надобности. Хатхуа говорилъ, что кромѣ него развѣ только еще одинъ или два абазинскихъ охотника знаютъ объ этомъ уголкѣ, и въ состояніи отыскать къ нему дорогу. Нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ на горахъ выпалъ въ большомъ количествѣ снѣгъ, не позволявшій вести лошадей черезъ переваль. Ждать пока онъ осядетъ отъ солнца, не зная чѣмъ мы будемъ кормиться завтрашій день, казалось совершенно безразсуднымъ, и мы рѣшились поэтому продолжать наше путешествіе безъ лошадей, покинувъ ихъ на мѣстѣ нашего послѣдняго ночлега, и тамъ же зарывши сѣдла.

На возвратномъ пути Микамбай долженъ былъ отвести лошадей въ Абхазію.

Выбравшись изъ нашей котловины до восхода солнца, мы стали подыматься на гору по снѣжной крутизнѣ, перегораживавшей намъ путь, подобно неизмѣримо высокой стѣнѣ, безъ слѣда дороги, и безъ уступа для отдыха. Абхазцы, вооруженные своими длинными дорожными палками, окованными желѣзомъ съ обоихъ концовъ, шли впереди и испытывали снѣгъ, подъ которымъ нерѣдко кроются разсѣлины, куда можно провалиться безвозвратно. Слѣдуя одинъ за другимъ, мы пролагали узкую и глубокую борозду черезъ рыхлый снѣгъ, погружаясь въ него выше пояса. Такимъ образомъ мы поднимались не менѣе пяти часовъ, медленно ступая и не возвышая голоса, для того чтобы не вызвать снѣжного обвала, мѣстами грозно висѣвшаго надъ нашими головами, пока не достигли до гладкой снѣговой равнины, шириною около пятисотъ сажень, съ которой открывался видъ на обѣ стороны горъ. Вправо и влѣво отъ насъ возвышались зубчатая горныя вершины ослѣпительной бѣлизны. За нами чернѣлись абхазскія горы и обозначилось море далекою синею полосой. Впереди насъ видѣлись скалы, лѣсистые гребни и зеленые травяные отроги главнаго хребта, между которыми мелькали, подобно серебристымъ лентамъ, Кубань и впадающія въ нее рѣки. Погода была прекрасная, на небѣ ни облака, въ воздухѣ ни вѣтерка, тишина повсюду, и близъ и даль облиты яркимъ свѣтомъ. Видъ, въ одно время на Черное море и на степи кавказской линіи, съ высоты вѣрныхъ одиннадцати тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, былъ поразителенъ своимъ величіемъ. Сѣдловина главнаго хребта, черезъ которую мы переходили, лежала между источниками Бзыба, текущаго въ Черное море, и большаго Энджикъ-су, впадающаго въ Кубань. Русскіе передѣляли Энджикъ-су въ похожее на него названіе Зеленчуга. Мы отправившись въ дорогу голодные и, послѣ трудовъ подъема, почувствовали рѣшительную необходимость подкрѣпить свои силы. Абхазцы принесли съ собою нѣсколько вязанокъ хвороста. Разложили огонь на безснѣжномъ камнѣ и сварили половину прося, оставшагося въ мѣшкѣ. На каждого изъ насъ достались два или три глотка, которыми мы должны были довольствоваться на долгое время, потому что намъ приходилось идти не менѣе четырехъ дней до ближай-

наго бамилбаевского аула, въ которомъ Микамбаи смѣлъ показаться, имѣя въ немъ пріятеля.

Солнце перешло уже за полдень, когда мы подошли къ сѣверному спуску. На краю его стояла непокрытая снѣгомъ гранитная скала, очень похожая по своему виду на высокій жертвенникъ. Къ ея вершинѣ, составлявшей площадь около трехъ сажень въ квадратъ, вели ступени, высѣченные въ гранитъ. Посреди площадки находилось круглое углубленіе въ видѣ котла. Эта скала была посвящена духу-покровителю горъ. Мои Абхазцы поднялись на нее, и каждый изъ нихъ положилъ въ углубленіе какую-нибудь вещь: ножикъ, огниво или пулю. И меня заставили принести въ жертву нѣсколько мелкихъ монетъ, для того чтобъ умилостивить горнаго духа.—иначе, говорили мои проводники, онъ заростъ насъ подъ снѣгомъ, когда мы станемъ спускаться, или не пошлетъ намъ дичи, или отдастъ насъ въ руки нашихъ враговъ. Углубленіе было наполнено до половины древними монетами, желѣзками отъ стрѣлъ, сѣданными ржавчиной кинжалами, пушечными стволами, пулями и женскими застежками и кольцами. Ни одинъ горецъ не переходитъ въ этомъ мѣстѣ черезъ перевалъ, не пожертвовавъ чѣмъ-нибудь горному духу, и можно быть увѣреннымъ, что ничья рука не осмѣлится коснуться того, что ему принадлежитъ.

Намъ слѣдовало спуститься въ ущелье Зеленчуга, но я не видѣлъ дороги. Передъ моими глазами открывалась одна безконечная снѣжная крутизна, бѣлая, ровная, гладкая, на которой, казалось, негдѣ было удержаться ногѣ. Я остановился надъ нею и рѣшительно не зналъ какъ мнѣ начать дѣло. Хатхуа, видя мое недоумѣніе, схватилъ меня за руку и увлекъ за собою, крикнувъ только: „дѣлай какъ л!“ Откинувъ тѣло назадъ и смѣло пробивая пятками тонкую ледяную кору, покрывавшую мягкій снѣгъ, мы помчались подъ гору такъ скоро, что снѣжные глыбы оторванные нашимъ бѣгомъ не успѣвали катиться за нами. Въ нѣсколько минутъ мы сбѣжали съ высоты, на которую пришлось бы подыматься нѣсколько часовъ. Спустившись съ вершины главнаго перевала, мы пошли сначала по обширной снѣжной долинѣ, потомъ еще разъ сбѣжали подъ гору, и стали приближаться къ высокому сосновому лѣсу, около котораго кончался снѣгъ. Въ это самое время слышались въ горахъ дальніе перебаты грома, между тѣмъ какъ небо не показывало ни одного облачка.

При первомъ звукѣ, мои проводники остановились, взглянули вверхъ, и бросились бѣжать въ сторону съ обыкновеннымъ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! и съ такою быстротою, что я за ними едва успѣвалъ. Я понялъ что намъ угрожаетъ какая-то страшная опасность, но не успѣлъ еще привести въ порядокъ моихъ мыслей, какъ дальнѣйшій шумъ разразился возлѣ насъ оглушительнымъ трескомъ; насъ какъ будто толкнуло и обдало серебристою пылью, закрывшею на нѣсколько мгновений всю окрестность. Когда воздухъ очистился отъ этой пыли, мы увидали недалеко отъ насъ гряду снѣга, которой прежде тамъ не было. Кажется, не надо объяснять, что это былъ снѣжный обвалъ. Оправившись отъ испуга, мы вошли въ лѣсъ, закрывавшій отъ насъ ущелье Зеленчуга. Обратившись лицомъ къ горѣ, отъ которой мы удалялись, я могъ наблюдать одну изъ самыхъ прекрасныхъ картинъ, какія я только видѣлъ въ это путешествіе. Снѣжная кора въ нѣсколько десятковъ саженей толщины, надъ которою господствовала вершина горы, кончалась передъ ущельемъ какъ отрѣзанная. и изъ-подъ нея, промывъ глубокую пещеру, съ шумомъ вырывался широкій водопадъ высотой не менѣе тридцати саженей, дававшій начало Зеленчугу. Въ ущелье мы успѣли сойти передъ самымъ вечеромъ, пробираясь медленно черезъ обломки скалъ и груды камней, которыми было завалено его начало. Выбравшись на нѣсколько ровное мѣсто, покрытое травою и мелкимъ лѣсомъ, мы стали искать глазами гдѣ бы лучше расположиться на ночь. Камни и опрокинутыя деревья прѣмуждали насъ безпрестанно переходить черезъ быструю, но мелкую рѣку, разливавшуюся мѣстами на довольно широкое пространство. Вода была въ ней не выше коленъ. Хатхуа ушелъ отъ насъ, послѣ перваго спуска, искать ядомбеевъ или туровъ. Его прежніе безполезные поиски не подавали намъ, правду сказать, большой надежды на настоящую удачу, и мы находились въ весьма дурномъ расположеніи духа. Усталые, голодные, безъ лошадей, имѣя передъ собою еще нѣсколько сутокъ путешествія безъ пищи, мы не видѣли очевидной причины радоваться нашей судьбѣ. Нужда и самолюбіе еще придавали мнѣ на столько бодрости, чтобы не уронить себя въ мнѣніи Абхазцевъ, и не предаться нравственному изнеможенію, отъ котораго мои непривычныя физическія силы упали бы совершенно. Крѣпясь духомъ я

старался, сколько могъ, ободрять и обнадеживать моихъ спутниковъ.

Мы переходили черезъ рѣку, по колѣно въ водѣ, какъ вдругъ недалеко отъ насъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ, и эхо повторило его въ горахъ громкими перекатами. Всѣ встрепнулись. „Это заговорило ружье Хатхуа“, крикнулъ хаджи Соломонъ; „онъ порошу даромъ не терпѣтъ! Одинъ выстрѣлъ, значитъ звѣрь; если будутъ еще, значитъ онъ столкнулся съ непріятелемъ.“ Наше недоумѣніе длилось недолго. Черезъ нѣсколько минутъ мы услышали въ лѣсу быстро приближающійся топотъ, смѣшанный съ трескомъ деревь, ломаемыхъ какою-то непреодолимою силой. Вслѣдъ за тѣмъ выбѣжало передъ нами, въ разстояніи хорошаго выстрѣла, встревоженное стадо адомбеевъ; впереди несея быкъ огромной величины. Ружья блеснули мгновенно изъ чехловъ, выстрѣлы загремѣли и быкъ, въ котораго мы всѣ приложились, какъ по уговору, сдѣлалъ высокій прыжокъ и поворотилъ въ противную сторону. Все стадо, въ которомъ находилось до двадцати коровъ и телятъ, ушло за быкомъ. Заряжая ружья на бѣгу мы бросились ихъ догонять съ такою скоростью, будто никто изъ насъ не имѣлъ причины жаловаться на усталость. Но зубры бѣжали скорѣе насъ, и мы скоро потеряли ихъ совершенно изъ виду; крови на травѣ, доказывавшая что не всѣ изъ насъ промахнулись, служила для насъ плохимъ утѣшеніемъ въ новой неудачѣ, и увеличивала только нашу досаду. Угрюмыя лица моихъ сотоварищей не имѣли въ этотъ вечеръ ничего успокоительнаго. Молча расположились мы спать. Нѣкоторые поглядывали было на мѣшечекъ съ остаткомъ проса, который хаджи Соломонъ привѣсилъ къ своему собственному полюсу; но онъ объявилъ рѣшительно, что не позволитъ коснуться его прежде минуты дѣйствительнаго голода, а до тѣхъ поръ станетъ его защищать противъ каждаго, если бы понадобилось, даже съ пистолетомъ въ рукахъ. Одинъ Хатхуа сохранялъ свой обыкновенный видъ и хладнокровно разказывалъ, что онъ самъ стрѣлялъ въ этого адомбеля, попалъ ему, кажется, въ бокъ, а онъ ушелъ, будяго пуля не коснулась его, но что онъ не теряетъ надежды допытаться, дѣйствительно ли звѣрь этотъ заколдованъ, или намъ просто измѣнили глаза и ружья. Послѣ того онъ помогъ устроить почлегъ, развести огонь отъ звѣрей, и когда всѣ улеглись, взялъ ружье и, не говоря ни слова, по-

шелъ внизъ по Зеленчугу. Долго лежалъ я безъ сна, не имѣя еще привычки переносить голодъ, какъ выучился въ послѣдствіи; наконецъ усталость взяла верхъ, и я сталъ забываться; но мнѣ не было суждено отдохнуть въ эту ночь. Мукамбай тихонько всѣхъ разбудилъ и приказалъ залить огонь. Передъ нами стоялъ неутомимый Хатхуа, и повелъ насъ съ обыкновеннымъ своимъ молчаніемъ въ ту сторону, куда прежде ходилъ одинъ. Послѣ добраго часа ходьбы онъ перевелъ насъ на другой берегъ рѣки и размѣстилъ за грудой камней. Каждому изъ насъ было указано свое мѣсто и дано наставленіе куда цѣлать, въ грудь или въ голову звѣря, который будетъ идти передъ стадомъ. Хатхуа нашелъ, не взирая на темную ночь, слѣды адомбеевъ, по которому они имѣли привычку ходить къ водою. Съ раннею зарей мы замѣтили на горѣ нѣсколько темныхъ подвижныхъ точекъ, которыя медленно спускались къ водѣ и по мѣрѣ приближенія къ намъ принимали все яснѣе форму рогатыхъ животныхъ. Это были нетерпѣливо ожидаемые адомбеи. Снявъ шапки и закрывшись камнями, такъ какъ эти животныя очень чутки и въ разъяренномъ состояніи готовы броситься на человѣка, мы цѣлили сдерживая дыханіе, чтобы не промахнуться и не потерять опять добычи, отъ которой зависѣло, быть ли намъ еще нѣсколько дней сытыми. Передъ стадомъ двигался, понуривъ голову, быкъ огромной величины. Когда онъ подошелъ къ рѣкѣ и готовился уже пить, мы спустили курки почти въ одно время, и семь пуль попало ему разомъ въ грудь и въ голову. Адомбей зататался и съ глухимъ ревомъ упалъ на землю. Все стадо разбѣжалось, прежде чѣмъ мы успѣли снова зарядить наши винтовки. Можно себѣ представить съ какою радостью бросились мы къ убитому животному, въ которомъ не трудно было узнать нашего вчерашняго адомбея. Кромѣ семи пуль, попавшихъ въ него спереди, мы нашли въ немъ еще четыре раны на вылетъ отъ вечерней стрѣлы, не помѣшавшихъ гигантскому звѣрю продержаться на ногахъ до утра, несмотря на весьма значительную потерю крови.

Мы устроили бивуакъ на самомъ мѣстѣ охоты. Абхазцы поспѣшно развели огонь и принялись снимать шкуру и рѣзать адомбея на части. Въ полъ-часа сварили остатокъ прося и зажарили на угляхъ часть огромной печени. Насытив-

лись, мои Абхазцы совершенно переродились, повеселели, и снова почувствовали себя способными на всякое дѣло, сколько бы оно ни было трудно и опасно. Мяса мы имѣли на долго, недостатокъ проса и соли насъ не тревожилъ, потому что и безъ нихъ можно было прожить, не опасаясь умереть съ голоду; слѣдовательно, необходимость снѣдъ безъ оглядки къ башилбаевскимъ ауламъ исчезла. Вспомнили о лошадяхъ, брошенныхъ за горою на произволъ судьбы, и стали о нихъ жалѣть. Могло случиться, что онѣ уцѣлѣютъ до возвращенія Микамбай; но ихъ могли также украсть; кромѣ того было гораздо пріятнѣе четыре или пять дней еще ѣхать на лошади чѣмъ идти пѣшкомъ. Хаджи Соломонъ разстался особенно неохотно съ своимъ катеромъ, на которомъ онъ, при чѣмъ, по кривавшей его голову, и сѣдой длинной бородѣ, былъ разнѣтельно похожъ на почтеннаго эфендія, что имѣло также свою выгоду въ горахъ. Поэтому онъ тотчасъ согласился со мною, когда я сдѣлалъ предложеніе остановиться на Зеленчугѣ и попытаться перевести нашихъ лошадей черезъ снѣгъ. Обѣщавъ подарить по пяти червонцевъ на человека, мнѣ, съ помощію хаджи Соломона, было не трудно уговорить Барры, Хатхуа и двухъ крестьянъ Микамбай перейти за лошадьми еще разъ черезъ гору. Дорожка протоптанная нами черезъ рыхлый снѣгъ, на южномъ подъемѣ, много облегчала это дѣло; а вблизи Хатхуа видѣлся возможность провести лошадей обходною дорогою. Микамбай, Муты и я должны были остаться на Зеленчугѣ караулить убитаго адомбея. На другое утро Хатхуа съ товарищами отправился въ путь еще до восхода солнца, взявъ съ собою добрый запасъ жареной говядины на путевое продовольствіе. Двое сутокъ ждали мы ихъ, расположившись хозяйственно подъ навѣсомъ, сдѣланномъ Абхазцами изъ шкуры адомбея, растянутой на палкахъ. Весь день Микамбай и Шакриловъ хлопотали около нашей добычи, вырѣзывали изъ нея куски говядины, жарили и варили ее, подчувляя своимъ стряпаньемъ. Избавившись отъ голода, я почувствовалъ недостатокъ хлѣба и особенно соли, безъ которой красное и жесткое мясо зубра показалось мнѣ очень невкуснымъ; но тутъ нечего было разбирать и думать о вкусѣ; надо было благодарить Бога и за эту пищу, безъ которой наше путешествіе могло принять весьма бѣдственный оборотъ. На третьи сутки привели катера и нашихъ двухъ лошадей, до того измученныхъ, что они едва держались на

погахъ. И людямъ, и животнымъ отдыхъ былъ необходимъ. Поэтому мы пробыли на Зеленчугѣ еще одинъ день и отправились потомъ въ дорогу не безъ порядочнаго запаса нарезной и жареной говядины. Я желалъ сберечь шкуру адомбея съ его головою и копытами и привести ихъ на линію, въ доказательство того, что зубры существуютъ не въ одной Литвѣ, а водятся еще на Кавказѣ, чему не хотѣли вѣрить, слыша объ этомъ отъ горцевъ. Между Русскими я былъ первый, имѣвшій случай видѣть кавказскаго зубра и за нимъ охотиться. Это огромный ростъ, темно-коричневый цвѣтъ, чисто бычачья голова, мохнатая какъ и грудь, и гладкая задняя часть не допускали никакого сомнѣнія, что онъ одной породы съ животнымъ берегаемымъ въ лѣсахъ Бѣловѣжской пуши. На Кавказѣ зубръ встрѣчается, какъ я уже сказалъ, въ сосновыхъ лѣсахъ, примыкающихъ къ вѣчному снѣгу, по ущельямъ двухъ Зеленчуговъ, Кяфира и Урупа. Нѣсколько разъ во время путешествія показывали мнѣ логовища этихъ животныхъ и дорожки, пролагаемыя ими по самымъ крутымъ горамъ и служащія потомъ въ пользу человека, такъ какъ онѣ всегда ведутъ въ какое-нибудь ущелье къ ручью, изъ котораго адомбеи пьютъ воду. Мои Абхазцы не хотѣли и слышать о провозѣ на линію цѣльной шкуры, говоря что ни одна изъ нашихъ лошадей не имѣетъ силы протащить ее даже одинъ день, и мы будемъ принуждены бросить на дорогѣ со шкурою и лошадь. Поневолѣ я долженъ былъ покориться такому весьма практическому заключенію моихъ проводниковъ, и не безъ досады видѣлъ какъ стали выкраивать ремни изъ прекрасной шкуры, подъ которою мы всѣ семеро находили мѣсто во время нашей стоянки на берегу Зеленчуга. Еще на южной сторонѣ горъ собралъ я въ ущельяхъ Гумисты и Бзыба большое число камней разныхъ породъ, между прочимъ и кварцы съ слѣдами золотой руды, и наполнилъ ими саквы висѣвшія у меня за сѣдломъ. Саквы были спрятаны вмѣстѣ съ сѣдломъ тамъ, гдѣ мы оставили нашихъ лошадей. Когда ихъ привели на Зеленчугъ, дорожные мѣшки оказались пустыми, не взирая на мою просьбу ничего въ нихъ не трогать. „Гдѣ мои камни?“ спросилъ я Абхазцевъ. — „Гдѣ? въ снѣгу на горѣ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ; лошади стало тяжело и я выбросилъ ихъ; а если ты любишь такъ таскать съ собою камни, такъ въ Зеленчугѣ ихъ очень много, пожалуй я наберу!“ Послѣ этого нечего было и говорить. Во

время дороги я былъ принужденъ записывать и дѣлать мои пометки скрытно отъ проводниковъ, зная сколько они ненавидятъ всякое письмо и какъ боятся его, считая его дьявольскимъ искусствомъ. Замѣтивъ что я составляю записки, они, въ случаѣ какого-нибудь несчастія, не замедлили бы приписать его грѣшнымъ знакамъ, чертимымъ мною на бумагѣ, и нельзя предсказать до чего бы могла ихъ довести въ подобномъ случаѣ суевѣрная злоба.

Отъ Зеленчуга мы перешли на Кяфиръ черезъ высокій скалистый гребень, на которомъ стояли развалины церкви, вѣроятно грузинской, постройки времени царицы Тамары. Этотъ переходъ былъ не только труденъ, но представлялъ даже новую опасность особеннаго рода. Скалы, которыми былъ увѣнчанъ гребень горы, упирались подножіемъ въ крутыя покатоcти, покрытыя сырою, скользкою травой. Въ лощинахъ, прорѣзывавшихъ бока горы, по которымъ мы должны идти, обходили скалы, лежалъ еще снѣгъ. Днемъ его поверхность таяла, а ночью, замерзая, покрывалась довольно крѣпкою ледяною корой. Переправа черезъ эти снѣжныя полосы представляла немалую опасность, потому что съ нихъ можно было, поскользнувшись, скатиться въ ужасную глубину. Дороги тутъ не было и слѣда. Съ цѣлью проложить ее Хатхуа и Багры пускались обыкновенно бѣгомъ черезъ мерзлый снѣгъ, упираясь на свои желѣзомъ окованные палки и прошибая ледяную кору сильными ударами ногъ. По протоптанному ими слѣду переходили остальные, становясь ногою только на мѣста пробитыя въ снѣгу. Лошадей съ катеромъ впереди, переводили на длинной веревкѣ. На одномъ изъ подобныхъ мѣстъ даже катеръ, отличный ходокъ по горамъ, не хотѣлъ переходить, кусался, билъ ногами и не тронулся съ мѣста пока люди, пробѣжавъ нѣсколько разъ не продѣлали болѣе безопасной дорожки. Спустившись внизъ по Кяфиру, мы вышли изъ тѣснаго ущелья, по которому онъ протекаетъ въ своемъ верховьѣ, и вступили на холмистую мѣстность, покрытую небольшими перелѣсками и высокою, сочною травой, въ которой конный человѣкъ скрывался до головы. Намъ слѣдовало съ Кяфира поворотить на западъ, обогнуть самые крутые контръ-форсы главнаго хребта, и потомъ подняться на югъ, вверхъ по Уругу, на которомъ жили въ то время Башилбаевцы, недалеко отъ его верховья. Чѣмъ болѣе удалялись мы отъ высокихъ горъ, тѣмъ осторожнѣе становились мои Абхазцы.

Дѣло черкесскихъ хаджіевъ, побитыхъ на Бзыбѣ, не выходило у нихъ изъ ума. Сосѣдство Кабардинцевъ, жившихъ также на Урунѣ, только гораздо ниже Башилбаевцевъ, сильно ихъ тревожило.

На второмъ переходѣ отъ Зеленчуга мы не разводили ночью огня, для того чтобы не привлечь къ себѣ незваныхъ гостей; а потомъ шли только ночью и дневали въ глубокихъ балкахъ, неразсѣдывая лошадей и не выпуская изъ рукъ оружія. На пятый день, повернувъ опять къ горамъ, мы сдѣлали огромный переходъ вверхъ по Уруну, передъ вечеромъ вошли въ дремучій лѣсъ и поздно ночью остановились на небольшой полянѣ, которую загораживала съ одной стороны высокая отвѣсная скала. Далѣе этого мѣста ни хаджи Соломонъ, ни его Абхазцы не смѣли идти, жалѣя своихъ головъ. Верстахъ въ пяти отсюда лежало селеніе Мамать-Кирея Сидъ-ипы, изъ рода Маршаніевъ, пріятеля Микамбая. Башилбасиды принадлежали къ числу девяти небольшихъ абазинскихъ обществъ, занимавшихъ сѣверо-восточную покатость горъ, между рѣками Уруномъ и Сагуашею. Языкъ и господствующія у нихъ фамиліи доказывали ихъ абазинское происхожденіе. Колыбель ихъ племени находилась безспорно въ Абхазіи, изъ которой они выселились, въ давнія времена, за Гагры и на сѣверную сторону горъ, по недостатку земли и по причинѣ внутреннихъ раздоровъ. Назывались эти общества: Башибай, Тамъ, Кызыбекъ, Шегирей, Багъ, Баракай, Ловъ, Дударукуа и Бибердъ. Всѣ они находились въ зависимости отъ черкесскихъ князей племени Адыге, обратившихъ ихъ въ своихъ данниковъ и отказывавшихъ по этой причинѣ Ловамъ, Бибердамъ, Дударукувымъ и Моршаніямъ въ княжескомъ титулѣ. Бесланевскіе князья Какунда считали Башилбаевцевъ своими вассалами, и только со времени покоренія ихъ русскими потеряли право получать съ нихъ подать. Приводя множество именъ, имѣющихъ одинакое окончаніе, считаю излишнимъ поленить, что жители Востока имѣютъ обыкновеніе прибавлять къ каждому имени: сынъ такого-то, и что грузинское—дзе, черкесское—ику, абазинское—ипа, татарское—оглы, значать—сынъ; такъ напримѣръ, Хермули-дзе, Бесланъ-ику, Сидъ-ипа, Пасванъ-оглы и т. д.

Микамбай послалъ Хатхуа въ ту же ночь уведомить о своемъ прибытіи Мамать-Кирея Сидова, какъ его называли Русскіе, вмѣсто Сидъ-ипа, и забрать у него съѣстныхъ при-

пасовъ. Хаджи Соломону и мнѣ самому было желательно по-видаться съ Сидовымъ какъ можно скорѣе, для того чтобъ узнать отъ него какимъ способомъ могу я проѣхать далѣе къ братьямъ Ловамъ. Хатхуа вернулся передъ утромъ вмѣстѣ съ довѣреннымъ слугою Сидова, принесшимъ корзину полную разныхъ припасовъ и пригнавшимъ двухъ барановъ, отъ имени жены своего господина, который находился въ отлучкѣ. Нѣсколько дней до нашего прихода не только онъ, но и всѣ другіе абазинскіе и кабардинскіе старшины, а между ними и братья Ловы, уѣхали для совѣщанія на русскую сторону въ Желѣзноводскъ къ начальнику кубанскаго кордона. Башилбаевцы покорились Русскимъ полгода передъ тѣмъ, а Ловы, какъ мнѣ разказалъ Башилбаевецъ, стали бѣжать налицу нѣсколько недѣль тому назадъ; значить, они также были приняты въ число русскихъ подданныхъ. Это извѣстіе меня нисколько не обрадовало. Съ той минуты, что они гласно передались Русскимъ, Ловы не могли болѣе мнѣ быть полезными для моего путешествія къ морскому берегу. Кромѣ того, ихъ отсутствіе, равно какъ отлучка Сидова и другихъ абазинскихъ старшинъ, съ которыми хаджи Соломонъ имѣлъ связи, ставили меня и моихъ Абхазцевъ въ весьма непріятное положеніе. Жена Маматъ-Кирея не рѣшалась принять насъ въ отсутствіе своего мужа, опасаясь за жизнь Абхазцевъ, по причинѣ канлы, которую имѣли противъ нихъ Черкесы изъ-за побитыхъ хаджеевъ. До Желѣзноводска считали около двухъ сотъ верстъ. Нарочный, котораго она предлагала послать за своимъ мужемъ, могъ поспѣть туда не раньше трехъ дней, и намъ нельзя было ожидать возвращенія Сидова, какъ бы онъ ни спѣшилъ, прежде семи или восьми дней. Охранное письмо князя Михаила на имя хаджи Джансеида нисколько не успокоивало стараго Микамбая. „Эти Кабардинцы отъявленные разбойники, повторялъ онъ безпрестанно:—только узнаютъ что мы находимся здѣсь, и явятся къ намъ, какъ сѣтъ на голову, не спрашивая какой тутъ владѣтельскій Шакриловъ, и какое письмо бережетъ онъ за пазухой. Имъ не нужны ни письма, ни разказы; прежде всего они хотятъ абхазской крови.“ Сколько хаджи Соломонъ ни сердился, а дѣлать было нечего, и приходилось спокойно оставаться въ лѣсу до возвращенія Сидова или до пріѣзда Лововъ, которымъ бы онъ могъ меня передать цѣлаго и живаго, какъ имъ было обѣ-

щано; иначе ссора съ владѣтелемъ дѣлалась неизбежною; послѣ всѣхъ трудовъ пропадали наградныя деньги, да сверхъ того завязывалось съ Русскими самое непріятное дѣло.

Покоряясь злой необходимости, Микамбай просилъ только Башилабасва передать женѣ Сидова, чтобъ она не медлила ни одного часа отправленіемъ гонца за своимъ мужемъ, которому я обѣщалъ, сверхъ того, отъ себя хорошую награду, если онъ скоро доставитъ мое письмо генералу ^{***}, какому объ этомъ не говоря. Въ запискѣ, писанной по-нѣмекки, для того чтобъ ее ни въ какомъ случаѣ не могли прочитать Черкесы, между которыми находились люди знакомые съ русскою грамотой, я объяснилъ въ короткихъ словахъ мое положеніе и просилъ, какъ можно скорѣе, прислать ко мнѣ одного изъ Лововъ для устройства моего проѣзда съ Урупа на линію. Покончивъ это дѣло, мы принялись устраивать для себя безопасную стоянку на довольно долгое время, при чемъ оказалось, что хаджи Соломонъ былъ весьма предусмотрительный человѣкъ. Мѣсто, куда онъ насъ привелъ, лежало въ такой глуши, что одинъ только несчастный случай или измѣна могли навести на него нашихъ враговъ. Оно находилось въ дремучемъ лѣсу, въ сторонѣ отъ всѣхъ дорогъ, и пользовалось обороной, которую не легко было найти въ другомъ мѣстѣ. Я говорилъ уже о скалѣ, загораживавшей поляну съ одной стороны. Эта скала имѣла около пятидесяти сажень вышины; верхняя часть была отвѣсна, нижняя спускалась къ землѣ покатостію, по которой могъ вскарабкаться развѣ медвѣдь, а не человѣкъ. На половинѣ ее высоты видѣлось небольшое круглое отверстіе и возлѣ него длинная горизонтальная скважина, открывавшая входъ въ большую пещеру. Узенькая, едва примѣтная дорожка, проходимаая только днемъ, такъ она была крута и опасна, поднималась съ поляны до отверстія. На ружейный выстрѣлъ отъ пещеры не было ни дерева, ни камня, за которыми могъ бы скрыться непріятель. Лучшей этой самою природою устроенной крѣпости нельзя было придумать для небольшого гарнизона. Въ пещеру втащили сѣдла, провизію, двухъ живыхъ барановъ, кромѣ битой говядины, дровъ и воды въ дорожныхъ тулкахъ. Продолговатая скважина защищалась натуральнымъ брустверомъ; отверстіе можно было баррикадировать, въ случаѣ нужды, камнями, лежавшими во множествѣ на днѣ пещеры. Остатки обгорѣвшихъ дровъ, су-

хая трава для постели и законченный сводъ пещеры доказывали, что мы не первые искали въ ней защиты отъ злыхъ людей. Хатхуа распоряжался въ ней какъ дома, знал всѣ ея извилины. Послѣ того я узналъ, что она не рѣдко служила притономъ для Абхазцевъ и для Медовесенцевъ, ходившихъ на сѣверную сторону грабить Черкесовъ. Башилбасевцы доставляли имъ въ этомъ случаѣ продовольствіе и никогда ихъ не выдавали, находя весьма выгоднымъ имѣть подъ рукою людей, черезъ которыхъ можно было переправлять на другую сторону горъ краденую скотину и людей. У горцевъ воровство считается, по ихъ понятіямъ, за весьма почетное ремесло; стыдно только быть пойманнымъ на дѣлѣ.

Устроившись въ пещерѣ совершенно по-домашнему, мы стали терпѣливо ожидать конца нашихъ походовъ. Днемъ мы бродили по лѣсу съ ружьями въ рукахъ за дикими козами и за клубникой, приводили въ порядокъ оружіе, или курили, грѣясь на солнцѣ, что составляло для моихъ Абхазцевъ самое пріятное развлеченіе. Лошади паслись на полянѣхъ подъ карауломъ одного человѣка, другой не оставлялъ никогда пещеры и наблюдалъ съ высоты за окрестностію. Если спросить, что онъ могъ видѣть, имѣя предъ глазами одиѣ вершины деревъ дремучаго лѣса, то я отвѣчу, что горецъ по полету и по крику птицъ заключаетъ довольно вѣрно о томъ, что происходитъ въ непроницаемой глубинѣ лѣса, и этихъ примѣтъ достаточно для того, чтобы знать, приближаются ли люди. На ночь мы собирались въ пещеру, слегка закладывали входъ, тушили огонь и привязывали лошадей возлѣ скалы, гдѣ онѣ находились подъ защитою нашихъ ружей. Въ сѣбныхъ припасахъ у насъ не было недостатка; ихъ приносили намъ до разсвѣта, для того чтобы въ аулѣ не догадались, что въ лѣсу скрываются гости другой стороны горъ. Мукамбай имѣлъ всегда въ пещерѣ проса и молока на нѣсколько дней впередъ, и не трогалъ запасныхъ барановъ. Наша позиція была такъ хороша, что съ семью мѣткими ружьями, при достаточномъ количествѣ пороха и свинцу, въ которыхъ мы не нуждались, намъ нечего было бояться даже сотни враговъ, и насъ могли выморить развѣ только голодомъ. Въ этомъ положеніи мы прожили восемь дней безъ всякихъ приключеній, кромѣ одной фальшивой тревоги по поводу мнимой покражи нашихъ лошадей. Оказалось потомъ, что караульный, заснувъ, не замѣтилъ какъ

онѣ сами ушли въ дѣсъ. Тревога кончилась тѣмъ, что лошадей отыскали и привели назадъ. Баты и я ходили вмѣстѣ на охоту, и принесли однажды козу съ козленкомъ, которыхъ онъ убилъ одною пулею, давъ имъ поравняться на линіи выстрѣла, для того чтобы не тратить лишняго заряда.

На девятый день Башилтаевъ, доставлявшій намъ пищу, принесъ весьма пріятное извѣстіе, что его господинъ вернулся, и съ нимъ пріѣхали Ловы и другіе абазинскіе старшины, для того чтобы меня проводить на линію по приказанію генерала ***. Сидовъ просилъ хаджи Соломона выѣхать со мною на половину дороги къ его аулу, для того чтобы не познакомить съ нашимъ притономъ постороннихъ людей, которые будутъ его сопровождать. Сначала я не могъ понять причину, побуждавшую Сидова сдѣлать мнѣ гласную встрѣчу, которой я совершенно не желалъ и которая могла только вредить моимъ планамъ. Письмо генерала ***, переданное мнѣ, когда я прибылъ на свиданіе, объяснило мнѣ это дѣло. Не зная ни причины, ни дѣла моего путешествія изъ Абхазіи на линію, генераль *** чрезвычайно удивился моему неожиданному появленію на Урупѣ. Понимая опасность, которой я подвергался въ этомъ мѣстѣ, какъ Русскій, находящійся притомъ въ товариществѣ съ Абхазами, онъ на первыхъ порахъ думалъ было собрать летучій отрядъ и идти съ нимъ выручать меня. Но потомъ онъ разсчиталъ, что на это было необходимо слишкомъ много времени, и что такой рѣдкій случай, какъ мой пріѣздъ, могъ быть съ пользою употребленъ, для того чтобы принудить вновь покоренныхъ Башилтаевцевъ и Кабардинцевъ, переселенныхъ имъ на Урупъ, дать гласное доказательство своей покорности, и это могло бы поссорить ихъ съ непріязненными намъ Черкесами, съ которыми они продолжали имѣть тайныя связи. Поэтому генераль *** приказалъ собраннымъ около него въ Желтноводскѣ Сидову, Ловамъ и кабардинскому князю Исмаилу Касаеву отправиться немедленно домой и обезпечить мой прѣздъ съ Урупа на Кубань, возложивъ на нихъ полную отвѣтственность за мою безопасность. Всѣ распоряженія онъ дѣлалъ гласно, не полагая, чтобы я рѣшился на новое путешествіе въ горы. Этотъ оборотъ дѣла налагалъ на Маматъ-Кирея Сидова обязанность принять меня не какъ неизвестнаго путешественника, а какъ русскаго офицера, посѣщающаго его домъ, чего еще никогда не бывало.

Выѣхавъ изъ лѣсу съ Мукамбаемъ и съ Шакриловымъ, который не долженъ былъ оставлять меня до Желѣзноводска, мы были встрѣчены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула Сидовымъ и Ловами, имѣвшими за собою около сотни узденей, отлично одѣтыхъ, и на прекрасныхъ лошадяхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ мы остановились, слѣзли съ лошадей и сошлись поздороваться по черкесскому обычаю, приложивъ руку къ шанкѣ. Мукамбай представилъ мнѣ Сидова, а Сидовъ своихъ гостей, трехъ братьевъ Лововъ, Асланъ-Гирея, Эдыга и Мамать-Кирея. Послѣ того онъ пригласилъ меня посѣтить его домъ, пзвиняясь заранѣе, если его ограниченный достатокъ не позволитъ ему принять меня достойнымъ образомъ.

Правила вѣжливости, соблюдаемыя Черкесомъ, когда онъ принимаетъ гостя, такъ ярко обрисовываютъ его гостепріимный бытъ, что я не могу упустить случай разказать о приѣмѣ, сдѣланномъ мнѣ Сидовымъ. Надо начать съ того, что въ глазахъ горца нѣтъ такой услуги, которая могла бы унижить хозяина передъ гостемъ, сколько бы ни было велико разстояніе ихъ общественнаго положенія. Званіе тутъ не принимается въ расчетъ, и только самыя малыя оттъѣки означаютъ разницу въ приѣмѣ болѣе рѣдкаго или почтеннаго гостя. Я принадлежалъ въ этотъ разъ къ числу не только рѣдкихъ, но совершенно небывалыхъ гостей. Передъ дверьми кунахской, Сидовъ соскочилъ съ лошади, для того чтобы держать мое стремя, потомъ снялъ ружье и провелъ меня на мѣсто, обложенное для меня коврами и подушками, въ почетномъ углу комнаты. Усѣвшись, мнѣ слѣдовало промолчать нѣсколько мгновеній и потомъ освѣдомиться о здоровьи хозяина и Лововъ, которыхъ со мною познакомили. У горцевъ считается неприличнымъ для гостя разпрашивать о жемѣ и дѣтяхъ. Отъ моего приглашенія садиться, всѣ какъ водится, отказались на первый разъ. Скоро подали умыть руки, и вслѣдъ за умываньемъ былъ принесенъ рядъ низенькихъ круглыхъ столовъ, наполненныхъ кушаньемъ. Я пригласилъ вторично Сидова и Лововъ сѣсть со мною за столъ. Хозяинъ рѣшительно отказался, въ знакъ уваженія ко мнѣ, и все время простоялъ въ кунахской, не принимая участія въ обѣдѣ; Ловы, будучи сами гостями, сѣли около стола. Черкесы употребляютъ для молока деревянныя ложки, говаяжій отваръ, пьютъ изъ ковшей, а все остальное ѣдятъ пальцами изъ одной большой миски, поставленной посреди стола и обложенной

вмѣсто хлѣба кусками густой просяной кашн. Говядину рѣжутъ, вмѣсто ножа, кинжаломъ какой у каждаго есть въ ножнахъ. Число подаваемыхъ блюдъ увеличивается съ значеніемъ гостя: ихъ было такъ много, что я не успѣлъ пересчитать. Обѣдъ состоялъ изъ вареной баранины, говяжьяго отвара, разныхъ яичницъ, молока десяти различныхъ приготовленій, вареныхъ куръ съ подливкою изъ краснаго перца, жареной баранины съ медомъ, рассыпнаго проса со сметаною, буйволяго каймака и сладкихъ пирожковъ. Черкесы пьютъ только воду, брагу или кумысъ, такъ какъ вино имъ запрещено кораномъ. По правиламъ черкесской вѣжливости, никто не касается до кушанья прежде старшаго гостя, и когда онъ кончилъ, всѣ сидящіе съ нимъ за однимъ столомъ также перестаютъ есть, а столъ передаютъ второстепеннымъ почитателямъ, отъ которыхъ онъ переходитъ дальше, пока его не очистятъ совершенно, потому что горецъ не берегаетъ на другой разъ что было однажды приготовлено и подано. Чего не съѣдаютъ гости, выносятся изъ кунахской и отдается на дворъ дѣтямъ или невольникамъ, сбѣгающимъ на каждое угощеніе. Мѣсто имѣетъ большое значеніе въ черкесскомъ приѣмѣ. Для того чтобы дать мнѣ первое мѣсто и въ то же время не обидѣть старика хаджи Соломона, гостя изъ дальней стороны, которому лѣта давали преимущество надо мною, его помѣстили въ другой кунахской и угощали особенно. Лѣта ставятся у горцевъ въ общежитіи выше званія. Молодой человѣкъ самаго высокаго происхожденія обязанъ вставать передъ каждымъ старикомъ, не спрашивая его имени, уступать ему мѣсто, не садиться безъ его позволенія, молчать передъ нимъ, кротко и почтительно отвѣчать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная съѣдннѣ ставится молодому человѣку въ честь. Даже старый невольникъ не совсѣмъ исключенъ изъ этого правила. Хотя дворянинъ и каждый вольный Черкесъ не имѣютъ привычки вставать передъ рабомъ, однакоже мнѣ случилось не рѣдко видѣть, какъ они сажали съ собою за столъ пришедшаго въ кунахскую слѣдородаго невольника. Горскіе обычаи не мало способствовали мнѣ сохранить свою неизвестность между горцами, которыхъ языка я не зналъ. Мнѣ было тогда не болѣе двадцати пяти лѣтъ, слѣдственно я вездѣ встрѣчалъ людей старше меня, при которыхъ былъ обязанъ скромно молчать. Хаджи Соломонъ вер-

нулся въ тотъ же вечеръ въ лѣсъ и ушелъ съ своими людьми въ Абхазію. Изъ старыхъ проводниковъ остался при мѣѣ одинъ Шакриловъ, отъ котораго мѣѣ было мало пользы. Всѣ смотрѣли на него какъ-то недоброжелательно и не обижали его только потому, что онъ имѣлъ порученіе къ хаджи Джансеиду и находился подъ моимъ покровительствомъ. Меня же самого оберегала хотя и дальняя, но весьма положительная сила русскаго штыка.

Между моими новыми знакомыми я могъ совершенно на-дѣяться на Сидова и на Лововъ. Сидовъ властвовалъ надъ башпабаевскимъ обществомъ въ двѣ тысячи душъ мужскаго пола. Въ тридцать пятомъ году, когда я пріѣхалъ на Урунъ, онъ находился въ числѣ покорныхъ намъ горскихъ владѣльцевъ, принимая меня гласно въ своемъ домѣ и, я увѣренъ, не пощадилъ бы своей жизни для моей защиты. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ отложился, и въ сорокъ пятомъ году заставилъ много говорить о себѣ, захвативъ съ шайкою въ двѣнадцать человѣкъ, на дорогѣ между Пятигорскомъ и Георгіевскомъ, жену полковника Махина, которая прожила у него въ пѣту болѣе восьми мѣсяцевъ, пока ее не выкупили за дорогія деньги. Подобные переходы отъ болѣе или менѣе шаткой покорности къ открытой враждѣ принадлежали въ то время къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ на Кавказѣ. Братья Ловы были приняты въ число покорныхъ, съ преданіемъ забвенію всѣхъ прежнихъ преступленій, недѣли за двѣ до моего пріѣзда. Это обстоятельство отняло у меня всю надежду черезъ нихъ достигнуть моей цѣли, и я долженъ былъ думать о другихъ способахъ. Служа о томъ, что они покорились, или какъ горцы имѣли обыкновеніе выражаться, — познакомились съ Русскими, — и перешли жить въ свой родовой аулъ на Кумѣ, разнесся вездѣ, и этого было достаточно чтобы возбудить противъ нихъ величайшее недо-вѣріе между непріязненными Черкесами, у которыхъ они послѣ этого не смѣли показываться. Несмотря на ихъ бесполезность для моихъ будущихъ плановъ, я не могъ не обратить вниманія на младшаго брата, Мамать-Кирея. Двадцати лѣтъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, какихъ даже немного у Черкесовъ, ловкій и смѣлый, онъ съ первыхъ минутъ нашего знакомства мѣѣ чрезвычайно понравился и внушилъ мѣѣ желаніе привязать его къ себѣ. Свою первую молодость онъ провелъ между Русскими и выучился въ георгіев-

ской гимназіи правильно говорить, читать и писать по-русски, чѣмъ я воспользовался, для того чтобы просить его быть моимъ переводчикомъ до пріѣзда на Кубань. Тогда мнѣ не приходило на умъ, что судьба свяжетъ насъ когда-нибудь еще тѣснѣе, положивъ на одни вѣсы его жизнь и мою судьбу, какъ это случилось годомъ позже въ абхазскихъ лѣсахъ, когда Кабардинцы захватили меня въ плѣнъ, а его спасъ отъ смерти только неожиданный случай.

Во время путешествія черезъ горы я совѣмъ износилъ мое платье; черкесска была въ лохмотьяхъ, обувь едва держалась на ногахъ. У горцевъ существуетъ обычай размѣниваться подарками съ новымъ знакомымъ. На основаніи этого обыкновенія, весьма кстати принесли мнѣ на другое утро отъ имени моей хозяйки новую черкесску, поговицы и красные сафьянные чулки, обшитые серебрянымъ голупомъ, который Черкешенки умѣютъ изготовлять съ неподражаемымъ искусствомъ. Всѣ эти вещи отличались хорошимъ вкусомъ, особенно чулки, обувь безъ подошвы, на которую знатные Черкесы обращаютъ главное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Они шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги, при надѣваніи размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и натягиваются на ноги подобно перчаткамъ. Послѣ того, надѣвший новые чевлки долженъ лежать выждать пока они высохнувъ примутъ форму ноги. Подъ чевяки въ послѣдствіи подшивается самая легкая и мягкая подошва. Въ замѣнъ полученныхъ подарковъ я отправилъ къ женѣ Сидова десять новыхъ червонцевъ, которые Черкешенки носятъ на шеѣ по восточному обыкновенію. У Черкесовъ и Абазинъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ горъ, женщины скрываютъ, поэтому я не видалъ хозяйки, а переговаривался съ нею черезъ невольника.

Прогостивъ три дня у Сидова, я отправился на линію. Человѣкъ сто Абазинъ, Сидовыхъ и Лововскихъ узденей, подъ предводительствомъ своихъ князей, проводили меня до большого Теченя, на берегу котораго кабардинскій князь Исмаиль Касаевъ начиналъ тогда строить для себя дома. Онъ принялъ меня въ шалашѣ, убранномъ коврами, за неимѣніемъ другой кунахской. Касаевъ принадлежалъ къ одной изъ первыхъ княжескихъ фамилій въ Кабардѣ и былъ очень богатъ, невзирая на потери, сдѣланныя имъ въ двадцать первомъ году, когда онъ бѣжалъ за Кубань. Въ трид-

дать пятомъ году онъ передался опять на сторону Русскихъ, и долженъ былъ поселиться около Урупа, потому что со времени Юрмоллова существовало правило не допускать въ Кабарду бѣжавшихъ князей, которые были для насъ гораздо вреднѣе и опаснѣе простаго народа, легко смиривагося когда они перестали тяготѣть надъ нимъ. Касавъ меня угостилъ еще съ бѣльшею пышностью чѣмъ Сидовъ. У него въ домѣ господствовала старинная турецкая роскошь, обкаруживавшаяся во множествѣ серебряной посуды, золоченыхъ чашъ для кумыса, ковровъ, парчевыхъ тюфяковъ, бархатныхъ одѣялъ и тому подобныхъ вещей. Самъ Касавъ, хромой, съ лицомъ выражавшимъ его монгольское происхождение, считался однимъ изъ первыхъ молодцовъ и стрѣльцомъ, привыкшимъ битъ съ сѣдла козъ и оденей. Открытое помѣщеніе и множество гостившихъ у него людей, между которыми, я полагаю, были и непріязненные Черкесы, заставили его принять для меня особыя осторожности. Касавъ легъ спать съ нами въ шалаши, и когда всѣ заснули, съ помощью Мамать-Кирей Лова перемѣстилъ мою постель на другой конецъ шалаша, сказавъ, что хотя опасности нѣтъ, а все-таки лучше быть осторожнымъ и не вѣрить никому, потому что мысль человѣка не написана у него на лицѣ, а слова всегда лгутъ. По угламъ нашего помѣщенія всю ночь караулили касавскіе уздени, вооруженные двустольными ружьями. Касавъ проводилъ меня до Кубани, черезъ которую я переправился противъ Баталпашинской казачьей станицы. Оттуда я пріѣхалъ на кавказскія минеральныя воды, протсавъ короткое время въ Тохтамышѣ у генерала султана-Азамать-Гирей, потомка крымскихъ хановъ, и на Кумѣ у моего пріятеля Лова. Этимъ кончилось мое первое путешествіе.

Имѣя въ головѣ одну мысль и въ сердцѣ одно желаніе исполнить то, что обѣщалъ насчетъ осмотра морскаго берега, я не терялъ надежды сдержать свое слово, несмотря на новую неудачу съ Ловами. При первомъ свиданіи я объяснился съ генераломъ **** насчетъ этого дѣла, просилъ его помощи и объявилъ ему, что намѣренъ въ крайнемъ случаѣ обратиться къ хаджи-Джансиду, пользуясь письмомъ къ нему абхазскаго владѣтеля, хотя знаю всю силу его вражды противъ Русскихъ. Генералъ не совѣтовалъ мнѣ довѣряться этому чловѣку, и отговаривалъ меня пускаться въ томъ году снова въ горы по причинѣ омаки, которой подверглось мое

первое путешествіе. Несмотря на всё его доводы, что я сдѣлался теперь извѣстенъ многимъ Черкесамъ, которые станутъ меня караулить, я не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и просилъ его указать мнѣ другаго человѣка, если онъ считаетъ опаснымъ имѣть дѣло съ Джансеидомъ. Уступая моей настойчивости, онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣхъ извѣстныхъ ему молодцовъ и остановился на имени князя Карамурзина, который, по его мнѣнію, могъ не менѣе хаджи Джансеида быть мнѣ полезнымъ. Сперва надо было только узнать косвеннымъ образомъ, согласится ли онъ быть моимъ проводникомъ; потомъ ужъ отъ меня зависѣло или не начинать дѣла, или вступить съ нимъ въ прямые переговоры. Генералъ *** собирался ѣхать на Кубань и общалъ мнѣ при этомъ случаѣ вывѣдать что было нужно отъ Карамурзина, а я долженъ былъ пока оставаться на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Чтобы прекратить всё разговоры обо мнѣ и усыпить вниманіе, съ какими горцы стали за мною слѣдить, я просилъ генерала, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль,пустить за Кубанью слухъ, что я заболѣлъ на водахъ и скоропостижно умеръ. Между тѣмъ этотъ ложный слухъ, выдуманный мною самимъ, едва не обратился въ истину. На одной изъ прогулокъ, около Пятигорска, моя лошадь упала на всемъ скаку подъ гору, и я ударился головой о каменистый грунтъ дороги съ такою силой, что потерялъ память и нѣкоторое время не узнавалъ ни мѣста, ни людей. Маматъ Курей Ловъ и нѣсколько его Абазинъ, бывшихъ со мною, считали меня убитымъ, и только тогда удостоверился въ противномъ, когда я самъ всталъ и поднялъ на ноги мою лошадь. Подсотни півокъ и кровопусканіе избавили меня отъ дурныхъ послѣдствій паденія, которое имѣло для меня и свою хорошую сторону, доставивъ мнѣ знакомство и дружбу замѣчательнаго по своему уму доктора Мейера, выведеннаго Лермонтовымъ въ его *Герои нашего времени*.

На водахъ я привелъ въ порядокъ мои путевыя записки. Если пройденная мною дорога не представляла особеннаго интереса, за то собранныя мною этнографическія свѣдѣнія были новы и весьма положительны. Изъ Абхазіи, до верховья Урупа, я шёлъ по мѣстамъ совершенно незаселённымъ, наполненнымъ на нашей картѣ множествомъ не существующихъ народовъ, которые мнѣ пришлось стереть. Ошибки происходили отъ того, что карты мѣстностей, куда не про-

никали еще ни путешественники, ни войска, пополнялись черезъ разпросы людей, дурно говорившихъ по-русски, и которыхъ языка мы совершенно не знали. Такимъ образомъ верховья Зеленчуговъ считались заселенными довольно сильнымъ племенемъ Алапетовъ, котораго я нигдѣ не могъ отыскать, или, вѣрнѣе сказать, находилъ повсюду, потому что *алапетъ* на мингрельскомъ языкѣ значитъ горецъ. Благодаря Эмину Шакрилову и Маматъ-Хирею Лову, я познакомился съ языками и нарѣчіями, находящимися въ употребленіи за Кубанью, и получилъ этимъ способомъ возможность положить первое основаніе правильному систематическому раздѣленію на племена горцевъ, живущихъ противъ праваго фланга кавказской линіи. Прежде у насъ считалось за Кубанью столько же различныхъ народовъ, сколько тамъ существовало названій обществъ или отдѣльных ауловъ. Древніе греческіе, византійскіе, арабскіе и генуэзскіе историки также мѣшали племена и народы, безъ разбора называя ихъ Синтами, Керхетами, Ахелнами, Геніохами, Зигами, Джиками, Джикетами и наконецъ Абазгами. Я же нашелъ на берегу Чернаго моря и за Кубанью только три различные народа: Абазинъ, Черкесовъ и Татаръ, говорящихъ на трехъ коренныхъ, нисколько между собою несходныхъ языкахъ. Они не понимаютъ другъ друга; между тѣмъ какъ нарѣчія образовавшіяся изъ одного кореннаго языка всегда сходны съ нимъ, и не мѣшаютъ объясняться между собою горцамъ одинакаго происхожденія. Не знаю, позволено ли считать Убуховъ, имѣющихъ свой собственный языкъ, четвертымъ племенемъ, или они составились изъ Абазинъ, Черкесовъ и Европейцевъ, выброшенныхъ, какъ говоритъ преданіе, на черкесскій берегъ еще во время перваго крестоваго похода.

Въ примѣръ разноречія трехъ указанныхъ мною языковъ привожу изъ каждаго по нѣскольکو словъ. Такъ, слова: пріятель, женщина, дѣвушка, ружье, значатъ на одномъ изъ этихъ языковъ: суазаръ, анхысъ, ипха, ашкуаки; на другомъ: ублагасъ, фызь, пшаша, фоки; на третьемъ: кунахъ, арвадъ, кызъ, мулукъ.

Привожу изъ моихъ замѣтокъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, относящихся къ тогдашнему времени. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось, особенно послѣ громаднаго выселенія, положившаго конецъ кавказской войнѣ: гдѣ прежде жили Черкесы, нынѣ русскіе казаки пасутъ землю и пасутъ свои стада.

А. Абазинское племя.

Не останавливаясь на бесполезномъ разборѣ темныхъ сказаній древнихъ историковъ и баснословныхъ народныхъ преданій, я берусь только означить первое мѣсто, занятое Абазинами на Кавказѣ. Оно находилось безспорно въ нынѣшней Абхазіи, между моремъ и горами, ограничиваясь на югѣ Ингуромъ и на сѣверѣ Бзыбомъ. Внутренніе раздоры, кровомщеніе и недостатокъ удобной земли, въ особенности пастбищныхъ мѣстъ, заставили небольшую часть Абазинъ переселиться во внутренность горъ, къ источникамъ Кодора, Бзыба и Мдзимты, и образовать тамъ вольныя общества, послѣ того какъ они столкнулись съ Черкесами на рѣкѣ Сочѣ, распространяясь по берегу моря на сѣверъ. Не находя довольно средствъ для своего существованія и въ этихъ мѣстахъ, нѣкоторые семейства перешли черезъ сѣвговой хребетъ, на сѣверную сторону горъ, и поселились тамъ въ недалекомъ между собою разстояніи. Старшіи линіи всѣхъ значительныхъ абазинскихъ родовъ Цебельды, Медовья и сѣверной стороны горъ, можно было найти въ Абхазіи, чѣмъ совершенно оправдывается мое мнѣніе. Въ языкѣ Абазинъ, перешедшихъ за сѣвговой хребетъ, произошло слабое измѣненіе, сравнительно съ чистымъ абхазскимъ языкомъ, замѣтное, впрочемъ, только для привычнаго уха, а именно, — утрата буквы *а*, прибавляемой въ началѣ каждаго существительнаго. Въмѣсто адомбей, ачгунъ, ашкѹаки, апхюсъ, ахюсъ, — на сѣверномъ говорѣ: домбей, чгунъ, шкѹаки, пхюсъ, хюсъ, и т. д. Къ абазинскому племени принадлежали слѣдующія владѣнія и общества:

а) На южной сторонѣ горъ:

1. Абхазія, отъ устья Нигура до Бзыба, владѣніе фамиліи Шервашидзе, — около 80.000 жителей.

2. Цебельда, Херпысъ-кѹаджъ или Цымпаръ, около верховья Кодора, вольное общество, въ которомъ первенствующая фамилія князей Маршаніевъ, — до 8.000 жителей.

3. Псхѹ, у источниковъ Бзыба и Апсты.

4. Агисоу, Айбога и Чужгуча, на верховьяхъ Мдзимты, Псоу и Мцы. Последнія четыре селенія извѣстны были у Черкесовъ подъ однимъ общимъ названіемъ Медовѣй. Въ нихъ господствовали также Маршаніи, раздѣлившіеся на двѣ отрасли Богорканъ-иповъ и Масъ-иповъ. Жителей въ Медовѣхъ можно было считать не болѣе 10.000.

5. Садзы, или Джекеты, на морскомъ берегу отъ Гагръ до рѣки Сочи,—11.000 душъ. Они раздѣлялись на множество вольныхъ обществъ.

6. Саша, на рѣкѣ Сочѣ, подъ властію княжеской фамиліи Облагу. Жителей до 10.000; въ томъ числѣ есть отчасти Черкесы и Убыхи.

б) На сѣверной покатости главнаго хребта:

1. Башилбай, на верховьяхъ Урупа, подъ властью Маршаніевъ, — 1.800 душъ.

2. Тамъ, недалеко отъ источника Большой Лабы, — 550 жителей, повиновавшихся узденямъ Заурумъ-ипа.

3. Кызылбекъ, между Большою и Малою Лабою, на рѣкѣ Андрюкъ, — 500 душъ; господствующая фамилія — Маршаніи.

4. Шетрей, въ началѣ Малой Лабы, — 600 душъ, подъ властію узденей Шиокумъ.

5. Батъ, на рѣкѣ Ходзѣ, у подношья горы Ашишбогъ (имя произошло отъ дворянской фамиліи, владѣющей этимъ ауломъ). — 600 душъ.

6. Баракай, на рѣкѣ Будеѣ, — 1.250 жителей, повиновавшихся двумъ дворянскимъ фамиліямъ Ляхъ и Анчокъ.

7. Лововъ аулъ, на Кумѣ, по правую сторону Кубани, — 1.800 жителей.

8. Дударуковъ аулъ, на лѣвомъ берегу Кубани, противъ станицы Баталпашинской, — 1.700 душъ.

9. Бибердовъ аулъ существовалъ на Урупѣ до 1829 года, когда онъ былъ совершенно разоренъ русскими войсками, подъ командою генералъ-майора Фролова, и жители его отведены въ плѣны.

Всего можно было полагать на Кавказѣ Абазинскаго племени около 128.800. душъ.

В. Черкесское племя Адыге.

Черкесы сами называютъ себя Адыге. Одна ихъ отрасль признавала надъ собою власть своихъ родовыхъ старшинъ.

или князей, другая пользуется совершенною независимостью. Равнымъ образомъ въ черкесскомъ языкѣ два нарѣчія: кабардинское, нарѣчіе княжескихъ Черкесовъ, и абазехское — вольныхъ обществъ.

Собственно за Кубанью были въ мое время:

а) Черкесы повинующіеся княжескимъ родамъ:

1. Беслиней, на Большой Лабѣ на Теченяхъ, — около 8.000 жителей, подвластныхъ княжескимъ фамиліямъ Канукуа и Шалохъ.

2. Кемюргой и Егерукой, два владѣнія, соединившіяся подъ управленіемъ одного князя изъ фамиліи Балатукуа, находились на низовьѣ Лабы; — 9.000 душъ.

3. Мохошнялѣвомъ берегу Лабы, выше Кемюргоя, — 2.500 душъ, повиновавшихся князьямъ Богорсуку.

4. Гатюкой, достояніе князей Гатюкъ, на Лабѣ и частью на правомъ берегу Сагуаши, — 5.000 жителей.

5. Бжедухъ, по низовьямъ рѣкъ Пшекупсъ и Шиша, — 6.000 душъ подъ властію двухъ княжескихъ родовъ Камышей и Черченей.

6. Кабардинцы, поселенные на Урупѣ и на Теченяхъ, — отъ 4 до 5.000 душъ.

б) Вольные Черкесы:

1. Сапсуги по берегу Чернаго моря, отъ Анапы до рѣки Шахе, и по низовой части Закубанья, дѣлятся на большихъ и на малыхъ. Большіе, между Кубанью и горами, составляли одно общество; малые, приморскіе, дѣлились на множество вольныхъ обществъ, соединившихся между собою только въ послѣдствіи, когда были атакованы нашими силами. Натухайцы, около Анапы и Суджукской бухты, тѣ же Сапсуги, составившіе отдѣльный союзъ. Всего Сапсуговъ съ Натухайцами можно было полагать до 300.000 душъ.

2. Абазехи, за Сагуашею, въ глубокихъ лѣсахъ, покрывающихъ эту часть Кавказа. У нихъ считалось до 160.000 жителей.

3. Убыхи, которыхъ нѣкоторые считаютъ народомъ особаго происхожденія, на югозападной покатости горъ, между рѣками Сочи и Шахе. На берегу моря они составляли, перемѣшавшись съ Сапсугами, нѣсколько отдѣльных обществъ: Хизе, Уордине, Шмиткуаджъ и Зюсть, извѣстныхъ

у Черкесовъ подъ общимъ именемъ Ардона. Я не успѣлъ познакомиться съ ихъ народнымъ языкомъ, потому что Убыхи, съ которыми я встрѣчался, всегда говорили по-черкесски. Убыховъ полагали не болѣе 6.000 душъ.

Всего черкесскаго племени можно было приблизительно считать до 500.000 душъ.

С. Татарское племя.

1. Ногайскіе Татары были поселены русскимъ правительствомъ, въ числѣ 12.000 душъ, на лѣвомъ берегу Кубани, отъ Баталпашинской станицы внизъ до устья Лабы. Между ними нѣтъ дворянства, а существуютъ только вольные люди или такъ-называемые второстепенные уздени, повинующіеся князьямъ пяти фамилій: Келембетъ, Мансуръ, Кипчакъ, Карамирза и Наврузъ.

2. Карачаевцы, на верховьяхъ Кубани и Тиберы и у подошвы Эльбруса, болѣе торговый чѣмъ воинственный народъ, состоитъ приблизительно изъ 8.000 душъ.

Ногайцы и Карачаевцы говорятъ нарѣчіемъ употребляемаго во всей средней Азіи татарскаго языка.

Время летѣло для меня на минеральныхъ водахъ, наполненныхъ посягателями со всѣхъ концовъ Россіи. Незамѣтнымъ образомъ подошелъ августъ, въ началѣ котораго генералъ *** уведомилъ меня, что открывается случай могущій послужить въ пользу моему предпріятію, и звалъ меня къ себѣ въ Прочный Окопъ, для того чтобы лично переговорить обо всемъ съ Карамурзинымъ. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, я немедленно оставилъ Пятигорскъ и поскакалъ на почтовыхъ, чтобы скорѣе кончить дѣло. Наконецъ открывался для меня надежный путь къ давно желанной цѣли.

IV.

Прочный Окопъ занимаетъ слишкомъ памятное мѣсто въ моей кавказской жизни, для того чтобы промолчать о немъ. Какъ крѣпость онъ не стоилъ никакого вниманія; за то какъ центральный пунктъ линіи и какъ мѣстопребываніе начальника кубанскаго кордона, онъ обращалъ на себя взоры не

только горцевъ, на которыхъ изъ него налетала гроза, но и Русскихъ, жаждавшихъ отличія въ экспедиціяхъ и набѣгахъ. Построенный противъ устья Урупа, на самомъ высокомъ пунктѣ праваго берега Кубани, Прочный Окопъ господствовалъ надъ всею окрестностью, былъ видѣнъ издалека, и изъ него было видно далеко за рѣку. Внутренность укрѣпленія весьма мало соответствовала его офиціальному назначенію, непріятно поражая бѣднымъ и некрасивымъ видомъ построекъ, загромаждавшихъ скудное пространство, огороженное брустверомъ въ шесть футовъ вышины, расположеннымъ въ видѣ бастіонированнаго пятиугольника. На исходящихъ углахъ стояли чугунныя орудія малаго калибра. Ровъ осыпался и во многихъ мѣстахъ представлялъ весьма незатруднительные переходы. Домъ кордоннаго начальника, съ садомъ и самыми необходимыми службами, казарма для одной роты и для нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, провіантскій магазинъ, артиллерійскій цейгаузъ и пороховой погребу, помѣщенные въ Прочномъ Окопѣ, дослуживали свое время; внутри, только квартира генерала *** наводила изумленіе на пріѣзжавшихъ горцевъ наполнявшими ее предметами азіатскаго богатства и европейскихъ жизненныхъ удобствъ. Во ста саженьяхъ на сѣверъ отъ укрѣпленія лежалъ форштатъ, въ которомъ жили семейства женатыхъ солдатъ, помѣщаясь въ двухъ рядахъ низкихъ мазанокъ, крытыхъ камышемъ и, для безопасности отъ непріятеля, кругомъ обгороженныхъ колючимъ плетнемъ со рвомъ. Въ трехъ верстахъ, тоже по рѣкѣ, находилась главная станція кубанскаго линейнаго казачьяго полка, названная Прочно-окопскою, по имени укрѣпленія. Вся правая сторона Кубани представляла взору одну гладкую, пустую степь. На противоположномъ берегу разстилалась передъ крѣпостію пространная зеленая равнина, ограниченная на горизонтѣ темною полосой лѣсистыхъ горъ, надъ которыми бѣлѣлся рядъ зубчатыхъ вершинъ сибирскаго хребта. Урупъ и нѣсколько впадающихъ въ него рѣчекъ извивались серебристыми лентами по равнинѣ, казавшейся совершенно гладкою, но въ сущности перерѣзанной глубокими рытвинами или балками, какъ ихъ называли на Кавказѣ, служившими обыкновенно для укрывательства Черкесовъ, выжидавшихъ случая прорваться въ наши границы. Эта равнина, пролегающая отъ Зе-

ленчуга до Чернаго моря, на разстояніи четырехъ сотъ верстъ, простиралась въ ширину до семидесяти верстъ. Она давала полный разгулъ коннымъ Черкесамъ и нашимъ липейнымъ казакамъ, сталкивавшимся на ней безпрестанно, когда первые выходили на добычу, а послѣдніе гонялись за ними для обороны линіи. Въ то время все Закубанье находилось еще въ непріятельскихъ рукахъ; русскаго поселенія на Лабѣ и на Сагуашѣ не существовало, и только два небольшія передовыя укрѣпленія, на Урупѣ и на Чанлыкѣ, одиноко сторожили широкое пространство между Кубанью и горами, изрѣдка уставленное небольшими группами черкесскихъ ауловъ, признавшихъ надъ собою русскую власть единственно для сбереженія своихъ богатыхъ пастбищъ. Абазинскія горныя селенія, Башилбай, Тамъ, Кызылбекъ, Шегирей, Батъ и Боракай занимали полукругомъ, противъ самаго Прочнаго Окона, тѣсныя ущелья и высоты лѣсныхъ отроговъ главнаго хребта, между Урупомъ и Сагуашею. За этою послѣднею рѣкой начиналась земля Абазеховъ, покрытая сплошнымъ лѣсомъ; далѣе, противъ низовья Кубани, жили Сапсуги и Натухайцы. Эти три одноплеменные народа вели съ нами открытую войну. У Абазеховъ скрывалось множество выходцевъ изъ Кабарды, съ Кубани и изъ другихъ мѣстъ, покоренныхъ Русскими, которые, посвятивъ себя на постоянную, безпощадную войну съ нами, носили черкесское названіе гаджеретъ, а у насъ были извѣстны подъ именемъ абрековъ. Смѣлые, предприимчивые и хорошо знакомые съ мѣстностью около Кубани, они водили къ намъ дальнихъ горцевъ для грабежа, и когда имъ удавалось прорываться за нашу границу, жгли русскіе дома, угоняли скотъ и лошадей, убивали каждого встрѣчнаго, захватывали дѣтей и женщинъ. Наши пограничные казаки, одѣтые и вооруженные совершенно сходно съ горцами и не менѣе ихъ привычные къ войнѣ, день и ночь караулили границу и, въ свою очередь, столкнувшись съ абреками, когда сила брала, истребляли ихъ до послѣдняго человѣка. Война велась со всемъ ожесточеніемъ кровной народной вражды. Ни казаки, ни Черкесы, никогда не просили и не давали пощады. Не было ни средства, ни хитрости, ни въроломнаго обмана, считавшихся недозволенными для Черкеса, когда дѣло шло убить Русскаго, и для казака, когда предвидѣлась возможность подкараулить Черкеса.

Для обороны русской границы были построены вдоль Кубани, на ея правомъ берегу, казачьи станицы, въ двадцати верстахъ одна отъ другой, огороженные землянымъ брустверомъ, съ небольшими бастіонами посреди фасовъ, составлявшихъ правильнѣйшій шестиугольникъ. Между станицами по двѣ поста, состоявшіе изъ колючей плетневой ограды съ наблюдательною выпшкой, вмѣщали команды казаковъ, всегда готовыхъ встрѣтить непріятеля. Главная обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы никогда не упустить его изъ виду, и даже если онъ сильнѣе, слѣдить за нимъ съ перестрѣлкою, для указанія дороги резервамъ, скакавшимъ со всѣхъ сторонъ, въ случаѣ тревоги. Возлѣ постовъ стояли высокіе шесты обернутые соломой, съ смоляными бочками наверху, которыя зажигались при появленіи непріятеля, для означенія мѣста прорыва. Днемъ берегъ рѣки охранялся цѣпью караульных казаковъ, выставленныхъ на курганахъ и на болѣе возвышенныхъ пунктахъ. На ночь, противъ всѣхъ извѣстныхъ переходовъ располагались пѣшіе казаки въ засадѣ, а за ними ставились во второй линіи, на соединеніи дорогъ, такъ-называемыя заставы, изъ двадцати и болѣе конныхъ казаковъ-обязанныхъ бросаться въ темнотѣ на непріятеля, наткнувшись на береговой секретъ. Поутру высылались сверхъ того изъ станицъ и отъ промежуточныхъ постовъ вдоль рѣки разъѣзды, отыскивать на пескѣ и на росистой травѣ слѣды Черкесовъ, успѣвшихъ ночью прокрасться въ наши предѣлы. Несмотря на всѣ эти предосторожности, на ловкость и на смѣлливость линейныхъ казаковъ, черкесскіе абреки весьма часто проходили небольшими партіями черезъ кордонную линію, или прорывались черезъ нее въ большомъ числѣ открытою силой, проникая въ глубину края, къ Ставрополю къ Георгіевску и въ окрестности минеральныхъ водъ. Смѣлость ихъ бывала въ этихъ случаяхъ изумительна и нерѣдко удивляла даже самыхъ привычныхъ кавказскихъ ветерановъ. Для десяти или двадцати абрековъ ничего не значило, въ долгую осеннюю ночь, переправиться тайкомъ черезъ Кубань, проскакать за Ставрополъ, напасть тамъ на деревню или на проезжающихъ и, передъ разсвѣтомъ, вернуться съ добычей за рѣку. Однажды сорокъ абрековъ прорвались изъ-за Кубани въ астраханскую степь, ограбили тамъ рыбныхъ промышленниковъ, и вернулись потомъ счастливо въ

горы, пробывъ болѣе мѣсяца въ нашихъ границахъ. Очень часто Черкесы платили жизнью за свою дерзость, но это ихъ не пугало. Сегодня казакамъ удастся перебить партію абрековъ до послѣдняго человѣка, а завтра другая шайка пробирается въ наши предѣлы почти по слѣдамъ своихъ погибшихъ товарищей.

Подобнаго рода война требовала особой осторожности и вѣчной готовности къ отраженію непріятеля на всемъ протяженіи нашей кордонной линіи, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, истощавшихъ до крайности силы пограничнаго военного населенія. Оборонительная система, которой мы предались на нѣкоторое время въ видѣ опыта, оказалась совершенно неудовлетворительною для сохраненія спокойствія. Набѣги горцевъ на наши границы умножились и приняла столь дерзкій характеръ, что казаки не находили, наконецъ, безопасности посреди своихъ станицъ. Единственное средство остановить, хотя нѣсколько, хищническія попытки горцевъ заключалось, безспорно, въ наступательныхъ дѣйствіяхъ и въ карательныхъ набѣгахъ на ихъ аулы. Только опасеніе за свои собственные семейства и стада, поддерживаемое безпрестанною тревогой съ нашей стороны, могло отвлечь отъ нашихъ границъ ихъ неутомимую жажду добычи и военной дѣятельности.

Пользуясь свободой дѣйствовать оборонительно и наступательно, какъ ему заблагоразсудится, только бы онъ успѣлъ измѣнить тревожное положеніе, въ которомъ находилась линія, генералъ *** дѣйствительно успѣлъ, путемъ удачныхъ набѣговъ, уменьшить непріятельскія нападенія на наши границы и, если не покорить окончательно, то принудить, по крайней мѣрѣ, абазинскіе аулы и черкесскія общества, между Кубанью и Сагуашею, смириться передъ русскою силою. Абрековъ, болѣе всего опасныхъ для спокойствія края, онъ старался переманить на русскую сторону, и вообще истреблялъ ихъ всеми способами. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ съ Черкесами по-черкесски.

Абречничество распространилось за Кубанью въ то время, когда бѣжавшіе Кабардинцы, озабоченные покореніемъ ихъ земли, дали обѣтъ, пока живы, мстить Русскимъ. Скоро изъ разныхъ мѣстъ молодые люди стали уходить къ непріятелю, провозглашая себя абреками, безъ другаго пово-

да кромѣ удалства и страсти къ походамъ. Гораздо меньшее число дѣлались абреками, имѣя дѣйствительную причину жаловаться на Русскихъ. Нельзя не признать, что и въ такихъ не имѣлось недостатка. Братья Карамурзины и ихъ неразлучный товарищъ имамъ Хазу, которыхъ генераль *** прочилъ мнѣ въ проводники, бѣжали въ горы, можно сказать по неволѣ, побуждаемые къ тому постигшею ихъ тяжкою несправедливостію. Ихъ исторія такъ любопытна и являетъ такой разительный примѣръ пристрастнаго суда, которымъ позволяли себѣ иногда расправляться въ былое время, что я не хочу о ней умолчать. Тутъ же спѣшу прибавить, что кавказскіе правители моего времени, каковы были Розенъ, Нейдгартъ, Вельяминовъ, Граббе, Гурко, всегда слѣдовали правиламъ величайшей справедливости въ отношеніи горцевъ. О томъ, какъ велась дѣла на Кавказѣ послѣ меня, не бывъ очевидцемъ, не смѣю говорить; но, кажется, имена Воронцова и Барятинскаго служатъ достаточною порукой за ихъ просвѣщенный и справедливый образъ дѣлствій.

Для ясности моего разказа я долженъ прежде всего указать на слѣдующія обстоятельства. Въ тылу нашей линіи, между Іегорлыкѣмъ и Кумою, находились ногайскія селенія, жители которыхъ мирно занимались хлѣбопашествомъ, и въ обширныхъ размѣрахъ, скотоводствомъ. Отрѣзанные отъ горцевъ рядомъ казачьихъ станицъ по Кубани и по Малкѣ, Ногайцы зависѣли совершенно отъ нашей воли и не разставались съ оружіемъ, сохраняя нѣкоторый духъ воинственности, только потому что должны были нерѣдко обороняться отъ черкесскихъ разбойниковъ, которые грабили ихъ, не дѣлая различія между ними и Русскими. Самое главное и многочисленное ногайское поселеніе находилось на рѣкѣ Калаузѣ. Кромѣ того были поселены на лѣвомъ берегу Кубани, по волѣ правительства, около двѣнадцати тысячъ покорныхъ намъ ногайскихъ Татаръ, повиновавшихся пяти княжескимъ фамиліямъ: Келембегъ, Мансуръ, Кипчакъ, Карамирза и Наврузъ. Татарскіе аулы составляли передовую линію противъ непокорныхъ горцевъ, такъ какъ жители ихъ были обложены до нѣкоторой степени кордонною службой, обязаны были содержать караулы и помогать казакамъ встрѣчать и преслѣдовать непріятеля. Послѣдніе представи-

если нѣкогда грозной Золотой орды, ногайскіе князья отличались храбростію и могли во всѣхъ отношеніяхъ соперничествовать съ самыми лучшими черкесскими наѣздниками. Преданность Ногайцевъ не всегда была безукоризненна, по причинѣ труднаго положенія ихъ между Русскими и своими единовѣрцами въ горахъ; но можно положительно сказать, что многіе изъ князей исполняли добросовѣстно свои обязанности, и такъ какъ въ сложности они дѣйствовали въ нашу пользу, то благоразуміе требовало смотрѣть иногда сквозь пальцы на мелкіе грѣхи, свойственные ихъ азіатской натурѣ.

Семьдесятъ верстъ выше Прочнаго Окопа лежалъ на правомъ берегу Кубани аулъ, въ которомъ жили четыре брата Карамурзины, принадлежавшіе къ числу самыхъ богатыхъ и знатныхъ ногайскихъ князей. Русскіе уважали ихъ за отличную храбрость и за ихъ благородное поведеніе, никогда не подававшее повода къ подозрѣніямъ въ шалостяхъ, которыя нерѣдко производились скрытнымъ образомъ другими Ногайцами. Понимая свое достоинство и упираясь на безукоризненную жизнь, они держали себя довольно гордо и независимо въ отношеніи ближайшихъ кордоновыхъ властей, что очень не нравилось этимъ послѣднимъ, привыкшимъ признавать истинно преданными и полезными только людей подобострастно покорявшихся ихъ произволу. Трудно было и требовать въ то время другаго образа мыслей отъ совершенно необразованныхъ казачьихъ офицеровъ, воспитанныхъ въ войнѣ съ Черкесами и, потому, не знавшихъ иной добродѣтели кромѣ отчаянной храбрости. Казачій майоръ, управлявшій Невинномыскою станицей, давно питалъ негодованіе противъ Карамурзинныхъ; побуждаемый своимъ враждебнымъ чувствомъ онъ не пропустилъ перваго удобнаго случая, для того чтобы поставить ихъ въ самое унизительное положеніе. Шовучую мельницу, принадлежавшую ему на Кубани, сорвало съ цѣпи во время полноводія и понесло внизъ по рѣкѣ. Карамурзины остановили ее вблизи отъ своего аула и дали знать объ этомъ хозяину. Въмѣсто благодарности за спасеніе мельницы онъ сталъ требовать съ нихъ деньги за желѣзо, будто бы находившееся на мельничьемъ плоту, обвиняя Карамурзинныхъ въ его похищеніи. Они съ негодованіемъ оттолкнули его оскорбительное обвиненіе и отказались заплатить ему

значительную сумму, которую онъ требовалъ отъ нихъ безъ права и безъ доказательствъ. Тогда майоръ подалъ на нихъ жалобу въ судъ, который воспользовался этимъ случаемъ для оскорбленія и притѣвленія Карамурзинныхъ, всеми способами выжималъ изъ нихъ подачи. Въ сознаніи своей невинности, Карамурзины не хотѣли подчиняться незаконнымъ домогательствамъ суда, опредѣлившаго наконецъ въ довершеніе всего посадить четырехъ братьевъ въ острогъ. Предувѣдомленные объ этомъ, Карамурзины предпочли острогу свободную жизнь въ горахъ, бросили на Кубани все что имѣли, и бѣжали въ Шегирей съ небольшимъ числомъ преданныхъ Татаръ. Однажды въ горахъ они также горячо предались жизни абрековъ, какъ прежде честно и откровенно служили намъ. Лишившись всего своего состоянія, они могли существовать только грабежомъ. Такова была судьба каждаго Черкеса, бѣжавшаго въ горы изъ русскихъ предѣловъ. Скоро имя Карамурзинныхъ разнеслось по всей линіи и сдѣлалось извѣстнымъ у непріятельскихъ горцевъ. Мало абрековъ могли равняться съ ними въ предпримчивости, смѣлости и счастіи, сопровождавшихъ ихъ вторженія. Для казаковъ они были неуловимы, и приводили въ отчаяніе всѣхъ кордонныхъ начальниковъ. Въ дѣлахъ, которыя русскія войска имѣли съ горцами за Кубанью, они дрались впереди всѣхъ, и не разъ ставили нашихъ въ весьма затруднительное положеніе. Генераль *** преслѣдовалъ ихъ сперва открытою силой, въ надеждѣ что пуля или картечь избавятъ его наконецъ отъ этихъ опасныхъ враговъ, но успѣлъ только вполвину. Осенью тридцать четвертаго года, старшій Карамурзинъ былъ убитъ въ дѣлѣ подъ Шегиреемъ, предводительствуя черкесскою конницей, имѣвшею дерзость броситься въ шашки на русскую пѣхоту. Смерть его увеличила только злобу остальныхъ братьевъ, умножившихъ свои нападенія на нашу границу, которую тревожилъ болѣе всего младшій изъ нихъ, Мамакай, преслѣдуемый по этому генераломъ *** съ особенною настойчивостью. Нѣсколькомѣсяцовъ спустя, Карамурзины ночевали съ своими товарищами въ лѣсу на Лабѣ, готовясь сдѣлать набѣгъ на линію. Ружейный выстрѣлъ разбудилъ неожиданно спящихъ. Мамакай наши плавающимъ въ крови, и когда опомнились отъ перваго испуга, то замѣтили, что недостаетъ одного человѣка въ партіи

Нетрудно, казалось, угадать къѣмъ была направлена эта пуля. Умирающій Мамакай клятвенно обязалъ своихъ братьевъ, вмѣсто безплоднаго мщенія, покориться Русскимъ. „Богъ отдалъ насъ въ ихъ руки, сказалъ онъ братьямъ: — Карамурзу убили пулей свинцовою, меня золотою, кончится тѣмъ что перебьютъ и васъ; ступайте къ нимъ просить мира, для того чтобы не пропалъ съ лица земли нашъ древній родъ.“ Надо замѣтить, что Карамурзины вели свою родословную отъ внука Чингисъ-Хана. Шесть недѣль послѣ этого происшествія, Тембулатъ и Бій Карамурзины, покорные волѣ умершаго брата, вступили въ переговоры съ генераломъ ***, который съ удовольствіемъ согласился бы на ихъ предложеніе еслибы тутъ не замѣшалось одно обстоятельство, уничтожавшее всѣ его расчеты. Въ то время когда Карамурзины бѣжали къ непріятелю, по распоряженію правительства, всѣ принадлежащіе имъ узденіи и крестьяне были переселены съ Кубани въ Саратовскую губернію, для того чтобы не ушли въ горы за своими князьями. Теперь Карамурзины просили о возвращеніи своихъ подвластныхъ, доказывая весьма основательно, что они безъ этого условія не могутъ покориться, такъ какъ будутъ лишены способовъ жить на Кубани, когда бросятъ войну, которая ихъ питала, пока они находились въ горахъ. Генераль ***, сколько ни желалъ привлечь на нашу сторону людей, которые могли надѣлать намъ еще очень много вреда, не надѣялся впрочемъ выхлопотать для нихъ отступленія отъ общаго правила — не возвращать на Кавказъ никого изъ горцевъ, высланныхъ однажды въ Россію, и потому, не давая имъ положительнаго отвѣта, уговорилъ ихъ только пріостановить непріятельскія дѣйствія въ ожиданіи воли главнокомандующаго, на обсужденіе котораго онъ обѣщалъ представить ихъ дѣло. Между тѣмъ я явился къ нему неожиданно, съ просьбой содѣйствовать мнѣ въ открытіи способа проѣхать къ морскому берегу, и съ правомъ предлагать самыя высокія награды горцамъ, которые будутъ помогать мнѣ въ моемъ предпріятіи. Генераль *** тотчасъ увидалъ двойную пользу, которую можно было извлечь изъ этого обстоятельства, рѣшавшаго вопросъ Карамурзиныхъ, еслибъ они согласились быть моими проводниками. Съ одной стороны я достигалъ своей цѣли, а съ другой — они находили средство получить обратно своихъ крестьянъ и, слѣдовательно, сдѣлались бы безвредными для линіи, чего

генералъ *** добивался такъ долго всеми возможными средствами. Пріѣхавъ въ Прочный Окопъ, онъ не замедлилъ вызвать къ себѣ секретно старшаго Карамурзина, для того чтобы вывѣдать, будетъ ли онъ согласенъ добыть право на возвращеніе своихъ крестьянъ предлагаемымъ мною способомъ. Имамъ Хази, неразлучный товарищъ Карамурзиныхъ, былъ также абректъ, бѣжавшій въ горы въ слѣдствіе несправедливости, которой я никогда бы не повѣрилъ, еслибы не имѣлъ въ своихъ рукахъ судебнаго приговора, обратившаго его изъ ласкаго миролюбиваго человѣка въ отъявленнаго разбойника. Въ двадцать пятомъ году, онъ занималъ должность выборнаго головы въ татарскихъ селеніяхъ, на рѣкѣ Калаузѣ, недалеко отъ Ставрополя. Съ дозволенія русскаго начальства, онъ поѣхалъ за Кубань повидаться съ родственниками, жившими на Урупѣ. Закубанье считалось еще въ то время принадлежностью Турецкой имперіи. Когда онъ вернулся, какой-то Татаринъ сдѣлалъ на него доносъ, будто бы онъ, во время своей поѣздки, завелъ измѣнническія сношенія съ Турками. Несмотря на неопредѣленный смыслъ этого доноса, имама Хази посадили въ тюрьму, и стали производить слѣдствіе. Изъ дѣла видно, что не было обнаружено никакой вины и сверхъ того, что доподлинно имѣлъ причины лично его ненавидѣть. Но и это не помѣшало суду приговорить имама Хази къ ссылке на поселеніе, и онъ былъ отправленъ пѣшкомъ въ Сибирь, съ партіею другихъ преступниковъ. Это было осенью, въ дождливое, холодное время. Легко понять, что ему не нравилось такое принужденное путешествіе, и что мысли его безпрестанно возвращались къ теплomu уголку и къ семьѣ, отъ которыхъ его оторвали, неизвестно за что. Около Иегорлыка, на сѣверной границѣ Ставропольской губерніи, остановили однажды арестантовъ ночевать въ какомъ-то русскомъ селеніи. Поздно вечеромъ, имамъ Хази проходилъ черезъ дворъ, имѣя въ рукахъ бутылку съ водою для умовеній; за нимъ шелъ караульный съ ружьемъ и примкнутымъ штыкомъ. Свѣжій воздухъ, темнота, степь за невысокимъ плетнемъ, вѣяли на горца свободой и напентывали ему какія-то странныя надежды; воображеніе его распалось, невольно поднялась рука, и бутылка съ такою силою упала на голову солдата, что тотъ безъ памяти ринулся на землю. Когда сбѣжались люди на крикъ очну-

шагося солдата, имама Хази уже не было на дворѣ. Бросились его искать въ стѣны съ фонарями, съ горящими головнями, но не нашли. Никто не понималъ куда онъ могъ дѣваться, потому что погоня, разосланная на другой день во все стороны, ничего не успѣла открыть. Слѣдъ его пропалъ, и ссыльныхъ принуждены были отправить въ Сибирь безъ него. Скоро послѣ этого происшествія, черкесскія партіи начали чаще прежняго появляться за Ставрополемъ, около Георгіевска и минеральныхъ водъ, хозяйничали въ этихъ мѣстахъ какъ у себя дома, и ускользали каждый разъ отъ погони. Между ними всегда находился человѣкъ, чисто говорившій по-русски, въ которомъ скоро узнали имама Хази, сдѣлавшагося абрекомъ. Онъ былъ человѣкъ грамотный, любившій покойную и привольную жизнь сельскаго головы; лишившись же дорогихъ для него житейскихъ благъ, сдѣлался самымъ хитрымъ и опаснымъ разбойникомъ; и чѣмъ болѣе надѣдала ему безпокойная жизнь абрека, тѣмъ злѣе онъ становился и тѣмъ менѣе щадилъ наши предѣлы.

Такова была судьба людей, съ которыми мнѣ предстояло заключить связь, требовавшую полного взаимнаго довѣрія, а съ ихъ стороны, сверхъ того, безусловной покорности моимъ видамъ.

V.

Прочный Окопъ, когда въ немъ находился кордонный начальникъ, наполнялся множествомъ народа и кипѣлъ шумною жизнью. Кромѣ русскихъ офицеровъ, собиравшихся въ крѣпости по службѣ, для участія въ экспедиціяхъ, или изъ простаго любопытства, покорные и непокорные горцы съѣзжались туда толпами съ разныхъ сторонъ, по своимъ личнымъ дѣламъ или для тайныхъ переговоровъ. Послѣднихъ принимали со всею осторожностью; но ни въ какомъ случаѣ не задерживали, свято сохраняя право неприкосновенности парламентаровъ. Это множество разнородныхъ посѣтителей, толпившихся около генерала ***, заставило меня помѣститься въ небольшой комнатѣ, сколько можно было дальше отъ занимаемаго имъ дома, для того чтобы не попадаться на глаза такъ-называемымъ мирнымъ горцамъ, которыхъ нескромнаго любо-

пытства я долженъ былъ избѣгать болѣе всего. Тутъ я прожилъ двѣ недѣли совершенно одинъ, ожидая свиданія съ моими будущими проводниками. Наконецъ мнѣ дали знать, что они пріѣхали. Ночью, когда въ крѣпости все заснуло, генералъ *** привелъ въ мою комнату обоихъ Карамурзиныхъ съ имамомъ Хази, ихъ всегдашнимъ переводчикомъ, познакомилъ насъ, и оставилъ потомъ меня кончить съ ними начатое дѣло. Зная ихъ интересы и всю предыдущую жизнь, мнѣ было нетрудно согласовать съ обстоятельствами мои слова и дѣйствія. Съ этими людьми надо было идти прямо къ дѣлу, говорить безъ обиняковъ, не хитря, съ полною откровенностью; вызвать ихъ довѣренность и, завладѣвъ ею, послѣ того вѣрить имъ самимъ безусловно. Хорошо помню наше первое свиданіе. Какъ водится у Черкесовъ, мы провели нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, разсматривая другъ друга съ большимъ вниманіемъ. Сбираясь повѣрить имъ свою голову, я старался прочесть на ихъ лицахъ характеръ каждаго изъ нихъ. Старшій Карамурзинъ, Тембулатъ, имѣлъ весьма благородный видъ: его правильное, блѣдное лицо, окаймленное черною бородой, и въ особенности, замѣчательно пріятный взглядъ, располагали немольнымъ образомъ въ его пользу. Съ перваго взгляда видѣвъ былъ человѣкъ заслуживающій полной вѣры. Мѣлй Карамурзинъ составлялъ совершенною противоположностью своего брата. Невысокаго роста, широкоплечій, съ большими свѣтло-голубыми глазами, бросающими безжизненные взгляды, и съ рыжею бородой, доходившею до пояса, онъ возбуждалъ своею наружностью какое-то неопредѣленное чувство опасенія, обаявшееся, для тѣхъ кто его зналъ, его бѣшенымъ правомъ и кровожадными поступками, заставившими даже горцевъ бояться его. Полное, красное, безбородое лицо толстаго имама Хази, чисто монгольскаго типа, выражало глубокую хитрость съ примѣсю сильныхъ чувственныхъ склонностей. Я первый прекратилъ молчаніе, обратившись къ Карамурзинымъ съ вопросомъ: твердо ли они рѣшились промѣнять свободную жизнь въ горахъ на подчиненность русскому закону, вопреки всемъ причинамъ, которыя они имѣютъ, чтобъ не любить насъ?

— Какъ было сказано генералу ***, я далъ клятву покориться Русскимъ, если намъ возвратятъ нашъ родовой аулъ, и не

перемѣно своего намѣренія, коротко отвѣчалъ Тембулатъ.— Позволь Бію молчать: онъ младшій братъ, и не знаетъ въ этомъ случаѣ другой воли кромѣ моей.

Послѣ того завязался разговоръ, въ продолженіе котораго я доказывалъ Карамурзину, что нельзя отдать ему аулъ потому только что онъ покорился, и совѣтовалъ ему заслужить эту милость, оказавъ правительству услугу въ родѣ той, какую я отъ него требовалъ. Послѣ долгихъ преній со мною и тайныхъ совѣщаній между братьями и имамомъ Хази, Тембулатъ принялъ мое предложеніе. Когда дѣло было окончательно улажено, я считалъ необходимымъ подвергнуть моихъ будущихъ путевыхъ товарищей самому сильному испытанію, которому только можно подвергнуть горда; мнѣ необходимо было убѣдиться, что они не скрываютъ какой-либо тайной мысли, угадать и разъ навсегда успокоиться касательно каньы, которую они имѣли противъ Русскихъ. Я заговорилъ имъ объ убитыхъ братьяхъ, и потребовалъ чтобъ они, несмотря на обстоятельства смерти, ихъ же кровью и ихъ могилами поклялись мнѣ беречь и защищать меня какъ роднаго. Сначала имамъ Хази не хотѣлъ переводить моихъ словъ, замѣтивъ мнѣ, что опасно имъ напоминать о покойныхъ братьяхъ; но я настоялъ, и онъ передалъ имъ мое требованіе. Не могу забыть сцены, которую я вызвалъ, коснувшись самой чувствительной струны ихъ вѣковыхъ понятій; но такъ было нужно, для того чтобъ однимъ сильнымъ ударомъ парализовать лежавшее у нихъ на душѣ чувство кровомщенія, и основать на немъ, помощью требуемой клятвы, мою собственную безопасность. Оба Карамурзина поблѣднѣли какъ полотно. Слеза показалась изъ-за опущенныхъ рѣсницъ у Тембулата. Бій, стиснувъ зубы, переводилъ свои мутные глаза отъ брата ко мнѣ и отъ меня къ брату. Имамъ Хази, закинувъ голову назадъ, смотрѣлъ вопрошающимъ взглядомъ на насъ троихъ. Догорающая свѣча тускло озарила комнату; въ передней дремалъ сонный казакъ; на дворѣ все было тихо; крѣпость лежала въ глубокомъ снѣ. Спокойный съ виду, я ждалъ отвѣта. Нѣсколько минутъ длилось томительное молчаніе. Потомъ Тембулатъ всталъ, и съ замѣтнымъ усиленіемъ медленно проговорилъ: „Понимаю, что ты не можешь безъ этой клятвы повѣрить намъ своей головой; такая клятва тягостна для насъ, но я даю ее. Клянусь кровью моихъ двухъ убитыхъ братьевъ,

беречь тебя пуще собственной жизни, забыть что ты не нашей вѣры, что ты Русскій, и видѣть въ тебѣ, пока ты самъ не изменишь своему слогу, брата, посланнаго намъ Богомъ възвѣстить потерянныхъ братьевъ. Да погубить Аллахъ мою душу, если я не сдержу этой клятвы.“

— А Бій что скажетъ?

Бій повторилъ клятву брата слово въ слово.

Я протянулъ имъ руки.

— Теперь дѣло кончено, сказалъ я: — я ѣду съ вами куда вы меня поведете, и въ свою очередь клянусь, какъ христіанинъ, и даю слово, какъ русскій офицеръ, что обѣщающія, которыя я вамъ дѣлаю теперь, или стану дѣлать позже, будутъ свято исполнены русскими властями, отъ которыхъ я получилъ назначеніе ѣхать въ горы.

Послѣ того мы принялись составлять планъ нашего путешествія. Карамурзинъ имѣлъ возможность провести меня по горамъ въ числѣ своихъ товарищей, не опасаясь возбудить подозрѣніе Черкесовъ, знавшихъ его неукротимымъ врагомъ Русскихъ, противъ которыхъ онъ имѣлъ двойную каню. Три дороги открывались намъ съ линіи къ морю: первая, черезъ Гатюкой и Синеуговъ къ рѣкѣ Джубѣ, вторая, черезъ Абазеховъ и Убыховъ, къ устью Шахе, третья, черезъ Агипсоу къ рѣкѣ Сочѣ, или внизъ по Мдзимтѣ на мысъ Адлеръ. У горцевъ онѣ слыли большими дорогами, будучи нѣсколько удобнѣе другихъ, весьма трудныхъ путей, пролегавшихъ съ Кубани къ морскому берегу. Самъ Карамурзинъ не могъ ѣхать къ морю безъ благовиднаго предлога, и не имѣя проводниковъ, принадлежавшихъ къ племенамъ черезъ которыя намъ слѣдовало пробираться. Проводниковъ онъ надѣялся найдти для себя на каждый изъ трехъ указанныхъ дорогъ, а предлогомъ должно было служить его гласное намѣреніе переселиться въ Турцію, и для этой цѣли—нанять судно, которое бы въ будущемъ году перевезло его семейство въ Истамбулъ. Чтобы еще вѣрнѣе отвлечь вниманіе народа, онъ считалъ нужнымъ повести съ собою лѣтнюю Абазинку для продажи Туркамъ. На Черномъ морѣ ему было не трудно увѣрить прибрежныхъ Черкесовъ, что ему необходимо повидаться, прежде переселенія, съ Гассанъ-беемъ абхазскимъ, и проѣхать для этого въ Абхазію. Двѣ прекрасныя лошади, которыя онъ велъ съ собою ему въ

подарокъ, оправдывали въ глазахъ горцевъ цѣль его путешествія. Линію я долженъ былъ оставить въ то время, когда генералъ ***, собравъ всѣхъ покорныхъ князей, поѣдетъ съ ними встрѣчать корпуснаго командира, ожидаемаго на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ находилось его семейство. Мы не рѣшили только, по какой дорогѣ намъ слѣдуетъ ѣхать, потому что это зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, которыя никакъ нельзя было опредѣлить заранее. Передъ свѣтомъ, Карамурзины уѣхали изъ крѣпости, и, когда насталъ день, они были уже далеко за Кубанью. Кромѣ генерала *** и меня никто не зналъ, что они провели всю ночь въ Прочномъ Окопѣ, въ которомъ военные обстоятельства научили соблюдать тайну какъ нигдѣ.

Въ концѣ августа, кажется, двадцатаго перваго числа, я выѣхалъ съ генераломъ *** изъ Прочнаго Окопа, по дорогѣ въ Пятигорскъ. Всѣмъ было объявлено, что мы ѣдемъ встрѣчать корпуснаго командира. На третьемъ перегонѣ, въ Барсуковской станицѣ, онъ меня оставилъ, а самъ поѣхалъ дальше, разказывая всѣмъ по дорогѣ и на водахъ, что я лежу больной въ Прочномъ Окопѣ. Такимъ способомъ мы были увѣрены что собьемъ на нѣсколько дней съ пути людей, которые, можетъ-быть, за мною слѣдили, и, выиграемъ время, необходимое для того чтобы мы углубиться въ горы незамѣтнымъ образомъ. Отъ этой предосторожности зависѣлъ весьма много успѣхъ моего путешествія. Въ Барсукахъ я прождалъ имама Хази только одинъ день и переправился съ нимъ черезъ Кубань, пользуясь ненастнымъ временемъ, удерживавшимъ въ домѣ всякаго, кто не имѣлъ особенной крайности подвергаться дурной погодѣ. Переднезавъ въ ногойскомъ аулѣ, возлѣ самой рѣки, у пріятеля имама Хази, помѣстившаго насъ скрытно въ отдаленной хатѣ, мы на другое утро поѣхали дальше. Верстѣ десять за Кубанью, въ глубокой балкѣ, насъ ожидалъ Тембулатъ Карамурзинъ съ двумя ногойскими узденями, на которыхъ онъ могъ совершенно полагаться. Мою панку украсили чалмою хаджія, перемѣнили лошадь, черкеску и оружіе, для того чтобы уничтожить всѣ признаки, по которымъ бы могли меня узнать издали Черкесы, встрѣчавшіеся со мною по линіи. Одна изъ трудныхъ задачъ моего путешествія заключалась въ перевѣздѣ черезъ равнину, отдѣлявшую Кубань отъ подножія горъ, гдѣ предстояла возможность столкнуться на каждомъ шагу съ по-

корными Черкесами или съ абреками, наблюдавшими безпрестанно за тѣмъ, что дѣлалось на русской сторонѣ. По этой причинѣ мы направились къ верховью Урупа, въ совершенно противоположную сторону отъ Шегирен, гдѣ находился домъ Тембулата. Мы ѣхали, укутавъ лицо башлыками, по обычаю абрековъ; кромѣ того, густой туманъ способствовалъ нашему проѣзду; передъ вечеромъ пошелъ сильный дождь. Измокнувъ до костей, дрожа отъ холода, мы обрадовались не мало, увидавъ передъ собою густой лѣсъ, въ которомъ можно было укрыться на ночь послѣ четырнадцати-часовой ѣзды безъ отдыха. Карамурзинъ сталъ искать вдоль опушки дороги, знакомой ему одному, которой, казалось, не было возможности найдти въ темную ночь подъ дождемъ, лившимъ какъ изъ ведра; но онъ не имѣлъ привычки ошибаться въ подобномъ дѣлѣ, память его была для этого слишкомъ хороша. Пронскавъ нѣсколько времени, онъ крикнувъ намъ ѣхать за собою, и мы вслѣдъ за нимъ начали пробираться черезъ лѣсъ, извиваясь между деревьями и не видя передъ собою ничего кромѣ его бѣлаго башлыка, изрѣдка мелькавшаго въ темнотѣ. Выѣхавъ на весьма тѣсную поляну, мы слѣзли съ лошадей, стреножили ихъ, и принялись разводить огонь, который долго не загорался подъ потоками дождя. Каждый горецъ имѣетъ при себѣ все что необходимо для огня. Огниво, служащее также винтовой отверткой, кремня и трутъ въ кожаной сумкѣ висятъ у него на поясѣ. Въ одномъ изъ деревянныхъ патроновъ, помѣщенныхъ у него на груди, берегутся сѣрныя нити и куски омолистата сосноваго дерева, позволяющіе быстро разводить огонь. Рукоять плети и концы пашки всегда обмотаны бумажною матеріею, напичканною воскомъ; скрутивъ ее фитилемъ, онъ имѣетъ тотчасъ свѣчу. Поужинавъ сухимъ чуркомъ, которымъ запасся, къ нашему счастью, имамъ Хази, мы укутались въ бурки и легли спать какъ можно ближе къ огню, заставивъ одного изъ Ногайцевъ поддерживать его и караулить лошадей. Утро застало насъ совершенно мокрыми и не менѣе того голодными; поэтому, мы постарались выбраться какъ можно скорѣе изъ лѣсу, переправились черезъ Урупъ и, взявъ направление на западъ, поѣхали къ беслинеевскимъ ауламъ, лежавшимъ на берегу Большой Лабы, берущей свое начало у горы Оштекъ и впадающей въ Кубань противъ границы, отдѣляющей черноморскихъ отъ кав-

казскихъ линейныхъ казаковъ. Бесленевцы, коренные Черкесы-Адыге, за годъ передъ тѣмъ покорились Русскимъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ набѣговъ генерала *** на ихъ аулы. Положеніе ихъ на Лабѣ было очень незавидно: съ одной стороны Русскіе требовали отъ нихъ повиновенія и доказательствъ преданности, совершенно несогласныхъ съ ихъ понятіями и съ ихъ выгодами; съ другой стороны Абазехи, а всего болѣе ихъ кровные враги Медовсеевцы и Убыхи, раззоряли ихъ безпощадно, за то что они передались гуирамъ. Число Бесленевцевъ не превышало восьми до девяти тысячъ душъ, занимавшихъ пятнадцать ауловъ, построенныхъ одинъ-возлѣ другого, въ видѣ небольшихъ крѣпостей, надъ Лабою. Бесленевскіе князья Кануковы и Шалохъ, слыли хорошими наѣзниками и храбрыми людьми; но вся храбрость ихъ не могла уничтожить обстоятельствъ, ставившихъ Бесленевцевъ въ самое непріятное положеніе между Русскими и непріятельскими Черкесами.

Опасаясь неожиданной встрѣчи съ абреками, но желая въ то же время узнать, что дѣлается и какіе слухи носятъ въ горахъ, Тембулатъ самъ поѣхалъ въ аулы, а мнѣ посоветовалъ оставаться въ лѣсу съ имамомъ Хази и однимъ Ногайцемъ, по имени Ягызъ. Трое сутокъ переѣзжали мы изъ одного лѣса въ другой, приближаясь мало-по-малу къ шегиреевскому аулу. Днемъ мы держались на открытыхъ мѣстахъ, въ избѣжаніе засадъ, которыя Убыхи и Медовсеевцы учреждали противъ Бесленевцевъ въ окрестностяхъ ихъ селеній, а ночью располагались въ лѣсу, безъ огня, не разсѣдывая лошадей и не выпуская оружія изъ рукъ, для того чтобы не быть застигнутыми върасплохъ тѣми же Убыхами или Медовсеевцами. Имамъ-Хази ѣздивъ поздно вечеромъ или передъ разсвѣтомъ къ Бесленевцамъ за съѣзными припасами, и привозилъ намъ чуреку, проса и баранины, въ какихъ вещахъ ему никогда не отказывали, изъ уваженія къ Карамурзинымъ, съ которыми его привыкли видѣть во всѣхъ походахъ. Переправляясь однажды черезъ Лабу, мы встрѣтили человѣкъ пятьдесятъ Черкесовъ, сѣдовавшихъ за молодымъ человѣкомъ на бѣлой лошади лучшей кавказской породы. При видѣ его, имамъ Хази замѣтно смутился, назвалъ мнѣ его, и совѣтовалъ искать вмѣстѣ съ Языгомъ брода въ сторонѣ, пока онъ самъ поѣдетъ объявляться съ горцемъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ злыхъ бичей кавказской линіи, повсюду изъ-

вѣстный абрেকъ, кабардинскій князь Асланъ-Гирей. Хотя самъ имамъ Хази не имѣлъ никакого повода его опасаться, но онъ боялся чтобы проницательный глазъ Асланъ-Гирея не замѣтилъ во мнѣ незнакомаго человека, о которомъ стоить узнать кто онъ таковъ. При этой встрѣчѣ онъ навѣрное не думалъ, что невѣстный молодой путникъ, на котораго онъ не обратилъ никакого вниманія, призоветъ на его голову неизбежную грозу, и ускоритъ его смерть. Да и я не полагалъ, равно черезъ годъ, увидать себя въ его рукахъ опутаннымъ самымъ коварнымъ обманомъ.

Въ этотъ день мы прѣехали, наконецъ, въ Шегирей, гдѣ находился Тембулатъ Карамурзинъ. Нѣсколько сотъ бѣдныхъ мазанокъ, составлявшихъ аулъ, были разбросаны на довольно большомъ протяженіи вдоль высокаго и крутаго берега Малой Лабы, прислонясь тыломъ къ дремучему лѣсу, доставлявшему жителямъ вѣрное убѣжище въ случаѣ нападенія русскихъ войскъ, но дававшему въ то же время горнымъ разбойникамъ возможность подкрадываться скрытнымъ образомъ. Деревянный домъ Карамурзина, вмѣщавшій рядъ комнатъ, изъ коихъ двери открывались на длинную крытую галерею, возвышался подобно великану надъ окружающими его низенькими хатами, въ которыхъ господствовали нищета и вѣчное безпокойство. Каменныя шегиреевскія поля давали самую бѣдную жатву; скотомъ Шегиреевцы не могли обзавестись, потому что на плоскости его отбивали Русскіе, или захватывали, въ счетъ подати, бесленевскіе князья Шолохъ, а въ горахъ угоняли Убыхи и Медовевцы. Жизнь въ Шегирей была самая жалкая, пока не поселились тамъ Карамурзины и не взяли аула подъ свое покровительство. Тогда только бѣдные жители успѣли свободно вздохнуть, и изъ благодарности къ своимъ защитникамъ, совершенно подчинились ихъ волѣ. Карамурзины сдѣлались настоящими владѣльцами Шегирей.

Тембулатъ ожидалъ насъ въ кунахской, построенной, какъ обыкновенно, въ сторонѣ отъ семейнаго дома, въ которомъ жили его двѣ жены, и онъ самъ занималъ посреди ихъ особую комнату. День мы проводили въ кунахской, окруженные Шегиреевцами, прибѣгавшими подобострастно поклониться Карамурзину и поглазѣть на меня, его гостя. Ночевать мы отправлялись въ большой домъ, въ комнату Тембулата, представлявшую болѣе удобства для обороны, въ слу-

чаѣ неожиданнаго нападенія. Жизнь въ Шегирѣ была такъ мало безопасна, что вечеромъ никто не рѣшался выйти за двери безъ пистолета въ рукахъ, а изъ дому въ домъ переходили имѣя ружья наготовѣ.

Бія не было въ Шегирѣ. Ко всеобщему удовольствію онъ отдѣлился отъ брата, нѣсколько времени передъ своимъ приѣздомъ, и перешелъ жить въ Баракай. Этотъ человекъ, довольно разсудительный и даже добродушный въ обыкновенныя минуты, страдалъ припадками раздражительности, возбуждавшими въ немъ непреодолимую жажду крови. Въ подобномъ расположеніи духа онъ убилъ уже въ горахъ семь человекъ, и щадилъ только своихъ братьевъ. Бѣшенству его предшествовала всегда глубокая меланхолія. Послѣ каждаго убійства онъ приходилъ въ себя и вдавался въ другую крайность: въ искупленіе сдѣланнаго имъ преступленія онъ отдавалъ бѣднымъ все что имѣлъ, до послѣдней лошади, и братья должны были потомъ кормить его и содержать его семейство, пока ему удавалось снова поправить свои дѣла. Въ образованномъ обществѣ Біа заперли бы какъ больного; въ казакскихъ горахъ не существуетъ подобнаго рода спасительныхъ заведеній, и онъ могъ свободно предаваться своему періодическому бѣшенству, отвѣчая за свои поступки какъ бы здоровый умомъ. Давно бы его убили, еслибъ онъ не принадлежалъ къ роду Карамурзиныхъ, съ которыми не легко было тягаться въ дѣлахъ кровомщенія; теперь же ему приходилось только уплачивать пеню родственникамъ убитыхъ, на чемъ и прекращалось дѣло.

Въ Шегирѣ я прожилъ только четыре дня. Карамурзинъ считалъ гораздо благоразумнѣе провести остальное время до нашего отъѣзда въ лѣсу, между Большою и Малою Лабами, распустивъ слухъ о томъ, что онъ собираетъ партію для нападенія на линію. Въ день нашего выѣзда изъ аула прибылъ туда аталыкъ Карамурзина, медовеевскій старшина Масрадукъ Маршаній съ своимъ сыномъ, Сеферъ-беємъ. Они были приглашены Карамурзинымъ для совѣщанія касательно моего путешествія, на успѣхъ котораго нельзя было разчитывать безъ ихъ согласія. Они оба любили Карамурзина какъ роднаго, и по этому, не отговариваясь, обѣщали ему помогать во всемъ и беречь меня какъ его самого. Передъ ними нельзя было скрыть, кто я таковъ и зачѣмъ путешествую. Ихъ увѣренность въ неприступности горъ, отдѣлявшихъ линію отъ берега, была

такъ велика, что они считали даже очень выгоднымъ познать меня съ оборонительною силой мѣстности, полагая этимъ способомъ отнять у Русскихъ навсегда охоту идти къ нимъ въ горы. Кажется, самъ Карамурзинъ имѣлъ такое же убѣжденіе. Онъ выразилъ его довольно ясно, когда во время нашего путешествія, не далеко отъ Агунсоу, я сталъ вырѣзывать свое имя на большомъ деревѣ. Вѣка пройдутъ, замѣтитъ Карамурзинъ, прежде чѣмъ Русскіе успѣютъ прочитать его на этомъ мѣстѣ. Масрадуку было подѣ девяносто лѣтъ, Сеферъ-бею около семидесяти; но оба они сидѣли еще твердо на лошадахъ и не плошали въ дракѣ. Имѣя съ собою около десятка Медовеевцевъ, спрятанныхъ въ лѣсу, они не хотѣли терять даромъ времени, и пока Карамурзинъ готовился въ дорогу, посѣвшии съ своими людьми на Урупъ разчитаться съ Кабардинцами за какую-то старую обиду, то-есть убить кого-нибудь у нихъ или что-нибудь отбить. Мы поѣхали своимъ путемъ къ Лабѣ. Спустившись съ шегиреевской горы, мы имѣли удовольствіе встрѣтить Бія, который немедленно къ намъ примкнулъ, объявивъ брату рѣшительнымъ тономъ, что онъ не намѣренъ покинуть его одного въ опасномъ предпріятіи, выгодами котораго, если оно удастся, и онъ будетъ въ правѣ пользоваться съ нимъ наравнѣ. Противорѣчить ему было опасно; поэтому Тембулатъ принялъ его предложеніе скрѣпя сердце, и только изрѣдка всматривался непримѣтнымъ образомъ въ его лицо. Имамъ Хази также сталъ за нимъ подмѣчать; потомъ подѣхалъ ко мнѣ и въ полголоса спросилъ:

— Знаешь ли ты, какой человѣкъ Бія?

— Знаю.

— Не бойся его; теперь у него хорошій часъ.

— А долго ли будетъ продолжаться этотъ часъ? спросилъ я въ свою очередь.

Имамъ Хази пожалъ плечами, прибавивъ:

— Не надо его сердить!

Собственно для умноженія нашихъ силъ нельзя было пренебрегать Біемъ, потому что онъ былъ отлично храбрый наѣздникъ, а вся наша партія состояла только изъ Тембулата, имама Хази, Ягыза, молодаго питомца Карамурзиныхъ—Хунафа и меня.

Этотъ день былъ богатъ непріятными впечатлѣніями. Я испыталъ минуту, которая заставила было меня пожалѣть о

безпечности, съ какою я отдался Карамурзиннымъ, если бы позднее сожалѣніе могло исправить дѣло. Къ счастью, все обратилось къ лучшему. Слѣдуя по правому берегу Лабы, мы наѣхали на могильный холмъ, надъ которымъ разлѣвались два высокіе значка, доказывавшіе, что здѣсь лежали мусульмане, убитые въ бою съ Русскими. Возлѣ могилы оба Карамурзины слѣзли съ лошадей и, ставъ на колѣни, принялись молиться отъ всей глубины души. Молитва ихъ продолжалась весьма долго. Въ это время прочіе оставались на лошадяхъ, не трогаясь съ мѣста. Имамъ Хази стоялъ возлѣ меня.

— Знаешь ты кто тутъ лежитъ подъ землею? спросилъ онъ у меня.

— Знаю.

— Откуда ты это знаешь?

— Не трудно угодать; они молятся у могилы своихъ братьевъ.

— То-то братъ, сказалъ Имамъ Хази значительнымъ тономъ, — не забывай, что ихъ убили Русскіе, и въ добавокъ не обмань ты Тембулата, да Бія; можетъ выйти худое дѣло.

Когда Карамурзины, окончивъ молиться, сѣли на лошадей, ихъ лица были пасмурны. Весь день не размѣнялись мы ни однимъ словомъ; они избѣгали меня замѣтнымъ образомъ. Передъ вечеромъ мы переплыли на лошадяхъ широкую и быструю Лабу, углубились въ лѣсъ и, выбравъ посреди его поляну, покрытую густою травой, принялись строить изъ сучьевъ крѣпкій балаганъ, въ которомъ бы можно было оборониться. На другой день мы окружили его застѣкой, для загона въ нее на ночь нашихъ лошадей. Недалеко отъ насъ находился бесленеевскій аулъ пріятеля Карамурзинныхъ, Лагайдука Канукова, снабжавшаго насъ ежедневно молокомъ, просомъ и баранами. Люди, приносившіе отъ него съѣстные припасы, даже близко не подходили къ нашему шалашу, для того чтобы не видать кто былъ съ Карамурзинными. Этотъ порядокъ соблюдается у Черкесовъ каждый разъ, когда какой-нибудь значительный князь поселяется на время въ лѣсу для какой-либо скрытной дѣл. Если потомъ изъ этого выходила какая-нибудь непріятность для Русскихъ или для ближайшихъ сосѣдей аула, то жители его, не выдавъ въ лицо пріѣзжихъ, съ чистою совѣстью давали присягу, что не знали ихъ и только слышали, что такой-то князь охотится въ ихъ лѣсу за оленями, волками или другою дичью. Касательно Ка-

рамурузиныхъ въ сѣднѣ Черкесы думали, что они готовятся сдѣлать набѣгъ за Кубань, и въ этомъ предположеніи, ублажившемся черкесскому сердцу, снабжали ихъ съ избыткомъ всеми жизненными потребностями и сохраняли въ глубокой тайнѣ ихъ пребываніе въ лабинскомъ лѣсу, довольно опасномъ и безъ русскихъ казаковъ. Между ближними Черкесами нельзя было предполагать охотниковъ напасть на Карамурзиныхъ; но тутъ бродили люди изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Псхѣ, изъ Медовей, изъ сапугскаго разбойничьяго гнѣзда Тагансы и отъ Убыховъ, которые, не зная и не разбирая кто мы таковы, могли польститься на нашихъ лошадей и оружіе. По этой причинѣ была необходима постоянная осторожность. Днемъ мы позволяли себѣ иногда снимать верхнее платье и развѣшивать оружіе въ шалашѣ, пока лошади паслись въ нашемъ виду на полянѣ. За то на ночь мы всегда одѣвались, подвязывали пашки, винтовки клали возлѣ себя и засыпали съ пистолетомъ въ рукахъ, для того чтобы имѣть наготовѣ выстрѣлять противъ разбойниковъ, обыкновенно подкрадывающихся ползкомъ. Лошадей мы загоняли на ночь въ засѣлку, крѣпко загораживали входъ, тушили огонь и сажали караульнаго не выпускавшаго изъ рукъ ружья. Вскорѣ къ намъ примкнулъ еще домашній мулла Карамурзиныхъ, также знакомый съ тайною нашего предпріятія. Нѣсколько сутокъ лилъ проливной дождь, отъ котораго безпрестанно потухалъ огонь, разводимый передъ шалашомъ въ продолженіе дня, такъ что мы были лишены возможности обсушиться и въ полномъ смыслѣ плавали въ водѣ. Такого положенія я не могъ долго перенести и почувствовалъ простудные припадки, развивавшіеся все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ сырости и холода. День и ночь мы не выходили изъ-подъ бурокъ, лежа одинъ возлѣ другаго на мокрой травѣ безъ всякаго дѣла. Имамъ Хази былъ разговорчивѣе другихъ и занималъ меня иногда разказами изъ его прежней жизни. Я спалъ, обыкновенно, между двумя Карамурзиными, которые замѣтнымъ образомъ стали ко мнѣ привязываться. не знаю именно за что, но, кажется, имъ очень нравилась во мнѣ безотчетная увѣренность въ честности ихъ характера. Однажды Бій покусился испытать меня, спросивъ: не боюсь ли я спать возлѣ него?

— А это почему? возразилъ я съ видомъ величайшаго удивленія.

— Какъ почему? Русскіе убили двухъ нашихъ братьевъ, ты Русскій, и мнѣ стоить только поднять руку, для того чтобы напиться твоей крови. Твоя жизнь въ моей власти.

— Въ этомъ ты ошибаешься. Моя жизнь не зависитъ отъ тебя; ею располагаетъ Аллахъ. Если волею его суждено умереть мнѣ здѣсь, въ лабинскомъ лѣсу, такъ я умру и безъ тебя; если нѣтъ, такъ кинжалъ, направленный мнѣ въ сердце, скользнетъ мимо и попадетъ, пожалуй, въ твою собственную грудь. Что написано у кого на роду, должно сбыться; спроси муллу, справедливы ли мои слова. Впрочемъ, тутъ нечего говорить,—твоя воля, рука и кинжалъ связаны клятвою и честнымъ словомъ. Я ничего не боюсь, спокойной ночи! и я отъ него отвернулся.

— Спи безъ опасенія, сказалъ Бій:—человѣку, имѣющему такую сильную вѣру въ наше слово, нечего насъ бояться.

Признаться, я эту ночь заснулъ не такъ скоро какъ обыкновенно. Обдуманной измѣны я не ожидалъ отъ Карамурзиныхъ, но не разъ мнѣ приходила въ голову мысль о безсознательномъ состояніи бѣшенства, въ которое могла повергнуть Бія продолжительная дума о смерти своихъ братьевъ. Что тогда? Къ тому же сильная головная боль мѣшала мнѣ спать; мое нездоровье увеличивалось съ каждымъ часомъ. Въ первыхъ числахъ сентября, я рѣшился послать имама Хази къ генералу ***, съ просьбой прислать мнѣ лѣкарство отъ простуды и денегъ, въ которыхъ я столько же нуждался. Между тѣмъ временемъ погода прояснилась, и дни сдѣлались снова теплыми. Не чувствуя облегченія съ переменой погоды, я сталъ бояться горячки, которая могла отнять у меня возможность совершить давно желанное и съ большимъ трудомъ подготовленное путешествіе. На другой день, послѣ отправления имама Хази, я принялъ намѣреніе избавиться отъ простуды рѣшительнымъ средствомъ, и для этого, не говоря Карамурзинымъ ни слова, раздѣлся и бросился въ Лабу. Мое купанье возымѣло желанный успѣхъ. Потрясеніе было такъ сильно, что я упалъ на берегу выкорабкавшись изъ воды. На крикъ мой прибѣжали люди, принесли меня въ шалашъ и накрыли чѣмъ было можно; черезъ нѣсколько часовъ мое тѣло покрылось горячею испариною, головная боль уменьшилась, и я на другой день имѣлъ доволь-

по силам, чтобы сѣсть на лошадь и отправиться въ Вознесенское укрѣпленіе для отдыха. Одинъ Бѣдъ меня проводилъ туда; Тембулатъ поѣхалъ съ остальными людьми въ Шегирей, на встрѣчу какимъ-то неожиданнымъ гостямъ.

Вознесенское укрѣпленіе стояло въ открытомъ полѣ, на берегу рѣчки Чанлыкъ, или Саллыкъ, какъ ее называли Черкесы, въ пятнадцать верстахъ отъ соединенія Малой и Большой Лабы. Имѣя въ гарнизонѣ одну роту и полсотни донскихъ казаковъ, оно очень мало мѣшало непріятелю, оставлявшему его поэтому въ покоѣ, развѣ случайно только, угонявшему лошадей и убивавшему сторожевыхъ казаковъ или солдатъ, безопасно удалявшихся отъ укрѣпленія. Позже, когда возлѣ него расположили цѣлый донской полкъ, оно получило значеніе: казаки могли изъ этого пункта отрѣзывать Черкесовъ отъ горъ, при отступленіи ихъ съ Кубани послѣ набѣга на линію. Съ комендантомъ Вознесенскаго укрѣпленія, капитаномъ Левашовымъ, я былъ давно знакомъ, и ожидалъ отъ него самаго добраго приѣма. Всѣ знали его за хорошаго и опытнаго офицера, но болѣе всего онъ былъ извѣстенъ своею оригинальною наружностью, бакенбардами непомѣрной величины и живыми каррикатурными жестами, которыми онъ сопровождалъ каждый разказъ. Мѣстность около Чанлыка была ровная и открытая, слѣдственно издалека могли видѣть, что насъ было только двое, и поэтому не помѣшали подѣхать къ самымъ воротамъ крѣпости.

— Чтѣ надо? закричалъ часовой.

— Повидаться съ комендантомъ.

— Караулъ воцѣ!

Десять человѣкъ выступили изъ укрѣпленія и построились передъ воротами. Съ Черкесами осторожность была всегда хороша, но это мнѣ показалось уже совершенно лишнимъ противъ двухъ человѣкъ. Я хотѣлъ подѣхать ближе къ солдатамъ; унтеръ-офицеръ меня остановилъ повторивъ вопросъ: чтѣ надо? Разумѣется, ему не приходило въ голову, что онъ видитъ передъ собою русскаго офицера; а я не хотѣлъ этого сказать.

— Я имѣю надобность переговорить съ комендантомъ; попроси его выйти.

— Нельзя князь! Скажи прежде, чтѣ тебѣ надо.

— Если ему нельзя выйти, такъ я поѣду въ крѣпость.

— Тогда бросай оружіе! закричалъ унтеръ-офицеръ.

Сбросить оружiе передъ русскими солдатами, мѣ, офицеру, показалось дѣломъ такимъ несбыточнымъ, такимъ постыднымъ, что я вмѣсто отвѣта ударилъ лошадь плетью, поуждавъ ее сдѣлать прыжокъ къ воротамъ.

— Шеренга кладзъ! екомандоваль унтеръ-офицеръ, и десять ружей съ взведенными курками приложились въ меня и Бія. Схвативъ мою лошадь за поводъ, онъ закричалъ дикимъ голосомъ:

— Чтѣ ты дѣлаешь, братъ! Смотри! Насъ тогчасъ убьютъ!

Въ эту минуту показались надъ брустверомъ огромные бакебарды, въ которыхъ нельзя было ошибиться.

— Капитанъ! крикнулъ я,—что дѣлается у васъ, двухъ чловѣкъ болятся, и меня хотять обезоружить; возможно ли это?

— Отставъ! екомандоваль капитанъ. Ружья поднялись вертикально, и изъ воротъ выбѣжалъ Левашовъ, узнавшій меня по голосу.

— Въѣзжайте, добро пожаловать, кричалъ онъ размахивая руками;—потомъ я разкажу вамъ, что случилось со мною на дняхъ; надѣюсь вы не осудите меня за осторожность, съ которою васъ встрѣтили; да кому же придетъ и въ голову, что вы разѣзжаете за Кубанью, да еще съ кѣмъ? прибавилъ онъ, искоса посмотрѣвъ на Бія; — чай нашимъ солдатикамъ знакома эта бѣшеная рыжая борода.

Едва мы успѣли усесться въ комнатѣ, какъ Левашовъ принялся разказывать бывшее съ нимъ происшествіе, представляя его въ лицахъ, по своему обыкновенію. Оно могло дѣйствительно кончиться для него весьма трагически и совершенно извинило предосторожности, которыми себя окружилъ послѣ него нашъ хозяинъ.

Два дня передъ нашимъ пріѣздомъ, ему дали знать, что къ укрѣпленію подѣвхалъ на богато оскдланной, прекрасной лошади, старикъ Черкесъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, и желаетъ съ нимъ переговорить о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Въ крѣпость пускали Черкесовъ весьма неохотно, для того чтобы не давать имъ возможности высмотрѣть ея слабыя стороны; поэтому Левашовъ предпочелъ выйти за ворота, и не взявъ съ собою оружiя, считая пріѣхавшаго горца лазутчикомъ, присланнымъ къ нему съ линіи съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. По заведенному порядку, караулъ сталъ въ это время за брустверомъ въ ружье. Увидавъ передъ собою сѣдаго старика, далеко за семьдесятъ лѣтъ, Левашовъ подошелъ къ не-

му ничего не опасаясь и заговорить съ нимъ по-татарски. Послѣ первыхъ словъ старикъ бросился на него съ обнаженнымъ кинжаломъ, срывавъ ему обратный путь въ укрѣпленіе. Увертываясь отъ удара Левашовъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, потомъ въ другую; Черкесъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, хватая его за руку и припоровивался ударить его прямо въ грудь. Видя, что отъ старика не такъ легко можно увернуться и въ укрѣпленіе нѣтъ дороги, Левашовъ бросился бѣжать въ поле. Черкесъ погнался за нимъ, за черкесомъ бѣжала его послушная лошадь, а за ними тремя гнались солдаты нерѣшавшіеся стрѣлять, опасаясь убить своего капитана. Наконецъ Левашовъ, у котораго ноги были помоложе, далеко опередилъ своего врага. Тогда солдаты открыли огонь и убили Черкеса, къ несчастію, вмѣстѣ съ чудною лошадью. Левашовъ рѣшительно не понималъ за что хотѣли убить его, видимо жертвуя самимъ собою, человѣкъ, котораго онъ никогда не встрѣчалъ прежде того, и поэтому не могъ имѣть его своимъ врагомъ. Тѣло не было еще похоронено. Намъ его показали, и Бій скоро узналъ въ убитомъ Черкесѣ хаджи княжеской фамиліи Хамурзиныхъ, но также не могъ себѣ дать отчета, почему именно онъ намѣревался убить команданта Вознесенскаго укрѣпленія. Позже мы узнали загадку этого происшествія. Старикъ хаджи былъ въ своей молодости отличный и храбрый наѣздникъ, провелъ всю свою жизнь въ дракѣ съ Русскими; но уже нѣсколько лѣтъ пересталъ ѣздить на воровство и принимать участіе въ военныхъ дѣлахъ. Въ черкесскомъ собраніи его кто-то упрекнулъ въ томъ, что онъ болѣе ни къ чему не годенъ и способенъ только лежать на постели да беречь свои старыя кости. Эти слова до того оскорбили старика, что онъ немедленно сѣдлалъ лошадь и стремглавъ поскакалъ къ Вознесенскому укрѣпленію, въ которомъ ближе всего находились Русскіе, съ цѣлію убить начальника ихъ и, пожертвовавъ самимъ собою, пристыдить своихъ насмѣшниковъ. Въ продолженіе шести дней, проведенныхъ мною въ крѣпости, Левашовъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ разказъ о своемъ походе и каждый разъ показывалъ на дѣлѣ, какъ старикъ замахивался кинжаломъ, и какъ онъ увертывался отъ него. Въ такомъ глухомъ мѣстѣ, каково было Вознесенское укрѣпленіе, нельзя было и ожидать другаго рода удовольствій, кромѣ подобныхъ разказовъ, охоты за кабанами, да тревогъ, про-

изводимыхъ Черкесами. Впрочемъ, благодаря теплой и сухой комнатѣ, да добродушному уходу, которые я нашелъ въ крѣпости, мои силы поправились очень скоро, и я оставилъ се около десятаго сентября, получивъ передъ тѣмъ лѣкарство, которое было мнѣ уже не нужно, и деньги, безъ которыхъ мнѣ нельзя было обойтись.

Вернувшись въ нашъ прежній шалашъ, мы прожили въ немъ еще трое сутокъ, и потомъ перешли на Малую Лабу, поближе къ Шегрею. Пока я поправлялъ здоровье въ Вознесенскомъ укрѣпленіи, дѣла наши приняли довольно невыгодный оборотъ. Я намѣревался проѣхать къ устью Джубга, или къ Шаху, и Карамурзинъ не находилъ препятствія переправиться по одной изъ этихъ дорогъ черезъ горы къ морскому берегу. Между тѣмъ хаджи Берзекъ, главный убыхскій старшина, перешедшій съ партіей въ нѣсколько сотъ человекъ на сѣверную сторону горъ, имѣя въ виду напасть на Башилбаевцевъ и, если представится возможность, участвовать въ набѣгѣ на русскую границу, предложилъ Карамурзину присоединиться къ нему для этого дѣла и потомъ ѣхать вмѣстѣ къ морю. Считалъ слишкомъ рискованнымъ совершить со мною это путешествіе въ такомъ многочисленномъ непріятельскомъ обществѣ, Тембулатъ отказался отъ предложенія Берзека, подъ предлогомъ крайней необходимости съѣздить къ Гассанъ-бей абхазскому еще до зимы. Черезъ этотъ отказъ онъ отнялъ у себя возможность ѣхать къ Усыхамъ, и долженъ былъ по неволѣ выбрать для своей поѣздки въ Абхазію кратчайшій путь черезъ Агинсоу; иначе онъ возбудилъ бы подозрѣніе хаджи Берзека, котораго надо было очень остерегаться по причинѣ важнаго значенія, какое онъ имѣлъ между приморскими Черкесами. Это обстоятельство разрушало первоначальный планъ моего путешествія, отнимая у меня возможность осмотрѣть довольно значительное пространство морскаго берега; но дѣлать было нечего, и я самъ видѣлъ всю безразсудность добиваться невозможнаго.

Карамурзинъ извлекъ изъ свиданія съ хаджи Берзокомъ одну пользу для нашего дѣла: вымѣнялъ у него за двухъ лошадей молодую башилбаевскую плѣнницу, которую мы должны были вести къ морю на продажу Туркамъ. По восточнымъ понятіямъ подобная продажа не заключаетъ въ себѣ дурнаго дѣла. Въ продажу поступали обыкновенно невольницы. Раба у себя дома, Черкеменка переходила только

изъ однихъ рукъ въ другія, и очень часто находила въ этой перемѣнѣ счастье и богатство вмѣсто прежней нищеты.

Странствуя по лѣсамъ между Большою и Малою Лабами, пока Карамурзинъ собирался въ дорогу, я скучалъ страшнымъ образомъ. Даже охота намъ была запрещена, для того чтобы выстрѣлами не привлечь къ себѣ постороннихъ людей. Разъ только имаму Хази и мнѣ удалось убить огромнаго кабана, на котораго мы наткнулись неожиданно въ камышѣ. Раненый выстрѣломъ изъ ружья имамъ Хази, онъ съ быстротою молніи бросился на насъ; но, къ счастью, я успѣлъ выхватить изъ чехла винтовку и попасть ему прямо въ сердце; сдѣлавъ огромный прыжокъ, онъ упалъ мертвый къ нашимъ ногамъ. Въ свободное время, котораго мы имѣли слишкомъ много, лежа возлѣ огня, имамъ Хази разказывалъ мнѣ свою жизнь и судьбу Карамурзинныхъ, состоявшихъ изъ непрерывнаго ряда боевыхъ походовъ, ежедневно подвергавшихъ опасности ихъ существованіе.

Невозможно составить себѣ яснаго понятія о жизни Черкеса, не познакомившись со всеми подробностями его быта и окружающихъ его обстоятельствъ. Съ незапамятныхъ временъ въ войнѣ между собою, съ Монголами, потомъ съ крымскими Татарами и, наконецъ, съ Русскими, кавказскія племена не имѣли ни времени, ни способа улучшить свое благосостояніе, и не сдѣлали никакого успѣха въ гражданскомъ устройствѣ. Только въ военномъ дѣлѣ и въ вооруженіи они подвигались впередъ; а во всемъ другомъ остановились на той степени, на которой они находились при Страбонѣ, подробно описавшемъ ихъ бытъ. Подобно всемъ горцамъ они сильно привязаны къ мѣсту, на которомъ родились, и любятъ свободу болѣе жизни. Съ перваго приближенія Русскихъ къ кавказскимъ предѣламъ началась война, потому что для Черкесовъ было немыслимо имѣть возлѣ себя иноплемennыхъ сосѣдей и не воевать съ ними. Когда Русскіе перешагнули черезъ Терекъ и за Кубань, война приняла широкіе размѣры; горцы дрались за свою независимость; религіозный фанатизмъ усиливалъ вражду ихъ къ Русскимъ; ихъ ненависть стала доходить почти до безумія. За Терекомъ, въ Дагестанѣ, возникла секта мюридовъ; за Кубанью появились абреки, обрекшіе себя на безпощадное истребленіе Русскихъ. Съ нашей стороны правительство старалось умирить горцевъ,

отнимая у нихъ способы вредить намъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣло желанія истребить ихъ. Но схватки нашихъ линейныхъ казаковъ съ горцами были безпощадны: обѣ стороны дрались подъ вліяніемъ чувства личной ненависти и мщенія за убитыхъ братьевъ, за разграбленное имущество, за похищенныхъ женъ и дѣтей.

Кабардинцы, Сандуги и всѣ вообще небольшія закубанскія общества, принадлежащія къ черкесскому племени, составляютъ лучшую конницу, какую мнѣ встрѣчалось видѣть. Съ ними могутъ равняться только Ногайцы, живущіе на лѣвомъ берегу Кубани, да наши коренные линейные казаки. Абазехи, живущіе въ странѣ покрытой лѣсами, подобно Чеченцамъ, привычѣе дерутся пѣшкомъ, чѣмъ на лошади, несмотря на свое черкесское происхожденіе. Одежда Черкеса, начиная отъ махнатоі бараньей шапки до пополицъ, равно какъ и вооруженіе приспособлены, какъ нельзя лучше, къ конной дракѣ. Сѣдло легко, покойно, и имѣетъ важное достоинство не портить лошади, хотя бѣ оно по цѣлымъ недѣлямъ оставалось на ея спинѣ. Винтовку Черкесъ возитъ за спиною въ бурчакномъ чехлѣ, изъ котораго онъ ее выхватываетъ въ одно мгновеніе. Ремень у винтовки пригнанъ такъ удобно, что легко зарядить ее на всемъ скаку, выстрѣлить и потомъ перекинуть черезъ лѣвое плечо, чтобъ обнажить шашку. Это послѣднее, любимое и самое страшное черкесское оружіе состоитъ изъ сабельной полосы, въ деревянныхъ, сафьянномъ обтянутыхъ ножнахъ, съ рукояткою безъ защиты для руки. Оно называется „саженшху“, большой ножъ, изъ чего мы сдѣлали названіе шашки. Шашка Черкеса остра, какъ бритва, и употребляется имъ только для удара, а не для защиты; удары шашки болѣею частью бывають смертельны. Кромѣ того Черкесъ вооруженъ однимъ или двумя пистолетами за поясомъ, и широкимъ кинжаломъ, его неразлучнымъ спутникомъ. Ружейные патроны помѣщаются въ деревянныхъ гильзахъ, заткнутыхъ на груди въ кожаный гнѣзда; на поясѣ висятъ: жирница, отвертка и небольшая сафьянная сумка со снадобьемъ, позволяющимъ, не слѣзая съ лошади, вычистить и привести въ порядокъ ружье и пистолеты. Всегда готовый спѣшиться для встрѣчи непріятеля мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, Черкесъ возитъ на чехлѣ присосѣлки, сдѣланныя изъ крѣпкаго и гибкаго гордого дерева. Свою лошадь онъ бережетъ пуще глаза. Она выѣзжена на

узdeckъ, которой совершенно повинуеться; она спокойна, смирна, привыкаетъ къ вѣздуку какъ собака, идетъ на его зовъ, и переноситъ неимоверные труды. Добрая черкесская лошадь не боится ни огня, ни воды. Шпоръ Черкесы не знаютъ, и погоняютъ лошадь тоненькою плетью, имѣющею на концѣ кусокъ кожи въ видѣ лопаточки, для того чтобы не дѣлать боли лошади, а пугать ее хлопаньемъ, такъ какъ, по мнѣнiю Черкесовъ, боль причиняемая лошадѣ шпорами или тяжелою ногойкой, употребляемою Калмыками и донскими казаками, утомляетъ ее совершенно безъ нужды.

Въ дѣлѣ, Черкесъ насккиваетъ на своего противника съ плетью въ рукѣ; тагахъ въ двадцати выхватываетъ изъ чехла ружье, дѣлаетъ выстрѣлъ, перекидываетъ ружье черезъ плечо, обнажаетъ шашку и рубитъ; или, быстро поверотивъ лошадь, уходитъ назадъ и на скаку заряжаетъ ружье для вторичнаго выстрѣла. Движенiя его въ этомъ случаѣ быстры и вмѣстѣ съ тѣмъ плавны. Несмотря на то, что Черкесъ обвѣшанъ оружіемъ и носитъ на себѣ кинжалъ, два пистолета, шашку и винтовку, одно оружіе не мѣшаетъ на немъ другому, ничто не бранчить, благодаря хорошей пригонкѣ, и это очень необходимо въ ночной войнѣ набѣговъ и засадъ, какую обыкновенно ведутъ горцы. Въ большихъ массахъ черкесская конница любитъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, и наши линейные казаки отвѣчаютъ ей тѣмъ же. Пѣшкомъ Черкесы дерутся только у себя въ дѣсахъ и горахъ, защищаясь отъ русскихъ войскъ, и въ этомъ случаѣ стрѣляютъ мѣтко изъ-за деревьевъ и камней, или съ присошекъ, для того чтобы вѣрнѣе цѣлить своими длинными винтовками. Въ оборонительной войнѣ, они отлично умѣютъ пользоваться мѣстностью; при малѣйшей ошибкѣ со стороны наступающаго, они вырастаютъ какъ изъ земли, чтобы нанести неожиданный ударъ; безпрестанно тревожатъ непріятеля, но рѣдко съ упорствомъ защищаютъ позицію, развѣ только она положительно неприступна. За то, при отступленiи, надо быть осторожнымъ съ Черкесами; они преслѣдуютъ съ истиннымъ бѣшенствомъ. Свое главное достоинство горцы поставляли въ набѣгахъ, которыми они такъ долго и такъ удачно тревожили кавказскую область. Въ сборѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ они были для насъ мнѣе опасны, чѣмъ въ малыхъ партiяхъ. О большихъ скопищахъ мы всегда узнавали заранѣе, имѣли время собрать вой-

ска, и очень рѣдко не пользовались удачею при столкновеніи; но малыя партіи, тайкомъ или силой, неожиданно прорывавшіяся чрезъ нашу границу, и уходившія отъ многочисленной погони, благодаря быстротѣ и силѣ своихъ лошадей, наносили намъ не мало вреда. По бѣльшей части она ночью подходила къ Кубани на довольно близкое разстояніе, день отдыхали въ балкѣ, передъ вечеромъ переправлялись неожиданно черезъ рѣку, нападали на станицу, если были въ силахъ, или бросались на казаковъ, возвращавшихся съ полевой работы, на табуны и на стада, и уходили съ добычей за Кубань, прежде чѣмъ казачьи резервы успѣвали собраться для погони. Ночь прикрывала ихъ отступленіе по открытой равнинѣ, между Кубанью и горами. Иногда они производили ложную тревогу на какомъ-нибудь пунктѣ, и когда казаки собирались туда, переходили черезъ границу верстъ двадцать выше или ниже; или случалось, что подобныя партіи, переправившись черезъ Кубань, уходили по первой попавшейся дорогѣ какъ можно дальше во внутренность края, и дѣлали нападеніе передъ закатомъ солнца, чтобы скрыться подъ защитой ночи, ловко ускользая отъ погони. Для набѣговъ горцы подготавливали своихъ лошадей, какъ для призовой скачки, переставали ихъ кормить сѣномъ, гоняли подъ попонами, купали по нѣскольку разъ въ день. На приготовленныхъ такимъ образомъ лошадяхъ они пробѣгали потомъ немощныя разстоянія. Однажды братья Карамурзинъ съ десяти товарищами переправились черезъ Кубань около Прочнаго Окопа, въ длинную осеннюю ночь проскакали за Ставрополь къ селенію Донецкому, на Тагилѣ, и къ разсвѣту очутились за Кубанью близъ Невинномысской станицы, сдѣлавъ въ продолженіе четырнадцати часовъ болѣе ста шестидесяти верстъ. Абреки, рѣшившіеся на подобныя дѣла, были люди извѣстные своею храбростію и ловкимъ наѣздничествомъ; казаки знали ихъ и сильно опасались. По кавказскому обыкновенію, при появленіи непріятеля въ какихъ бы то ни было силахъ, казаки съ ближайшаго поста должны были завязать съ нимъ перестрѣлку, слѣдить за нимъ неотступно, и своимъ огнемъ обозначать направленіе партіи. Казаки изъ ближайшихъ станицъ и со всѣхъ окрестныхъ постовъ скакали во весь опоръ на тревогу и немедленно вступали въ дѣло. Такимъ образомъ, въ продолженіи десяти или двѣнадцати часовъ, на каждомъ пунктѣ кордона могли

обратясь отъ шести до восьми сотъ казаковъ. Бывало, сотня или двѣ линейныхъ казаковъ смѣло бросались въ шапки и врѣзывались въ двое сильнѣйшую непріятельскую толпу; но, случалось, что тѣ же сотни не рѣшались атаковать холдными оружіемъ нѣсколько десятковъ абрековъ, и стрѣляли въ нихъ издали, зная что въ рукопашномъ бою, ихъ жизнь можно купить лишь дорогою цѣной. Окруживъ абрековъ, казаки истребляли ихъ до послѣдняго человѣка; да и сами абреки не просили пощады. Видя отрѣзаннѣми все пути къ спасенію, они убивали своихъ лошадей, за тѣлами ихъ залегали съ винтовкою на присокѣ, и отстрѣливались пока было возможно; выпустивъ послѣдній зарядъ, ломали ружья и шапки и встрѣчали смерть съ кинжаломъ въ рукахъ, зная что съ этимъ оружіемъ ихъ нельзя схватить живыми.

(До слѣд. №).

ВОСПОМИНАНІЯ

КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА

VI.

Наконецъ все было готово къ нашему отъѣзду; Сеферъ-бей пріѣхалъ, и мы тронулись въ дорогу восемнадцатаго сентября. Первый переходъ былъ весьма не великъ и замѣчательнъ только тѣмъ что мы расстались во время его съ Біемъ, оставшимся въ Шегирѣ оберегать семейство своего брата. Прощаясь со мною, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и поклялся что я единственный Русскій, котораго онъ въ силахъ видѣть возлѣ себя, не чувствуя непреодолимаго желанія всадить въ него кинжалъ по рукоятку, что для меня было болѣе успокоительно чѣмъ лестно. Сеферъ-бей сообщилъ намъ новость объ отбитомъ нападеніи приморскихъ Абазинъ и Убыховъ на Гагринское укрѣпленіе. Нѣсколько недѣль сряду они тревожили каждую ночь гагринскій гарнизонъ, заставляя его попустому выбѣгать на брустверь. Въ ночь нападенія они снова произвели тревогу; солдаты, утомленные предыдущими бессонными ночами, все-таки выскочили на брустверь, какъ водилось, въ однихъ рубашкахъ съ сумкою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ, прождали около получаса, и вернулись въ казармы съ досадою, увѣренные что это опять была

* Продолженіе. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 9 и 10 1864 года.

пустая черкесская шалость, сдѣланная съ цѣлюю отнимать у нихъ сонъ. Но едва они заснули какъ вторичные выстрѣлы и крикъ часового: непріятель во рву! ихъ опять подняли на ноги. Пока они выбѣжали, Черкесы успѣли ворваться въ блокгаузъ, фланкировавшій ровъ, и завладѣть двумя орудіями. Солдаты выбросили изъ него непріятеля штыками, освободили орудія, и картечными выстрѣлами изъ нихъ очистили ровъ. Нападеніе было отбито съ большимъ урономъ со стороны непріятеля, не успѣвшего даже подобрать своихъ убитыхъ, что у Черкесовъ считается большимъ стыдомъ. Послѣ этого они обратились къ бзыбскому отряду генерала Н. и угнали изъ него всѣхъ казачьихъ лошадей, неосторожно пасшихся въ одномъ общемъ табунѣ. Кромѣ того Сеферъ-бей намъ разказалъ, что около тысячи горцевъ собрались близъ гагринскаго дефила, для защиты его, если русскія войска двинутся впередъ. Эта новость была для меня очень непріятна, представляя для моего путешествія весьма важное и совершенно неожиданное затрудненіе. По причинѣ этого обстоятельства я не хотѣлъ отложить своей поѣздки, надеясь что Черкесы скоро разойдутся, какъ дѣйствительно и случилось.

На другой день мы прошли около тридцати пяти верстъ по дремучему лѣсу, безпрестанно поднимаясь въ гору, и остановились ночевать въ одной изъ пещеръ, которыми устьяны каменистые отроги горы Аншибогъ, возвышавшейся въ видѣ огромныхъ воротъ надъ абазинскимъ ауломъ Багъ. Дорога позволяла намъ ѣхать верхомъ. Во время этого перехода мы прошли мимо горы Дицъ, опоясанной тремя рядами скалъ, въ которыхъ видѣлись нѣсколько глубокихъ пещеръ. Видъ этой горы чрезвычайно пасмуренъ и оправдываетъ сказаніе о ней, напоминающее въ одинакой мѣрѣ Прометей и Антихриста. Имамъ Хази, съ неподдѣльнымъ страхомъ, указалъ мнѣ на черное отверстіе, находившееся на самомъ верху горы, прибавивъ: худое тутъ мѣсто для каждаго живаго человѣка. Это выходъ изъ огромной пещеры, спускающейся подъ самое основаніе горы. Въ глубинѣ ея лежитъ Дашкаль, прикованный къ горѣ семью цѣпями, — Дашкаль, который передъ разрушеніемъ міра явится между людьми для смущенія ихъ, и возставитъ брата противъ брата, сына противъ отца. Возлѣ него лежитъ большой мечъ, который онъ напрасно усиливается достать рукой, потому что его время еще не пришло.

Когда онъ съ досады начинаетъ потрясать цѣпи, тогда горы дрожать и земля колеблется отъ одного моря до другаго. Время его не совершилось еще, но когда оно настанетъ, тогда онъ схватитъ мечъ, разрубитъ оковы, и явится на свѣтъ губить человѣческій родъ. Я спросилъ: „кто же видалъ Дашкала?“—„Какъ! да на это не рѣшится ни одинъ человѣкъ! Избави Аллахъ! Говорятъ, одинъ абазинскій пастухъ по глупости спустился въ пещеру, и увидавъ Дашкала, отъ испуга сошелъ съ ума.“ Горцы дѣйствительно болтаютъ горы Дидъ, и даже близко не подходятъ къ ней.

Въ третій переходъ мы шли сначала по глубокому ущелью Малой Лабы, потомъ поднялись на гору, на которой находилась широкая равнина, огороженная со всѣхъ сторонъ остро-конечными скалами. Эта равнина, непримѣтно склоняясь съ одной стороны на сѣверо-востокъ, съ другой на юго-западъ, образовывала переломъ мѣстности. Посреди ея находилось нѣсколько бездонныхъ озеръ, имѣвшихъ отъ пятидесяти до ста сажень поперечника, изъ коихъ вытекали: на сѣверъ, Лаба, на югъ Мдзимта. Съ южной стороны эта равнина, имѣвшая двѣ версты протяженія, прерывалась пропастью неизмѣримой глубины, въ которую ниспадалъ потокъ, образующій начало Мдзимты, разлетаясь на половинѣ своего паденія въ облако водяной пыли. Едва примѣтная серебристая лента обозначала на днѣ пропасти, что эта пыль снова сливалась въ одинъ потокъ. Принявъ направленіе на сѣверъ, наша дорога обходила эту пропасть по тѣсной тропинкѣ, лѣзавшейся карнизомъ вдоль отвѣсной скалы. Огромные камни, черезъ которые мы пересаживали лошадей на рукахъ, загораживали намъ путь, и безъ того чрезвычайно трудный по множеству извилищъ. Послѣ неизмѣрныхъ усилій мы добрались съ лошадьми до лѣсистаго гребня, съ котораго намъ слѣдовало спуститься въ селеніе Агипсоу, лежавшее въ ущельяхъ Мдзимты и упадающей въ нее рѣки Зикуй. Эта тѣсная и опасная дорога служить для Медовеевцевъ лучшею защитой съ сѣверной стороны. Сотня хорошихъ ружей можетъ здѣсь остановить цѣлую армію, которой пришлось бы наступать по одиночкѣ, человѣкъ за человѣкомъ, не имѣя никакого способа обойти непріятеля. Въ два послѣднихъ перехода мы сдѣлали до восьмидесяти верстъ, крайне утомили себя и лошадей, но не встрѣтили никакого приключенія. Всѣ бывшіе съ нами люди принадлежали къ числу преданныхъ интересамъ Карамурзина, и

знали кто я таковъ. Въ мѣстахъ удобныхъ для засады, Сеферъ-бей Маршаній, чтобы избавить насъ отъ неожиданной встрѣчи ружьями, выѣзжалъ впередъ и громко возвѣщалъ о томъ, что ѣдетъ Тембулатъ Карамурзинъ, а онъ, Сеферъ-бей, ему сопутствуетъ. Спускъ къ Агипсоу очень крутъ и во многихъ мѣстахъ топокъ. Мы потеряли на немъ очень много времени, сводя скользившихъ и падавшихъ на каждомъ шагу лошадей, между которыми находились два коня лучшихъ кавказскихъ породъ, Трамъ и Лоовъ, назначенные Карамурзинымъ въ подарокъ Гассанъ-бею абхазскому. Совершенно уже смерклось когда мы подошли къ первымъ домамъ, въ которыхъ Карамурзинъ рѣшилъ переночевать, такъ какъ до дома Маршаніевъ было не близко и трудно было вести въ темнотѣ лошадей по тѣсной каменистой тропинкѣ. Пріѣздъ Карамурзина въ Агипсоу, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, было довольно рѣдкое происшествіе, и долженъ былъ произвести движеніе между его старыми знакомыми. Чтобы избавить меня на первый разъ отъ ихъ нескромнаго любопытства, Карамурзинъ остановился въ одномъ домѣ, а я, имамъ Хази и Сеферъ-бей, помѣстились отъ него подальше у другаго хозяина. Съ удовольствіемъ вспоминаю о первомъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на меня Агипсоу. Сдавъ лошадей, мы вошли въ кунахскую, въ которой слуги сутили, разстилая для насъ ковры, подушки, и разводили на очагѣ огонь. Въ этомъ отдаленномъ уголкѣ горъ существовалъ еще патриархальный обычай, по которому дочь хозяина обязана умывать ноги странниковъ; но и тутъ, впрочемъ, обычай этотъ удержался въ видѣ одной наружной формальности. Когда мы усѣлись на приготовленныхъ для насъ мѣстахъ и сняли обувь, въ кунахскую вошла молодая дѣвушка съ полотенцемъ въ рукахъ, за которою служанка несла тазъ и кувшинъ съ водой. Въ то мгновеніе когда она остановилась передо мною, кто-то бросилъ въ огонь сухаго хворосту, и яркій свѣтъ, разлившійся по кунахской, озарилъ дѣвушку съ ногъ до головы. Никогда я не встрѣчалъ подобной изумительной красоты, никогда не видалъ подобныхъ глазъ, лица, стана; я смѣшался, забылъ что мнѣ надо дѣлать и только глядѣлъ на нее. Она покраснѣла, улыбнулась, и молча наклонившись къ моимъ ногамъ, налила на нихъ воды, покрыла полотенцемъ, и пошла къ другому исполнять свою гостепріимную обязанность. Между тѣмъ свѣтъ становился слабѣе, и она скрылась

въ дверяхъ тихо, плавно, подобно видѣнью; болѣе я ее не видалъ. Имамъ Хази долгое время сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпненіи, вперивъ глаза въ пустое мѣсто, на которомъ она стояла передъ нимъ за нѣсколько мгновеній, и наконецъ сказалъ мнѣ по-татарски: „братъ Гассанъ, видалъ ли ты въ жизни подобную красоту? а я не видалъ, и увижу развѣ только въ раю, если грѣхи позволяютъ въ него войти.“ Гассаномъ звали меня въ нашемъ походномъ обществѣ, выдавая за чеченскаго абрека, въ томъ соображеніи что отъ самой Кубани до Чернаго моря мы не могли опасаться встрѣтить человека говорящаго по-чеченски, который могъ бы по этому узнать что я не Чеченецъ. Понимая по-татарски, при людяхъ я говорилъ съ имамомъ Хази на этомъ языкѣ, а наединѣ объяснялся съ нимъ по-русски. Долго еще послѣ того имамъ Хази не могъ забыть агинсоусской Абазинки, повременамъ задумывался и дѣлалъ неожиданно вопросъ: „братъ Гассанъ, видалъ ли ты въ жизни подобную красоту?“ Тогда я зналъ о комъ идетъ рѣчь. Я самъ ее помнилъ, да предпочиталъ молчать объ этомъ.

Послѣднимъ, мы заснули крѣпкимъ сномъ до другаго утра; съ разсвѣтомъ оседлали лошадей, поблагодарили нашего хозяина за гостепріимство и отправились къ Сеферъ-бею. Вечеромъ пріѣхалъ къ нему Тембулатъ, освободившись отъ первыхъ привѣтствій Агинсоусцевъ провожавшихъ его толпой по всему селенію. Радость ихъ при видѣ Карамурзина объяснялась обыкновеніемъ, по которому у горцевъ жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считаютъ себя аталыками воспитывавшагося между ними ребенка знатной фамиліи. Такимъ образомъ Медовеевцы называли себя аталыками Карамурзина, а всѣ Абазехи аталыками кемюргоевского владѣтеля Джембулата Айтеки.

Кавказъ богатъ красотами природы, но я помню мало мѣстъ, которыя бы могли равняться по живописному виду съ долиною Мдзимты. Пролегая на разстояніи тридцати пяти верстъ, отъ главнаго хребта до гребня Черныхъ горъ, идущаго параллельно морскому берегу, она ограничивается съ двухъ сторонъ рядами высокихъ неприступныхъ скалъ, защищающихъ Агинсоу съ сѣвера и юга. Въ этой глубокой котловинѣ течетъ быстрая Мдзимта, образующая безчисленное множество водопадовъ. По обѣ стороны рѣки раскиданы купы домовъ и хижинъ, окруженныхъ темною зеленою

садовъ, виноградниками, посѣвами кукурузы, проса, пшеницы и свѣжими бархатными дугами. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ, постройки и обработанные участки земли замѣняются вѣковымъ лѣсомъ, который окаймляетъ бока горъ упирающихся въ красноватые зубчатые скалы. Черезъ отрогъ Черныхъ горъ, перегораживающихъ рѣкъ путь къ морю, она прорывается въ тѣсныя скалистые ворота, образующія неприступный проходъ со стороны юго-запада. Не далеко отъ Агипсоу находятся еще два селенія, Айбога на рѣкѣ Псоу и Чужгуча на рѣкѣ Чужипсы, составляющія все вмѣстѣ одно общество, известное подъ именемъ Медовой. Жителей въ немъ не болѣе десяти тысячъ. Они не богаты скотомъ, мало имѣютъ пахатной земли; но за то пользуются изобиліемъ фруктовъ: персиковъ, абрикосовъ, грушъ и яблокъ, превосходящихъ величиной и сочностью все подобныя плоды, какіе можно встрѣчать въ другихъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитаніе большей части бѣднаго населенія, у котораго очень часто недостаетъ пшеница и кукурузы. Жители сушатъ каштаны на зиму, и разваривъ потомъ въ водѣ, ѣдятъ ихъ съ масломъ или съ молокомъ. Въ Агипсоу имѣется отличный медъ, добываемый отъ горныхъ пчелъ, гнѣздящихся въ расщелинахъ скалъ. Этотъ медъ очень душистъ, бѣлъ, твердъ почти какъ песочный сахаръ, и весьма дорого цѣнится Турками, отъ которыхъ Медовеевцы вымѣниваютъ необходимыя имъ ткани исключительно на медъ, воскъ и на дѣвушекъ.

У Сеферъ-бея мы прожили четыре дня, какъ водится въ подобномъ случаѣ, лежа на подушкахъ и принимаясь нѣсколько разъ въ день за баранину, куръ, просо, молоко и фрукты, которыми насъ угощали съ избыткомъ, соответственно высокому значенію рѣдкихъ гостей. Съ утра до вечера насъ окружали знакомые Тембулата. Я съ ними прохаживался по окрестностямъ, обѣдалъ, разговаривалъ знаками съ примѣсью нѣсколькихъ татарскихъ словъ, и такъ хорошо вѣлъ свои дѣла, что никому изъ нихъ и въ голову не приходило что между ними Русскій подъ черкесскою Гассана абрека. Въ Медовѣ только все Маршаніи и нѣкоторые второстепенныя дворянскія фамиліи исповѣдуютъ магометанскую вѣру; простой народъ склоняется къ язычеству, и не имѣя опредѣленныхъ вѣрованій, въ случаѣ бѣды обращаетъ свои молитвы къ нѣкоторымъ скаламъ и къ святымъ деревьямъ, и

къ шайгану питаетъ непреодолимый дѣтскій страхъ. Женщины Медовеевцы не имѣютъ обыкновенія скрывать. Дочь Сеферъ-бея, прехорошенькая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, проводила съ нами весь день, и я не могъ довольно налюбоваться ловкости и граціозности, съ которою она, подобно бѣлкѣ, взбиралась на самыя высокія деревья, рвала фрукты, или рѣзаясь прыгала съ одного дерева на другое, не нарушая нисколько женской стыдливости, защищенной неизбѣжною принадлежностію ея восточнаго костюма. Погода была прекрасная, и все въ Агипсоу дышало миромъ и спокойствіемъ. Медовеевцы дѣйствительно пользовались этими благами, мало извѣстными въ другихъ частяхъ Кавказа, благодаря неприступному мѣсту, которое они занимали; но за то они сами нерѣдко отнимали у другихъ покой, спускаясь къ морю въ Абхазію и на сѣверную сторону горъ грабить каждаго встрѣчнаго. Пользуясь между горцами репутаціей отъявленныхъ разбойниковъ, они за предѣлами своихъ крѣпкихъ горъ находились во всегдашней опасности быть перебитыми безъ всякой жалости. За день до нашего пріѣзда привезли въ Агипсоу тѣла четырехъ убитыхъ Медовеевцевъ, которымъ мой знакомый кабардинскій князь Исмаилъ Касаевъ, съ Теченя, приказалъ отрубить головы, за то что они, безъ спроса, хозяйничали въ его табунѣ.

Отъ Сеферъ-бея Карамурзинъ намѣревался переѣхать въ домъ къ Дударуквѣ Богорканъ-инѣ Маршанію, приготовившему въ его честь особенно роскошное угощеніе, закаловъ по этому случаю молодаго буйвола и нѣсколькихъ барановъ. Слухъ о празднествѣ, ожидавшемъ насъ у Дударуквы, разнесся по всему Агипсоу, и я долженъ былъ готовиться провести нѣсколько дней въ еще болѣе многочисленномъ обществѣ Абазинъ чѣмъ у Сеферъ-бея. Это меня нисколько не тревожило, и, я увѣренъ, мое пребываніе въ Агипсоу прошло бы безъ приключенія, еслибы съ другой стороны не явилась опасность, отъ которой меня избавила только находчивость моихъ проводниковъ. Готовясь къ выѣзду, мы хлопотали около лошадей, когда Сеферъ-бею дали знать, что къ его дому подходятъ гости изъ Абхазіи, нѣкій князь Дагу Ангабадзе съ пятью товарищами. Эти люди не разъ встрѣчались со мною у своего владѣтеля, непременно узнали бы меня, и промолчавъ объ этомъ съ привычною имъ хитростію въ домѣ у Сеферъ-бея, потомъ не преминули бы всѣмъ раз-

казать обо мнѣ. Сеферъ-бей могъ всегда отговориться невѣдѣніемъ, но Карамурзинъ не имѣлъ этой отговорки и рисковалъ жизнію наравнѣ со мною. Но какъ избѣгнуть встрѣчи съ ними, не обративъ на себя вниманія окружающаго насъ народа, подмѣчавшаго за всѣмъ что мы дѣлали? Я переглянулся съ Тембулатомъ, который тотчасъ меня понималъ. Онъ шепнулъ что-то Сеферъ-бей, а тотъ подошелъ ко мнѣ будто бы помочь подтянуть подпругу, и незнаю что сдѣлалъ съ моею лошадью, потому что она взвилась на дыбы, и вырвавшись изъ рукъ побѣжала въ противную сторону отъ приближавшихся Абхазцевъ. „Гассанъ, лови свою лошадь!“ закричалъ Карамурзинъ, и я бросился за нею, понявъ хитрость, ловко придуманную, для того чтобы избавить меня отъ нескромности Абхазцевъ. Пока я ловилъ лошадь съ помощію имама Хази, гостей усадили въ кунахской; Карамурзинъ занялъ ихъ разказами, потомъ имъ подали закуску, и я успѣлъ переѣхать къ Дударуквѣ Маршанію, не выдавъ ихъ. Сеферъ-бей сдалъ ихъ, между тѣмъ, на руки своему отцу, который долженъ былъ удержать ихъ нѣсколько дней у себя въ домѣ, и послѣ того вести на сѣверную сторону горъ или въ Абхазію, куда они захотятъ, только такимъ путемъ, на которомъ мы не могли болѣе опасаться ихъ встрѣчи.

У Дударуквы собралось до тридцати человѣкъ однихъ Маршаніевъ и кромѣ нихъ большая толпа простаго народа, женщинъ и дѣтей, горѣвшихъ нетерпѣніемъ видѣть знаменитаго абрека Карамурзина и воспользоваться остатками приготовленнаго для него угощенія. Обѣдъ, состоявшій изъ безчисленнаго количества обыкновенныхъ черкесскихъ блюдъ, длился безъ конца. Когда столы были очищены, толпа начала расходиться. Тогда пришла въ кунахскую дочь Маршанія повидаться съ Тембулатомъ; ее сопровождали нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ въ праздничныхъ нарядахъ. Она была красавицей, и вполне оправдывала свою репутацію. Принадлежа къ числу тѣхъ соблазнительныхъ горскихъ красотъ, о которыхъ преданіе носится повсему востоку, и наивно кокетливая, рисуясь выказывала она свою тонкую талію и пышный станъ, обтянутые синимъ бешметомъ, бѣлизну маленькихъ рукъ и бѣлизну ногъ, выглядывавшихъ изъ-подъ красныхъ шелковыхъ шароваръ, вышитыхъ золотомъ. Длинные черные волосы густою волной подали

по плечамъ; глаза горѣли тусклымъ огнемъ подъ бѣлою кисейною чалмой; она поражала своею красотою, а все-таки не могла равняться съ дѣвушкой, которая намъ умывала ноги. Считая Тембулата братомъ, по своему дядѣ, аталыку его, она просидѣла съ нимъ до самаго вечера. Имамъ Хази, глубокий поклонникъ прекраснаго пола, смотрѣлъ на нее съ большимъ удовольствіемъ, приговаривая впрочемъ: „славная, пышная княжеская дѣва; а все не то что та красота, которую мы видѣли въ первый вечеръ.“ Женщины и дѣвушки, видѣнные мною въ Агипсоу, сравнительно гораздо красивѣе мужчинъ, не имѣющихъ ни ловкости, ни гордой осанки, которыми отличаются Черкесы.

На другой день мы отправились въ Чужгучу, переѣхавъ черезъ Мдзимту по висячему мосту, устроенному съ большимъ искусствомъ изъ жердей, досокъ и виноградной лозы, связанныхъ веревками. Подобныхъ мостовъ я насчиталъ черезъ рѣку около пяти для пѣшеходовъ и два для лошадей. Въ Чужгучѣ мы опять остановились у Маршанія, родственника Сеферъ-бей. Самого хозяина не было дома; жена послала за нимъ нарочно, и это обстоятельство принудило Карамурзина пробыть противъ воли лишній день въ этомъ селеніи. Здѣсь неумышленное и весьма незначительное нарушеніе съ моей стороны правилъ уваженія къ старшимъ привлекло на меня вниманіе горцевъ и надѣлало мнѣ и Карамурзину много безпокойства. Мы пріѣхали поздно вечеромъ; кунахская была уже занята разными гостями, прибывшими прежде насъ. Когда Карамурзинъ вошелъ, всѣ встали, и давъ ему занять первое мѣсто, стали усаживаться по старшинству на подушкахъ разложенныхъ около стѣны. По правиламъ черкесской вѣжливости, эта церемонія не могла обойтись безъ приглашенія со стороны Карамурзина и безъ многихъ просьбъ и уступокъ мѣста между гостями. Считая себя не болѣе двадцатипятилѣтнѣмъ, я, какъ молодой человѣкъ, между товарищами Карамурзина всегда занималъ мѣсто послѣ имама Хази, около котораго и садился, тѣмъ болѣе что онъ одинъ хорошо понималъ русскій языкъ. Дурно освѣщенная кунахская была наполнена разными людьми, которыхъ я не успѣлъ хорошо разсмотрѣть. Я утѣлся, по обыкновенію, возлѣ имама Хази и спокойно сталъ набивать свою маленькую трубочку, не замѣчая того что сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Нечаянно

поднявъ глаза, я крайне удивился, замѣтивъ что всѣ на меня смотрятъ; взглянулъ на Тембулата и пришелъ въ совершенное недоумѣніе, увидавъ что этотъ, обыкновенно хладнокровный человѣкъ, съ видомъ величайшаго безпокойства глядитъ мнѣ прямо въ глаза. Приученный опасностію моего положенія обращать вниманіе на каждый знакъ его, я оглянулся назадъ и понялъ въ чемъ дѣло. Ниже меня сидѣлъ, съ обиженнымъ видомъ, старый Турокъ, высокій, худощавый, съ бѣлою бородой до пояса, съ четками въ рукахъ, — одинъ изъ тѣхъ фанатиковъ, которые, пытаюсь подавляемъ, ходили по горамъ проповѣдывать мусульманамъ безпощадную войну противъ гяуровъ-свиноѣдовъ, какъ они честятъ всѣхъ христіанъ. Я уже говорилъ объ уваженіи и почтѣ, которые молодые люди обязаны оказывать у горцевъ старикамъ. Моя невольная ошибка могла навлечь на меня подозрѣніе, что я не родился и не воспитывался въ горахъ; оставалось только исправить ее скоро и рѣшительно. Вспомнивъ все что я зналъ по-татарски, я поднялся и громко попросилъ Турка пересѣсть на мое мѣсто, прося меня извинить, если шайтанъ на мгновеніе ослѣпилъ мои глаза, закрывъ отъ нихъ его сѣдую бороду, передъ которою я благодарствую какъ передъ бородой моего отца. Говоръ одобренія пробѣжалъ по всему собранію. Имамъ Хази уступилъ ему свое собственное мѣсто, а Карамурзинъ объяснилъ всѣмъ что я плохо говорю и понимаю по-татарски, а по-черкесски совершенно не знаю, бѣжавъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Чечени за Кубань, для того чтобы сдѣлаться абрекомъ. Турокъ, бросавшій на меня сперва весьма злобные взгляды, нѣсколько смягчилъ свою досаду, но все-таки не переставалъ за мною слѣдить. Что я ни дѣлалъ, глаза Турка меня не оставляли, будто его дикій инстинктъ угадывалъ во мнѣ врага; и, право, мнѣ было не легко выдерживать эту пытку, сохраняя видъ невозмутимаго равнодушія, чтобы не быть узнаннымъ. Его постоянное наблюденіе за мною принудило меня дѣлать умовенія и творить намазъ, безъ которыхъ я обходился до того времени.

Опасность стала умножаться для насъ по мѣрѣ приближенія къ морю. На другой день, пока мы ожидали прибытія хозяина, число гостей увеличилось болѣе чѣмъ мы могли желать. Между ними оказался старикъ высокаго роста, въ которомъ я тотчасъ узналъ Абхазца, хотя и видѣлъ

его въ первый разъ. Стоя, опершись на свою длинную желѣзомъ окованную палку, онъ завелъ съ Карамурзинымъ рѣчь на чистомъ абхазскомъ нарѣчїи. Слова Уруссимъ, Микамбай, Сидъ-ипа, повторявшіяся довольно часто въ ихъ разговорѣ, заставили меня прислушаться; ясно было, что дѣло шло обо мнѣ и о моемъ первомъ путешествіи черезъ горы. Между тѣмъ проницательные глаза Абхаза перебѣгали отъ одного къ другому изъ гостей, занимавшихъ кунахскую. Въ это время подали обѣдъ, на обычныхъ круглыхъ столикахъ, и Карамурзинъ, какъ почетный гость, пригласилъ кого ему угодно было за свой столъ. Въ числѣ избранныхъ находились: Турокъ, Абхазецъ, имамъ Хази и я. Передъ концомъ обѣда Тембулатъ сказалъ Абхазцу нѣсколько словъ, назвавъ его при этомъ Софыджемъ; Абхазецъ одобрительно потрепалъ меня по плечу. Я взглянулъ на Карамурзина: ироническая улыбка и легкій знакъ глазами подтвердили мою мысль. Передо мною находился Софыджъ, преслѣдовавшій меня еще въ Абхазіи и отнюдь нечаявшій что я нахожусь отъ него такъ близко. Вечеромъ, когда мы остались наединѣ на нѣсколько мгновеній, Карамурзинъ передалъ мнѣ со смѣхомъ черезъ пмама Хази свое объясненіе съ Софыджемъ, пришедшимъ къ нему изъ ближайшаго селенія съ единственною цѣлію развѣдать о томъ куда я дѣвался послѣ моего путешествія изъ Абхазіи на линію. Карамурзинъ разказалъ ему все что зналъ, прибавивъ, что на линіи разнесся слухъ будто я умеръ, чему онъ впрочемъ не вѣритъ, полагая, напротивъ того, что я предпринялъ новое путешествіе. Софыджъ не хотѣлъ этому вѣрить и, въ свою очередь, обѣщалъ караулить меня на дорогахъ ведущихъ въ Абхазію, и на замѣчаніе Тембулата, что не легко меня узвать, отвѣчалъ съ самоувѣренностію:—„только не для меня; Русскаго я узнаю чуть-смѣ, зажмура глаза.“ Послѣ этого хвастовства Карамурзинъ не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ нимъ и смѣлымъ поступкомъ отвлечь отъ меня всякое подозрѣніе. Онъ посадилъ насъ за одинъ съ нимъ столъ и передъ концомъ обѣда спросилъ Софыджа, такъ хорошо отличавшаго Русскихъ, можетъ ли онъ сказать къ какому народу я принадлежу. Разумѣется, Софыджъ пришелъ въ недоумѣніе и не зналъ что отвѣчать. Тогда Карамурзинъ объявилъ ему что я Чеченецъ съ Терека, абрекъ, и стараю ненавистью къ Русскимъ. Это очень обрадовало Софыджа, пожалѣвша-

го только что мы не можемъ другъ съ другомъ объяснить-ся. Шутка была не безопасна, но лучше Карамурзинъ не могъ ничего придумать для уничтоженія дурнаго впечатлѣнія сдѣланнаго мною на Турка. Впрочемъ этотъ фанатикъ не переставалъ за мною наблюдать, слѣдовалъ за нами еще нѣсколько переходовъ, всегда шагаль возлѣ моей лошади, безпрестанно заговаривалъ со мною и, получая отвѣтъ что я его не понимаю, что-то бормоталъ про себя.... Мы были очень рады, когда, наконецъ, утомившись отъ скорыхъ перѣздовъ, онъ въ какомъ-то селеніи отсталъ отъ насъ.

Изъ Чужгучи мы перѣехали въ селеніе Чужи, лежавшее на рѣкѣ Худансы. Число нашихъ проводниковъ увеличилось до двадцати человѣкъ, принадлежавшихъ къ разнымъ абазинскимъ обществамъ, княжествамъ и республикамъ, существовавшимъ по близости моря. Всѣ они враждовали между собою и соединялись только противъ своего общаго врага, Русскихъ. Дорога въ Чужи вела черезъ высокую каменистую гору. Крутой подъемъ принуждалъ насъ идти пѣшкомъ и тащить за собою нашихъ усталыхъ лошадей. День былъ чрезвычайно жаркій, мы сами порядкомъ измучились и къ усталости присоединилось еще одно обстоятельство, отнимавшее у меня послѣднія силы поспѣвать за другими. Отъ ходьбы въ горахъ моя обувь пришла въ такой дурной видъ, что ступивъ на острый камень я прорѣзалъ себѣ какъ ножомъ подошву правой ноги. Кровь текла изъ раны не переставая, пыль и песокъ забивались въ нее, нестерпимая боль не позволяла мнѣ ступать на ногу, а лошадь, не хотя карабкаясь по скользкому камню, тянула меня назадъ. Терпѣніе въ страданіяхъ считается у горцевъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ для молодаго человѣка, и равнодушіе, съ которымъ они переносятъ боль, доходить до такой степени, что въ этомъ случаѣ весьма легко узнать между ними европейца, который можетъ быть столько же какъ и они безстрашенъ, но никогда не сравняется съ ними въ терпѣливости. Въ то время я былъ въ состояніи многое вынести, и шелъ не взирая на мою рану, но по неволѣ долженъ былъ отставать. Съ нами было множество чужихъ людей, которые отнюдь не должны были знать кто я таковъ, да и мѣсто гдѣ мы находились, смежное съ Абазинами, Убыхами и Сипсугами нерѣдко ссорившимися между собою, было не совсѣмъ безопасно для самихъ горцевъ, спѣшившихъ поэтому дойти до

ночлега прежде вечера, а я задерживалъ ихъ. Имамъ Хази какъ-то невѣжливо замѣтилъ мнѣ, что, оставаясь назади, я подвергаю ихъ всѣхъ опасности, и даже во мнѣ могутъ узнать Русскаго, потому что не умѣю перенести боли. Это меня взорвало. Въ пылу досады я схватился за пистолетъ, крикнувъ ему, что я на замѣчанія сдѣланныя мнѣ дерзкимъ тономъ имѣю привычку отвѣчать вотъ чѣмъ. Кровь бросилась въ голову имаму Хази и онъ въ первую минуту не нашелъ словъ для отвѣта, а только самъ положилъ руку на пистолетъ, закричавъ: „ну, братъ, пистолетъ такъ пистолетъ!“ Сцена происходила далеко сзади опередившихъ насъ проводниковъ и, право, не знаю чѣмъ бы она кончилась, еслибъ въ это мгновеніе не явился между нами Тембулатъ, который, не видя меня возлѣ себя, отсталъ отъ другихъ подъ какимъ-то предлогомъ. Первымъ дѣломъ его было унять имамъ Хази; потомъ онъ спросилъ меня: отчего я отстаю. Въ отвѣтъ я показалъ ему мою окровавленную ногу. Всѣ посторонніе люди ушли далеко впередъ, и около насъ не было никого чужаго; пользуясь этимъ обстоятельствомъ Тембулатъ поднялъ меня съ земли, одною рукой перекинулъ черезъ свое плечо, другою схватилъ поводъ моей лошади и, почти бѣгомъ, взнесъ меня на гору, таща за собою двухъ усталыхъ лошадей. Подобное дѣло было возможно для одного Карамурзина, про котораго въ горахъ говорили, что одинъ мертвые знаютъ остра ли его пашка. Черкесы не любятъ обнажать пашки иначе какъ для удара, а при его силѣ дѣйствительно каждый ударъ былъ смертеленъ. На горѣ онъ меня ссадилъ на землю и просилъ, ради нашей безопасности, не отставать. Только въ Чужу, поздно вечеромъ, мнѣ удалось перевязать ногу. Отъ князя Исламъ-Бага, принявшаго насъ въ Чужу, мы перѣехали въ селеніе Чуа, на рѣкѣ Мцѣ, по совершенно удобной дорогѣ, не препятствовавшей намъ пользоваться лошадьми. По мѣрѣ приближенія къ морю, горы, понижаясь, представляли богатую растительность, посѣвы умножались и народонаселеніе становилось гуще. Вправо и влѣво отъ дороги, тянулись, съ небольшими промежутками, отдѣльныя группы домовъ, окруженныхъ посѣвами гомми, кукурузы, пшеницы и табаку. Стали показываться также фруктовыя деревья, обвитыя виноградными лозами.

Въ Чуа присоединился къ намъ отецъ Сеферъ-бея, ловко избавившій насъ отъ абхазскаго князя Ангабадзе, кото-

раго онъ уговорилъ сходить на сѣверную сторону горъ, попытать счастья въ лабинскихъ лѣсахъ. Ему наняли въ Агипсоу проводниковъ и товарищей для этой экспедиціи, изъ которой онъ могъ никогда не вернуться, и во всякомъ случаѣ долженъ былъ проходить такъ долго, что ему нельзя было насъ встрѣтить въ другой разъ. Старикъ Мартаній привезъ съ собою и женщину, которую Карамурзинъ везъ продавать Туркамъ. Она была весела, всему радовалась и казалась весьма довольною своимъ путешествіемъ. За нею присматривалъ во время дороги Безруква, которому лѣта позволяли исполнять эту обязанность, не нарушая весьма цѣкотливой черкесской стыдливости.

Изъ Чуа мы спустились къ морскому берегу по широкому ущелью, покрытому густымъ лѣсомъ, въ которомъ были приготовлены противъ Русскихъ нѣсколько огромныхъ заваловъ. У выхода изъ ущелья находился длинный заваль изъ деревьевъ и камня, съ фланкирующею его деревянною башней. Тутъ остановили насъ для спроса десятка два конныхъ людей, принадлежавшихъ къ обществу Саша. Находя отвѣты Карамурзина удовлетворительными, и узнавъ кто онъ, караванные попросили его захватить въ домъ Сашинскаго владѣльца, князя Али-Ахмета Облагу. Въ это время мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ торговли женщинами, которыя ежедневно повторялись по черкесскому берегу, несмотря на всѣ старанія нашихъ крейсеровъ прекратить ее вмѣстѣ съ подвозомъ военныхъ припасовъ къ горцамъ. Не оправдывал Черкесовъ вѣзгомъ дѣлъ, я не буду и строго судить ихъ. У мусульманъ дѣвушка, выдаваемая замужъ, равномерно продается; отецъ, братъ или ближайшій родственникъ, у котораго она жила въ домѣ будучи сиротою, берутъ за нее калымъ. Черкесы притомъ не продавали своихъ дочерей, а продавали Туркамъ только рабынь или плѣнницъ, отдавая ихъ въ руки своихъ одноплеменниковъ. Тотъ же самый Черкесъ скорѣе рѣшился бы убить женщину, чѣмъ продать ее гягурамъ на оскверненіе. Къ тому же обыкновенно они недѣлали своимъ плѣнникамъ обоюдогола черезъ продажу ни малѣйшаго зла. Проданные мальчики нерѣдко дѣлались въ Турціи знатыми людьми, а Черкешенки почти всегда первенствовали въ гаремахъ богатыхъ Турокъ. А когда на проданныхъ выпадала несчастная доля, такъ былъ виноватъ не продавецъ: такъ было написано въ книгѣ судьбы! Торговля женщинами была для Черкесовъ почти не-

обходима, а для турецкихъ купцовъ составляла источникъ самаго скораго обогащенія. Поэтому они занимались этою торговлей, пренебрегая опасностію угрожавшею имъ со стороны русскихъ крейсеровъ. Въ три или четыре рейса Турокъ, при которомъ счастіи, дѣлался богатымъ человекомъ и могъ покойно доживать свой вѣкъ; за то надо было видѣть ихъ жадность на этотъ живой, красивый товаръ.

Около береговаго завала, подъ защитою караулившихъ его горцевъ, человекъ пять Турокъ ожидали продавцовъ. Они бросились къ намъ навстрѣчу, и узнавъ что есть женщина, попросили позволеніе осмотрѣть ее. Послѣ того, они по жребію опредѣлили кому изъ нихъ торговать ее, и начали переговариваться съ нами, при чемъ мы со всею восточною важностію успѣли въ кіоскъ, стоявшемъ возлѣ кладбища. У Черкесовъ никакое дѣло не обходится безъ совѣта, потому и въ этомъ случаѣ каждый изъ насъ былъ призванъ подать свое мнѣніе. Между тѣмъ Турокъ-посредникъ безпрестанно ходилъ отъ нашего общества къ купцамъ и отъ купцовъ къ намъ, уговаривая ту и другую сторону согласиться на предлагаемыя условія. Въ это время предметъ торговли сидѣлъ на камнѣ съ видомъ величайшаго равнодушія, не замѣчая, кажется, того что происходило отъ него въ самомъ маломъ разстояніи, и отъ чего зависѣла его будущая судьба. Наконецъ, порѣшили торгъ, уступивъ женщину за двѣ лошади и за два вьюка бумажныхъ матерій. За нее дали бы вчетверо больше, еслибъ она была дѣвушка. Когда ей объявили, что она принадлежитъ новому хозяину, тогда я увидѣлъ въ ней перемѣну, которой, право, не ожидалъ, судя по ея прежнему настроенію духа. Она пришла почти въ бѣшенство, рыдала, рвала на себѣ волосы, осыпала всѣхъ упреками, такъ что мнѣ не въ шутку стало жалъ ее. Но имамъ Хази успокоилъ меня, замѣтивъ: отчего я ее жалѣю, когда она сама нисколько не тоскуетъ.

— Да она плачетъ и выходитъ изъ себя.

— А! сказалъ имамъ Хази, махнувъ рукою, — это ничего не значить, это такой законъ у марушекъ (женщинъ); смотри, не пройдетъ минуты, и она будетъ смѣяться.

Имамъ Хази былъ правъ. Едва Турокъ успѣлъ посадить плѣнницу на лошадь, накинувъ на нее новое покрывало, какъ она уже приняла довольный видъ и начала прихорашиваться, драпируясь имъ сколько умѣла. Лошади были нужны намъ

самимъ, а товаръ Карамурзинъ роздалъ на мѣстѣ нашимъ абазинскимъ проводникамъ, пришедшимъ въ неописанный восторгъ отъ его щедрости. Направивъ нашъ путь на сѣверъ по берегу моря, мы черезъ полчаса прѣѣхали благополучно въ Сочинсы къ князю Облагу. Его самого не было дома, и намъ не могли сказать когда онъ вернется. Облагъ былъ отъ Бзыба до Шахе самый значительный владѣлецъ и, подобно Гассанъ-бею абхазскому, ревностный мусульманинъ и покровитель Турокъ, имѣвшихъ въ Сочинсахъ постоянный складъ товара. Домъ его, окруженный частоколомъ, стоялъ на краю селенія, расположеннаго вдоль рѣки Сочи и закрытаго со стороны моря густымъ лѣсомъ. Вліяніе Турокъ у него въ домѣ и на жителей селенія было весьма замѣтно: намазъ творился правильно, въ урочные часы, и къ молитвѣ призывалъ мулла, котораго голосъ весьма рѣдко раздастся у Абазинъ, а въ Медовѣѣ никогда не слышенъ. Переночевавъ въ Сочинсахъ, мы направили нашъ путь на югъ, къ предѣламъ Абхазіи. Верстахъ въ десяти отъ мѣста нашего ночлега, мы сѣѣхались съ княземъ Али-Ахметомъ, возвращавшимся изъ-подъ Гиръ съ дружиною въ нѣсколько сотъ человекъ. Нѣсколько человекъ Черкесовъ выскакали, по обыкновенію, впередъ узнать кто ѣдетъ имъ навстрѣчу. Имя Карамурзина было извѣстно по берегу моря. Облагъ тотчасъ остановился, слѣзъ съ лошади, что сдѣлалъ также Тембулатъ, и оба князя сошлись привѣтствовать другъ друга.

Пока они разговаривали, конные Черкесы окружили насъ со всѣхъ сторонъ и съ видимымъ любопытствомъ разсматривали лошадей, оружіе и насъ самихъ. Закубанскіе Черкесы не часто прѣѣзжаютъ къ морю. Нѣсколько человекъ подѣзжали ко мнѣ съ вопросами; я смотрѣлъ имъ вопросительно въ глаза и прекращалъ разговоръ однимъ словомъ: „бильмесетъ“—не понимаю. Имамъ Хази и Ягызъ, не говорившіе ни по-абазински, ни по-черкесски, находились, къ моему счастью, въ томъ же положеніи. Между турецкимъ и ногайскимъ языками существуетъ также довольно большая разница, что имъ мѣшало вполне понимать даже людей, разговаривавшихъ съ ними по-турецки. Изъ вѣжливости князь Облагъ назначилъ изъ своей свиты четырехъ убыхскихъ дворянъ проводить Карамурзина до перваго ночлега, въ Артъ-куаджѣ. Тутъ жилъ пріятель Сеферъ-бея Маршанія, дворянинъ Арто, котораго, къ нашему крайнему сожалѣнію,

мы не застали дома. Нѣсколько дней передъ нами онъ отправился въ Батумъ на турецкомъ суднѣ. Наши новые провожатые, не знаю почему, пристали ко мнѣ самымъ неотвязчивымъ образомъ, заводили со мною разговоръ на разныхъ нарѣчιάхъ, не отставали отъ моей лошади и пристально разсматривали на мнѣ каждую нитку. Напрасно я говорилъ имъ ломано по-татарски, что я Чеченецъ, не понимаю ничего кромѣ собственнаго языка, и только между моими недавними товарищами выучился сказать нѣсколько татарскихъ словъ. Чтобъ избавиться отъ нихъ я предложилъ Ханафу, питомцу Карамурзина, попробовать его новую лошадь, которую мы наканунѣ вымѣняли у турецкихъ купцовъ. Скачка не обходится у Черкесовъ безъ джигитовки. Ханафъ выхватилъ ружье. Убыхи не выдержали, понеслись за нами и раздался выстрѣлъ за выстрѣломъ; выстрѣлы были направлены въ шанку, которую одинъ изъ нихъ помѣстилъ на концѣ своего ружья. Это ихъ развлекло и доставило мнѣ случай дать имъ очевидное доказательство моего хорошаго черкесскаго воспитанія, когда я въ десяти шагахъ отъ скакавшаго съ шанкою выхватилъ ружье изъ чехла, пронизалъ шанку пулею, и на всемъ скаку зарядивъ ружье повторилъ черезъ нѣсколько мгновений тотъ же маневръ. Артъ-куаджъ отбѣгалъ отъ моря лѣвистою горой. На поворотѣ въ гору, Убыхи насъ оставили и простились со мною подружески, объявивъ, что они очень любятъ Чеченцовъ, которые ловко стрѣляютъ.

Передъ выѣздомъ изъ Артъ-куаджа мы встревожились не на шутку, имѣя полную причину думать что насъ атакуютъ. Гостей не отпускаютъ въ дорогу у горцевъ безъ сытной закуски. Въ этотъ разъ мы дожидались ея долѣе обыкновеннаго; наши лошади уже давно стояли охладившіе передъ дверьми кунахской, находившейся на покатости горы, возлѣ которой протекала широкая и быстрая рѣка. Едва успѣли убрать столы съ кушаньемъ, и мы были заняты разборомъ оружія висѣвшаго на стѣнѣ, какъ раздалось около насъ оглушающіе вопли, невольнo заставившіе всѣхъ броситься къ дверямъ. Тембулатъ первый выглянулъ изъ нихъ, поблѣднѣлъ, сказалъ нѣсколько словъ имаму Хази, и твердыми шагами пошелъ навстрѣчу людямъ, съ ружьями въ рукахъ бѣжавшимъ со всѣхъ концовъ селенія къ нашей кунахской. Не зная настоящей причины этой неожиданной тревоги, Тембулатъ хотѣлъ сперва удостовѣриться, касается ли дѣло дѣй-

ствительно насъ, и для этого вышелъ къ народу безъ ружья, отдавъ его имаму Хази. На первый случай ему было довольно шашки и пистолетовъ; кромѣ того онъ зналъ что, видя его безъ ружья, Абазинъ не бросятся на него, не сказавъ за что и не объяснивъ чего они отъ насъ хотятъ. Мы должны были между тѣмъ приготовиться, при первомъ знакѣ его вскочить на лошадей и, соединившись съ нимъ, пробиться черезъ толпу, взявъ направление къ горамъ, гдѣ лѣсъ давалъ намъ возможность спастись. Можно себя представить какъ у насъ билось сердце, и съ какимъ напряженіемъ слѣдили мы за каждымъ движеніемъ Карамурзина, передъ которымъ сотня или болѣе Абазинъ продолжали кричать и махать ружьями. Нѣсколько мгновеній мы находились въ самомъ тягостномъ ожиданіи и тогда только вздохнули свободно, когда Карамурзинъ поворотился къ намъ и медленными шагами сталъ подходить къ кунахской, сопровождаемый народомъ шумѣвшимъ попрежнему. Тревога, насъ напугавшая, произошла по слѣдующей причинѣ: хозяинъ нашъ, какъ я уже сказалъ, отправился моремъ въ Батумъ. Въ самую минуту нашего отъѣзда пришло извѣстіе о томъ что турецкое судно, на которомъ онъ находился, захвачено Русскими. Поэтому разъяренный народъ бросился къ его семейству изъявить горе и досаду, съ которыми онъ принялъ извѣстіе о постигшемъ его несчастіи. Успокоенные на свой счетъ, мы остались еще около получаса въ Артъ-куаджѣ и потомъ медленно поѣхали на мысъ Адлеръ къ Аредъ-бею. На дорогѣ имамъ Хази сказалъ мнѣ шопотомъ: „да братъ, Гассанъ, еслибъ они въ это время знали что у нихъ Русскій, не вынесли бы мы нашихъ костей; эти Абазинъ ровно дикіе звѣри!“

У Аредъ-бей собралось такое множество гостей въ честь Карамурзина, что съ моей стороны было бы неблагоприятно оставаться цѣлый день у нихъ на глазахъ. Мы находились въ двадцати пяти верстахъ отъ Гагръ, около которыхъ разбойники изъ горъ и съ морскаго берега подкарауливали Русскихъ. Между ними легко могъ случиться Абхазецъ, знавшій меня въ лицо. По этой причинѣ Тембулатъ поѣхалъ, къ Аредъ-бею съ однимъ старикомъ Маршаніемъ, а сынъ его Сеферъ-бей, имамъ Хази и я отправились искать гостепріимства въ соседнемъ аулѣ. Все вниманіе жителей было обращено на Карамурзина, и я могъ поэтому осмотрѣть на свободѣ долину Ліешъ, извѣстную у насъ подъ именемъ мыса

Адлеръ или Ардиллеръ. Со стороны моря она закрывалась густымъ, но весьма неглубокимъ лѣсомъ, передъ которымъ находился длинный завалъ, прочно сложенный изъ огромныхъ деревьевъ, камней и глины. Правый флангъ завала упирался въ вѣсковой лѣсъ, тянувшійся верстъ на десять до подножія горъ ограничивавшихъ долину съ востока. Прямая тыломъ къ лѣсу, рядъ небольшихъ ауловъ: Кирека, Абазы, Бамтериншъ, Учуга, Хышхориншъ, Кота и Джанхота, составляли полукругъ, передъ которымъ лежала совершенно ровная и открытая мѣстность. Мысъ Адлеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ пунктовъ, которые предположено было занять непременно. Видѣвъ мѣстность и основываясь на томъ, что горцы дерутся упорно только тамъ гдѣ ихъ отступление совершенно обезпечено, я совѣтовалъ сдѣлать высадку прямо противъ завала, несмотря на его крѣпкій видъ, и держаться сколько можно дальше отъ лѣса, лежавшаго на его правомъ флангѣ. Въ 1837 году, когда мысъ Адлеръ былъ занятъ нашими войсками, я находился тогда въ плѣну, — разчитали иначе и понесли безъ нужды довольно значительную потерю, которой легко можно было избѣгнуть. Въмѣсто того чтобы прямо атаковать завалъ, противъ него открыли съ моря канонаду, а десантные войска направили въ лѣсъ, предполагая отвлечь этимъ способомъ вниманіе горцевъ отъ настоящаго пункта высадки, или раздѣлить по крайней мѣрѣ его силы. Между тѣмъ вышло совершенно противное. Горцы отъ огня нашей артиллеріи скрылись въ лѣсъ, и направленные противъ него войска встрѣтили въ немъ всю массу ихъ въ самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Завязалась драка въ непроходимомъ лѣсу, въ которомъ войска не видѣли другъ друга, не знали куда имъ идти и, подаваясь впередъ безъ связи, были встрѣчены превосходнымъ непріятелемъ отрѣзавшимъ часть стрѣлковой цѣпи. При этомъ былъ убитъ одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей того времени, Марлинскій (Александръ Бестужевъ), служившій офицеромъ, не помню именно въ какомъ полку.

Отъ Ардѣ-бея оставалось намъ сдѣлать послѣдній переѣздъ по непріятельской землѣ. Этотъ долгій, трудный и во всѣхъ отношеніяхъ опасный переѣздъ изобиловалъ весьма памятными для меня походами. Погода, благопріятствовавшая намъ съ самаго начала путешествія, перемѣнилась; съ моря дулъ холодный вѣтеръ; вода заливала часть бере-

говой дороги, а въ двухъ пунктахъ, какъ говорили Абазины, верста десять недоѣзжая до Гагръ и передъ самымъ укрѣпленіемъ, гдѣ скалы вдались въ море, прибой совершенно отнималъ возможность около нихъ проѣхать. Долго мы совѣтовались съ Карамурзинымъ, что для насъ мѣсто опасно, переждать ли погоду въ Ліешѣ или безъ промедленія искать проѣзда въ Абхазію. Каждый лишній часъ, проведенный въ этихъ мѣстахъ могъ накликать на насъ непредвидѣнную бѣду; безразсудно было полагаться безотчетно на счастіе, только потому что оно не измѣнило намъ до сего времени. Мы рѣшились ѣхать во что бы то ни стало. Сеферъ-бей безъ труда нашелъ между своими знакомыми двухъ человекъ, согласныхъ проводить насъ въ Гагры; всѣ отговаривались дурною погодой, близостію русскихъ войскъ и боязнію наткнуться на бродячія вокругъ разбойничьи шайки, невѣдомо какого племени, готовые при удобномъ случаѣ напасть и на своихъ. Аредъ-бей удерживалъ Карамурзина, предсказывая ему, что въ такую погоду онъ не проѣдетъ въ Абхазію, и на всякой случай поручилъ проводникамъ, если море залило дорогу, остановиться на ночь въ Гечъ-куаджѣ или въ Цондрыншѣ.

До первыхъ скалъ мы проѣхали безъ труда. Тутъ представилось первое затрудненіе: морская волна ударила съ силою въ ихъ подошву, обѣхать было невозможно, и мы перешли черезъ нихъ по головоломной тропинкѣ, рискуя упасть сами или уронить въ море нашихъ лошадей. Въ виду Гагръ проводники остановились, объявивъ рѣшительно, что далѣе вести насъ не могутъ. Отвѣсныя скалы перегораживали дорогу; прибой ударилъ въ нихъ съ оглушающимъ шумомъ. Въ гору вела едва примѣтная дорожка, про которую проводники увѣряли, что она въ недалекомъ разстояніи дѣлается невозможною для лошадей, а потомъ поворачиваетъ въ сторону и, сдѣлавъ огромный крюкъ, спускается къ укрѣпленію съ южной стороны. Проводники увѣряли также, что Русскіе имѣютъ обыкновеніе стрѣлять изъ орудій въ людей показывающихся возлѣ скалъ, и хотя не отказываютъ въ проѣздѣ Черкесамъ, имѣющимъ надобность до нихъ или доабхазскаго владѣтеля, но что для этого необходимо послать въ укрѣпленіе объясниться одного или двухъ человекъ: иначе насъ примутъ выстрѣлами. Пока мы еще совѣтовались что намъ слѣдуетъ дѣлать, надъ укрѣпленіемъ находившемся отъ насъ въ разстояніи восьми-

сотъ саженой, взвился дымокъ и вслѣдъ за нимъ восемнадцати-фунтовое ядро пролетѣло со свистомъ надъ нашими головами. Это очень не понравилось провожавшимъ насъ Абазинамъ, которые, посоветовавъ намъ закрыться скалами, требовали отъ Карамурзина чтобы онъ рѣшился, или ѣхать почевать въ одинъ изъ соседнихъ ауловъ, или немедленно послать кого-нибудь въ Гагры просить у коменданта пропуска; но сами они не хотѣли сдѣлать впередъ ни одного шага. Тембулатъ поручилъ идти въ укрѣпленіе имаму Хази и мнѣ, что мы немедленно исполнили. Имамъ Хази не соглашался оставить своей лошади, а поэтому и я не расстался съ своею. Сначала мы проѣхали нѣсколько сотъ шаговъ верхомъ, потомъ были принуждены спѣшиться, версты полторы прошли по тѣсной и крутой тропинкѣ, которая, удаляясь отъ моря, завела насъ въ высокій лѣсъ. Тутъ не было и слѣда дороги. Напрасно старались мы пробраться на гребень, за которымъ лежали Гагры; вездѣ представлялись намъ однѣ отвѣсныя скалы или скользкая крутизна, по которой не только наши лошади, но и мы сами не могли вскарабкаться на гору. Солнце погрузилось въ море, въ лѣсу настала совершенная темнота, и мы по неволѣ должны были вернуться назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остался Карамурзинъ. На другой день мы надѣялись быть счастливѣе и отыскать дорогу; къ тому же вѣтеръ могъ переѣзжиться ночью и доставить намъ возможность проѣхать въ укрѣпленіе мимо скалъ.

Къ нашему крайнему удивленію, мы не нашли Карамурзина тамъ гдѣ расстались съ нимъ, и полагая что онъ отправился ночевать въ Цондрыпшъ, находившійся верстѣ десять позади, поскакали его догонять. Около полудня неслись мы во всю прыть, въ надеждѣ увидать, по крайней мѣрѣ издали, нашихъ товарищей: береговая дорога, сжатая между моремъ и горами, покрытыми густымъ лѣсомъ, при яркомъ лунномъ свѣтѣ далеко открывалась нашимъ глазамъ. Все было пусто на ней. Наше положеніе становилось критическимъ. Безъ проводниковъ, не зная ни слова по-абазински, мы не могли ѣхать ни въ какой аулъ; на дорогѣ мы не могли также оставаться. Каждый встрѣчный былъ для насъ врагъ. Даже отъ одиночнаго человѣка мы не смѣли обороняться, потому что выстрѣлы около русскаго укрѣпленія могли быть приняты за тревогу и созвать къ намъ невѣсть сколько неприятелей. А потомъ какъ съ ними объясниться? О Ногай-

цахъ приморскіе Абазыны не имѣли никакого понятія; и если Абхазцы не задумались перебить незнакомыхъ имъ черкесскихъ хаджіевъ, то по какой причинѣ стали бы Абазыны жалѣть насъ? Къ довершенію бѣды обѣ наши лошади были свѣтло-серыя и при лунѣ видны издалека. Намъ непременно надо было спрятаться на ночь, поутру скакать къ Гаграмъ; возлѣ скалъ бросить лошадей, пѣшкомъ спастись въ укрѣпленіе и тамъ ждать извѣстія отъ Карамурзина. Но и скрыться было не легко; горы, примыкавшія къ морю, въ рѣдкомъ мѣстѣ позволяли втащить на нихъ лошадей. Не думая долго мы поѣхали опять назадъ отыскивать удобное мѣсто для ночлега и нашли его около небольшого ущелья. Вобразившись не безъ труда на покатость горы, шагахъ въ пятидесяти отъ береговой дороги, мы залегли въ лѣсу, который, къ несчастію, оказался довольно рѣдкимъ и не скрывалъ достаточно нашихъ свѣтлыхъ лошадей. Это заставило насъ привязать ихъ къ дереву въ одномъ мѣстѣ, а самимъ, вынувъ ружья изъ чехловъ и накрывшись бурками, лечь поодаль. Такимъ образомъ мы могли бы увидѣть приближающагося непріятеля и встрѣтить его изъ-засады. Нѣсколько времени мы пролежали въ такомъ положеніи, не видя никого и не слыша ничего кромѣ шума морскою волны, мѣрно ударявшей въ берегъ; потомъ стали долетать до насъ и другіе звуки: трескъ сучьевъ, удары топора и человѣческіе голоса. Нельзя было сомнѣваться, что не далеко отъ насъ, въ ущельи, находятся люди; но кто они: Тембулаты съ товарищами или чужіе, — это надо было сперва развѣдать съ величайшею осторожностью. Имамъ Хази остался караулить лошадей, а я, съ ружьемъ въ рукѣ, отправился рекогносцировать ущелье. Колочіе кусты, безпрестанно цѣплявшіеся за мою черкеску, не позволяли мнѣ скоро пробираться черезъ лѣсъ; кромѣ того необходимость идти безъ шума заставляла меня также ступать потихоньку, прислушиваясь и вглядываясь въ даль на каждомъ шагѣ. За первымъ поворотомъ скалы я увидѣлъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, небольшой огонь, около котораго мелькали людскія тѣни. Можно было подумать что это наши товарищи, захватившіе сюда ночевать; но въ этомъ надо было сперва удостовѣриться, чтобы не накликать на себя напрасно бѣды. Я легъ на землю и началъ подбираться къ нимъ ползкомъ. Колочки рвали на мнѣ черкеску, царапали грудь и руки; несмотря на боль, я продолжалъ подаваться впередъ,

избѣгая малѣйшаго шороха, пока мнѣ не удалось разпознать что тутъ не было лошадей, слѣдственно это не могъ быть Карамурзинъ. Около огня находились пять человѣкъ Абазинъ, которые, готовя ужинъ, и не воображали что такъ близко около нихъ поселились чужіе гости, представлявшіе хотя и не совершенно безопасную, но все-таки очень соблазнительную поживу лошадьми и оружіемъ. Также тихо и осторожно, какъ подобрался къ нимъ, вернулся я обратно къ имаму Хази. Непріятное сосѣдство открытыхъ мною Абазинъ заставляло насъ быть вдвое осторожнѣе. Усталость смыкала наши глаза; трудно было преодолѣть сонъ и, чтобы совершенно не измучиться, мы согласились караулить поочередно, сперва я, а потомъ имамъ Хази. „Смотри же, братъ, не спи; помни, что отъ хорошаго караула зависитъ наша жизнь; пожалуй, зарѣжутъ спящихъ какъ барановъ; эти Абазины ровно дикіе звѣри“, сказалъ мнѣ имамъ Хази, укутываясь въ бурку. Отбывъ свою очередь, не смыкая глазъ, я разбудилъ имама Хази, повторилъ ему его собственное наставленіе и тотчасъ заснулъ. Передъ разсвѣтомъ свѣжій вѣтеръ пахнулъ мнѣ въ лицо, я проснулся и тотчасъ посмотрѣлъ что дѣлаетъ имамъ Хази, не понимая почему онъ не разбудилъ меня раньше, какъ было условлено. Причина была самая основательная. Онъ лежалъ на спинѣ, стиснувъ ружье въ откинутой рукѣ, и храпѣлъ такъ громко, что развѣ одинъ шумъ морскаго прибоя не позволялъ слышать на берегу его легкаго сна. Я разбудилъ его хорошимъ толчкомъ. Мы поспѣшно стерли съ ружей росу, перемѣнили порохъ на полкѣ, вскочили на лошадей и понеслись къ Гяграмъ безъ оглядки. Зоркій глазъ имама Хази узналъ еще издали Карамурзина, товарищей его и проводниковъ, стоявшихъ на вчерашнемъ мѣстѣ, возлѣ скалъ. Увидавъ насъ Карамурзинъ вскрикнулъ отъ удивленія; онъ былъ увѣренъ, что мы еще наканунѣ пробрались въ укрѣпленіе, и поэтому отправился почевать въ лѣсу недалеко отъ того мѣста, на которомъ онъ съ нами расстался; мы же проѣхали назадъ гораздо дальше. Абазины проводники, узнавъ черезъ Тембулата подробности нашего ночнаго положенія, покачали только головой, прибавивъ, не каждому дается такое счастье уцѣлѣть на берегу при подобныхъ обстоятельствахъ; „видно Аллахъ васъ особенно хранить.“

Вѣтеръ сдѣлался потише, но море все еще шумѣло и прибой не позволялъ ѣхать мимо скалъ. Между тѣмъ самъ Ка-

рамуризмъ видѣлъ необходимость пробраться въ укрѣпленіе не теряя времени. Проводники во всемъ находили непреодолимыхъ трудности, морщились, подозрительно всматривались въ насъ и ни какъ не хотѣли намъ указать дороги черезъ гору. Сеферъ-бей Маршаній, хорошо знакомый съ привычками приморскихъ Абазинъ, тихомолкомъ шепнулъ Карамурзину не довѣряться указаніямъ проводниковъ и спѣшить въ Абхазію. Наконецъ проводники, уступая убѣжденіямъ Сеферъ-бея, сказали Тембулату, что если онъ никакъ не хочетъ или не можетъ выждать хорошей погоды, такъ есть еще путь въ Гагры, разумѣется, только для пѣшаго человѣка родившагося въ горахъ, который не боится что у него закружится голова и что ему измѣнятся ноги, и при этомъ указали на крутую, гладкую скалу отдѣлявшую насъ отъ Гагръ. Тутъ не было и слѣда дорожки. На протяженіи шести или семисотъ сажень скала подобно отвѣсной стѣнѣ, кое гдѣ изпещренной разсѣлинами и небольшими уступами, вдавалась въ море, съ шумомъ разбивавшееся объ ея подошву. „Дайте клятву, что здѣсь ходили люди,“ сказалъ имъ Тембулатъ. „Готовы присягнуть,“ отвѣчали проводники, „только повторяемъ, что для этого надо родиться въ горахъ,“ Въмѣсто отвѣта Тембулатъ подозвалъ къ себѣ Сеферъ-бея, поговорилъ съ нимъ наединѣ, приказалъ Ягызу и Ханафу принять всѣхъ лошадей, а мнѣ и имаму Хази посоветовалъ снять чевяки и засучить поговицы, что сдѣлалъ и самъ. Проводники слѣдили съ злобною улыбкой за нашими приготовленіями. Когда они кончились, онъ подозвалъ къ себѣ Абазинъ, одному подарилъ пистолетъ, другому кинжалъ, оправленные серебромъ. „Это вамъ на память за хорошее указаніе; а теперь смотрите какъ ходятъ по горамъ люди, которые въ нихъ родились. Пойдемъ!“ Босые, имѣя въ рукахъ ружья невынутые изъ чехловъ, потому что за плечомъ они только бы мѣшали, мы стали лѣзть по скалѣ пользуясь разсѣлинами и уступами, на которыхъ едва помѣщалась нога. Помогая другъ другу, то подачей руки, то ружьями, мы подавались впередъ шагъ за шагомъ, какъ позволяли трещины и уступы, о которыхъ я говорилъ, поднимались высоко въ гору, спускались къ самому морю обдававшему насъ брызгами волнъ, дробившихся о скалу, и наконецъ, послѣ трехъ-часоваго лазанья, добрались до Гагръ.

Можно вообразить съ какою радостію мы вступили на ровное мѣсто передъ укрѣпленіемъ. Комендантъ и весь гарни-

зонъ высыпали за брустверъ смотрѣть на наше путешествіе по гладкой скалѣ, между небомъ и моремъ. Въ первый разъ они видѣли людей идущихъ этимъ путемъ, и многіе не хотѣли вѣрить чтобы мы дошли, спорили и держали пари о томъ что конецъ намъ будетъ въ морѣ. Передъ укрѣпленіемъ встрѣтила насъ новая опасность, которою также нельзя было пренебрегать. Нѣсколько десятковъ огромныхъ гагринскихъ собакъ бросились къ намъ навстрѣчу, готовые насъ разорвать за нашу черкесскій костюмъ. Я крикнулъ солдатамъ чтобы остановили собакъ: это всѣхъ чрезвычайно озадачило. Когда ихъ уняли, комендантъ подошелъ къ намъ съ карауломъ и требовалъ, чтобы мы сложили оружіе. Мой отказъ исполнить его приказаніе привелъ его въ такое недоумѣніе что онъ не зналъ что и сказать, повторяя только: „да ты кто такой? да какъ ты не хочешь слушать моего приказанія?“ Между тѣмъ я вынималъ зашитое въ бешметѣ открытое предписаніе главнокомандующаго на Кавказѣ, передъ которымъ должны были умолкнуть всѣ его притязанія. Прочитавъ его нѣсколько разъ, будто онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, подполковникъ Малашевскій перемѣнилъ тонъ и попросилъ меня очень вѣжливо войти съ моими товарищами въ укрѣпленіе, въ которомъ я остановился у майора Марачевского, защищавшаго въ двадцать четвертомъ году такъ храбро владѣтельскій домъ въ Лехне. Марачевскій могъ меня угостить только чаемъ, которымъ я не пользовался въ теченіе шести съ половиною недѣль, проведенныхъ мною въ горахъ. Въ другихъ припасахъ онъ нуждался гораздо болѣе Черкесовъ. Вообще участь гагринскаго гарнизона была въ то время очень незавидна. Горы командовали укрѣпленіемъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой стороны оно примыкало къ морю. Черкесы били солдатъ изъ ружей внутри Гагръ, дрова и фуражъ доставались гарнизону не иначе какъ съ бою. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ кормился одною соловьиной и хлѣбомъ, крупною и картофелемъ. Овощи, свѣжее мясо и живность считались за величайшую рѣдкость. Женщинъ не существовало въ Гаграхъ; о нихъ знали только по преданію. Сухимъ путемъ Гагры не имѣли сообщенія съ Абхазіей и получали провіантъ моремъ въ извѣстные сроки. Въ мой пріѣздъ имѣлись въ укрѣпленіи изъ домашней птицы только одинъ пѣтухъ и двѣ курицы, изъ коихъ одна лишилась по этому случаю жизни. Участъ

солдатъ была бы еще тягостнѣе, еслибы не существовали огромныя собаки, приученныя открывать непріятеля, слѣдить за нимъ и караулить укрѣпленіе по ночамъ. Собаки получали казенный провіантъ и находились въ большой чести у солдатъ, которые никогда не покидали ихъ въ дѣлѣ; раненую собаку приносили нерѣдко въ укрѣпленіе на шинели и лѣчили въ лазаретѣ наравнѣ съ людьми. Собаки были до того приучены къ своему дѣлу, что при первомъ звукѣ барабана, призывавшаго къ сбору, собирались передъ командой долженствовавшею выйти изъ укрѣпленія, потомъ разсыпались впереди стрѣлковъ и открывали непріятеля засѣвавшего въ лѣсу. Во время дѣла нѣкоторые собаки, извѣстныя въ гарнизонѣ, храбро нападали на Черкесовъ. Послѣ вечерней зари собакъ выпускали за укрѣпленіе, около котораго онѣ съ удивительнымъ инстинктомъ составляли передовую цѣпь, облекая его со всѣхъ сторонъ. Вечеромъ, въ день нашего прибытія, Сеферъ-бей Маршаній привелъ благополучно въ Гагры Ягызъ и Ханафа съ лошадьми. Вѣтеръ дувшій съ берега позволилъ ему воспользоваться для этого путемъ мимо скалъ. На другой день мы поѣхали въ Абхазію, переправились черезъ Бзыбъ около устья, противъ укрѣпленія построеннаго генераломъ Л. въ видѣ бастіонированнаго треугольника. Мѣсто, на которомъ ходилъ весной баркасъ и потонулъ бѣдный Шакриловъ, совершенно обмѣлѣло, вода не доходила выше колѣна нашимъ лошадямъ. Подивившись формѣ укрѣпленія и пожалѣвъ о скучавшемъ тутъ гарнизонѣ, я утѣшилъ солдатъ надеждою на скорую смѣну, не сказавъ имъ только, что они будутъ обязаны ею Бзыбу, а не волѣ начальства. Мое предсказаніе сбылось: осенью рѣка вышла изъ береговъ и смыла редутъ; а гарнизонъ благополучно отступилъ въ Пицунду.

Въ Бамборахъ встрѣтили меня съ непритворною радостію два мои пріятеля, князь Михаилъ и генералъ Падовскій; имъ однимъ я повѣрилъ гдѣ я былъ и что дѣлалъ въ продолженіе моей четырехмѣсячной отлучки. Тембулатъ, имамъ Хази, Ягызъ и Ханафъ поѣхали въ Келассури къ Гассанъ-бею, у котораго они должны были прогостить до моего отъѣзда въ Тифлисъ. Слишкомъ двѣ недѣли я прожилъ въ Бамборахъ, занятый составленіемъ моихъ путевыхъ записокъ, а потомъ отправился въ Грузію. Проѣзжая черезъ Сухумъ, я счелъ нужнымъ побывать у командира эскадры, контръ-

адмирала Пана Христо, для того чтобы узнать не имѣтъ ли онъ чего передать главнокомандующему. Свѣжій вѣтеръ и сильное волненіе не позволили намъ долгое время пристать къ фрегату, на которомъ находился адмиралъ. Офицеръ правившій баркасомъ упрямился и не хотѣлъ причалить съ надвѣтренной стороны къ правому борту, на которомъ висѣлъ парадный трапъ. Нашъ баркасъ то опускался, то подымался; приходилось ловить это мгновеніе, вскакивать на трапъ и вбѣгать какъ можно скорѣе на палубу. Когда пришла моя очередь выходить, кто-то загородилъ мнѣ дорогу, баркасъ подняло волною и такъ сильно ударило о трапъ, что его нижняя часть отломилась, а я едва успѣлъ ухватиться за веревку. Моя нога попала при этомъ между ступенью трапа и бортомъ баркаса. Я успѣлъ сдѣлать прыжокъ поставившій меня на уцѣлѣвшіа ступени, и на одной ногѣ взошелъ на палубу; но тамъ я упалъ отъ невыносимой боли. Всѣ полагали, что моя нога раздроблена, но, къ счастью, у меня обнажилось только кость, оставшуюся въ цѣлости. Пролежавъ трое сутокъ на фрегатѣ, я отправился въ дорогу, не желая изъ-за ноги отложить моего возвращенія въ Тифлисъ, куда я прибылъ послѣ четырнадцатидневнаго путешествія подъ проливнымъ дождемъ, промокнувъ до костей и сильно хромя. Вниманіе ко мнѣ моихъ тогдашнихъ начальниковъ: барона Розена, Вольховскаго, добраго Ховсена, и дружба товарищей заставили меня скоро забыть труды и лишенія, которымъ я подвергался. Жаль только, что мало было обращено вниманія на доказательства, которыя я приводилъ противъ учрежденія на берегу Чернаго моря линіи небольшихъ укрѣпленій, мало способныхъ блокировать берегъ, но какъ нельзя болѣе удобныхъ для непріятеля держать ихъ самихъ въ постоянной блокадѣ. Происшествія сорокавого года и восточная война оправдали мое мнѣніе касательно черноморской береговой линіи. Покойный государь, Николай Павловичъ, обративъ особенное вниманіе на мои труды, приказалъ чтобъ и на будущее время разъясненіе вопросовъ относящихся до праваго фланга кавказской линіи было поручено мнѣ, а не другому. Мое желаніе воспользоваться этимъ повелѣніемъ, въ соединеніи съ обстоятельствами возникшими по вопросу о возвращеніи Карамурзину его владѣній, сдѣлалось завязкой моего плѣна, окончившагося въ тридцать шестомъ году, чрезъ два года, неожиданнымъ освобожденіемъ.

Какъ я сказалъ въ самомъ началѣ, Карамурзинъ согласился провести меня въ горахъ, если забудутъ все прошедшее и возвратятъ ему родовой аулъ, переселенный съ Кубани въ Саратовскую губернію. Основываясь на данномъ мнѣ правѣ, я согласился на это условіе и поручился ему въ точномъ исполненіи его именемъ правительства и собственною честью. Баронъ Розенъ принялъ моихъ проводниковъ ласково, объявилъ имъ полное прощеніе, осыпалъ ихъ подарками; но когда дѣло коснулось до возвращенія аула, то сталъ колебаться. Подобнаго примѣра не бывало еще на Кавказѣ. Гражданская канцелярія, въ которую дѣло поступило на разсмотрѣніе, въ своемъ бюрократическомъ возрѣніи нашла непреодолимые препятствія къ исполненію моего обѣщанія. Карамурзину стали предлагать другія награды. Онъ отказывался отъ всего, объявивъ что онъ взялся за мое дѣло только для того, чтобы своимъ дѣтямъ возвратить потерянное имъ черезъ бѣгство родовое достояніе. Между тѣмъ я самъ требовалъ буквального исполненія всего обѣщаннаго мною Карамурзину, доказывая что я говорю именемъ правительства, въ глазахъ горцевъ нераздѣльнаго съ лицомъ государя, котораго слово должно оставаться неизмѣннымъ; просилъ суда и взысканія съ меня, если я превысилъ данное мнѣ право, или позволенія вѣхать въ Петербургъ и повергнуть все дѣло на личный судъ Его Величества. Доброжелательный и въ высшей степени разсудительный баронъ Розенъ оцѣнилъ наконецъ настоящимъ образомъ причины побуждавшія меня, молодого офицера, къ такой настойчивости, и выпросилъ у государя разрѣшеніе возвратить Карамурзину его аулъ. Изъ хода дѣла Тембулатъ понялъ, сколько онъ въ этомъ случаѣ былъ мнѣ обязанъ, и далъ слово никогда не забывать того что я для него сдѣлалъ.

Два года спустя, онъ доказалъ что умѣетъ помнить добро и быть благодарнымъ.

VII.

Прохожу молчаніемъ всѣ мелочныя, непріятныя обстоятельства, предшествовавшія моему плѣну. Два года жизни потерянной, не по моей, а по чужой винѣ, даютъ мнѣ, кажется, право говорить; но къ чему подымать старое? Допускаю, что я испыталъ на себѣ только обыкновенный порядокъ вещей..

Когда я въ первый разъ брался пробѣхать въ горы около Чернаго моря, нашлись люди, усердно доказывавшіе положительную невозможность подобнаго дѣла, и заочно обвинявшіе меня въ самохвальствѣ и въ безразсудной самонадѣянности. Когда я исполнилъ дѣло, тогда тѣ же самые люди стали находить, что оно не заключало въ себѣ ни труда, ни опасности, и что я сдѣлалъ бы гораздо болѣе, пробѣжалъ бы гораздо дальше, еслибы послушалъ ихъ совѣта, а не упрямился дѣлать все по своему. Порученіе осмотрѣть въ 1836 году остальную часть морскаго берега отъ рѣки Сочи, на сѣверъ, до Гелленджика возлагалось на меня уже не мѣстнымъ начальствомъ, а по волѣ государя, обратившаго на меня свое монаршее вниманіе. Это обстоятельство задѣло за живую струну самолюбія нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей. Нельзя же было предоставить мнѣ одному всю честь предпріятія, дававшего удобный случай выслужиться и, передъ глазами государя, выказать свою опытность и умѣніе. Барона Розена опутали неосновательнымъ изложеніемъ обстоятельствъ и происками, противъ которыхъ, сознавая дѣльность моихъ предположеній, напрасно возставали генералъ Вольховскій и оберъ-квартирмейстеръ баронъ Ховенъ. Въмѣстѣ съ Карамурзинымъ, когда онъ еще гостилъ въ Тифлисѣ, я составилъ планъ новаго путешествія, въ которомъ онъ, хотя и не могъ быть моимъ проводникомъ, но долженъ былъ принять косвенное участіе, склонивъ своего пріятели Джембулата Айтеки, кемюрговскаго владѣтеля, способствовать моему намѣренію. Удача, которую я имѣлъ въ моихъ предыдущихъ путешествіяхъ, давала мнѣ право считать мои соображенія не совершенно ошибочными, и надѣяться что они не будутъ отвергнуты. Вышло иначе. Въ отвѣтъ на мои соображенія мнѣ было поручено въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, для исполненія воли государя, предпринять путешествіе къ черкесскому берегу, если я сохранилъ прежнее чувство самоотверженія, и вообще считаю его возможнымъ, съ проводниками по непосредственному выбору генерала *** , котораго опытность, знаніе обстоятельствъ, характера горцевъ и огромное на нихъ вліяніе, совершенно ручаются за мою безопасность и за успѣхъ предпріятія. При этомъ мнѣ было предложено также, во всемъ касающемся до моего путешествія, слѣдовать совѣтамъ и наставленіямъ этого

генерала. Громкая слава, которою онъ пользовался въ то время на Кавказѣ, не допускала съ моей стороны никакого возраженія противъ приписываемыхъ ему способствъ, дозволявшихъ доставить мнѣ ту матеріальную и нравственную помощь, безъ которой удача въ моемъ предпріятіи дѣлалась весьма ненадежною. Положеніе, въ которое меня поставили, не позволяло мнѣ отказаться отъ путешествія, хотя я ясно понималъ, что оно не можетъ имѣть полной удачи. Въ случаѣ отказа я давалъ поводъ думать, что предпринималъ мои первыя путешествія не понимая всей опасности ихъ, но познакомившись съ нею испугался, или что я жертвую пользою, которую въ состояніи принести чувству оскорбленнаго самолюбія, потому что меня поставили въ зависимость отъ другаго. Мое молодое честолюбіе не позволяло мнѣ оставить на себѣ и тѣни подобнаго подозрѣнія. Баронъ Ховенъ, если онъ живъ, навѣрное помнитъ съ какимъ предчувствіемъ я рѣшился тогда ѣхать. О томъ что я попадусь въ плѣнъ мнѣ не приходило въ голову; скорѣе всего я могъ ожидать что Черкесы меня убьютъ.

Въ маѣ я выѣхалъ изъ Тифлиса на кавказскія минеральныя воды и, по указанію генерала ***, провелъ на нихъ все лѣто. Мнѣ надо было прежде всего отростить бороду, безъ которой я не смѣлъ показаться въ горахъ. Въ концѣ августа я переѣхалъ, по его требованію, въ Прочный Окопъ и занялъ въ крѣпости ту же комнату, въ которой жилъ годъ тому назадъ. Вскорѣ послѣ того генералъ *** представилъ мнѣ будущихъ проводниковъ, кабардинскихъ абрековъ, князя Асланъ-Гирея Хамурзина, хаджи Джансеида и Асланъ-бека Тамбіева. Тембулата Карамурзина генералъ *** отстранилъ отъ этого дѣла и не совѣтовалъ мнѣ даже съ нимъ видѣться. Чтобы не подать повода обвинить меня въ несоблюденіи его совѣтовъ, если дѣло не удастся, я долженъ былъ подчинить себя въ этомъ случаѣ его волѣ. Условія, на которыхъ Кабардинцы принимали на себя обязанность провести меня въ горахъ, до меня не касались; они были заключены генераломъ ***, ручавшимся за вѣрность проводниковъ, а мнѣ слѣдовало только объяснить имъ куда я желалъ ѣхать. Первое свиданіе съ ними произвело на меня, сколько помню, не весьма благоприятное впечатлѣніе. Асланъ-Гирей меня тотчасъ оттолкнулъ. Сквозь его тихій и медленный разговоръ, сквозь полукрытые глаза и сдержанныя движенія проглядывала ко-

шачья натура тигра, прячущаго когти. Тамбиевъ, человекъ исполинскаго роста, съ незлобнымъ, но глупымъ лицомъ, молчалъ упорно; я замѣтилъ въ немъ безсознательную покорность волѣ Асланъ - Гирея. Одинъ хаджи Джансеидъ, дѣйствительно замѣчательный человекъ по своему уму и по храбрости, имѣлъ въ себѣ нѣчто располагающее въ его пользу. Одѣтый въ кольчугу, съ лукомъ и со стрѣлами, которыя въ то время употреблялись еще нѣкоторыми Черкесами, имѣвшими привычку драться съ непріятелемъ вблизи, онъ могъ служить типомъ азіятскаго воина среднихъ вѣковъ, какихъ удавалось встрѣчать крестоносцамъ. Хаджи Джансеидъ говорилъ за своихъ товарищей смѣло и ловко и ни разу не проговорился, сколько мои вопросы ни были сбивчивы. Казалось, они были откровенны въ своихъ намѣреніяхъ, и мнѣ оставалось только довѣриться имъ, какъ я довѣрился Карамурзину; но къ этому я не могъ себя приневолить. Въ самомъ хаджи Джансеидѣ были вещи, которыя мнѣ не нравились: въ разговорѣ онъ избѣгалъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, что вовсе не соответствовало его смѣлой натурѣ. Всѣ трое жили у Абазеховъ и, подобно Карамурзину, объявили готовность покориться и перейти на Урупъ, если имъ возвратятъ ихъ крестьянъ, захваченныхъ Русскими, когда они сдѣлались абреками. Генералъ *** сперва безусловно согласился на ихъ предложеніе, и они стали уже заготовлять на Урупѣ сѣно для своихъ стадъ; потомъ онъ объявилъ имъ, что они должны заслужить милость, которой домогаются, проводивъ меня прежде къ берегу Чернаго моря. Объ этомъ я ничего не зналъ, но по нѣкоторымъ признакамъ не хотѣлъ имъ вполне довѣряться. Генералъ ***, которому я высказалъ мои сомнѣнія, сталъ меня увѣрять въ противномъ, клялся, что онъ готовъ самъ съ ними ѣхать куда угодно, и хотя не успѣлъ успокоить меня положительно, но своею увѣренностію принудилъ меня отправиться съ ними въ дорогу. Во второе свиданіе съ ними были опредѣлены подробности нашего путешествія. Хаджи Джансеидъ не находилъ препятствія ѣхать со мною черезъ землю Абазеховъ къ устью рѣки Шахе и подняться потомъ по берегу моря до самаго Гелленджика, будто бы отыскивая турецкое судно для путешествія въ Мекку. Изъ Прочнаго Окопа я долженъ былъ переѣхать въ знакомое мнѣ съ прошедшаго года Чанлыкское укрѣпленіе, куда хаджи Джансеидъ обѣщалъ за мною заѣхать. Мамать-Кирей Лоовъ

согласился сопутствовать мнѣ въ должности переводчика; имѣя между Абазехами много непріятелей, онъ долженъ былъ скрываться отъ нихъ въ равной мѣрѣ со мною.

Тридцатаго августа Маматъ-Кирей и я перѣехали безъ конвоя съ Кубани на Чанлыкъ, несмотря на опасность подобнаго путешествія. Намъ было дороже всего оставить незамѣтнымъ образомъ русскую границу. Въ Вознесенскомъ укрѣпленіи мы прождали двое сутокъ, и потомъ, вмѣстѣ съ захваченными за нами Тамбіевымъ и хаджи Джансеидомъ, отправились къ Абазехамъ. Сѣвъ на лошадей въ десять часовъ утра, мы проѣхали, не оставляя сѣдла, весь день и всю ночь, для того чтобы до разсвѣта поспѣть въ домъ Джансеида, лежавшій за Сагуашею, на рѣчкѣ Вентухвѣ. Для того чтобы не встрѣтить Абазеховъ, караулившихъ свою границу со стороны Лабы, мы поѣхали не прямою дорогою, а описали огромную дугу, поднявшись сначала къ Мохошевскимъ ауламъ. Въ четвертомъ часу утра мы были на мѣстѣ, сѣдлавъ въ восемнадцать часовъ не менѣе ста шестидесяти верстъ; послѣдніе два или три часа мы скакали во весь опоръ, при чемъ были принуждены силой удерживать лошадей, рвавшихся одна передъ другою, несмотря на цѣлый день ѣзды безъ корма. Подобную силу и неутомимость можно найти только у добрыхъ черкесскихъ лошадей. На мѣстѣ ихъ выводили какъ слѣдуетъ, выдержали нѣсколько часовъ безъ корму, и черезъ пятеро сутокъ онѣ шли подъ нами также бодро, какъ будто никогда не дѣлали подобнаго перехода.

Домъ хаджи Джансеида стоялъ въ лѣсу, недалеко отъ маленькаго абазехскаго аула, отличаясь отъ всѣхъ сосѣднихъ построекъ своею прочностію и красивымъ видомъ. Семейныя помѣщенія, амбары, конюшни и одна кунахская для близкихъ друзей, были обнесены высокимъ частоколомъ, вмѣщавшимъ еще нѣсколько красивыхъ, раскидистыхъ деревьевъ, покрывавшихъ весь дворъ густою тѣнью. Все что я видѣлъ въ домѣ у Джансеида доказывало, что онъ далеко опередилъ своихъ соотечественниковъ въ умѣнь пользоваться удобствами жизни. Собраніе богатаго оружія, множество отличныхъ лошадей, значительныя стада барановъ и рогатаго скота, да около тридцати крѣпостныхъ семействъ, ставили его у Абазеховъ на ряду самыхъ зажиточныхъ людей. Хаджи Джансеидъ умелъ изъ Кабарды съ одною лошадыю и

ружьей за плечами и добылъ все, что имѣлъ, собственными трудами, разумѣется не плугомъ и не топоромъ, а съ шашкою въ рукахъ. Онъ былъ не знатнаго происхожденія и не принадлежалъ, какъ Тамбиевъ, къ числу первостепенныхъ кабардинскихъ узденей; но въ совѣтѣ и въ бою онъ бралъ не рѣдко верхъ надъ лучшими князьями, и горцы поручали ему обыкновенно начальство надъ своими военными сборищами въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Не было набѣга на линію, не было схватки съ русскими войсками, въ которыхъ бы онъ не участвовалъ. Семидесяти лѣтъ, весь покрытый ранами, онъ не зналъ усталости, скакалъ на выстрѣлы, гдѣ бы они ни слышались, и въ дѣлѣ, всегда впереди, увлекалъ своимъ примѣромъ самыхъ робкихъ. Въ это время на линіи каждому ребенку были извѣстны имена братьевъ Карамурзиныхъ, Асланъ-Гирея и Джансеида, отнимавшихъ сонъ и покой у взрослыхъ казаковъ. Два раза онъ ходилъ въ Мекку и каждый разъ на пути говорилъ съ Мегметъ-Алиемъ и съ Ибрагимъ-пашою, о которыхъ любилъ вспоминать, отдавая полную справедливость ихъ уму и дѣламъ, но нисколько не преувеличивая ихъ силы, отъ которой не ожидалъ никакого прока для горцевъ. Джансеидъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Русскіе современемъ возьмутъ верхъ надъ горцами, но считалъ это время достаточно отдаленнымъ для того чтобы самому умереть, не подчиняясь ихъ волѣ; дрался онъ противъ насъ, потомъ у что былъ мусульманинъ, потому что ставилъ выше всего независимость, и потому что война сдѣлалась для него непреодолимою привычкою. Онъ говорилъ мнѣ въ то время, что готовъ покориться Русскимъ изъ одной дружбы къ Асланъ-Гирею, которому генералъ *** отказывалъ въ возвратѣ крестьянъ его, если онъ, персдаваясь на нашу сторону, не увлечетъ за собою своего неразлучнаго товарища Джансеида. При этомъ случаѣ онъ мнѣ разказалъ происшествіе, заставившее Асланъ-Гирея бѣжать къ Абазехамъ. Характеризуя бытъ кавказскихъ горцевъ и находясь въ тѣсной связи съ моимъ плѣномъ и освобожденіемъ, этотъ разказъ долженъ получить мѣсто въ моемъ повѣствованіи.

Въ 1821 году, когда Алексѣй Петровичъ Ермодовъ однимъ рѣшительнымъ дѣломъ сломилъ сопротивленіе Кабарды, и большинство князей и дворянъ бѣжали за Кубань, уклоняясь отъ русскаго владычества, Асланъ-Гирею было отъ роду только двѣнадцать лѣтъ. Онъ уже дрался съ Рус

скими возлѣ своего отца и обращалъ на себя вниманіе Кабардинцевъ своею рѣдкою смѣлостію. Бесланъ Хамурзинъ, его отецъ, также покинулъ Кабарду, три года скитался въ горахъ, а потомъ сталъ просить пощады. Ермоловъ, зная что главный корень буйной непокорности существуетъ не въ народѣ, а въ дворянскомъ сословіи, взялъ за правило не допускать обратно въ Кабарду бѣглыхъ князей, а селить ихъ на Урупѣ, когда они покорялись. Тутъ былъ водворенъ и Бесланъ Хамурзинъ, съ возератомъ ему, въ видѣ особой милости, всего имуществва и крестьянъ, захваченныхъ у него въ Кабардѣ русскими войсками. Весьма вѣрный политическій расчетъ побудилъ Ермолова сдѣлать это исключеніе для Беслана, котораго вѣсь между бѣглыми Кабардинцами былъ такъ великъ, что съ примиреніемъ его, можно было надѣяться, всѣ они явятся съ повинною головою. Въ теченіе года собралось около него на Урупѣ не менѣе пяти тысячъ Кабардинцевъ, готовыхъ повиноваться русской власти. Имъ было позволено учредить у себя народное управленіе, въ головѣ котораго они сами поставили князя Беслана, выбравъ его валиемъ. На Урупѣ поселился также родной братъ Беслана, имѣвшій сына, по имени Аделъ-Гирей. Между нимъ и его двоюроднымъ братомъ Асланъ-Гиреемъ существовало съ дѣтства соперничество, нерѣдко доводившее ихъ до ссоры. Асланъ-Гирей былъ уменъ, пользовался отличною военною славой, но въ то же время слылъ въ народѣ злымъ и мстительнымъ хитрецомъ. Аделъ-Гирей, имѣя менѣе ума, но лучший нравъ, затемнялъ совершенно своего родственника дѣйствительно рѣдкою красотой. Перваго изъ нихъ всѣ боялись, второй пользовался общею любовью. Около того времени появилась на Лабѣ знаменитая красавица Гуаша-фуджа (бѣлая княгиня), сестра беслинеевскаго князя Айтеки Канукова. У Черкесовъ не скрываютъ дѣвушекъ; онѣ не носятъ покрывала, бываютъ въ мужскомъ обществѣ, пляшутъ съ молодыми людьми и ходятъ свободно по гостямъ; повтому каждый могъ ее видѣть и, увидавши, разслаблять ея красоту. Многочисленная толпа поклонниковъ окружала Гуашу-фуджу, и самые знатные князья домогались ея руки; но Кануковъ медлилъ выдавать ее замужъ, во первыхъ, потому что у Черкесовъ, несмотря на калымъ, платимый за жену по мусульманскому обычаю, рѣдко выдаютъ дѣвушку противъ воли, она же выбора еще не сдѣлала, а во вторыхъ, не являлся

еще человекъ равный ей по древности рода. Надо замѣтить, что Адыге въ этомъ случаѣ чрезвычайно разборчивы, и такъ далеко заходятъ въ своихъ понятіяхъ о чистотѣ происхожденія, что княжеское званіе сохраняетъ только сынъ отъ брака князя на княжнѣ, а сынъ происшедшій отъ князя и дворянки получаетъ названіе „незаконнаго—*тула*“. Оба Хамурзина, Адель-Гирей и Асланъ-Гирей, начали домогаться расположенія Гуаши-фуджи, и отцы ихъ, почти въ одно время, стали сватать ее за своихъ сыновей. Гуаши-фуджѣ правился Адель-Гирей, бывшій въ то же время другомъ ея брата; но такъ какъ Бесланъ былъ богатъ, пользовался значеніемъ у Русскихъ и сильнымъ вліяніемъ на Черкесовъ, да и сынъ его никогда не прощаль обиды, что всѣмъ было извѣстно, то казалось опаснымъ навлечь на себя ихъ вражду явнымъ отказомъ. Не зная какъ лучше рѣшить это дѣло, не доводя до несчастія сестру и не оскорбляя самолюбія Асланъ-Гирея, Кануковъ обѣщаль ему сестру условно: „если она будетъ согласна;“ а Адель-Гирею допустилъ увести ее будто бы силой, въ чемъ принялъ участіе всѣ Кабардинцы, не любившіе Асланъ-Гирея. У Черкесовъ обычай увозить невѣсту силой или обманомъ, когда родители не соглашались выдать ее добровольно, чрезвычайно распространенъ. Сутки, проведенныя дѣвушкой въ домѣ похитителя, дѣлають ее законною его женой; тогда никто не въ правѣ отнять ее у него, и дѣло кончается въ этомъ случаѣ третейскимъ судомъ, назначающимъ калымъ, который слѣдуетъ заплатить семейству. Можно себѣ вообразить бѣшенство Асланъ-Гирея, когда онъ узналъ о похищеніи Гуаши-фуджи, которая уже была для него потеряна; но за то онъ поклялся, что Адель-Гирей не долго будетъ пользоваться своимъ счастьемъ. Преслѣдуя вездѣ Адель-Гирея, скрывавшагося съ молодою женой, пока друзья обоихъ братьевъ старались, по черкесскому обыкновенію, примирить ихъ посредствомъ шариата, онъ отыскалъ его, напалъ и ранилъ выстрѣломъ изъ ружья. Адель-Гирей, обороняясь, ранилъ въ свою очередь Асланъ-Гирея. Кабардинцы, случившіеся при этомъ, разняли ихъ, прежде чѣмъ дѣло дошло до убійства. Асланъ-Гирей не хотѣлъ слышать о примиреніи и принялся послѣ того мстить всѣмъ приверженцамъ Адель-Гирея, помогавшимъ ему похитить Гуашу-фуджу. Отъ этого образовались на Урупѣ двѣ непріятельскія партіи, между которыми грабежи и

убійства сдѣлались всеневными происшествіями, непомѣрно умножившимися послѣ смерти валия Беслана Хамурзина, который при жизни своей служилъ еще нѣкоторую преградою метительности Асланъ-Гирея. Чтобы избавиться отъ вѣчной тревоги, въ которой онъ находился, будучи въ сосѣдствѣ своего двоюроднаго брата, Адель-Гирей бѣжалъ съ женою изъ-за Кубани къ Чеченцамъ, за Терекъ. У Черкесовъ поединокъ неизвѣстенъ. По ихъ понятіямъ глупо и смѣшно, получивъ оскорбленіе, дать еще обидчику возможность убить себя по установленнымъ правиламъ. Обиженный явно или тайно убиваетъ своего противника, какъ позволятъ случай и обстоятельства. При этомъ соблюдаются слѣдующія правила, которыми никто не смѣетъ пренебрегать подъ опасеніемъ неотразимаго стыда. Если обидчикъ случайно встрѣтитъ обиженнаго, то онъ не долженъ первый нападать, а въ правѣ только обороняться. Въ полѣ онъ обязанъ уступать ему дорогу, въ домѣ у посторонняго долженъ тотчасъ уходить, когда вошелъ обиженный. Нѣтъ обмана, нѣтъ вѣроломства, которыхъ бы сталъ гнушаться Черкесъ, когда дѣло идетъ объ отплатѣ за кровь отца, брата, сына, или за честь жены; въ этихъ случаяхъ нѣтъ ни суда, ни платы, могущихъ унять въ немъ жажду крови; одна смерть врага даетъ покой его душѣ. Озлобленный бѣгствомъ Адель-Гирея въ Чечню, Асланъ-Гирей убилъ его отца, своего роднаго дядю, и опасаясь взысканія за этотъ поступокъ со стороны русскаго начальства, бѣжалъ съ своими приверженцами къ Абазехамъ. Остальные кабардинскіе поселенцы, выжидавшіе только удобнаго случая освободиться отъ русскаго надзора, послѣдовали его примѣру и разбѣжались во всѣ стороны. Благодаря Гуашѣ-фуджѣ, Урупъ опустѣлъ, и за Кубанью появилось нѣсколько тысячъ самыхъ неугомонныхъ абрековъ, тревожившихъ день и ночь наши предѣлы. Въ 1834 г. генералъ *** былъ назначенъ начальникомъ кубанской кордонной линіи. Смѣлыми и удачными набѣгами на непріятельскіе аулы онъ успѣлъ навести такой страхъ на ихъ жителей, что они почти перестали тревожить линію, находясь въ вѣчномъ опасеніи за свои семейства и за свое собственное имущество. Лучшіе абреки-вожаки были перебиты въ стычкахъ съ нашими войсками, многіе изъ нихъ покорились, нѣкоторые, и это были самые опасные, съ упорствомъ продолжали свое кровавое ремесло. Между послѣдними отличались ловкостію и необык-

повеннымъ счастьемъ хаджи Джансеидъ и два князя, Асланъ-Гирей и Магометъ Атажукинъ. За каждый набѣгъ они платили генералу *** равно удачнымъ нападеніемъ на нашу границу. Наконецъ, казалось, счастье хотѣло увѣнчать полнымъ успѣхомъ старанія генерала *** водворить полное спокойствіе на линіи: Магометъ Атажукинъ, тяжело раненый въ правую руку, лишился возможности владѣть оружіемъ, я поѣхалъ въ Турцію лѣчить рану, а Джансеидъ и Асланъ-Гирей объявили готовность положить оружіе на условія, о которыхъ я уже говорилъ. Такимъ образомъ Асланъ-Гирей, потерявшій крестьянъ и все имущество, захваченныхъ Русскими, когда онъ бѣжалъ въ горы по поводу происшествій возбужденныхъ похищеніемъ Гуаши-фуджи, долженъ былъ черезъ меня получить ихъ обратно.

Пять дней прожилъ я съ Маматъ-Киреемъ у хаджи Джансеида, ожидая Асланъ-Гирея, разтѣзавшаго по какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ дѣламъ. Довкій и внимательный хозяинъ мой, въ продолженіе этого времени, успѣлъ дать моимъ мыслямъ совершенно другое направленіе, внушивъ мнѣ полное довѣріе къ себѣ и своимъ товарищамъ. Я сталъ положительно думать, что жизнь въ землѣ Абазеховъ, отъ которыхъ они, какъ чужіе, находились иногда въ довольно неспріятной зависимости, имъ надобна, и они поэтому предпочитаютъ покориться Русскимъ и, на первыхъ порахъ, оказать правительству услугу, могущую поставить ихъ въ хорошее положеніе. Весьма естественно, что предполагаемое путешествіе было главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Въ одинъ изъ этихъ разговоровъ Джансеидъ спросилъ меня, что я думаю дѣлать, если по несчастію Черкесы меня узнаютъ и захотятъ схватить. Находя его вопросъ весьма естественнымъ въ нашемъ положеніи, я отвѣчалъ ему, ничего не подозревая, что я не намѣренъ сдаваться и стану защищаться пока не убьютъ, что, я убѣжденъ, и они поступать такимъ же образомъ, и передъ отъѣздомъ дадутъ мнѣ въ томъ присягу, какъ сдѣлали въ прошломъ году Карамурзинъ и его товарищи. Хаджи отвѣчалъ, что онъ оправдываетъ мое намѣреніе и полагаетъ, что всѣ согласятся дать мнѣ желаемую присягу.

Восьмага сентября Асланъ-Гирей пріѣхалъ на Вентухву, извинился въ томъ что заставилъ меня такъ долго ждать, увѣряя что все время хлопоталъ по нашему дѣлу, весьма правдоподобно объяснилъ мнѣ причины не позволяющія ему само-

му ѣхать съ ними къ Сапсугамъ, и просилъ отправиться къ нему на Курджипсъ, для того чтобы доставить ему удовольствіе отпустить меня изъ своего дома въ дальній путь. Путешествіе Асланъ-Гирея могло дѣйствительно надѣлать слишкомъ много шуму въ горахъ и собрать около него толпу провожатыхъ, съ которыми мнѣ неловко было бы жить по дѣлнымъ недѣлямъ, не разставаясь ни днемъ ни ночью. Тамбиевъ имѣлъ у Сапсуговъ родственниковъ, Джансеидъ часто бывалъ на морскомъ берегу, ихъ привыкли тамъ видѣть, и они поэтому пользовались возможностью проѣхать со мною болѣе незамѣтнымъ образомъ чѣмъ Асланъ-Гирей. Онъ присоединилъ къ нимъ кромѣ того еще двухъ кабардинскихъ абрековъ, Шаугена и Маргусева, желавшихъ покориться русскому правительству. Всѣ расчеты Асланъ-Гирея были такъ вѣрны, всѣ его распоряженія такъ хорошо обдуманы, что я не находилъ повода сомнѣваться въ его откровенности и могъ только жалѣть о томъ, что генераль *** упустилъ изъ виду эти обстоятельства, принимая путешествіе къ Сапсугамъ за слишкомъ обыкновенное дѣло, въ которомъ слѣдовало только сѣсть на лошадь да ѣхать съ Асланъ-Гиреемъ, или какимъ бы то ни было другимъ нетрусливымъ абрекомъ. Ночью мы оставили домъ хаджи Джансеида и черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали въ аулъ Асланъ-Гирея, исключительно населенный бѣглыми Кабардинцами. Въ домѣ у него всѣ спали и нелегко было добудиться слугъ, долженствовавшихъ принять лошадей. Отъ нихъ Асланъ-Гирей узналъ о пріѣздѣ къ нему множества гостей, большею частию абазехскихъ старшинъ, наполнившихъ всѣ его кунахскія. Это обстоятельство казалось ему весьма непріятнымъ. Мамать-Кирею Лоову надо было ихъ столько же избѣгать какъ мнѣ самому; поэтому для насъ очистили особую избу возлѣ семейныхъ помѣщеній, отъ которыхъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, стараются удалять гостей. Тутъ мы должны были просидѣть весь день, почти взаперти, не показываясь на дворъ, для того чтобы нечаянно не столкнуться съ Абазехами. Меня они, правда, не знали, но за то Мамать-Кирей былъ имъ всѣмъ извѣстенъ, и многіе изъ нихъ имѣли противъ него кровную вражду. Время тянулось безъ конца; мы рѣшительно не знали что дѣлать. Нѣсколько разъ старый Черкесъ, довѣренный слуга Асланъ-Гирея, приносилъ намъ кушанье. Мамать-Кирей пытался завести съ нимъ раз-

говоръ, для того чтобы узнать подробно о томъ что происходитъ за стѣнами нашей избы, но мало въ этомъ успѣвалъ. Черкесъ отвѣчалъ на его вопросы очень коротко и сообщалъ ему только, что Абазехи, ссылаясь на разнесшійся слухъ, упрасиваютъ Асланъ-Гирея не покоряться Русскимъ, и что Асланъ-Гирей опровергаетъ этотъ слухъ всѣми силами. Это было въ порядкѣ вещей; до моего возвращенія изъ горъ никто не долженъ былъ знать ни о его сношеніяхъ съ генераломъ ***, ни о намѣреніи его переселиться на Урупъ. Съ каждымъ приходомъ старика Маматъ-Кирей удвоивалъ вопросы и, казалось, не всѣмъ что узнавалъ отъ него оставался доволенъ. Имъ овладѣло замѣтное безпокойство, увеличившееся къ вечеру до того, что я принужденъ былъ просить его откровенно высказать мнѣ, чего онъ опасается и чѣмъ такъ встревоженъ.

— Не вѣрю Кабардинцамъ, они злы и вѣроломны; вы ихъ не знаете еще, а я знаю ихъ насквозь. — Вотъ все чего могъ я отъ него добиться.

Оружіе было при насъ; лошади наши кормились вольно насъ за плетневою стѣной. Когда смерклось, Маматъ-Кирей, сдѣлавъ видимое усиліе, предложилъ мнѣ безъ всякихъ обиняковъ прорубить кинжалами плетень, отдѣлявшій насъ отъ лошадей, осѣдлать ихъ и бѣжать.

Это меня крайне удивило. Я спросилъ, зачѣмъ и куда бѣжать?

— Зачѣмъ? Чтобы спастись. — Куда? Конечно на Кубань

Я потребовалъ отъ Маматъ-Кирей положительнаго объясненія, и обѣщалъ согласиться на его предложеніе, если онъ укажетъ мнѣ факты, заставляющіе его предполагать, что насъ ожидаетъ измѣна. Я съ своей стороны ничего не зналъ; мое слово было дано; путь мой лежалъ къ берегу Чернаго моря, а не на Кубань. Что сказали бы обо мнѣ, еслибъ я бѣжалъ отъ мнимой опасности, и черезъ это бѣгство не только лишилъ бы себя возможности исполнить мое порученіе, но и самого Асланъ-Гирея побудилъ бы отказаться отъ задуманной имъ покорности, давъ ему предлогъ сказать, что онъ перестаетъ довѣрять тѣмъ, которые не хотятъ ему вѣрить. Мнѣ бы не простили моего испуга, не основаннаго ни на какихъ ясныхъ и положительныхъ доказательствахъ измѣны, и каждый удачный набѣгъ Асланъ-Гирея и его товарищей на нашу границу, каждаго убитаго ими Русскаго,

суали бы относить къ моей необдуманной боязливости. Маматъ-Кирей не могъ или не хотѣлъ сказать мнѣ ничего положительнаго; доказательства въ измѣнѣ, замышляемой Кабардинцами, онъ не имѣлъ, а повторялъ только, что не вѣрить имъ и не радъ всему дѣлу. Я самъ былъ ему не очень радъ, да нечего было дѣлать: разъ взявшись за дѣло надо было его исполнить безъ стыда, и неопредѣленные опасенія Маматъ-Кирей не должны были меня заставить отказаться отъ него. Не задумываясь я объявилъ, что остаюсь и сдѣлаю попытку спастись только тогда, когда буду имѣть опасность передъ глазами. „Дѣлай чтò хочешь, а право не хочется пропадать, я еще такъ молодъ“, сказалъ Лоовъ.

Ночью, часу въ одиннадцатомъ, къ намъ пришелъ Асланъ-Гирей съ четырьмя проводниками: Джансеидомъ, Тамбіевымъ, Шаугеномъ и Маргусевымъ. Время было ѣхать, для того чтобы до свѣту быть у Шаугена, откуда мы должны были продолжать путешествіе уже днемъ, не подвергаясь опасности между дальними Абазехами встрѣтить знающаго меня человѣка или кого-нибудь изъ Лоовыхъ непріятелей. Асланъ-Гирей проговорилъ со мною еще полчаса о нашемъ путешествіи, представилъ мнѣ двухъ новыхъ проводниковъ, поручая ихъ моему заступничеству передъ русскимъ начальствомъ, когда дѣло удастся, и убѣждалъ меня заботиться столько же о точномъ исполненіи сдѣланныхъ мною обѣщаній, сколько онъ заботится обо всемъ касающемся до моей безопасности. Асланъ-Гирей говорилъ со мною въ вѣтотъ вечеръ съ такою откровенностію о своихъ дѣлахъ вообще и въ особенности о затѣянномъ мною путешествіи, показывая столько дружеской заботливости обо мнѣ, что и каждый другой, находясь въ моемъ положеніи, повѣрилъ бы совершенно его искренности, даже еслибъ онъ прежде имѣлъ причины въ немъ сомнѣваться. Подавая мнѣ самъ оружіе, онъ спросилъ, позаботился ли я перемѣнить порохъ на полкахъ у ружья и пистолета, и совѣтовалъ никогда не забывать этой предосторожности. Когда я садился на лошадь, Асланъ-Гирей держалъ стремя, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „до скораго счастливаго свиданія.“ Признаюсь, безпокойство, отъ котораго я не могъ освободиться послѣ сцены съ Лоовомъ и его настойчиваго предложенія бѣжать на Кубань, теперь совершенно исчезло, разсѣянное спокойнымъ видомъ и добродушными словами Асланъ-Гирей. Нисколько не думая объ опасности, я

ѣхалъ беззаботно посреди моихъ проводниковъ. Маматъ-Кирей какъ переводчикъ и единственный человѣкъ, съ которымъ я могъ свободно говорить на русскомъ языкѣ, находился постоянно возлѣ меня. Прекрасная лунная ночь бросала яркій свѣтъ на дорогу, извивавшуюся надъ крутымъ берегомъ Курджипса. Часа полтора мы проѣхали не встрѣчая ни души. При выѣздѣ на одну изъ небольшихъ полянъ перерывавшихъ лѣсъ, черезъ который вела наша дорога, передъ нами появились два конные Черкеса; по обыкновенію они посторонились и стали ожидать пока мы проѣдемъ. Поравнявшись съ ними, Маматъ-Кирей нѣсколько разъ взмахнулъ плетью безъ всякой нужды, стараясь широкимъ рукавомъ черкесски закрыть себѣ лицо, ярко освѣщаемое луной. Я тотчасъ замѣтилъ это движеніе, наклонился къ нему и тихонько спросилъ, для чего онъ себя закрываетъ. Въ то же самое мгновеніе одинъ изъ встрѣчныхъ Черкесовъ громко назвалъ его по имени. „Это Тума Темботъ, сказалъ онъ,—братъ Адель-Гирей, онъ меня узналъ и зоветъ къ себѣ; не бойтесь ничего, мы пріятели, я ему что-нибудь налгу и догоню васъ въ скоромъ времени.“ Хаджи Джансеидъ также отсталъ. Тамбіевъ, Шаугенъ и Маргусевъ поѣхали со мною впередъ. Скоро мы углубились въ лѣсъ, въ которомъ дорога стала расходиться. Тамбіевъ попросилъ меня ломанымъ русскимъ языкомъ остановиться въ этомъ мѣстѣ и выждать Лоова, который иначе могъ съ нами разѣхаться. Черкесы, пользуясь остановкой, сошли съ лошадей и стали поправлять сѣдло. Между тѣмъ, не слѣзая съ лошади, я сталъ набивать мою трубочку, набивъ, взялъ чубукъ въ ротъ и принялся высѣкать огонь. Тамбіевъ подошелъ въ это время, попробовалъ подпругу у моего сѣдла и объявилъ, что ее надо подтянуть, потому что дорога пойдетъ въ гору. Не оставляя сѣдла я приподнял для этого ногу и продолжалъ свое дѣло. Вдругъ послышался за мною шумъ скачущей лошади и кто-то крикнулъ по-черкесски: „убыды!“ (держи). Невольнымъ образомъ я оглянулся. Въ то же мгновеніе двѣ сильныя руки схватили меня сзади за локти и стащили съ лошади. Кинжалъ, единственное оружіе, за которое я могъ еще взяться, былъ вырванъ изъ моихъ рукъ. Пораженный какъ громовымъ ударомъ я опомнился въ ту же минуту, даже не вскрикнувъ и только съ досады перекусилъ чубукъ. Я не хотѣлъ доставить Черкесамъ удовольствія видѣть Русскаго въ испугѣ.

Въ нѣсколько мгновеній съ меня сорвали оружіе и связали руки назадъ.

— Давай деньги и часы, закричали Черкесы.

— Ничего не отдамъ, берите силой что хотите, былъ мой отвѣтъ.

Меня обшарили, взяли часы и вытащили изъ-за пазухи сотню полумперіаловъ; потомъ вывели изъ лѣсу на небольшую поляну.

Садись! скомандовали Кабардинцы.

Спротивляться было бы смѣшно; я сѣлъ.

Они стали позади меня, вынувъ ружья изъ влагалищъ. Я слышалъ какъ курки щелкнули на взводѣ.

Весьма понятно если въ моей головѣ мелькнула мысль о смерти. Я полагалъ, что они меня завели къ Абазехамъ съ цѣлю, напугавъ сперва, убить за мои прежнія путешествія и этимъ способомъ пріобрѣсти новое значеніе между горцами. Въ двадцать шесть лѣтъ нелегко разстаться съ жизнью; но разъ пришелъ конецъ, и я хотѣлъ разстаться съ нею какъ слѣдуетъ русскому солдату. Сохраняя глубокое молчаніе я смотрѣлъ на луну. Признаюсь, никогда въ жизни она не казалась мнѣ такъ прекрасна, такъ свѣтла, какъ въ эту минуту. Всѣ воспоминанія прошедшаго, всѣ будущія надежды будто слились для меня въ одномъ ея лучѣ, послѣднемъ, который я полагалъ видѣть.

За мною свистнули, такой же свистъ отвѣтилъ изъ лѣсу, и скоро затѣмъ послышались шаги нѣсколькихъ лошадей. Черезъ пять минутъ передо мною остановился Маматъ-Кирей, блѣдный какъ полотно; губы его дрожали, лѣвая рука судорожно сжимала чехоль надъ прикладомъ ружья. Тума Темботъ съ своимъ товарищемъ стояли возлѣ него.

— Что прикажешь дѣлать? Пропадать съ тобою? проговорилъ Лоовъ едва слышнымъ голосомъ.—Оглянись, и ты поймешь.

Я оглянулся: четыре ружья мѣтили ему въ грудь.

— Что прикажешь дѣлать? снова заговорилъ Маматъ-Кирей.—Одно слово, одно движеніе въ твою пользу, и меня здѣсь убьютъ. Нарусскую сторону не смѣю идти: генералъ *** не повѣритъ, что я не знаю объ измѣнѣ, и прикажетъ меня повѣсить. Право, я не виноватъ! Вчера у Кабардинцевъ былъ совѣтъ, на которомъ рѣшили тебя захватить, а меня убить, чтобы я не помѣшалъ дѣлу. Тума Темботъ за меня вступился; тогда потребовали отъ него поруки въ томъ, что я не стану по-

перечить ихъ замыслу. Онъ ожидалъ насъ на дорогѣ, и ты самъ видѣлъ какъ меня съ тобою разлучили. Теперь я долженъ оставаться десять дней у Тембота, пока Кабардинцы успѣютъ угнать свои стада подальше отъ Русскихъ и переселить семейства въ глубину абазехскихъ лѣсовъ.

— Помоги ты не можешь мнѣ оказать, а погибать не захѣмъ! Напротивъ того, живи и помни, что Кабардинцы васъ Абазины ставятъ ни во что. Насчетъ твоей судьбы, когда ты явишься къ генералу ***, будь покоенъ. Я увѣренъ, что ты не зналъ объ измѣнѣ ихъ, и если они не станутъ противиться, дамъ тебѣ письмо въ доказательство твоей невинности.

Мамать-Кирей переговорилъ съ Кабардинцами объ этомъ дѣлѣ; Тума Темботъ принялъ съ горячностью его сторону. Они согласились на письмо, но не прежде десяти дней.

Потомъ спросили черезъ Мамать-Кирей, какой за меня будетъ выкупъ.

— Выкупъ? — Никакого!...

Мамать-Кирей отказался переводить, упрасивая меня не сердить Кабардинцевъ. Я настоялъ.

— Посмотримъ! отвѣчали они.—Теперь нечего разсуждать, пора ѣхать.

Тума Темботъ увезъ Лоова въ одну сторону. Меня посадили на лошадь, связали ноги ремнемъ и повезли въ противуположномъ направленіи внизъ по Курджипсу. Около часу ѣхали мы не говоря ни слова, потомъ остановились передъ низенькою плетневою избушкой; меня сняли съ лошади и ввели въ нее. Это была кунахская Асланъ-бека Тамбіева, у котораго я и прожилъ все время моего плѣна. Захватили меня Кабардинцы въ ночь съ девятаго на десятое сентября.

VIII.

Кунахская Тамбіева представляла видъ крайней бѣдности. Высокорослый Черкесь съ черною вклокоченною бородой, одѣтый въ грязное лохмотье, рабъ Тамбіева, напрасно раздувалъ огонь изъ сырыхъ дровъ, не хотѣвшихъ разгораться. Повременамъ онъ оставлялъ свою неблагодарную работу, для того чтобы съ дикимъ любопытствомъ осматривать меня съ ногъ до головы. Толстая служанка принесла плохой тюфякъ, подушку и стеганое одѣяло изъ синей бумажной матеріи,

положила все это въ углу кунахской, а Тамбіевъ очень вѣжливо попросилъ меня воспользоваться необходимымъ мнѣлокоемъ. Къ чести Черкесовъ могу сказать, что они избѣгали дѣлать мнѣ грубости и соблюдали въ отношеніи меня правила вѣжливости, какія у нихъ хозяева соблюдаютъ въ отношеніи къ гостю. Меня схватили не въ открытомъ бою, а заманивъ къ себѣ обманомъ; поэтому я считался у нихъ не обыкновеннымъ плѣннымъ, а гостемъ по неволѣ. Прибавлю, что они завладѣли мною въ лѣсу, а не подъ кровлею кунахской, во время сна, — хотя послѣднее было гораздо легче, — для того чтобы не нарушить правилъ гостепріимства предписывающихъ беречь гостя, переступившаго черезъ порогъ, нуще своего глаза.

Можно себѣ представить въ какомъ состояніи я провелъ первую ночь моего плѣна, не смыкая глазъ. Мысли толпились въ головѣ, и искалъ выхода изъ моего положенія и не находилъ его: на выкупъ я не надѣялся, зная неограниченную алчность горцевъ; бѣгство было невозможно на первыхъ порахъ; его надо было приготовить въ теченіе долгаго времени. Я чувствовалъ себя въ силахъ перенести всѣ физическія страданія, недостатокъ и лишенія, но никакъ не могъ помириться съ мыслию, что долженъ буду повиноваться людямъ, которыми привыкъ всегда повелѣвать, когда не имѣлъ ихъ передъ собою въ открытомъ бою. Тамбіевъ ночевалъ вмѣстѣ со мною; платье онъ у меня отобралъ и спряталъ къ себѣ подъ изголовье. Бечиръ, такъ назывался чернобородый рабъ Тамбіева, всю ночь не спалъ, возился около огня и глядѣлъ на меня безсмысленными глазами.

На другой день мнѣ подавали кушанье какъ бы гостю; Асланъ-бекъ церемонился, долго отказывался садиться за столъ вмѣстѣ со мною и безпрестанно извинялся въ томъ, что не можетъ угостить меня лучше, сдѣлавшись бѣднякомъ благодаря Русскимъ, отнявшимъ у него въ Кабардѣ его крестьянъ, стада, табуны и все прочее имущество. При этомъ случаѣ онъ повторилъ вопросъ, сколько, я полагаю, за меня дадутъ выкупа, и я опять отвѣтилъ: „ни одного цѣлковаго.“ Это ему крайне не понравилось.

— Тѣмъ хуже для тебя; ты здѣсь пропадешь!

— И для тебя не лучше!

Я замолчалъ, и послѣ того каждый разъ, когда Тамбіевъ заводилъ рѣчь о выкупѣ, старался переменить разговоръ. Видя что изъ меня нельзя ничего выпытать, онъ

легъ на солнцѣ передъ кунахской и весь день пѣлъ пѣсни, наигрывая на черкесской двухструнной балалайкѣ, называемой: *пиинперг*. Онъ былъ страстный музыкантъ и долго не выпускалъ изъ рукъ этого инструмента. Такимъ образомъ прошло трое сутокъ. Оба мы думали: онъ, какъ бы добиться самаго богатаго выкупа за меня, а я, какимъ способомъ освободиться, не давъ Кабардинцамъ воспользоваться плодами ихъ поэмъ. Тамбиевъ, кабардинскій уаркъ (дворянинъ), гордившійся своимъ древнимъ родомъ, спросилъ меня, кажется, на другой же день, пользуюсь ли я только правами дворянина по званію офицера, или я родился дворяниномъ. Узнавъ, что съ незапамятныхъ временъ мои предки считались дворянами, онъ нашелъ неприличнымъ принуждать меня къ работѣ.

На четвертый день мнѣ было суждено подвергнуться самому тяжкому испытанію, неизбежному для каждаго плѣнника у Черкесовъ. Меня ожидали цѣпи. Тамбиевъ собирался уѣхать изъ дому на нѣсколько дней, и по этой причинѣ отдалъ меня караулить отцу Бечира, восьмидесятилѣтнему старику Мурзахю, къ которому въ жилье перенесли мою постель. Когда я утѣлся на своемъ мѣстѣ, онъ подошелъ ко мнѣ съ длинною и тяжелою цѣпью, кончавшеюся желѣзнымъ кольцомъ. Я этого не ожидалъ. Бѣшенство овладѣло мною. Устремивъ глаза на кинжалъ и пистолеть, я сдѣлалъ движеніе чтобъ схватить ихъ. Тамбиевъ, пристально глядѣвшій мнѣ въ глаза, во время замѣтилъ мое намѣреніе, отступилъ шагъ назадъ, отстегнулъ поясъ съ оружіемъ, выбросилъ его за двери и кликнулъ людей. Изба наполнилась тотчасъ народомъ. Тогда онъ опять подошелъ ко мнѣ съ цѣпью, уговаривая меня ломаными русскимъ языкомъ не сопротивляться безъ проку. Рѣчь его имѣла слѣдующій смыслъ: „зачѣмъ ты хочешь напрасно сопротивляться: ты одинъ, а Черкесовъ здѣсь много. Не огорчайся тѣмъ, что я хочу тебя приковать. Еслибы ты былъ дѣвка, такъ мы отдали бы тебя караулить женщинамъ; но ты мужчина, у тебя есть усы и борода, мы тебя обманули и ты самъ будешь стараться обмануть насъ; мужчину, который родился не рабомъ, можно удержать въ неволѣ однимъ желѣзомъ.

Противъ числа и силы нечего было бороться; меня приковали за шею.

Около двухъ недѣль я пролежалъ въ этомъ положеніи, не

помня что происходило вокругъ меня. Мурзахай, въ молодости своей ходившій въ Астрахань, былъ сѣдельный мастеръ и безпрестанно занимался своею работою. Помню только, разъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „все ли царствуетъ въ Россіи старая матушка Екатерина?“ Всѣ бывшія послѣ нея перемѣны не доходили до его слуха. Жена Мурзахая, старушка однихъ лѣтъ съ нимъ, ухаживала за мною съ величайшимъ добродушіемъ и не переставала подчивать меня просомъ и квашенымъ молокомъ, за неимѣніемъ другихъ припасовъ. Бечиръ былъ ея сынъ; подъ его дикою, косматою наружностью скрывались доброе сердце и весьма кроткій нравъ; за то второй братъ его, Магометъ, лѣтъ восемнадцати отъ роду, готовившійся быть муллою, имѣлъ скрытный и злобный характеръ. Я вспоминаю объ этихъ людяхъ потому, что прожилъ съ ними болѣе двухъ лѣтъ, встрѣчаясь ежедневно; при чемъ Магометъ сильно испытывалъ мое терпѣніе.

Тамбиевъ вернулся домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Кабардинцы успѣли переселиться и угнать въ горы свои стада, пасшіяся на плоскости, прежде чѣмъ генераль *** могъ узнать объ измѣнѣ ихъ; но насчетъ моего выкупа дошли до нихъ самые неблагоприятные слухи. Тембулатъ Карамурзинъ первый увѣдомилъ его объ измѣнѣ Кабардинцевъ, захватившихъ меня въ ожиданіи огромнаго выкупа. „А! сказалъ ему генераль ***,—они хотятъ за него серебра да золота; ни одного золотника не дамъ; за то стану ихъ подчивать свинцомъ да ядрами болѣе чѣмъ они ожидаютъ.“

Генераль ***, усмиривъ Черкесовъ, жившихъ между Кубанью, Сагуашею и горами, сталъ ходить съ войсками и за Сагуашу, сколько [позволяли неимоверно густые лѣса и частое абазехское населеніе. Набѣги къ Абазехамъ могли имѣть удачу только осенью и зимой, когда въ Сагуашѣ открывались броды на всемъ ея протяженіи, и покрытый листьями лѣсъ не скрывалъ болѣе непріятеля отъ атакующихъ войскъ. По этой причинѣ пограничные Абазехи на зиму уходили съ береговъ Курджипса и Сагауши въ глубину лѣсовъ, и строили себѣ временные аулы по неприступнымъ оврагамъ, лежавшимъ далеко въ сторонѣ отъ дорогъ, удобныхъ для движенія артиллеріи, безъ которой нельзя было къ нимъ ходить. Лѣтомъ недостатокъ воды принуждалъ ихъ снова переселяться на берега большихъ рѣкъ; но тогда они

жили около нихъ, не безпокоясь, подъ защитою полководія и непроницаемой зелени своихъ вѣковыхъ лѣсовъ. Переселеніе съ рѣкъ начиналось обыкновенно послѣ жатвы, прямо перевозимой въ лѣсъ. Спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Тамбіева, въ аулѣ поднялся непривычный шумъ: со всѣхъ сторонъ раздавались крики, удары топора и мычаніе скотины. Лежа въ самомъ отдаленномъ углу Мурзахаевой избушки, я не могъ видѣть что происходитъ на дворѣ, и сначала не понималъ что это значитъ. Передъ вечеромъ Мурзахаево семейство принялось укладывать свои бѣдные пожитки и выламывать двери, окно и столбы, подпиравшіе крышу избушки. Когда наступила глубокая темнота, весь аулъ пришелъ въ движеніе. Меня посадили на арбу, запряженную парюю воловь, вмѣстѣ съ дѣтьми Тамбіева, мальчикомъ и дѣвочкой, лѣтъ пяти и одиннадцати. На другой арбѣ находились жена его съ двумя служанками. Возлѣ насъ, сколько позволяла разсмотрѣть темнота, можно было видѣть множество арбъ, на которыхъ мелькали бѣлыя женскія покрывала, и откуда слышались свѣжіе дѣтскіе голоса. Со скрипомъ свойственнымъ азіатскимъ повозкамъ, у которыхъ не смазываютъ колесъ, мы потянулись длинною вереницей по самой дурной кочковатой дорогѣ, какую только можно себѣ представить. Потѣздъ провожали по обѣ стороны пѣшіе и конные Черкесы. Октябрьская ночь, сырая и холодная, скрывала наше путешествіе предпринятое ночью, для того чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ арбянаго пути, ведущаго къ мѣсту переселенія. Она осталась мнѣ очень памятна, потому что я давно не страдалъ такъ отъ холода, не имѣя рѣшительно чѣмъ прикрыть себя. Кабардинцы, захвативъ меня въ лѣсу, обобрали всѣ мои вещи кромѣ платья; но послѣ того Тамбіевъ, самый бѣдный изъ нихъ, сталъ понемногу и его отнимать у меня, и въ ночь переселенія я имѣлъ на себѣ лишь бешметъ да холщевое исподнее платье.

Передъ утромъ, арбы остановились въ глухомъ лѣсу, на днѣ глубокаго оврага, по которому протекалъ небольшой ручей. Меня положили возлѣ толстаго дерева, обмотали около него цѣпь и закрѣпили ее большимъ висячимъ замкомъ. Около этого дерева я провелъ болѣе десяти дней подъ открытымъ небомъ, прикрытый отъ вѣтра и дождя' какою-то старою буркой. Первый день разбирали привезенное имущество и дѣлали навѣсы для женщинъ и для дѣтей кое изъ чего:

изъ сучьевъ, соломы, ковровъ, бурокъ. На другой день съ ранняго утра застучали топоры по деревьямъ; Черкесы принялись вырубать лѣсъ и строить дома. Сооруженіе это не требовало большого труда. Установили рядъ столбовъ образующихъ паралелограмъ, отъ десяти до пятнадцати шаговъ въ длину и восемь или десять шаговъ въ ширину, промежутки между этими столбами забрали плетнемъ, обмазаннымъ глиной перемѣшанною съ рубленною соломой, на столбы положили балки для утвержденія на нихъ стропиль, крышу покрыли камышомъ или соломой, и домъ готовъ. Потолка и деревянныхъ половъ не было. Въмѣсто пола служила земля, убитая глиной съ пескомъ. Лицевая сторона дома обозначалась дверьми и небольшимъ окномъ, помѣщаемыми по обоимъ концамъ стѣны; между ними устраивалось полукруглое углубленіе въ землѣ, которое замѣняло собою очагъ, съ привѣшенною надъ нимъ высокою плетневою трубой. Возлѣ окна, вдоль короткой стѣны, полъ имѣлъ небольшое возвышеніе; это было почетное мѣсто, предназначенное для гостей. Тамбіевъ, не считая ятотъ родъ постройки достаточно прочнымъ, для того чтобы уберечь меня отъ попытокъ къ моему освобожденію, срубилъ кунахскую для меня изъ толстыхъ бревенъ, и прислонилъ къ ней свою собственную избу. Когда меня перемѣстили изъ-подъ дерева въ новую постройку, стѣны были совершенно сырыя, дымились и наполняли чадомъ избу, когда въ ней разводили огонь. Я этого не выдержалъ и сильно заболѣлъ желчною горячкою. Не помню, право, сколько времени я пролежалъ безъ памяти; помню только, что цѣпь меня давила, не позволяя шевельнуться на постели; Черкесы не вѣрили тому что я болѣлъ, считали болѣзнь мою притворною и крѣпче притягивали цѣпь, для того чтобы я не ушелъ. Долго я ничего не вѣлъ; тогда Мурзахаева старушка поила меня горячимъ молокомъ съ медомъ; не знаю полезное ли это средство противъ горячки, но въ одно утро я пришелъ въ себя и потомъ началъ мало-по-малу поправляться. Въ это время Тамбіевъ прибавилъ къ лохмотьямъ, которыми я прикрывался, какую-то старую черкеску; рубашки у меня не было уже давно.

Едва я оправился отъ болѣзни, какъ для меня наступила новая бѣда. Въ теченіе ноября и декабря генералъ *** принялся тревожить Абазеховъ безпрестанными набѣгами. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги; раздавался крикъ: „Русскіе идутъ!“

и весь аулъ поднимался на ноги; женщины, дѣтей, скотину и что могли изъ вещей спасали въ лѣсъ; вооруженные Черкесы стремглавъ бросались въ ту сторону, откуда, полагали, подходятъ войска. Босой, въ цѣпяхъ, я былъ принужденъ вмѣстѣ съ семействомъ Тамбіева уходить въ лѣсъ и проводить въ немъ на снѣгу по цѣлымъ часамъ, изнемогая отъ холода и отъ усталости, пока не давали знать что нѣтъ опасности. Сдѣны происходившія около меня были также не утѣшительны; полуодѣтыя, испуганныя женщины, терявшія въ суматохѣ дѣтей, метались во все стороны, отыскивая ихъ съ громкимъ крикомъ; другія рыдали надъ дѣтьми, которыхъ не знали какъ обогрѣть и чѣмъ прикрыть. Рабы и служанки, проклиная судьбу, сгоняли скотину и таскали огромныя ноши вещей. Не было проклятія, котораго бы не доставалось на долю гяуровъ. Тамбіевъ, уѣзжавшій съ Черкесами въ ту сторону откуда угрожала опасность, заставлялъ трехъ человѣкъ караулить меня. Они спали въ моей избѣ. Цѣпь была протянута сквозь стѣну въ примыкающее къ ней помѣщеніе, занимаемое Тамбіевымъ, его женой и дѣтьми. Ночныя тревоги, сопровождаемыя необходимою скрываться въ лѣсу, были для меня очень мучительны; но я скрывалъ страданія и, не говоря ни слова, покорялся требованіямъ караульныхъ, зная что только полнымъ пренебреженіемъ физической боли и равнодушіемъ къ опасности можно было заслужить уваженіе Черкесовъ. По характеру и по расчету я поставилъ себя за правило не переносить отъ нихъ также ни малѣйшаго нравственнаго оскорбленія, и въ этомъ отношеніи совершенно достигъ своей цѣли. Караульные мои, двое слугъ Тамбіева и одинъ наемный Абазехъ, вздумали для своей забавы будить меня ночью, безъ нужды, крикомъ: „Русскіе идутъ, въ лѣсъ пошелъ!“ заставляли выходить на холодъ и потомъ возвращали въ избу, объявляя со смѣхомъ что они только пошутили. Когда они попытались еще разъ повторить эту продѣлку, мой рѣшительный отказъ исполнить ихъ требованіе озадачилъ ихъ до того, что они не осмѣлились дальше настаивать. На другой день я грѣлся возлѣ огня на предоставленномъ мѣѣ, несмотря на оковы, почетномъ мѣстѣ въ кунахской; Тамбіевъ сидѣлъ недалеко съ неразлучнымъ *пшинперомъ* въ рукахъ. Одинъ изъ караульныхъ разказывалъ ему ночное происшествіе, жалуясь на

мое упрямство. Принявъ грозный видъ, Тамбиевъ обратился ко мнѣ:

— Когда караулъ ночью твоя скажи: о дрова пошелъ! твоя сейчасъ не работай, я скажи Бечиръ, Магометъ, твоя урубь. (Когда караульные прикажутъ тебѣ ночью въ лѣсъ идти, и ты тотчасъ этого не исполнишь, такъ я прикажу Бечиру и Магомету бить тебя.)

Тамбиевъ не успѣлъ еще договорить, какъ въ моей рукѣ очутилось горящее полѣно.

— Еще одно слово, закричалъ я Асланъ-беку,—и я ударю тебя этимъ полѣномъ по глазамъ. Меня убьютъ послѣ того, а ты останешься на всю жизнь слѣпымъ. Знай, что я могу все перенести,—цѣпи, голодъ, стужу, но не вытерплю обиды. Если кто бы то ни былъ осмѣлится поднять на меня руку, и я не успѣю его задушить на мѣстѣ, такъ я ночью зажгу крышу и сгорю вмѣстѣ съ тобою и со всѣмъ твоимъ семействомъ.

Тамбиевъ поблѣднѣлъ, но не тронулся съ мѣста и смотрѣлъ мнѣ только пристально въ глаза. Кажется, выраженіе ихъ убѣдило его, что я думаю такъ какъ говорю.

— Брось полѣно! сказалъ онъ, перемѣнивъ сердитое выраженіе лица:—тебя никто не тронетъ; я такъ только, въ сердцахъ, сказалъ тебѣ это. Ты дворянинъ, я знаю. У Черкесовъ дворянина можно убить, но не позволено бить. Очень радъ, что и у Русскихъ тотъ же законъ.

Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ ни одного оскорбительнаго слова отъ Асланъ-бека и ни отъ кого-либо изъ его домашнихъ. Своимъ рабамъ и караульнымъ онъ запретилъ шутки со мною, приказавъ имъ обращаться ко мнѣ съ своими требованіями вѣжливо и почтительно, а меня просилъ покоряться необходимости, не возбуждая ихъ злобы. Абазехи, которымъ онъ разказалъ какимъ образомъ я встрѣтилъ его угрозу, стали смотрѣть на меня совершенно иными глазами и даже, хотя съ трудомъ, воздерживались называть меня гяуромъ, такъ какъ я говорилъ имъ, что гяурами можно считать только невѣрующихъ въ единого Бога, а я, какъ христіанинъ, ему вѣрю и кромѣ того не ѣмъ свинины. Это послѣднее, дѣйствительно справедливое обстоятельство, очень ихъ обрадовало, позволяя имъ смотрѣть на меня какъ на существо, съ которымъ мусульманинъ можетъ водиться не опасаясь оскверненія. Тамбиевъ, какъ я узналъ въ послѣдствіи,

освѣдомлялся объ этомъ даже у Карамурзина и очень былъ доволенъ, узнавъ, что онъ никогда не видалъ у меня на столѣ мяса отъ этого нечистаго животнаго.

Въ концѣ декабря Тамбіевъ объявилъ мнѣ съ озабоченнымъ видомъ, что Асланъ-Гирей и хаджи Джансеидъ пріѣхали въ аулъ и желаютъ со мною переговорить о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Въ первый разъ послѣ несчастной ночи девятаго сентября мнѣ приходилось встрѣтиться съ ними. Свиданіе было приготовлено въ кунахской у посторонняго Кабардинца. Тамбіевъ, надо замѣтить, очень ихъ боялся и содержалъ меня гораздо хуже чѣмъ они желали. Онъ нарядилъ меня на этотъ разъ въ хорошую черкесску, далъ новую шапку, чевяки, совѣтовалъ подстричь бороду, и просилъ переговорить что онъ отнял у меня все платье. Асланъ-Гирей встрѣтилъ меня не какъ плѣннаго, а какъ гостя. Когда я вошелъ въ кунахскую, всѣ поднялись и сѣли не прежде чѣмъ я занялъ мѣсто на приготовленной для меня подушкѣ. Асланъ-Гирей и хаджи Джансеидъ были видимо смущены и, потупивъ глаза, не знали съ чего начать разговоръ. Я первый обратился къ нимъ съ просьбой объявить мнѣ дѣло побудившее ихъ пріѣхать ко мнѣ, прибавивъ что, они могутъ быть увѣрены, я не стану ихъ осыпать бесполезными упреками или безсильною бранью за поступокъ со мною, считая для себя недостойнымъ наносить оскорбленія, за которыя мнѣ, безоружному, вѣроятно не станутъ мстить. Что же касается до сдѣланнаго мнѣ зла, то расчетъ за него поведутъ Русскіе не словами, а дѣломъ. Бѣглый казакъ Брагуновъ исполнялъ обязанность переводчика. Они получили черезъ Карамурзина для передачи мнѣ, отъ имени генерала ***, табаку, чаю, сахару и шубу, въ которой я очень нуждался. Больше всего возбуждала ихъ любопытство приложенная къ этимъ вещамъ записка, писанная на нѣмецкомъ языкѣ, которой никто не могъ поэтому прочитать. Брагуновъ читалъ по-русски, въ горахъ находились два Черкеса знавшіе по-французски, бывъ воспитаны въ Парижѣ по волѣ Али Паши египетскаго, ихъ господина, отъ котораго они освободились черезъ русское посольство, и потомъ, вернувшись на Кавказъ, бѣжали къ своимъ, но по-нѣмецки никто не понималъ у горцевъ. Долго они возили эту записку ко всѣмъ эфендіямъ, показывали ее Брагунову, Черкесамъ, знавшимъ по-французски, и наконецъ рѣшились вывѣдать ея содержаніе

отъ меня самого. Она мнѣ была передана съ замѣчаніемъ, что для меня можетъ выйти очень худое дѣло, если я не скажу всей правды. Генералъ *** ободрялъ меня имѣть терпѣніе, обѣщая употребить всѣ средства къ моему освобожденію, и совѣтовалъ мнѣ не отнимать у нихъ надежды на хорошій выкупъ, изъ опасенія озлобить ихъ до такой степени что они рѣшатся убить меня. Я разказалъ имъ поэтому, что генералъ *** подастъ мнѣ надежду на выкупъ, если они не станутъ требовать невозможнаго. Посовѣтовавшись, какъ водится, съ Тамбіевымъ и хаджи Джансеидомъ, Асланъ-Гирей предложилъ мнѣ отвѣтить генералу ***, что они готовы меня освободить, если имъ возвратятъ принадлежавшихъ имъ прежде крестьянъ, или дадутъ за меня пять четвериковъ серебряной монеты. Это было слишкомъ много, и я объявилъ имъ не задумываясь, что они никогда не получаютъ за меня подобнаго выкупа, просилъ передать ихъ требованіе генералу *** черезъ кого угодно, только не черезъ меня, ибо надо мной стануť смѣяться, если я объ этомъ напишу. Всѣ старанія Асланъ-Гиря и Тамбіева переломить мое упрямство остались безуспѣшны, что ихъ очень раздосадовало. Одинъ Джансеидъ молчалъ и бросалъ на меня повременамъ взгляды, выражавшіе непритворное участіе. Тамбіевъ вызвалъ Асланъ-Гирея изъ кунахской, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ. Пользуясь этою свободною минутой, Джансеидъ сказалъ мнѣ черезъ Брагунова:

— Я вижу, ты стоишь лучшей доли. Прощедшаго нельзя перемѣнить; поэтому не буду передъ тобою ни извиняться, ни оправдываться. Настанетъ время, когда, надѣюсь, ты станешь лучше думать обо мнѣ. Повѣрь, я сто разъ охотнѣе готовъ бы былъ схватить тебя въ открытой дракѣ, или даже убить, чѣмъ видѣть тебя плѣнникомъ, послѣ того какъ ты повѣрилъ нашему слову; но не всегда человѣкъ воленъ въ своихъ поступкахъ. Къ тому же я искренній пріятель Тембулата, знаю какъ ты съ нимъ поступилъ, да и онъ этого не забываетъ, надѣйся на него.

Асланъ-Гирей и Тамбіевъ, возвратившись въ кунахскую, не дали мнѣ возможности спросить у Джансеида, что Карамурзинъ въ силахъ для меня сдѣлать. Новыя убѣжденія и угрозы, которыми они старались принудить меня писать къ генералу *** и просить за себя назначеннаго ими выкупа, имѣли не болѣе удачи какъ въ первый разъ; подъ конецъ я высказалъ имъ свою увѣренность что меня не оставятъ безъ разсѣна, можетъ-быть

дадутъ даже нѣсколько человѣкъ черкесскихъ плѣнныхъ, но, полагая, не согласятся выкупить меня за деньги. Асланъ-Гирей замѣтно былъ мною недоволенъ; болѣе же другихъ хмурился Тамбиевъ, потерявшій въ Кабардѣ все что имѣлъ, до послѣдняго барана. Безъ брани, безъ оскорбленій, соблюдая даже въ отношеніи меня всѣ формы черкесской вѣжливости, онъ умѣлъ сдѣлать мое положеніе совершенно нестерпимымъ. Цѣль его въ этомъ случаѣ была переломить мой характеръ, заставить меня умолять русское начальство о скорѣйшемъ выкупѣ и въ то же время возбудить въ немъ сожалѣніе къ моей участи, о которой до него доходили, нерѣдко съ намѣреніемъ, преувеличенные слухи. Въ одно утро вмѣсто новой бараньей шубы присланной мнѣ генераломъ ***, я нашелъ на моей постели старый кошачій тулупъ безъ рукавовъ. Чай и сахаръ онъ у меня отнялъ подъ предлогомъ отравы скрытой въ нихъ, будто бы съ цѣлью лишить его ожидаемыхъ за меня денегъ. Мою пищу ограничили просомъ и квашеною сывороткой, кислою какъ уксусъ; да и этого давали мнѣ такъ мало, что у меня повременамъ отъ голоду дѣлалось головокруженіе. Ни днемъ, ни ночью не оставляли меня безъ оковъ и притягивали цѣпи такъ близко къ стѣнѣ, что я не могъ повернуться на постели. Декабрь и январь я провелъ въ этомъ положеніи, не доставивъ Тамбиеву удовольствія услышать отъ меня ни одной просьбы или жалобы. Абазехи, несмотря на дикій нравъ и на безсознательную ихъ ненависть къ Русскимъ, приняли наконецъ участіе въ моемъ положеніи и нѣсколько разъ, глядя на меня, замѣчали Тамбиеву, что убить гяура, Русскаго, есть благое дѣло, но что Коранъ запрещаетъ истязать человѣка, какой бы вѣры онъ ни былъ. На это Тамбиевъ возражалъ ухмыляясь: „Русскіе меня также истязаютъ: отняли у меня крестьянъ, стада, табуны, заставляютъ меня жить въ бѣдности; пускай возвратятъ мою собственность, и я отдамъ имъ брата ихъ, по волѣ Аллаха попавшаго въ наши руки.“

Въ концѣ января, генералъ *** уѣхалъ съ Кубани въ отпускъ. Карамурзинъ тотчасъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, для того чтобы завести съ Асланъ-Гиреемъ переговоры насчетъ моего освобожденія. Онъ принялся убѣждать его въ выгодѣ примириться съ Русскими, выдавъ меня добровольно, и говорилъ, что за это онъ можетъ получить, въ видѣ награды, своихъ крестьянъ и все чего теперь напрасно требуетъ какъ выкупа. Пока генералъ *** находился на Кубани, Асланъ-

Гирей не хотѣлъ и слышать о подобныхъ вещахъ, опасаясь что ему воздадутъ обманомъ за обманъ; но послѣ отъѣзда его, надѣясь вести дѣло прямо съ главнымъ кавказскимъ начальникомъ, барономъ Розеномъ, черезъ меня и Карамурзина, склонился на предложеніе, сдѣланное ему симъ послѣднимъ. Прежде всего Карамурзину надо было переговорить со мною, и если я сочту дѣло возможнымъ, взять отъ меня письмо къ главнокомандующему. Для этого онъ пріѣхалъ въ нашъ аулъ съ хаджи Джансеидомъ и имамомъ Хази. Тамбіевъ, боявшійся всѣхъ и всего, когда дѣло шло обо мнѣ, скрѣпя сердце, послѣ многихъ увѣреній, ручательствъ и присяги въ томъ что меня не увезутъ, согласился разлучиться со мною на сутки, которыя я долженъ былъ провести съ Карамурзинымъ. Свиданіе съ нимъ доставило мнѣ первую радостную минуту въ моемъ заточеніи. Душевная благодарность и непритворная дружба его тронули меня до глубины души. Мы обнялись какъ два брата и долго, ни онъ, ни я, не могли выговорить ни слова. Разставаясь въ Тифлисъ, онъ не воображалъ встрѣтить меня въ подобномъ положеніи; да и я никогда не полагалъ быть въ немъ. Впрочемъ Черкесы не любятъ оглядываться назадъ и жалѣть о невозвратномъ прошедшемъ, въ чемъ я съ ними совершенно согласенъ. Не теряя времени и словъ на пустое, бесполезное сожалѣніе о томъ что со мною случилось, мы пообедали и потомъ принялись за дѣло. Хаджи Джансеидъ началъ съ объясненія обстоятельствъ завязки въ моей драмѣ. Зачинщикомъ всего дѣла былъ Тамбіевъ: онъ завлекъ въ него Асланъ-Гирея, а хаджи долженъ былъ идти за ними обоими. Генералъ *** сдѣлалъ въ этомъ случаѣ большую неосторожность: сначала онъ обѣщалъ возвратить Кабардинцамъ задержанныхъ крестьянъ, если они примирятся; потомъ объявилъ, что для этого надо сперва провести меня по берегу Чернаго моря. Недовѣрчивый Асланъ-Гирей увидѣлъ въ этой необдуманной случайности подготовленный обманъ, которой долженъ былъ опутать его и отдать вполнѣ въ руки генералу ***. Теперь еще онъ былъ свободенъ оставаться у Абазеховъ или, покорившись Русскимъ, выселиться на Урупъ, если исполнять его требованіе; протѣхавъ же со мною въ горахъ, онъ не могъ болѣе жить между враждебными намъ Черкесами и долженъ былъ во всякомъ случаѣ перейти на сторону Русскихъ, отдадутъ ли ему крестьянъ или нѣтъ. Первое движеніе Асланъ-Гирея было

отказаться отъ предложенія генерала ***; но всегда покорный воля его, Тамбиевъ неожиданно возсталъ противъ его мнѣнiя и требовалъ настоятельно заманить меня въ горы, схватить и поставить условiемъ моего освобожденiя возвращенiе имъ всего имущества и крестьянъ, задержанныхъ Русскими. Недальновидный и столько же упрямый, Тамбиевъ не хотѣлъ отступить отъ своей мысли и угрожалъ, если товарищи его не согласятся, разгласить у Абазеховъ ихъ тайныя сношенiя съ Русскими. Асланъ-Гирей, имѣвшiй и безъ того слишкомъ много враговъ, видя себя поставленнымъ между двухъ огней, долженъ былъ согласиться на планъ составленный Тамбиевымъ, а однажды согласившись, принялся за исполненiе его со всею свойственною ему хитростiю. Теперь Тамбиевъ, видя что его расчетъ не удался, казалось, былъ готовъ испытать способъ предложенный Карамурзинымъ къ достиженiю его постоянной цѣли: добиться своихъ крестьянъ, задержанныхъ въ Кабардѣ. Я надѣялся на справедливость и на доброжелательный характеръ барона Розена, имѣлъ кромѣ того сильныхъ заступниковъ въ генералѣ Вольховскомъ и баронѣ Ховенѣ. Государь также требовалъ чтобы для моего освобожденiя не жалѣли денегъ; поэтому для меня были готовы сдѣлать многое, но безъ ущерба для значенiя русской силы и правъ въ глазахъ горцевъ. Тѣ выгоды, которыя могли быть имъ предоставлены, въ видѣ награды, за мое добровольное освобожденiе съ изъясненiемъ ихъ безусловной покорности русскому правительству, не должны были достаться Кабардинцамъ какъ плодъ преступленiя, требовавшаго строгаго наказанiя. Понимая это слишкомъ хорошо, я не ропталъ на бездѣйствiе нашихъ властей и никогда не просилъ уступокъ въ мою пользу, которыя могли бы обратиться въ послѣдствiи ко вреду каждаго Русскаго попавшагося, по несчастiю, въ плѣнъ къ Черкесамъ. Вельяминовъ былъ вообще недоволенъ всѣмъ ходомъ дѣла, говорилъ что онъ меня никогда не отдалъ бы Черкесамъ; но ничего не предпринималъ для моего освобожденiя на первыхъ порахъ, опасаясь довести требованiя горцевъ до невозможныхъ размѣровъ и продлить мой плѣнъ до безконечности. Не упуская изъ вида цѣли, для которой я ѣхалъ въ горы и изъ-за которой попалъ въ плѣнъ, я предложилъ Джансеиду переселиться со мною на время къ Сапсугамъ и потомъ, какъ это случалось очень часто, проѣхать

для размѣна на ливію, избравъ дорогу по берегу Чернаго моря. Эта мысль показалась ему весьма удобоисполнимою, и я упомянулъ о ней въ письмѣ къ главнокомандующему, которое Тембулатъ долженъ былъ вести въ Тифлисъ. Убѣждая онь оставилъ мнѣ табаку, полное черкесское платье и пару чевякъ, за которые я ему былъ очень благодаренъ, не чувствуя себя въ силахъ привыкнуть къ отсутствію бѣлья и зараждавшейся отъ этого нечистотѣ.

Тамбіевъ, не опасаясь болѣе попытокъ со стороны генерала *** освободить меня силою или хитростію, и зная что я самъ не убѣгу до полученія отвѣта изъ Тифлиса, совершенно измѣнилъ мое положеніе, освободилъ меня отъ оковъ, и почти ежедневно ходилъ со мною гулять въ окрестностяхъ аула или въ гости къ знакомымъ. Въ аулѣ не было Абазеховъ, а жили только около ста кабардинскихъ семействъ, которыхъ домашній бытъ я имѣлъ время вполне изучить. Черкесскій дворянинъ проводить жизнь на лошади, въ воровскихъ набѣгахъ, въ дѣлахъ съ непріателемъ или въ развѣздахъ по гостямъ. Дома у себя онь проводитъ весь день лежа въ кунахской, открытой для каждаго прохожаго, чиститъ оружіе, поправляетъ конскую сбрую, а чаще всего ничего не дѣлаетъ. Въ эти минуты совершеннаго бездѣлья онь напѣваетъ пѣсни акомпанируя ихъ на *пшиннеръ*, или стругаетъ палочку ножомъ, безъ всякой цѣли. Днем онь видится очень рѣдко съ своимъ семействомъ и идетъ къ женѣ только вечеромъ. На ней лежитъ обязанность смотрѣть за хозяйствомъ; она ткетъ съ помощію женской прислуги сукно, холстъ и одѣваетъ дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Рабы обрабатываютъ поле; ихъ жены и дочери прислуживаютъ въ домѣ и ходятъ за скотиной. Если Черкесъ имѣетъ нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ, занимая отдѣльное помѣщеніе, пользуется особымъ хозяйствомъ и поочередно обязана готовить для мужа пищу, относимую къ нему въ кунахскую. Черкешенки отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ женскихъ работахъ; скорѣе изорвется матерія чѣмъ шовъ, сдѣланный ихъ рукою; серебряный галунъ ихъ работы неподражаемъ. Во всемъ что онь приготавливаютъ обнаруживается хорошій вкусъ и отличное практическое приспособленіе. Черкесы высшихъ классовъ пренебрегаютъ ученіемъ; за то Черкешенки учатся нерѣдко читать и писать по-турецки, въ состояніи разбирать Коранъ и часто ведутъ переписку

за своихъ отцовъ и мужей. Замужнихъ женщинъ никто не видитъ; онѣ сидятъ дома, занимаются дѣтьми и хозяйствомъ и не выходятъ за двери безъ длиннаго бѣлаго покрывала, похожаго на грузинскую чадру. Дѣвушки, напротивъ того, показываются въ мужскомъ обществѣ съ открытымъ лицомъ и имъ позволено даже, въ присутствіи другой старой женщины, принимать въ своей комнатѣ чужаго. Умѣніе хорошо работать считается, послѣ красоты, первымъ достоинствомъ для дѣвушки и лучшею приманкой для жениховъ. Черкесы чрезвычайно щекотливы насчетъ женской добродѣтели и мстятъ за оскорбленіе ея безпощадно. Дѣвушки отвѣчаютъ за свое поведеніе передъ родителями, женщина передъ мужемъ, а вдова не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ и обязана только не нарушать общественной стыдливости! Для дѣвушки потеря невинности считается преступленіемъ, а несчастіемъ, поправляемымъ женитьбою или смертію соблазнителя, если онъ не можетъ или не хочетъ жениться. Утрата чести вѣняется замужней женщиной въ преступленіе влекущее за собою смерть или рабство. Участника въ подобномъ преступленіи убиваютъ. Вдова можетъ жить какъ ей угодно и никто не въ правѣ мѣшаться въ ея дѣла, когда приличіе не было нарушено; она можетъ даже надѣяться выйти снова замужъ, если она знатна, хороша или богата. Еще до моего плѣна я имѣлъ случай видѣть на линіи чѣмъ кончаются у Черкесовъ похождения съ замужними женщинами.

Между множествомъ Черкесовъ ежедневно пріѣзжавшихъ въ Прочный Окопъ мы всѣ, Русскіе, не могли довольно наслаждаться молодымъ Алчигиромъ, бесленеевскимъ узденемъ, соединявшимъ съ рѣдкою красотою всегда веселый и беззаботный нравъ. Нѣжныя, женообразныя черты его лица, на которомъ едва начиналъ пробиваться пушечъ надъ губою и крайняя молодость,—ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ,—несколько не мѣшали ему слыть у Черкесовъ молодцомъ, славнымъ наѣздникомъ и отчасти повѣсою. Генераль *** очень полюбилъ его и часто возилъ съ собою на минеральныя воды, гдѣ нашъ ловкій и красивый горецъ привлекалъ вниманіе пріѣзжихъ дамъ, глядѣвшихъ не безъ удовольствій на его чудныя черты, прекрасный ростъ, и стройную, маленькую ножку, составляющую одно изъ отличительныхъ качествъ красоты Черкеса. На Кубани жилъ въ то время противъ Невинномысской станицы молодой ногайскій князь Н*....., про

жену котораго носился слухъ будто она не уступала въ красотѣ знаменитой Гуашъ-фуджъ, женѣ Адель-Гирея; но никто не могъ похвалиться тѣмъ что ее видѣлъ, хотя бы мелькомъ: съ такою ревностію мужъ скрывалъ ее отъ постороннихъ взоровъ. Разказыю нейвоспламенили воображеніе Алчигира, и онъ объявилъ намъ однажды что рѣшился удостовѣриться въ ея красотѣ собственными глазами, какъ бы ее ни сторожили. Дѣло это у Черкесовъ нелегкое и мы совѣтовали ему не навлекать на себя опасности безъ нужды и прока; но Алчигиръ не послушалъ добраго совѣта. Нѣсколько времени спустя, онъ пріѣхалъ въ Прочный Окопъ совершенно измѣнившись: прежняя веселость его исчезла, онъ сидѣлъ задумавшись по цѣлымъ часамъ, разсѣянно отвѣчалъ на наши вопросы и никакъ не хотѣлъ высказать что его заботило. Потомъ онъ пропадалъ нѣсколько мѣсяцевъ, не подавая о себѣ слуха, такъ что стали опасаться ни бѣжалъ ли онъ въ горы съ цѣлію сдѣлаться абрекомъ. Въ одно утро Алчигиръ неожиданно прискакалъ въ крѣпость, соскочилъ съ измученной лошади, и не дожидаясь пока о немъ доложить, ворвался прямо къ генералу ***. Блѣдное лицо его выражало глубокое отчаяніе. Первые минуты онъ могъ только выговорить: „спаси ее, спаси меня!“ Генералъ *** успокоилъ его и приказалъ разказать всю правду. Какъ можно было догадаться, дѣло шло о княгинѣ Н...; Алчигиръ совершилъ prodvku, какая можетъ родиться только въ головѣ восемнадцатилѣтняго Черкеса, совершенно отуманеннаго страстью.

Разными уловками онъ добился случая увидать тайкомъ жену князя Н* и съ перваго раза страстно въ нее влюбился. Онъ сталъ бродить около аула, успѣлъ обратить на себя ея вниманіе и черезъ подкупленную служанку началъ домогаться свиданія. На это не предвидѣлось никакой возможности, и красавица, которой сердце также было затронуто, просила его отказаться отъ своего желанія. Мужъ не выпускалъ ее изъ виду; когда онъ уѣзжалъ по дѣламъ изъ дому, его мать проводила съ нею весь день и ночевала въ ея комнатѣ. Для того чтобы ее видѣть, слѣдовало удалить мужа не давъ ему времени отдать ее подъ надзоръ матери. Дѣло нелегкое, но Алчигиръ нашелся. Для того чтобы свидѣться съ женою, онъ заставилъ мужа, въ буквальномъ смыслѣ, прогуляться. У рѣдкаго мирнаго Черкеса, Ногайца или инаго горца, не лежало на совѣсти противъ русскаго

закона какого - нибудь тайнаго грѣшка, заставлявшаго его иногда съ безпокойствомъ слѣдить за тѣмъ что дѣлалось и говорилось на нашей сторонѣ. Алчигиръ узналъ, повидимому, что-то въ этомъ родѣ на счетъ князя Н*, и рѣшился обратиться въ свою пользу. Подобравъ въ товарищи подобнаго себѣ смѣльчака, онъ поѣхалъ съ нимъ ночью къ аулу своей возлюбленной, самъ спрятался за плетнемъ, а его послалъ разбудить мужа и увести его въ поле подъ тѣмъ предлогомъ, что Алчигиръ имѣетъ будто бы сообщить ему, подъ покровомъ ночи, очень важную тайну касающуюся до него. Вся хитрость состояла въ томъ, чтобы водить его по оврагамъ и балкамъ, отыскивая Алчигира, пока тотъ будетъ у его жены, и потомъ привести на назначенное мѣсто, гдѣ они должны были дѣйствительно встрѣтиться. Сначала дѣло ладилось какъ нельзя лучше. Молодой Черкесъ, товарищъ Алчигира, постучалъ въ ставню къ князю, и когда тотъ выглянулъ, передалъ ему порученіе съ просьбою никого не будить, для того чтобы скрыть отъ всѣхъ ночную поѣздку, ибо малѣйшая нескромность, особенно со стороны женщины, могла повредить не только ему, но и у Алчигира отнять возможность узнавать что дѣлается у Русскихъ. Н* имѣлъ видно сильную причину бояться генерала ***, у котораго Алчигиръ бывалъ такъ часто; потому тотчасъ принялъ приглашеніе, самъ тихонько осѣдлалъ лошадь, находящуюся у Черкеса всегда подъ рукою, и поѣхалъ узнавать новости съ русской стороны. Что Алчигиръ пріѣхалъ не самъ, а ожидалъ его ночью въ сторонѣ отъ аула, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, такъ какъ въ то время Русскіе и Черкесы прибѣгали ко всякаго рода предосторожностямъ чтобы скрывать другъ отъ друга свои дѣйствія.

Князь не успѣлъ отѣхать отъ своего дома десяти шаговъ, какъ Алчигиръ прокрался въ спальню и занялъ его мѣсто.

Ночь была очень темна. Молодой Черкесъ, провожавшій князя Н*, скоро сбился съ дороги и никакъ не могъ найти мѣста на которомъ оставилъ Алчигира. Это такъ рѣдко случается съ Черкесами, что ненаходчивость провожатаго могла дѣйствительно показаться весьма подозрительною; ревнивая мысль мелькнула въ умѣ мужа, въ первый разъ покинувшаго жену безъ надзора; онъ не говоря ни слова бросилъ своего проводника и опрометью поскакалъ домой.

Скокъ лошади коснулся до слуха любовниковъ, когда Алчигиру уже поздно было бѣжать. Вѣрная смерть ожидала обоихъ. Въ эту страшную минуту Черкешенка не потерялась: громкимъ голосомъ она стала звать мужа на помощь. Услыхавъ отчаянный крикъ жены, князь потерялъ совершенно голову. Въмѣсто того чтобы стать передъ дверьми и созвать людей для поимки вора, который бы въ этомъ случаѣ никуда не могъ уйти, онъ соскочилъ съ лошади и бросился въ неосвѣщенную комнату съ пистолетомъ въ рукѣ. Тутъ онъ былъ опрокинутъ сильнымъ толчкомъ, пистолетъ разрядился въ потолокъ, а незнакомый человѣкъ между тѣмъ выскочилъ изъ дверей и скрылся въ темнотѣ. Въ рукахъ князя остался кинжалъ, который онъ нечаянно успѣлъ сорвать у бѣглеца. На выстрѣлъ сбѣжались люди со всѣхъ концовъ аула, дѣло нельзя было скрыть; поднялась невыразимая суматоха. Зажгли свѣчи. Взбѣшенный мужъ грозилъ тутъ же убить жену, если она не скажетъ всей правды и не назоветъ ему кто у нея былъ. Она клялась, что человѣкъ къ ней ворвавшійся былъ ей совершенно незнакомъ, въ лицо она его не видала, потому что было темно, а голосъ его слышала въ первый разъ въ жизни. Самое происшествіе она разказывала слѣдующимъ образомъ, умоляя притомъ мужа и народъ позволить ей передъ шаріотомъ доказать свою невинность. Она говорила что мужъ покинулъ ее, не сказавъ куда и на долго ли онъ отлучается, даже не разбудилъ ее вполне и не приказалъ запереть двери изънутри. Это была правда. Потомъ она заснула, не помнитъ долго ли спала, и не знаетъ какъ отворились двери. Почувствовавъ возлѣ себя кого-то, она была увѣрена что это мужъ, но скоро замѣтила что имѣетъ дѣло съ чужимъ, стала съ нимъ бороться и звать мужа на помощь, не зная куда онъ дѣвался. Къ счастью онъ успѣлъ во время, и она, чистая и невинная, передаетъ свою судьбу на волю правосуднаго Аллаха. Мужъ отказывался вѣрить и продолжалъ грозить смертію. Тогда народъ, между которыми женщины кричали громче всего, принявъ сторону княгини, доказывая что самъ мужъ виноватъ, покинувъ ее безъ защиты, что какой-нибудь воръ караулившій украсть лошадь или другую скотину, видя какъ онъ уѣхалъ, легко могъ на нее напасть, что для обвиненія ея въ невѣрности не имѣется ясныхъ доказательствъ, что ихъ надо разлучить и дѣло предать на судъ шаріата. Передъ этимъ требованіемъ князь

Н* долженъ былъ смягчить свой гнѣвъ. Тутъ же его обязали присягой не покушаться на жизнь жены, отвести ее въ домъ къ матери и положили созвать эфендіевъ для рѣшенія дѣла.

Между тѣмъ Алчигиръ скакалъ въ Прочный Окопъ, гдѣ единственно могъ надѣяться на помощь, если она была возможна.

Прежде чѣмъ муллы собрались для суда, генералъ *** успѣлъ черезъ вѣрныхъ людей склонить ихъ ни въ какомъ случаѣ не признавать княгиню виновною и не находить достаточныхъ уликъ противъ ночнаго посѣтителя. Судьи на Востокѣ понимаютъ свою обязанность не хуже европейскихъ, и знаютъ что никакого дѣла нельзя разсматривать съ точки зрѣнія абсолютной правды, для которой люди даже не созданы, а надо принимать въ соображеніе господствующія обстоятельства, которыми въ то время управлялъ генералъ ***; они торжественно признали невинность подсудимой княгини и сложили всю вину на неизвѣстнаго человѣка, покусившагося силой на ея честь, котораго и слѣдовало наказать, если онъ будетъ отысканъ. Одного высокостепенные эфендіи не могли устранить: кинжалъ оставшійся въ рукахъ у князя, дагестанской работы и весьма замѣчательной оправы, былъ признанъ принадлежащимъ Алчигиру; нѣкоторые свидѣтели указывали даже отъ кого изъ Русскихъ онъ его получилъ въ подарокъ. Алчигира потребовали къ отвѣту, и обвинители его стали въ тупикъ, а эфендіи очень обрадовались когда онъ явился, имѣя на поясѣ своемъ весьма многимъ знакомый кинжалъ. Сравнили оба кинжала и нашли ихъ неимоверно сходными. Такимъ образомъ и эта улика совершенно утратила свое значеніе: видно кто-то другой имѣлъ такой же кинжалъ. Кромѣ того Алчигиръ объявилъ, что онъ въ ночь происшествія, ожидая князя Н* въ оврагѣ, замѣтилъ свѣжую сакму (слѣдъ), изъ любопытства поѣхалъ по ней и неожиданно наткнулся на четырехъ молодыхъ абрековъ, выжидавшихъ удобнаго случая переправиться черезъ Кубань, что эти абреки продержали его нѣсколько часовъ ипустили только передъ утромъ, когда трое товарищей ихъ пріѣхали сказать что теперь переправа невозможна, и что послѣ этого онъ поспѣвалъ къ генералу ***. дать извѣстіе о ихъ намѣреніи. Онъ назвалъ абрековъ по имени. Дѣйствительно два дня спустя названные имъ абреки были встрѣчены казаками въ нашихъ предѣлахъ, четверо изъ нихъ убиты, а

трое спаслись бѣгствомъ. Одинъ изъ эфендіевъ поѣхалъ къ Абазехамъ допросить абрековъ подъ присягою, и привезъ полное подтвержденіе Алчигириныхъ показаній. Алчигиръ имѣлъ вездѣ добрыхъ друзей, готовыхъ выручить его изъ бѣды. Обиженный мужъ понялъ откуда дуетъ вѣтеръ, и что ему не по силамъ бороться съ покровителями его соперника. Затаивъ чувство мщенія въ глубинѣ сердца, онъ, казалось, съ удовольствіемъ принялъ рѣшеніе шаріата, и до того убѣдился въ невинности жены и въ непричастности къ дѣлу Алчигира, что жену оставилъ при себѣ, оказывалъ ей прежнее расположеніе, а съ Алчигиромъ свелъ тѣсную дружбу. Но Алчигиру, знавшему за собою вину, было съ ними какъ-то неловко; онъ избѣгалъ оставаться съ ними наединѣ, и при каждомъ свиданіи, при каждой поѣздкѣ ихъ, непременно случался кто-нибудь изъ Алчигириныхъ пріятелей. Такимъ образомъ протекло около года, и дѣло стали забывать; мужъ казался совершенно беззаботнымъ; недвѣрчивость Алчигира почти исчезла.

Однажды оба они возвращались изъ Прочнаго Окона за Кубань; съ ними было человѣкъ двадцать знакомыхъ имъ Черкесовъ. Свѣтлый, прекрасный день и безконечная, гладкая равнина такъ и манила джигитовать. Черкесы, находясь въ веселомъ расположеніи духа, не могутъ ѣхать спокойнымъ шагомъ, безъ джигитовки. Провожавшіе ихъ молодые люди начали выказывать одинъ передъ другимъ свое удалство въ скачкѣ и въ стрѣльбѣ изъ ружей. Князь Н.* предложилъ Алчигиру испытать кто изъ нихъ ловче попадетъ на всемъ скаку въ шанку, брошенную на землю. Въ этомъ не предвидѣлось никакой опасности, потому что пули были уже выпущены, и князь зарядилъ при всѣхъ свое ружье холостымъ зарядомъ, какъ это дѣлается когда стрѣляютъ въ шанку. Алчигиръ выскакалъ первый, бросилъ свою шанку на землю, и сталъ возлѣ нея чтобы судить о выстрѣлѣ. Давъ промахъ, принятый съ громкимъ смѣхомъ, князь Н.* сдѣлалъ то же самое для Алчигира, который такъ ловко попалъ въ шанку что она на нѣсколько шаговъ отлетѣла въ сторону. Тогда онъ попросилъ Алчигира бросить опять свою шанку, надеясь въ этотъ разъ имѣть болѣе удачи. Поравнявшись съ нимъ, онъ сначала опустил дуло ружья къ землѣ, будто намеренъ стрѣлять въ шанку, потомъ поднялъ его и спустил курокъ крикнувъ: „въ шанку даю иногда промахъ, а въ грудь

врага никогда!" Алчигиръ, не вздохнувъ, упалъ мертвый съ лошади: двѣ пули пробили ему сердце. Прежде чѣмъ Черкесы успѣли опомниться, убійца, имѣвшій подъ собою отличную лошадь, умчался отъ нихъ далеко. Они погнались за нимъ, скакали безъ отдыха верстъ тридцать, настигнувъ, убили лошадь ружейнымъ выстрѣломъ и схватили его живаго, когда онъ съ нею покатился на землю. Это случилось на русской сторонѣ, на правомъ берегу Кубани; поэтому они не посмѣли его убить, а привезли связаннаго въ Прочный Окопъ. Оттуда его отправили въ ставропольскую тюрьму. На дорогѣ, говорятъ, онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, при чемъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ убилъ его изъ ружья. Такъ кончился характеристическій эпизодъ черкеской семейной жизни.

Наступилъ рамазанъ, магометанскій постъ, въ продолженіе котораго правовѣрные ничего не ѣдятъ отъ утренней зари до вечерней звѣзды, безпрестанно творять намазъ, спать, слушаютъ Коранъ, и всю ночь пируютъ. Для рамазана и для байрама, которымъ кончается постъ, Черкесъ бережется что у него есть лучшаго изъ свѣстныхъ припасовъ, считая совершеннымъ несчастіемъ не имѣть на это время мяса для себя и для гостей, дѣлающихъ ему честь посѣщеніемъ его кунахской. Асланъ-бекъ Тамбиевъ жилъ въ крайней бѣдности и очень часто нуждался въ хлѣбѣ для своего семейства. Все его богатство состояло тогда изъ двадцати полуимперіаловъ доставшихся на его долю когда меня ограбили. Каждый день онъ ихъ пересматривалъ, считалъ и перетиралъ, не рѣшаясь съ ними разстаться. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ со вздохомъ, что на деньги хотя и хорошо смотрѣть, да нѣтъ въ этомъ проку, и что бараны все-таки лучше; къ тому же неприлично кабардинскому дворянину не имѣть для рамазана куска мяса на своемъ столѣ. Дня три онъ пропадалъ послѣ этого вмѣстѣ съ Бечиромъ и вернулся въ аулъ со связкой холщеваго товара, въ которомъ его домъ очень нуждался. Жену его, Коченису, я видалъ только издали, всегда укутанную самымъ приличнымъ образомъ; за то его сынокъ и дочь, хорошенькая Коченагу, являлись ко мнѣ въ одиѣхъ дырявыхъ рубашкахъ грѣться около огня. Бечиръ торжественно гналъ передъ собою двухъ буйволицъ и штукъ двадцать барановъ. Въ теченіе всего рамазана мы кормились мясомъ, котораго я не видалъ въ продолженіе четырехъ

мѣсяцевъ, кромѣ случаевъ когда прїѣзжали Асланъ-Гирей и Карамурзинъ.

У болѣе зажиточныхъ Кабардинцевъ почти каждый вечеръ народъ собирался слушать Коранъ, читаемый муллою по-арабски и переводимый потомъ, съ поясненіями, на черкесскій языкъ. Сидя около стѣны, вокругъ кунахской, Черкесы съ благоговѣніемъ слушали чтеніе; нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ иногда дѣлать муллѣ вопросы насчетъ непонятныхъ для нихъ изреченій. Тамбіеву доставляло, какъ я замѣтилъ, особенное удовольствіе когда я соглашался съ нимъ посвѣщать эти сходбища. Обыкновенно, когда я появлялся, мнѣ уступали мѣсто возлѣ самаго почетнаго человека, князя Магомета Атажукина, временно гостившаго въ аулѣ. Это былъ абрекъ, о которомъ я уже упомянулъ, вернувшійся изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ дѣлать раненую руку, въ чемъ успѣлъ до такой степени, что могъ стрѣлять изъ ружья и колоть пашкой, только не рубить. Его называли поэтому Магометъ-апа, то-есть сухорукій. Мы были однихъ лѣтъ, онъ чисто говорилъ по-русски, очень меня любилъ и поэтому съ охотою переводилъ для меня все что сказывалъ мулла, позволявшій себѣ иногда поясненія не совсѣмъ сходныя со смысломъ текста. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, въ который я самъ дерзнулъ вмѣшаться.

Въ главѣ о бѣгствѣ Магомета сказано, что гяуры принудили его спастись изъ Мекки въ Медину. Кто-то изъ присутствующихъ спросилъ: „кто же были эти гяуры?“—„Кто? отвѣчалъ мулла не запинаясь,—извѣстно Русскіе!“ Всѣ мусульмане обратили на меня взгляды полные негодованія. „А! прошептали нѣкоторые. — Видишь Русскій, даже пророку вы были враги!“ Тогда я попросилъ муллу просвѣтить и меня и наставить на путь истины въ дѣлѣ, которое нехорошо понимаю. Я попросилъ Атажукина вынуть бусоль, которую богатые Черкесы всегда имѣютъ при себѣ, для того чтобы знать направленіе куда обращаться лицомъ во время молитвы. По *кабалару*, какъ называютъ здѣсь магнитную стрѣлку, я просилъ мнѣ указать гдѣ находится гробъ Магомета. Показали на югъ. А гдѣ живутъ Русскіе? Разумѣется, указали въ противоположную сторону. И всегда тамъ жили? Черкесы переглянулись между собою въ недоумѣніи. — „Кажется всегда,“ отвѣчали нѣкоторые изъ нихъ. Тогда я попросилъ муллу наставить меня, какими непонятными путями Рус-

скіе, проживая на сѣвѣрѣ, успѣли выгнать Магомета изъ Мекки. Мулла нашелся. — „Не поддавайтесь хитрымъ внушеніямъ гяура! сказалъ онъ Черкесамъ, съ разсерженнымъ видомъ. — Еслибы даже не Русскіе преслѣдовали пророка, такъ это были ихъ братья и сродники: всѣ гяуры принадлежатъ къ одной семьѣ и одинаково ненавистны Аллаху, который терпитъ ихъ на землѣ только въ наказаніе за наши грѣхи.“

Въ концѣ марта наступилъ байрамъ. Съ ранняго утра начали собираться въ нашъ аулъ соседніе Кабардинцы и Абазехи для общей молитвы, послѣ которой долженъ былъ сказать проповѣдь нѣкій Дагестанъ эфенди, имѣвшій между горцами большую славу. Тамбиевъ очень хлопоталъ о томъ чтобы я принарядился почище, чѣмъ было не совсемъ легко, потому что онъ постоянно захватывалъ мое хорошее платье въ пользу своихъ дѣтей, которымъ изъ него выкраивали праздничные наряды, — на его исполнскій ростъ и широкія плечи оно не приходилось, — и пригласилъ меня сопутствовать ему на молитву. Собраніе происходило на большой полянѣ, лежавшей въ лѣсу, недалеко отъ аула. Болѣе трехъ тысячъ Черкесовъ, образуя обширный полукругъ, стояли тамъ на сѣвѣру на колѣняхъ, съ поникшими головами, и слѣдили за молитвой произносимою громкимъ голосомъ, тремя эфендіями въ бѣлыхъ чалмахъ и такого же цвѣта длинныхъ мантияхъ, накинутыхъ на черкесски. Водруженные передъ ними палки съ рукоятками въ видѣ полумѣсяца означали ту сторону, въ которой лежала Мекка. По окончаніи молитвы, необыкновенно толстый Дагестанъ эфенди звучнымъ голосомъ прочиталъ главу изъ Корана и потомъ сказалъ проповѣдь, побуждавшую народъ не дружить и не сближаться съ гяурами, а въ особенности драться съ Русскими до послѣдней капли крови. Понималъ уже нѣсколько по-черкесски, я могъ замѣтить что эфенди хорошо владѣлъ языкомъ, хотя онъ, какъ видно изъ прозвища, родился у Лезгинъ. Картины изображавшія райскія утѣхи правовѣрныхъ, павшихъ въ бою съ Русскими, и адскія муки ожидавшія тѣхъ изъ нихъ, которые имъ покорились, были столько приспособлены къ понятіямъ и къ характеру Черкесовъ, что должны были сильно поразить ихъ воображеніе.

За впечатлѣніемъ, которое проповѣдникъ производилъ на слушателей, можно было слѣдить по ихъ выразительнымъ лицамъ, быстро измѣнявшимся при каждомъ его словѣ. Исчисляя всѣ

грѣхи, принимаемые на душу черкесскими племенами, признавшими надъ собою силу русскаго закона, онъ замѣтилъ что, по дошедшимъ до него слухамъ, они, — отъ чего да избавитъ Аллахъ каждаго правотѣрнаго, чающаго вѣчной жизни, — даже ѣдятъ свинину, безъ чего глауры не стали бы имъ покровительствовать. Этого не вынесли Черкесы. Они затрепетали отъ досады. Неистовыя проклятія и крики омерзѣнія: „харамъ! харамъ!“ покрыли послѣднія слова проповѣдника. Вполнѣ довольный эффектомъ своей рѣчи и необузданною ревностію слушателей, онъ благословилъ собраніе, послѣ чего всѣ начали расходиться по домамъ.

Мой пріятель, Магометъ-аша, какъ его звали Черкесы, пригласилъ насъ къ себѣ закусить. Чинно, по лѣтамъ и по званію, на первомъ мѣстѣ Дагестанъ эфенди, разсѣпсь званные гости, а за ними вошли въ кунахскую знакомые и незнакомые, кому было угодно, и остановились недалеко отъ дверей въ ожиданіи угощенія. Кунахская всегда открыта для каждаго и тѣмъ болѣе въ байрамъ, когда Черкесъ считаетъ священнымъ долгомъ раздѣлить съ бѣднякомъ свой послѣдній кусокъ. Магометъ былъ не бѣденъ. Мяса жаренаго и варенаго, проса, молока, даже хлѣба, приготовляемаго въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, достало на всѣхъ. Запивали кушанье водою, съ распущеннымъ медомъ, и брагой изъ просяной муки, подаваемыми гостямъ въ деревянныхъ ковшахъ. Дагестанъ эфенди полюбопытствовалъ со мною познакомиться, и долго разговаривалъ съ приличною важностію. Потомъ онъ подозвалъ Тамбіева, и поглядывая на меня, завелъ съ нимъ тихую рѣчь. Атажукинъ разказалъ мнѣ позже содержаніе ихъ разговора. Эфенди убѣждалъ Асланъ-бека не льститься на выкупъ, а для спасенія души стараться обратить меня въ мусульманина, могущаго сдѣлаться въ послѣдствіи твердымъ оплотомъ вѣры и полезнымъ руководителемъ горцевъ въ войнѣ съ Русскими. Въ нашемъ аулѣ былъ и другой мулла, не помню его имени, много хлопотавшій переманить меня въ исламизмъ, съ тѣмъ чтобъ я остался жить въ горахъ и своимъ знаніемъ помочь Черкесамъ защищаться отъ Русскихъ. Онъ просиживалъ со мною по цѣлымъ часамъ, объясняя Коранъ и уговаривая меня на языкѣ, составленномъ изъ черкесскихъ, татарскихъ и русскихъ словъ, который только развѣ я да онъ могли понимать. Изъ нѣкоторыхъ его намековъ я имѣлъ поводъ думать, что въ

этомъ дѣлѣ принималъ тайное участіе хаджи Джансеидъ, знавшій обо мнѣ много подробностей отъ Карамурзина. Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ я заводилъ съ муллою преніе, и не оскорбляя его самолюбія и религіозныхъ понятій, отводилъ разговоръ на посторонній предметъ, такъ что онъ уходилъ отъ меня съ чѣмъ пришелъ.

Между тѣмъ время уходило, а отъ Карамурзина я не получалъ никакого извѣстія. Нечего было сомнѣваться въ томъ что дѣло не пошло на ладъ; но по какой именно причинѣ,—я не могъ добиться никакимъ образомъ. Тамбіевъ, въ глупости своей, разказывалъ мнѣ разныя басни, съ цѣлію поддержать во мнѣ надежду на скорое освобожденіе, потому что онъ крайне боялся довести меня до отчаянія, зная мою вспыльчивость. Не имѣя иногда чѣмъ кормить жену и дѣтей, онъ въ моемъ выкупѣ видѣлъ послѣднее средство поправить свое бѣдственное положеніе. Моя смерть или бѣгство угрожали ему окончательнымъ раззореніемъ. Поэтому онъ ухаживалъ за мною какъ мать за своимъ ребенкомъ, когда надежды его на выкупъ начинали возрастать, и подвергалъ меня самымъ нестерпимымъ мученіямъ, когда онъ исчезалъ, стараясь только не оскорблять моей гордости. И въ этотъ разъ Тамбіевъ не измѣнилъ своему обыкновенному правилу. Послѣ одной поѣздки онъ вернулся съ нахмуреннымъ лицомъ; меня сковали, и я пролежалъ опять около трехъ недѣль, не имѣя возможности тронуться съ постели. Число моихъ караульныхъ удвоили; самъ Тамбіевъ вставалъ ночью по нѣскольку разъ и съ ружьемъ въ рукахъ осматривалъ окрестности дома. Онъ молчалъ, и я съ нимъ не заговаривалъ. Разъ только онъ проговорилъ что я долженъ винить въ томъ, что со мною дѣлается, не его, а моихъ друзей, которые думаютъ его обмануть, да что онъ не такъ глупъ, и не хочетъ вѣрить ни Тембулату, ни Асланъ-Гирею, ни Джансеиду.

IX.

Въ одно ясное майское утро, когда аулъ шевелился подобно муравейнику, подымаясь изъ лѣсу на Курджинскъ, меня посадили на арбу, за которою слѣдовала другая арба съ Кочениссою и дѣтьми, и мы потянулись не за другими Кабардинцами на востокъ, а на западъ, въ глубину абазехскихъ лѣ-

совъ. Тамбіевъ поссорился изъ-за моего дѣла съ Асланъ-Гиреемъ и хаджи Джансеидомъ, и переселялся теперь въ аулъ абазехскаго старшины Дауръ-Алимъ-Гирея, которому онъ отдалъ себя подъ покровительство, присягнувъ дѣлать съ нимъ кровомщеніе, для того чтобъ отнять у нихъ все способы дѣйствовать безъ его согласія. Дѣло состояло въ томъ, что баронъ Розенъ обѣщаль отдать крестьянъ захватившимъ меня Кабардинцамъ, если они мени выдадутъ, безусловно покорятся Россіи и перейдутъ жить на Урупъ, на что Асланъ-Гирей и Джансеидъ были совершенно согласны. Тамбіевъ же, опасаясь жить вблизи Русскихъ и подозрѣвая во всемъ обманъ, рѣшилъ въ своей мудрости, что если за меня готовы отдать его крестьянъ на Урупъ, такъ отдадутъ и къ Абазехамъ, заупрямился и рѣшительно объявилъ, что не отступится отъ меня, пока принадлежавшіе ему крестьяне, или равная ихъ цѣнности сумма денегъ, не будутъ находиться въ его рукахъ здѣсь у Абазеховъ, между которыми онъ намѣренъ жить и умереть. Кабардинскіе абреки находились въ чужой сторонѣ, занимая земли уступленныя имъ Абазехами, посреди которыхъ они составляли отдѣльныя общества, управляемая по ихъ собственнымъ обычаямъ. Между ними княжеское званіе сохраняло свое значеніе; вольные же Абазехи, имѣвшіе народное правленіе, не признавали никакой власти кромѣ опредѣленія большинства и мнѣнія своихъ старшинъ, уважаемыхъ по силѣ преданія. Поэтому Тамбіевъ, проживая въ аулѣ Алимъ-Гирея, своего кровомстителя, могъ безнаказанно противиться Асланъ-Гирею, терявшему все свое значеніе передъ простымъ дворяниномъ изъ рода Дауровъ, потому что этотъ послѣдній былъ Абазехъ и къ тому же имѣлъ сильную партію въ народѣ.

Аулъ Дауръ-Алимъ-Гирея лежалъ среди лѣсовъ, между рѣками Курджипсомъ и Пшахой. Мы подъѣхали къ нему передъ закатомъ солнца, когда еще можно было хорошо рассмотреть окрестности. Онъ имѣли свою живописную сторону. На обширномъ лугу, отличавшемся свѣжею зеленью, сгруппировались подъ тѣнію высокихъ орѣховыхъ деревьевъ около двадцати домовъ, впереди которыхъ красовалась кунахская самага большаго размѣра, обгороженная невысокимъ колючимъ шетнемъ. Къ сѣверу лугъ упирался въ крутой и глубокій оврагъ, по которому журчалъ прозрачный горный ручей. За оврагомъ находились высоты, покрытыя густымъ

лѣсомъ; надъ ними господствовалъ холмъ, устланный могильными камнями, осѣненными тремя дубами огромной величины. Съ трехъ остальныхъ сторонъ къ полямъ прилегалъ высокій лѣсъ, надъ которымъ синѣли дальнія горы. Скотина возвращалась съ пастбища, кое-гдѣ показывались женщины, выходившія ей навстрѣчу, передъ кунахской сидѣлъ кружокъ Абазеховъ съ трубочками во рту; все вмѣстѣ представляло видъ ненарушаемаго спокойствія. Алимъ-Гирей принялъ насъ привѣтливо, жену и дѣтей Тамбіева отправилъ къ своему семейству, а меня пригласилъ въ кунахскую. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ добродушныхъ людей, встрѣчаемыхъ мною во время пѣвца, и, кажется, не былъ въ состояніи кого-либо ненавидѣть. Съ Русскими онъ дрался только потому, что съ дѣтства привыкъ видѣть въ этомъ религіозную обязанность, но дрался безъ злобы. У себя въ домѣ онъ не хотѣлъ знать во мнѣ ни врага, ни пѣвца, а только гостя изъ дальней стороны. Въ его опрятной кунахской я пользовался первымъ мѣстомъ, чистою, мягкою постелью и весьма порядочнымъ столомъ, пока Тамбіевъ, прибывшій нѣсколько дней спустя, строилъ дома и приводилъ въ порядокъ свое хозяйство. И послѣ, когда я уже жилъ у Тамбіева, Алимъ-Гирей встрѣчалъ меня у себя въ кунахской всегда съ пріятною улыбкой, усаживалъ и непремѣнно угощалъ чѣмъ только могъ. Примѣръ Алимъ-Гирея подѣйствовалъ на прочихъ жителей аула, отъ которыхъ я, кромѣ одного случая, который разкажу въ своемъ мѣстѣ, не видалъ ничего похожаго на обиду. Къ чести горцевъ могу сказать, что кромѣ Тамбіева, подвергавшаго меня, изъ жадности къ деньгамъ, дѣйствительно трудно переносимымъ мученіямъ, надѣясь добиться этимъ способомъ своей цѣли,—все они, не исключая Убыховъ и Сапсуговъ, нарочно пріѣзжавшихъ чтобъ видѣть меня, обращались со мною не только вѣжливо, но даже старались оказывать услуги, доставлявшія мнѣ нѣкоторое удовольствіе въ моемъ тягостномъ положеніи. Случалось, они передавали безъ всякой платы отъ меня письма на русскую сторону, скрывая ихъ отъ Тамбіева; привозили мнѣ небольшія посылки съ бѣльемъ, табакомъ или другими мелкими вещами. Чаще всего я нуждался въ табакѣ, и былъ тогда вынужденъ курить противный мнѣ абазехскій табакъ, дѣлавъ изъ него пахитосы съ помощію кукурузной соломѣ. Сапсугъ Шмитринъ Исламъ, за-

ѣхавъ познакомиться со мною, засталъ меня въ одну изъ подобныхъ минутъ, не говори ни слова съѣздилъ на море и привезъ чрезъ недѣлю око хорошаго турецкаго табаку. Подобныхъ случаевъ я могу насчитать очень много.

Тамбѣевъ, вѣчно озабоченный одною мыслию что я уйду или что меня выкрадутъ, построилъ родъ деревянной башни между своимъ домомъ и домами семейства Алимъ-Гирея, имѣвшаго двухъ молодыхъ женъ. Эта башня имѣла шесть шаговъ въ квадратъ и одну дверь, или окно,—можно назвать какъ угодно,—поднятую на три фута отъ земли, чрезъ которую человѣку едва можно было пролѣзть. Противъ дверей было насыпано возвышеніе для моей постели, а возлѣ него устроены очагъ съ дымовою трубой. Послѣ жизни, нелишенной удобствъ, въ чистой и свѣтлой кунахской Алимъ-Гирея, это темное и сырое помѣщеніе, съ оковами и при самой скудной пищѣ, показалось мнѣ очень тягостнымъ. Опять я по цѣлымъ недѣлямъ долженъ былъ лежать на постели, не имѣя средствъ пользоваться прекраснымъ лѣтнимъ воздухомъ; иногда отпускали цѣль, такъ что я могъ сидѣть на высокомъ порогѣ дверей, свѣсивъ ноги наружу, и смотрѣть на дальній лѣсъ. Солнечные лучи не доходили до меня, потому что дверь была защищена широкимъ навѣсомъ. Для того чтобы чужой не подкрался ночью къ моей тюрьмѣ, Тамбѣевъ приучилъ лежать возлѣ дверей принадлежавшую ему очень заую, большую, черную собаку, наводившую страхъ на весь околородъ. Сначала она при моемъ появленіи склонила зубы, ворчала и даже собиралась уцѣпиться за ноги; но скорѣ я завелъ съ нею самую тѣсную дружбу, разумѣется, тайнымъ образомъ, для того чтобы не возбудить подозрительности Тамбѣева. Я былъ не очень сытъ, но бѣдная собака была еще голоднѣе: тайкомъ я удѣлялъ ей что только могъ отъ моего проса, и Ха-кразъ, какъ ее звали, завидѣвъ меня, болѣе не злилась, а только махала хвостомъ, глядя на меня самыми нѣжными глазами.

Совершенное бездѣйствіе, въ которомъ я проводилъ весь день, не видя передъ собою другаго живаго существа кромѣ оборваннаго караульнаго, приходившаго на ночь, было способно довести меня до помѣшательства. Передумавъ обо всѣхъ обстоятельствахъ и случайностяхъ, могущихъ послужить къ моему освобожденію, я сталъ вспоминать прошедшее, думать о будущемъ и углубляться, наконецъ, въ философскіе во-

просы, заводившіе меня иногда такъ далеко, что я начиналъ чувствовать необходимость обращаться отъ вѣчной думы къ какому-нибудь матеріальному развлеченію. Добывъ кусочекъ карандаша, я рисовалъ на ставнѣ и на строганыхъ столбахъ все что приходило на умъ; о бумагѣ нечего было и думать. Животныхъ, цвѣты и виды Черкесы переносили, но не хотѣли терпѣть человѣческихъ фигуръ, запрещаемыхъ Кораномъ, и всегда ихъ соскабливали. Суреты, какъ они ихъ называли, наводили на нихъ суевѣрный страхъ... „Откуда берешь ты смѣлость, сказали мнѣ однажды Тамбіевъ, такъ сходно изображать человѣка, созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебя покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?“ Потомъ я занялся рѣзбой изъ кизиловаго дерева палокъ, употребляемыхъ Черкесами для ходьбы въ горахъ. Это имъ очень нравилось, и многіе просили меня украшать ихъ палки, что мнѣ всегда удавалось къ ихъ удовольствію.

Мое помѣщеніе находилось недалеко отъ домовъ занимаемыхъ семействомъ Алимъ-Гирея. Женскіе и дѣтскіе голоса долетали до меня безпрестанно, но я видѣлъ ихъ на первыхъ порахъ только издали, когда онѣ мелькали мимо моей хижины, сколько можно избѣгая подходить близко. Строгий законъ стыдливости удалялъ отъ меня женщинъ; дѣти просто боялись глаура, знакомаго имъ только по чудовищнымъ разказамъ отцовъ и матерей. Но это продолжалось не долго; дѣтское любопытство взяло верхъ надъ страхомъ. Смотря на дѣтей Тамбіева, давно привыкшихъ ко мнѣ, абазехскія дѣти начали подходить поближе, потомъ одна изъ дѣвочекъ рѣшилась влѣзть въ мою башню, и кончилось тѣмъ что мы очень подружились. Женщины, узнавъ отъ дѣтей что во мнѣ нѣтъ ничего злаго и неприличнаго, перестали дѣлать большой крюкъ, обходя мое жилище, и когда не было вблизи Черкесовъ, останавливались разговаривать со мною. Въ ихъ словахъ и пріемахъ я всегда замѣчалъ много скромности и доброты. Чаще всего меня навѣщали двѣ молодыя дѣвочки: Кучухужъ, дочь Алимъ-Гирея, и ея служанка Ханъ. Пользуясь каждою свободною минутой, онѣ прибѣгали ко мнѣ съ какими-нибудь дѣтскими разказами или разпросами, приносили мнѣ лицъ, ягодъ, табаку, приводили за собой другихъ дѣвочекъ, пѣли хоромъ абазехскія пѣсни или, видя меня не-

расположеннымъ и задумчивымъ, сидѣли молча въ ожиданіи отъ меня ласковаго слова. Голубоглазая, бѣлокурая Кучухужъ, двѣнадцати лѣтъ, была совершенный ребенокъ, а Ханъ, имѣвшую пятнадцать лѣтъ, можно было считать взрослою дѣвушкой. Она была прехорошенькая, живая, стройная дѣвушка, съ пѣкными чертами лица, блестящими черными глазами, столько же смуглая, сколько Кучухужъ была бѣлая; ее одѣвали, воспитывали и холили не какъ другихъ служанокъ, ибо готовили ее на продажу Туркамъ, такъ какъ она обѣщала быть красавицей. Ханъ выказывала всегдашнюю готовность прислуживать мнѣ въ чемъ могла, и дѣлала это съ такою скромностію, что весьма понятно, если я находилъ болѣе удовольствія видѣть ее передъ собою чѣмъ абазехскаго мальчика, Накыжа, грязнаго, дурнаго и злаго какъ обезьяна, приставленнаго ко мнѣ Тамбиевымъ для услуги и для дежнаго караула. Служилъ онъ мнѣ очень плохо, и еслибы не Ханъ и Кучухужъ, я бы остался по цѣлымъ днямъ безъ глотка воды и безъ огня,—но караулилъ хорошо. Издали онъ не упускалъ меня изъ глазъ, и я избавлялся отъ его докучливаго присутствія только на то время, когда онъ уходилъ въ соседніе аулы красть съѣстное, плоды и куръ.

Недолго я пользовался удовольствіемъ любоваться хорошенькою Ханъ. Черезъ три мѣсяца ее увезли продавать. Она зашла проститься со мною передъ отъѣздомъ. Смѣхъ и слезы смѣшались на ея лицѣ. Я спросилъ чему она рада и о чемъ плачетъ.

— Какъ не радоваться, отвѣчала Ханъ,—я здѣсь рабыня, не то что Кучухужъ, а тамъ, говорятъ, буду непременно госпожей; мнѣ дадутъ хорошія платья, дадутъ денегъ, я стану пересылать ихъ отцу и матери, а если будетъ много денегъ, такъ выкуплю ихъ на волю и перевезу къ себѣ за море.

Почти каждая Черкешенка оставляетъ горы съ подобными надеждами, и, случается, эти надежды оправдываются самымъ блестящимъ образомъ...

— А слезы о чемъ?

— Жаль разставаться съ родными, да еще..... еще одного боюсь.

— Чего же?

— Не знаю къ кому я попадусь, будетъ ли онъ добръ и весело ли мнѣ будетъ его любить; мать говоритъ что меня

купить богатый Турокъ, можетъ быть папа, именно для того чтобъ я его любила.

Бывало время когда меня освобождали отъ оковъ; тогда я могъ свободно прогуливаться по лужайкѣ между домами, не выходя за черту аула, огороженнаго плетнемъ. Накыжъ непремѣнно находился гдѣ-нибудь вблизи, если я даже не замѣчалъ его, готовый поднять тревогу, въ случаѣ появленія возлѣ меня незнакомаго человѣка или попытки съ моей стороны перейти за границу указанной мнѣ прогулки. Передъ дверями моего жилья, нѣсколько правѣе, стоялъ домикъ, въ которомъ жилъ съ женой больной братъ Алимъ-Гирей, не встававшій съ постели. Въ одну изъ моихъ прогулокъ я увидалъ возлѣ ихъ дома незнакомую мнѣ дѣвушку, около которой прыгала ручная горная коза. Это было на такомъ разстояніи что я не могъ ее порядочно разглядѣть; но, зная всѣхъ въ аулѣ, полюбопытствовалъ узнать кто она. Кучухужъ, встрѣченная мною нѣсколько спустя, съ дѣтскою болтливостью разказала мнѣ, что дѣвушка съ козой — ея сестра, старшая дочь Алимъ-Гирей, отъ умершей жены, вернулась отъ родителей покойной матери, у которыхъ гостила четыре мѣсяца, теперь живетъ съ теткой, очень хороша, очень добра, умѣетъ читать и писать (по-турецки, потому что писмена не существуютъ для черкесскаго языка), пользуется особеннымъ расположеніемъ отца, и сама любитъ ее, Кучухужъ, болѣе другихъ сестеръ. И вотъ я узналъ о ней гораздо болѣе чѣмъ мнѣ было нужно; познакомились мы нѣсколько позже, столкнувшись будто-бы случайно на лугу, размѣнялись сперва поклономъ, потомъ она заговорила, и послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ, пригласила меня войти къ теткѣ, доброй старухѣ, всегда занятой тканьемъ галуна. Потомъ я заходилъ къ нимъ каждый разъ когда былъ на свободѣ, и просиживалъ довольно долго. Асланъ-Козъ (Львиная группа) принялась учить меня по-черкесски. Алимъ-Гирей зналъ что я вижусь съ его дочерью, и нисколько этому не противился, повинувшись черкесскому обычаю, позволяющему дѣвушкамъ бывать въ обществѣ мужчинъ. Вспоминаю объ этихъ, кажется, очень неважныхъ обстоятельствахъ, потому что они, въ то время, имѣли для меня весьма глубокое значеніе, оживляя хотя нѣсколько тягостное однообразіе моего безнадежнаго существованія.

Въ концѣ лѣта Тамбіевъ сдѣлался необыкновенно веселъ, и сталъ ухаживать за мною съ особенною нѣжностію.

Несмотря на его таинственное молчаніе, я догадывался, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство подаетъ ему опять надежду получить въ скоромъ времени выкупъ, котораго онъ за меня домогался. Я узналъ отъ постороннихъ Черкесовъ, что Государя ждутъ на Кавказѣ. Теперь я понялъ въ чемъ дѣло: Тамбіевъ думалъ, что при этомъ случаѣ станутъ заботиться о моемъ освобожденіи и непременно согласятся на всѣ его требованія.

Однажды, когда Алимъ-Гирея не было дома, Тамбіевъ лежалъ въ его кунахской, забавляясь на пшинерѣ. По прилѣпному выраженію лица можно было заключить, что онъ мечталъ о выгодахъ и удовольствіяхъ, которыми будетъ пользоваться когда получитъ за меня мѣшки золота и серебра. Въ его мечтахъ находила, кажется, мѣсто и Асланъ-Козъ, о которой онъ не разъ заговаривалъ при мнѣ съ отцомъ, прекращавшимъ обыкновенно разговоръ, потому что у мусульманъ допускается имѣть не болѣе жень чѣмъ сколько мужъ въ состояніи прокормить, а у Тамбіева и одна жена нерѣдко голодала... Въ эту минуту я сидѣлъ недалеко отъ Тамбіева возлѣ окна кунахской, курилъ изъ маленькой трубочки и вслѣдъ за дымомъ уносился мыслями далеко отъ мѣста, къ которому меня приковывала судьба. Около насъ вертѣлся Эдыгъ, четырнадцатилѣтній сынъ Алимъ-Гирея. Онъ меня очень любилъ. Замѣтивъ мое раздумье, онъ спросилъ меня: зачѣмъ я не иду лучше къ Асланъ-Козъ, у которой я всегда веселъ, вмѣсто того чтобы сидѣть здѣсь и горевать безъ проку.

— А! подхватилъ Асланъ-бекъ, — ему весело у Асланъ-Козъ; знаетъ онъ что хорошо, да не для глупа Аллахъ ей далъ умъ и красоту. Сходи-ка, Эдыгъ, къ сестрѣ, да спроси, не хочетъ ли она быть моею женой: это лучше, я мусульманинъ и кабардинскій уаркъ чистой крови.

Эдыгъ побѣждалъ исполнить порученіе Тамбіева, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ отвѣтомъ: сестра не желаетъ быть твоею женой, развѣ отецъ прикажетъ; говоритъ, довольно Асланъ-беку и Кочениссы.

Тамбіевъ погладилъ только свою длинную рыжую бороду.

— Жалѣю, Эдыгъ, что не заслужилъ расположенія твоей сестры! А станетъ жалѣть, когда я разбогачу и мой домъ будетъ какъ полная чаша.

Принимая все дѣло за шутку, я, въ свою очередь, шутя

попросилъ Эдыга спросить сестру, согласилась ли бы она выйти за меня, отказавъ Тамбіеву.

Эдыгъ опять убѣждалъ и пропадалъ въ этотъ разъ очень долго; я почти забылъ о моей шуткѣ, когда онъ вернулся и съ весьма серьезнымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Сестра приказала передать, что она согласна быть твоею женой, если ты сдѣлаешься мусульманиномъ.

Тамбіевъ разохотался.

— Умна твоя сестра: хочетъ глаура обратить, для того чтобы открыть себѣ въ рай широкую дорогу.

Его самолюбіе было оскорблено замѣтнымъ образомъ; онъ съ досадою всталъ и пошелъ навстрѣчу лошадямъ, возвращавшимся съ поля.

Не перемѣняя шуточного тона, я сказалъ Эдыгу:

— Какъ же я могу перемѣнить вѣру, и какой отъ этого будетъ прокъ? Я — плѣнникъ, не имѣю своей воли, бѣднякъ, у котораго нѣтъ ничего своего кромѣ головы, да и то пока ее хотятъ оставить на плечахъ.

— Асланъ-Козъ и объ этомъ подумала, возразилъ Эдыгъ. — Когда ты захочешь перемѣнить вѣру и жить съ нами навсегда, Абазехи принудятъ Кабардинцевъ дать тебѣ свободу, можетъ-быть, даже заплатить имъ выкупъ. Шаріатъ рѣшить дѣло. Алимъ-Гирей любитъ свою душу, и для спасенія ея отдастъ тебѣ сестру безъ калыма. Мусульмане помогутъ вамъ: дадутъ землю; лошадей, скотину, оружіе; вы оба молоды, — ты станешь воевать съ Русскими, а она будетъ работать дома, — и Аллахъ благословитъ вашъ труды. Выбирай!

— Асланъ-Козъ такъ добра! Все готовъ для нея сдѣлать кромѣ одного: не могу ни мѣнять вѣры, ни драться противъ моихъ братьевъ, Русскихъ.

На другой день я встрѣтился съ Асланъ-Козъ. Въмѣсто улыбки, которую я привыкъ видѣть, меня встрѣтилъ сухой поклонъ, и она отошла въ другую сторону. Мнѣ не приходила въ голову мысль, чтобы я могъ возбудить въ ней другое чувство кромѣ простаго состраданія къ плѣнному, оборванному бѣдняку, пожираемому тоской и скукой; я объяснилъ ей сухость простою вспышкой женскаго самолюбія, оскорбленнаго уже тѣмъ что, даже шутя, я позволялъ себѣ отказаться отъ счастья быть ея мужемъ. Слѣдуя за нею глазами, я замѣтилъ только въ первый разъ, что она дѣйствительно очень хороша, стройна и особенно граціозна. Заслу-

живъ невольнымъ образомъ ея негодованіе, чтобы не подвергнуться несприятному приему, я пересталъ заходить къ теткѣ, у которой она жила; сама же Асланъ-Козъ видимо избѣгала встрѣчи со мною.

Скоро послѣ того Тамбіевъ объявилъ мнѣ, что мое дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ, и, кажется, отъ меня самого будетъ зависѣть или получить свободу, или пропадать въ неволѣ. Для того чтобы приготовить меня къ ожидаемому рѣшенію и сколько можно переломить мое упрямство, онъ употребилъ въ дѣло опять оковы. Около недѣли я лежалъ въ своей башнѣ, не имѣя средствъ тронуться съ постели, когда въ одно утро Тамбіевъ привелъ ко мнѣ двухъ богато одѣтыхъ Черкесовъ, за которыми слѣдовалъ и хаджи Джансендъ. Это были офицеры изъ покорныхъ Черкесовъ, Шанъ-Гирей Абатъ и Тлекесъ Тамбіевъ, племянникъ Асланъ-бека, присланные Вельяминовымъ въ моему присутствію начать съ Кабардинцами переговоры о моемъ освобожденіи. Сцена была подготовлена: имъ показали меня съ намѣреніемъ въ оковахъ, полуодѣтаго и изнуреннаго продолжительнымъ страданіемъ. Въ одномъ только ошиблись Кабардинцы: посланные не нашли меня упавшимъ духомъ. Въ моемъ тѣсномъ помѣщеніи составили совѣтъ, на который, по требованію Асланъ-бека, былъ также призванъ Дауръ-Алимъ-Гирей, безъ котораго онъ не хотѣлъ принимать никакого рѣшенія. Парламентеры говорили именемъ Вельяминова, носившаго въ горахъ названіе „генераль-плижеръ“—краснаго генерала, по причинѣ его рыжеватыхъ волосъ. Черкесы его боялись и уважали; слѣдственно, дѣло было нешуточное. Въ тѣ времена Вельяминовъ былъ въ глазахъ горцевъ первый русскій воинъ послѣ Ермолова. Про него пѣли пѣсни, разносившія преданіе о немъ въ самыя отдаленныя мѣста горъ. Привожу самую популярную изъ нихъ, характеризующую понятіе, которое горцы составили себѣ о немъ:

„Дѣти, не играйте шашкою, не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генераль-плижеръ близокъ!

„Близко, или далеко, генераль-плижеръ знаетъ все, видитъ все: глазъ у него орлиный, полетъ его соколиный.

„Было счастливое время: Русскіе сидѣли въ крѣпостяхъ за толстыми стѣнами, а въ широкомъ полѣ гуляли Черкесы; что было въ полѣ принадлежало имъ. Тяжко было Русскимъ, весело Черкесамъ.

„Откуда ни взялся генераль-плицеръ, и высыпали Русскіе изъ крѣпостей; уши лошади вмѣсто присошекъ, сѣдельная лука вмѣсто стѣны; захватили они поле, да и въ горахъ не стало Черкесамъ житья.

„Дѣти, не играйте пашкою, не обнажайте блестящей полосы, не наклеивайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генераль-плицеръ близокъ.

„Онъ все видитъ, все знаетъ. Увидитъ шапку наголо, и будетъ бѣда. Какъ воронъ на кровь, такъ онъ летитъ на блескъ желѣза. Генераль-плицеръ налетитъ какъ соколъ, заклюетъ какъ орелъ, какъ воронъ напьется нашей крови.“

Сперва Шамъ-Гирей Абатъ предложилъ Кабардинцамъ отъ имени Вельяминова выдать меня добровольно, явиться съ повинною головою къ Государю, который долженъ былъ пріѣхать на Кавказъ, и отъ Его милости ожидать прощенія за измѣну. Въ такомъ только случаѣ Вельяминовъ обѣщалъ забвеніе прошедшаго и свое личное предстательство въ пользу ихъ домогательствъ касательно захваченнаго у нихъ имущества; но прежде всего онъ требовалъ отъ нихъ безусловной покорности. Если же они станутъ упорствовать, продолжая требовать безумный выкупъ, тогда онъ приказалъ имъ передать, что одна смерть можетъ искупить ихъ преступленіе, и онъ, Вельяминовъ, не станетъ спать, пока не исполнитъ надъ ними приговора. Черкесы по опыту знали генерала-плицера за человѣка не имѣвшаго привычки грозить понапрасну; свое слово онъ держалъ всегда. Дѣло требовало настоятельнаго размышленія. Оба Кабардинца и Алимъ-Гирей вышли переговорить между собою, оставивъ у насъ бѣглеца Брагунова, призваннаго ими, для того чтобы слышать что посланные Черкесы станутъ говорить со мною по-русски. Совѣтъ продолжался болѣе получаса. Наконецъ вернулся, и Тамбиевъ объявилъ, что они не принимаютъ предложенія генерала Вельяминова, рѣшившись умереть у Абазеховъ, какъ слѣдуетъ добрымъ мусульманамъ, а выкупъ за меня остается тотъ самый, который они требовали сначала, то-есть пять четвериковъ серебряной монеты. Насупивъ брови, онъ прибавилъ: что если въ этотъ разъ, черезъ шесть недѣль, не будутъ присланы деньги, то мнѣ срѣжутъ голову и отошлютъ ее къ Русскимъ, убѣдившись что я имъ живой не нуженъ.

— Въ такомъ случаѣ не забудьте послать голову: время жаркое, можетъ испортиться, сказалъ я Кабардинцамъ, насмѣхался надъ ихъ угрозою.

Они поблѣднѣли со злости, пробормотавъ: „гяуръ бзаге!“ (злой гяуръ) Чтобъ объяснить почему ихъ такъ раздосадовало мое замѣчаніе, необходимо упомянуть объ одномъ обстоятельстве. Одну изъ главныхъ черкесскихъ нуждъ составляетъ соль, безъ которой они совершенно бѣдствуютъ, не имѣя способа сохранять на зиму мясо отъ скотины, убиваемой осенью, какъ дѣлаютъ всѣ кочевые народы. Несмотря на военныя обстоятельства, собственно для сближенія съ нами Черкесовъ путемъ торговли были учреждены на Кубани мѣновыя дворы, на которыхъ имъ отпускали соль за разный горекій товаръ. Въ наказаніе за обманъ, жертвою котораго я сдѣлался, наложили запрещеніе на соль, пропикавшую къ нимъ только черезъ Армянъ, путемъ контрабанды въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что она продавалась на вѣсъ серебра. Всю зиму Абазехи оставались безъ мясной пищи, сдѣлавшейся доступною для однихъ богачей. Поэтому очень не удивительно, если они разсердились, когда я имъ напомнилъ насчетъ соли.

Получивъ отъ Кабардинцевъ отрицательный отвѣтъ на предложеніе сдѣланное имъ отъ имени генерала Вельяминова, Шанъ-Гирей объявилъ, что имѣеть ко мнѣ личное порученіе, которое проситъ позволенія передать мнѣ наединѣ, соглашаясь дать присягу, что оно клонится столько же въ мою пользу, сколько въ выгоду самихъ Кабардинцевъ.

Снова посовѣтовавшись между собою, они согласились оставить меня нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей съ Шанъ-Гиреемъ и Тлекесомъ.

Тогда Абитъ отдалъ мнѣ записку отъ Вельяминова слѣдующаго содержанія: „Не имѣя возможности освободить васъ другимъ способомъ, разрѣшаю вамъ самимъ назначить за себя выкупъ, и переговорить объ этомъ дѣлѣ съ захваченными вами людьми черезъ посланныхъ мною, которымъ вы можете совершенно вѣрить. Это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ нашей готовности сдѣлать все что возможно для вашего освобожденія.“

У Шанъ-Гирей находился наготовѣ карандашъ для отвѣта. На оборотѣ той же записки я написалъ: „Выкупъ считаю невозможнымъ. Чѣмъ болѣе будутъ предлагать, тѣмъ болѣе станутъ требовать. Человѣкъ въ цѣпяхъ не можетъ назначить чего онъ стоить; поэтому отказываюсь отъ предоставленнаго мнѣ права. Не хочу показаться малодушнымъ въ

глазахъ вашего превосходительства. При совершенно-потерянномъ здоровьи я ничего не стою, потому что ни къ чему болѣе не годенъ. Не прошу выкупа, а прошу только наказанія обманщикамъ, въ примѣръ другимъ.“

Не знаю, право, какимъ путемъ содержаніе моего отвѣта сдѣлалось гласнымъ, и было напечатано въ *Times*, пока я находился еще въ плѣну.

Отдавъ Ханъ-Гирею записку, я сказалъ ему мое мнѣніе касательно выкупа, и онъ не могъ его опровергнуть ничѣмъ. На этомъ кончились переговоры. Тамбіевъ былъ золъ, не снималъ съ меня оковъ, кормилъ какъ нельзя хуже, позволялъ себѣ, чего прежде не случалось, честить меня словомъ: „гяуръ бзаге“, а мнѣ оставалось только покоряться силѣ обстоятельствъ.

Не думаю чтобы Кабардинцы дѣйствительно рѣшились срѣзать мнѣ голову, но могли кончить чѣмъ-нибудь недобрымъ, если бы безпрестанно не оживлялась у нихъ надежда добиться таки за меня хорошаго выкупа. Покойный императоръ изъ Гелленджика отправилъ еще разъ флигель-адъютанта, Ханъ-Гирея, сказать Кабардинцамъ, что онъ повелѣлъ, наконецъ, меня выкупить за деньги, если они умѣрятъ свое требованіе. Въ отвѣтъ разбойники изъявили свое согласіе „сдѣлать уступку“, и вмѣсто пяти четвериковъ серебра, взяли столько золота, сколько во мнѣ окажется вѣсу. Подобная уступка отняла охоту далѣе вести съ ними переговоры; попытки Ханъ-Гирея, какъ и всѣ предыдущія старанія возвратить мнѣ свободу, остались безъ результата.

Т.

(До слѣд. №.)

ВОСПОМИНАНІЯ

КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА *

Х.

Въ сентябрѣ кончился годъ моего плѣна, и я не видѣлъ ему конца; всѣ обстоятельства, на которыя я разчитывалъ проходили безъ пользы, уничтожая одну надежду за другою. Чѣмъ болѣе обо мнѣ хлопотали, тѣмъ болѣе Кабардинцы настаивали на своихъ требованіяхъ, и даже увеличивали ихъ, когда съ нашей стороны показывали готовность согласиться. Между тѣмъ мое положеніе съ каждымъ днемъ становилось несгертнмѣе; оковы, недостатокъ платья и бѣлья, нечистота и голодъ изнуряли мое тѣло, а безнадежность убивала духъ. Съ равнодушіемъ къ жизни мною овладѣла болѣзненная раздражительность, которую иногда я не могъ побѣдить. Мысль спастись бѣгствомъ приходила мнѣ на умъ, но я видѣлъ въ то же время совершенную невозможность исполнить ее при существующихъ обстоятельствахъ. Для бѣгства надо было выбрать удобное время, и чтобы имѣть удачу, приготовить его хитростію и продолжительнымъ притворствомъ, а я этого еще не дѣлалъ. Не желая изнурить меня окончательно, мнѣ давали иногда днемъ свободу прогуливаться въ аулѣ; тогда я ходилъ взадъ и впередъ по лугу передъ моимъ жильемъ, сворачивая когда показывались люди. Въ одну изъ такихъ прогулокъ со мною случилось происше-

* Окончаніе. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 9, 10 и 11 1864 года

ствіе, отъ котораго я дѣйствительно могъ потерять голову, еслибы судьба не опредѣлила иначе.

Это случилось въ позднюю осень, не помню навѣрное, кажется въ концѣ октября. Съ раннего утра слышались пушечные выстрѣлы со стороны Сагуани; они, казалось, съ каждымъ часомъ становились чаще и ближе. Знакомый гулъ заставлялъ вздрогнуть мое сердце, но не возбудилъ въ немъ ни малѣйшей надежды. Я зналъ, что русскія войска не могутъ дойти до нашего аула, и если дойдутъ, то меня въ немъ не застанутъ. Абазехи разчитывали такимъ же образомъ, и нисколько не заботясь обо мнѣ, всѣ усакали на тревогу. Изъ окрестныхъ селеній весь народъ также бѣжалъ къ Сагуани. На другой день Абазехи стали возвращаться съ мѣста сраженія, и многіе изъ нихъ проходили мимо меня не скрывая своей злобы... Генераль *** переправился на лѣвую сторону Сагуани, успѣлъ отбить не малое количество скота, но на обратномъ пути въ лѣсу Джемтао-куо наткнулся на сильное сборище Абазеховъ, пытавшихся отрѣзать ему дорогу. Русскій отрядъ, разумѣется, пробился; дѣло было жаркое, и Абазехи потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Завидѣвъ меня, нѣкоторые изъ возвращавшихся, между которыми были также раненые, бормотали бранныя слова или грозили мнѣ кулаками и пашками. Это начало меня раздражать, и я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погрозить имъ въ отвѣтъ моимъ кизилевымъ посохомъ. Въ это время приближалъ кормившійся у Алимъ-Гирея бездомный Абазехъ, Худы, также разстрѣлявшій свои заряды въ нашихъ казаковъ; началъ съ жаромъ разказывать о дѣлѣ, пересчитывать побитыхъ Абазеховъ и, разумѣется, проклинать гяуровъ. Увидавъ меня, онъ не удержалъ своей злости, подбѣжалъ, задыхаясь, съ поднятыми кулаками и началъ осыпать меня бранью, называл, между прочимъ „ко-базе“ (злая свинья). Этого было слишкомъ много для моего терпѣнія. Неимѣя привычки слышать отъ горцевъ ругательства, я съ досадою поднялъ пашку, угрожая разбить ему голову, если онъ еще разъ повторитъ свою брань. Озадаченный Худы отошелъ въ сторону; но дѣло этимъ не должно было кончиться. Полчаса спустя замѣтилъ Черкеса, который подвѣзжалъ къ кунахской Алимъ-Гирея, и въ которомъ нетрудно было узнать, по одеждѣ и по оружію, человека живущаго недалеко отъ Кубани. Подстрекаемый любопыт-

ствомъ, я пошелъ въ кунахскую и очень обрадовался услышавъ отъ него русское: „здорово брать!“ Мгновенно вспыхнула во мнѣ надежда не привезъ ли онъ для меня какое-нибудь извѣстiе съ линiи. Позже я узналъ, что онъ дѣйствительно былъ подосланъ приставомъ горскихъ народовъ, майоромъ Венеровекинымъ, осведомиться о томъ какъ я живу. Прiѣхавшiй Черкесъ снималъ оружіе, пока я дѣлалъ ему вопросы. Тамбиевъ и Алимъ-Гирей еще не возвратились, поэтому никто мнѣ не мѣшалъ съ нимъ говорить, а нѣсколько постороннихъ Абазеховъ, бывшихъ въ кунахской, мало заботились о насъ. Въ это мгновеніе Худы опять появился. Услышавъ русскiй разговоръ, онъ уже не по-черкесски, а по-русски крикнулъ маѣ: „ты чумка, и всеъ Русскіе чумка!“

Не помня себя отъ бѣшенства, я схватилъ лежавшiй на скамьѣ пистолетъ Черкеса и бросился на Худы. Хозяинъ пистолета уцѣпился за конецъ его и закрылъ собою Худы. Усиливаясь вырвать пистолетъ изъ моихъ рукъ, онъ кричалъ чтобъ я опомнися, и клялся что скорѣе дастъ себя убить, чѣмъ позволить мнѣ застрѣлить глупаго Абазеха, за котораго народъ разорветъ меня на части. Прочіе люди, находившіеся въ кунахской, стояли какъ остоленныя. Видя что я не могу переселить моего противника и рискуя дѣйствительно, продолжая борьбу, убить его, хотя онъ ни въ чемъ не виноватъ, я выпустилъ изъ рукъ пистолетъ съ взведеннымъ уже куркомъ и вышелъ изъ кунахской. Брань и проклятiя Абазеховъ посыпались вездѣ за мною. Послѣ того я сѣлъ въ своей избѣ, нисколько не задумываясь о томъ что случилось. Потерявъ всякую надежду увидать себя на свободѣ, я сдѣлался весьма равнодушнымъ къ своей судьбѣ. Хуже быть не могло. Вечеромъ прiѣхалъ Тамбиевъ. Грозно нахмуривъ брови, объявилъ онъ мнѣ, что отнынѣ я буду прикованъ день и ночь, да сверхъ того мнѣ скуютъ руки за дерзость, съ какою я осмѣлился покуситься на жизнь мусульманина.

Для три спуская, поднялся въ аулъ не бывалый шумъ. Безпрестанно незнакомые мнѣ Абазехи подходили къ дверямъ моей тюрьмы, пристально меня разглядывали и уходили не говоря ни слова. Я не понималъ этой церемонiи. Тамбиевъ не показывался. Мои караульные молча ложились спать, и проспавшись поутру, уходили не говоря ни слова. Толстая служанка Хоразъ, приносившая мнѣ кушанье, бросала на

меня значительные взгляды, покачивала головою, и отказывалась отвѣчать, когда я ее спрашивалъ отчего въ аулѣ собралось такъ много чужаго народу. Наконецъ я узналъ въ чемъ дѣло. У Алимъ-Гирея жила служанкою русская плѣнница, Марія, схваченная на линіи лѣтъ восемь тому назадъ. Она хорошо говорила по-черкесски, совершенно обжилась въ домѣ своего господина и не думала возвращаться на русскую сторону, гдѣ она все потеряла со смертью мужа, убитаго въ ея глазахъ во время непріятельскаго нападенія. У нея былъ сынъ, абазехскій мальчикъ, составлявшійся единственную привязанность и послѣднюю надежду въ жизни. Она не забыла, впрочемъ, родной стороны и заходила ко мнѣ довольно часто поболтать по-русски. Въ этотъ разъ она пришла ко мнѣ съ опечаленнымъ видомъ, всхлипывала и вздыхала, и разказала за тайну, что мое дѣло очень плохо. Въ народѣ разнеслось, что я поднялъ оружіе на Абазеху въ кунахской Алимъ-Гирея, служившей также мечетью для правовѣрныхъ, потому что муэдзинъ каждадневно возглашалъ у дверей ея часть намаза; какой-то мулла-фанатикъ нашелъ что я осквернилъ этимъ поступкомъ святое мѣсто, и кромѣ того совершилъ неслыханное преступленіе покусившись на жизнь мусульманина, на землѣ мусульманской и въ мусульманскомъ домѣ, за что долженъ быть казненъ безъ всякой пощады. Абазехи, настроенные этимъ муллою, ловко воспользовавшимся злобою ихъ противъ Русскихъ за послѣднее вторженіе, толпами сбѣжались къ Алимъ-Гирею требовать моей головы такъ настоятельно, что Тамбіевъ, жаждавшій денегъ, а не крови моей, совершенно смутился. Признаюсь, и я узналъ эту новость не съ тѣмъ равнодушіемъ, которое, изъ гордости, старался наружно сохранять. Найти неожиданную смерть на полѣ сраженія, среди своихъ товарищей и друзей, не то что ожидать быть зарѣзаннымъ въ оковахъ, въ лѣсу, видя около себя однихъ разъяренныхъ враговъ.

Вслѣдъ за Марьей пришла Асланъ-Козъ, которой я не видалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ ея первыхъ словъ я замѣтилъ, что она приняла мою шутку насчетъ сватовства съ весьма серіозной стороны. „Ты меня обидѣлъ, ты пренебрегъ мною“, сказала она, „но я не хочу помнить прошедшаго и готова тебѣ помочь. Абазехи очень разсержены: какой-то глупый мулла наговорилъ имъ Богъ знаетъ что; но я упрошу отца вступить за тебя: онъ меня любитъ и сдѣластъ все

что можно для твоей защиты.“ Въ домѣ Алимъ-Гирей составилъ народный судъ. Тамбіевъ защищалъ, разумѣется, свои права, доказывалъ что съ моею потерей онъ утрачиваетъ всякую надежду вознаградить себя за ущербъ понесенный имъ отъ Русскихъ, что Абазехи, требуя моей головы, хотятъ отнять у него, мусульманина, жизнь, лишая его всѣхъ способовъ прокормить себя на будущее время. Спорный вопросъ состоялъ въ томъ, кто имѣетъ болѣе права на мою голову, захватившіе меня Кабардинцы, или Абазехи у которыхъ я поспѣлъ покунуться на жизнь мусульманина, хотя и не совершилъ преступленія. Не соглашались между собою насчетъ этого вопроса, Кабардинцы и Абазехи рѣшились отдать все дѣло на судъ Дагестанъ-эфендія. Алимъ-Гирей подалъ первый эту мысль и успѣлъ склонить Абазеховъ ей подчиниться, надѣясь что знакомый ему умный эфенди кончитъ дѣло, не доводя его до крайности. Такъ и случилось. Эфенди, приглашенный въ собраніе, не сталъ противиться народному мнѣнію, противъ котораго трудно было спорить въ этомъ случаѣ. Въ чрезвычайно длинной рѣчи, онъ разказалъ Абазехамъ на сколько мусульманинъ стоитъ выше гяура, что волосъ изъ бороды перваго гораздо дороже головы послѣдняго передъ свѣтлымъ ликомъ Аллаха, что каждая враждебная мысль противъ мусульманина, возникающая въ сердцѣ гяура, удваиваетъ его мученія въ вѣчности, а покушеніе на жизнь мусульманина полагаетъ кару и въ семъ мірѣ, что я поэтому заслужилъ наказанія требуемаго Абазехами, и Кабардинцы обязаны меня выдать имъ. Потомъ онъ перешелъ къ правамъ Кабардинцевъ. и съ Кораномъ въ рукахъ доказалъ Абазехамъ, что собственность мусульманина есть дѣло святое, и что Кабардинцы потеряли ее благодаря гяурамъ, но надѣются выручить чрезъ меня: лишался же этого, Аллахомъ имъ дарованнаго способа, если я кончу жизнь, они уграчиваютъ такъ-сказать свое достоинство, почему справедливость требуетъ чтобы Абазехи вознаградилъ ихъ за потерю, собравъ между собою и заплативъ по крайней мѣрѣ половину выкупной суммы, на которую Русскіе уже соглашались, что составляетъ шесть тысячъ рублей серебромъ. Справедливость этого рѣшенія была признана большинствомъ собранія, обработаннаго Алимъ-Гиреемъ и его родственниками, такъ что Абазехамъ, желавшимъ моей головы, оставался одинъ способъ добыть ее.

заплативъ шесть тысячъ цѣлковыхъ Кабардинцамъ, что все не лежало въ ихъ разчетѣ. Поэтому все дѣло кончилось ничѣмъ. Совѣтъ обошелся не безъ шума; крикъ разсерженныхъ, горячо спорившихъ Абазеховъ долеталъ до меня. Марія прибѣгала, когда можно было, извѣщать меня о ходѣ совѣщаній; Асланъ-Козъ прокралась въ мою избу и съ радостнымъ лицомъ сообщила рѣшеніе, предложенное народу Дагестанъ-эфендіемъ. Изъ оборота даннаго имъ дѣлу можно было предсказать его исходъ: гдѣ было бѣднымъ Абазехамъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, взять шесть тысячъ цѣлковыхъ для удовлетворенія чувства мщенія, минутно раздраженнаго недавними потерями и рѣчами фанатическаго муллы. Въ это время, положительно можно сказать, я прошелъ черезъ всѣ ощущенія человѣка ожидающаго произнесенія смертнаго приговора.

Слишкомъ два мѣсяца я оставался прикованнымъ, не переступая за высокій порогъ моего жилья. Въ ноябрѣ выпалъ глубокій снѣгъ и наступила зима, какой не могли припомнить самые старые люди. Миѣ она осталась памятною навсегда. Бревна, изъ которыхъ была срублена моя изба, сохлились, глиняная смазка между ними обвалилась, вездѣ открылись широкія щели; камышелую крышу размыло дождемъ, и никто не думалъ ее починить; мой тюфикъ сбился въ одну плотную массу, тверже доски; одѣвало, когда-то стеганое, обратилось въ тонкое прозрачное лохмотье, сквозь которое, закрыть голову, я могъ считать звѣзды на небѣ, чему съ своей стороны способствовали скважины въ крышѣ. Платье мое состояло изъ холщевыхъ шароваръ и кошачьей шубы, у которой недоставало рукавовъ, безъ рубашки и безъ обуви. Разъ въ сутки миѣ приносили въ небольшой деревянной тарелкѣ кукурузной похлебки, проса съ кислую сывороткой или кусокъ варенаго ржаного тѣста съ масломъ. Дурной урожаи, угрожавшій всеобщимъ голодомъ, принуждалъ Абазеховъ обходиться очень бережливо съ съѣстными припасами; ранняя зима и неслыханный холодъ довершали бѣдствіе. Алимъ-Гирей имѣлъ едва чѣмъ прокормить своихъ домашнихъ, а Тамбіевъ просто голодалъ. Хоразъ, подавая миѣ ѣду, безпрестанно жаловалась, что Кочениссы, ея господа, нечего ѣсть; дѣти Тамбіева прибѣгали слѣдомъ за нею, садились возле меня пока я ѣлъ, и съ самымъ жалобнымъ видомъ глядя на глаза, ожидалъ подачи; самъ онъ уѣзжалъ, и по цѣлымъ недѣ-

лямъ, благодаря черкесскому гостепріимству, кормился Богъ вѣсть у кого. Ночи я проводилъ дрожа отъ холода, не смыкая глазъ, занятый однимъ неблагодарнымъ дѣломъ, раздуваніемъ огня изъ сырыхъ дровъ не дававшихъ огня, а только ослаблявшихъ меня густымъ дымомъ, наполнявшимъ всю избу. Даже когда мнѣ удавалось, послѣ неимоверныхъ усилий, развести огонь, помощь была не велика; пока грудь моя жарилась, спина мерзла, а когда я садился къ огню спиною, начинала мерзнуть грудь. Между тѣмъ трое караульных, ночевавшихъ въ избѣ, плотно прижавшись одинъ къ другому и закрывшись шубами и бурками, спали крѣпкимъ сномъ, зная что я прикованъ и поэтому не могу уйти. Цѣль была для меня двойнымъ мученіемъ: она висѣла на мнѣ какъ ледяная гиря, или накаливалась отъ огня до того что я не могъ ея коснуться. Но сильнѣе всѣхъ этихъ невзгодъ я страдалъ отъ нечистоты и отъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ нельзя было избавиться ни огнемъ, ни водою.

Дома безъ деревянныхъ половъ, недостатокъ бѣлъя, отсутствіе теплыхъ бань, существующихъ въ изобиліи у другихъ восточныхъ народовъ, и скудная, нездоровая пища, порождаютъ между простыми Черкесами неслыханную нечистоту и самыя отвратительныя кожные болѣзни, наводившія на меня непреодолимый страхъ. Не зная какимъ способомъ уберечь себя отъ заразы, я обмывалъ руки и тѣло, когда только могъ, отваромъ изъ простаго, самаго бѣлаго табаку. Кромѣ чесотки и всякаго рода злокачественныхъ нарывовъ, я не разъ встрѣчалъ настоящую проказу, видѣлъ дѣтей, у которыхъ шея и плечи были покрыты наростомъ похожимъ на рыбью чешую, и однажды сдѣлался принужденнымъ свидѣтелемъ случая, оставившаго въ моей памяти самое непріятное впечатлѣніе. Въ одно утро я сидѣлъ въ кунахской Алимъ-Гирей, очень довольный тѣмъ что всѣ разошлись; я могъ по крайней мѣрѣ думать на свободѣ. Легкій шорохъ у входа заставилъ меня поднять голову. Въ дверяхъ показался незнакомый Абазехъ, тащившій за собою на длинной палкѣ другаго человѣка. Я взглянулъ на него и не повѣрилъ глазамъ, дрожь пробѣжала по всему тѣлу: у этого человѣка на живыхъ плечахъ качалась мертвая голова, одинъ черепъ, безъ глазъ, безъ носу, безъ ушей, ни слѣда кожи,— все было сдѣлано острою болѣзнію; и онъ въ подобномъ состояніи еще двигался и кормился. Я вскочилъ и хотѣлъ уйти, но Абазехи, сбѣжавшіеся смотрѣть на него, остановили меня, гово-

ря что нечего его глумиться, потому что онъ мусульманинъ. Несмотря на отвращеніе мое, я долженъ былъ выдержать его видъ около часа, опасаясь чтобъ Абазехи, замѣтивъ сколько я страдалъ, изъ злости не заставили бы его тронуть меня. Черкесы высшаго класса держать себя гораздо опрятнѣе, и я не замѣчалъ у нихъ подобнаго рода болѣзней. Женщины болѣе мужчинъ заботятся о чистотѣ; за неимѣніемъ бань онѣ безпрестанно полощутся, сидя въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ. Къ несчастію у нихъ очень часто недостаетъ самыхъ необходимыхъ вещей для туалета. Осенью тридцать седьмого года обѣ жены Алимъ-Гирея, его дочери и маленькіе сыновья совершенно обносились; даже у моей пріятельницы Асланъ-Козъ число рубашекъ и шароваръ быстро уменьшалось. Богатый стадами, лошадьми и оружіемъ, Алимъ-Гирей все-таки не имѣлъ средствъ купить имъ холста и самыхъ простыхъ матерій для ежедневнаго употребленія. Турки доставлявшіе горцамъ разный товаръ, не мѣняли его иначе какъ на дѣвушекъ и на мальчиковъ. Ханъ, моя знакомая, была продана еще весною; вырученный за нея товаръ израсходованъ или, по черкесскому обыкновенію, розданъ многочисленнымъ Даурамъ и даже постороннимъ людямъ. Женамъ абазехскаго дворянина, изъ рода Дауровъ, и его взрослымъ дочерямъ неприлично было оставаться безъ чистой одежды, столько же необходимой для защиты отъ холода, какъ и для сбереженія ихъ стыдливости; по этому случаю собрали семейный совѣтъ, много ѣли, долго разсуждали и дѣло рѣшили наконецъ самымъ простымъ образомъ. Нѣсколько молодыхъ Дауровъ, вспомнивъ что противъ какого-то абазехскаго семейства имѣлась старинная канда, сдѣлали поискъ, захватили принадлежавшую къ нему хорошенькую дѣвочку, продали ее Туркамъ и вырученнымъ товаромъ одѣли своихъ собственныхъ сестеръ и матерей. Помню какъ Асланъ-Козъ сшила себя тогда тиковую рубашку розоваго цвѣта, и съ самодовольствіемъ прогуливалась въ ней передъ домомъ, а дѣвушки изъ окрестныхъ ауловъ прибѣгали любоваться ея нарядомъ и отъ удивленія вскрикивали: „бо дахѣ! бо дахѣ!“ (очень хорошо).

Этотъ деркій способъ добывать домашнія потребности не обошелся дешево Даурамъ. Абазехская семья, у которой украли дѣвочку, какъ ни была беспомощна, принялась однако мстить всеми средствами. У Дауровъ начали пропа-

дать скотъ и лошади, сѣно ихъ поджигали, что всего раззорительнѣе для народа, у котораго главное, можно сказать, единственное богатство составляютъ стада. Не проходило ночи безъ тревоги. Въ нашемъ аулѣ, когда собаки начинали только лаять, всѣ Абазехи выскакивали изъ домовъ, поднимали крикъ и наудачу стрѣляли въ ту сторону, откуда слышался шорохъ. Наконецъ одинъ изъ Дауровъ былъ найденъ убитымъ, кѣмъ именно не знали, но догадывались что онъ сдѣлался жертвою этой вражды. Постороннія дворянскія фамиліи вмѣшались, требуя суда для прекращенія вражды, нарушавшей народное согласіе. Долго спорили, судить ли дѣло по шаріату, выгодному для народа, или по адиту, благопріятному для дворянства, пользующагося преимуществами передъ простымъ народомъ. Эфендіи, начинавшіе уже тогда пріобрѣтать вѣсь у Абазеховъ, котораго они прежде не имѣли, настаивали на шаріатѣ, но рѣшили споръ такимъ образомъ, что дворянамъ нечего было желать адита. Сосчитавъ потери и убытки понесенные съ обѣихъ сторонъ, положивъ похищеніе дѣвушки равняющимся убійству Даура, они нашли, что тяжущіеся другъ другу ничего не должны, и имъ только остается помириться на вѣчныя времена, внеся эфендіямъ обычную плату за судъ и правду.

Въ продолженіе этой несчастной зимы, Тамбіевъ въ двухъ только случаяхъ далъ мнѣ возможность выйти за стѣны моего тоскливаго жилья, соблюдая при этомъ общепринятые правила черкесской вѣжливости и не дѣлая мнѣ принужденія. Первый разъ повелъ онъ меня на поминки по умершему брату Алимъ-Гирѣя, мужу Асланъ-Козовой тетки; второй разъ въ соседній аулъ къ раненому Кабардинцу. Я давно понималъ Тамбіева и пріучилъ его быть со мною вѣжливымъ даже въ самыя трудныя и непріятныя минуты. Его слабая струна была высокое значеніе придаваемое имъ дворянскому достоинству вообще и въ особенности своему собственному происхожденію, которое онъ, по причинѣ его древности, ставилъ выше княжескаго званія, называя Тамбіевыхъ первыми дворянами Кабарды, никогда дѣйствительно господствовавшей надъ всѣми другими горскими народами. Онъ часто спрашивалъ меня о моихъ предкахъ, о правахъ и почестяхъ, которыми у насъ пользуются дворяне, и не хотѣлъ имѣть никакого уваженія къ жалованнымъ дворянамъ, говоря, что дворянина можетъ создать одинъ Богъ. Еще когда мы жи-

ли въ лѣсу около Курджинса, онъ пошелъ со мною однажды въ табуку ловить лошадей, поймалъ лошадь арканомъ и бросилъ мнѣ небрежно конецъ, крикнувъ довольно грубо: „на, держи!“ Не хватая конца, я ударилъ лошадь ногою, отчего она усккала. Тамбиевъ извѣсился. Это что значитъ? крикнулъ онъ, покраснѣвъ отъ досады. „Такой обычай у русскаго дворянина, когда ему грубо приказываютъ дѣлать то къ чему онъ не привыкъ.“ Тамбиевъ на мгновеніе остановился, посмотрѣлъ на меня искоса, слова поймалъ лошадь, и подавая конецъ, сказалъ: „прошу, поддержи пока я захвачу еще другую лошадь.“ Тогда я сталъ держать, не говоря ни слова. Послѣ того, когда Тамбиевъ начиналъ быть грубымъ, я его только спрашивалъ: „ты дворянинъ или холопъ?“ что его тотчасъ заставляло перемѣнять тонъ.

Поминки у Абазеховъ, совершаемые, противоположно абхазскому обычаю, безъ тризны, имѣютъ чисто-религіозный характеръ. Къ нимъ собираютъ сколько можно болѣе муллъ и вѣндіевъ, творятъ продолжительный намазъ, угощаютъ званныхъ гостей, между которыми непременно должны находиться всѣ сосѣдніе бѣдники, и раздаютъ милостыню, составляющую главный актъ поминовенія. Дагестанъ-вѣнди, съ которымъ мнѣ было суждено безпрестанно сталкиваться, находился между гостями. По окончаніи цершества, состоявшаго изъ несмѣтнаго количества мяса и баранины, орошаемыхъ ковшами максимы, онъ снова принялся мнѣ убѣждать обратить мой умъ къ свѣтымъ истинамъ Корана. Уклончивость, которую онъ встрѣтилъ опять въ моихъ отвѣтахъ, понудила его, покачавъ головою, пробормотать: „шайтаномъ ослабленный гяуръ; неисправимый гяуръ!“

Приключеніе съ Худы, изъ-за котораго я такъ сильно пострадалъ на первыхъ порахъ, было не только забыто, но, скажу лучше, доставило мнѣ уваженіе Абазеховъ, смотрѣвшихъ на меня послѣ этого совершенно другими глазами. Бѣдный, бездомный, оборванный, Худы доказалъ мнѣ въ этомъ случаѣ, что въ его полудикой груди, подъ лохмотьями, скрывались чувства, которыми можетъ похвалиться не каждый образованный и даже высокороденный человѣкъ. Когда первый гнѣвъ прошелъ, онъ понялъ какъ дурно было съ его стороны выводить изъ терпѣнія нахальнымъ ругательствомъ безоружнаго пѣвника. Не зная какъ и чѣмъ загладить свою вину, онъ придумалъ уйдти на работу, за-

работать барана и предложить мнѣ его въ искупленіе сдѣланной обиды. Недѣли три послѣ происшествія онъ явился ко мнѣ съ своимъ трудовымъ бараномъ, бросилъ его къ моимъ ногамъ и съ такимъ смиреннымъ видомъ сталъ у меня просить прощенія, краснѣя отъ стыда, что я охотно ему протянулъ руку и согласился принять его даръ, только съ тѣмъ условіемъ что мы его сѣдимъ вмѣстѣ. Надо было видѣть непритворную радость, съ которою Худы встрѣтилъ мою готовность забыть прошедшее.

У раненаго Кабардинца я имѣлъ случай на дѣлѣ познакомиться съ обыкновеніемъ, о которомъ прежде зналъ только по однимъ разказамъ. Черкесы, полагая удалить смерть отъ тяжело раненаго, не даютъ ему засыпать первое время. Для этого убираютъ его комнату всѣмъ что имѣютъ лучшаго, а возлѣ входа кладутъ желѣзо отъ сохи, въ которое каждый приходящій долженъ сдѣлать нѣсколько ударовъ. Знакомые собираются къ нему толпою, и шумно разговариваютъ, между тѣмъ какъ дѣвушки, въ праздничныхъ нарядахъ, пляшутъ и поютъ въ его избѣ. Этотъ невыносимый шумъ, дѣйствительно способный разбудить мертваго, продолжается нѣсколько сутокъ, днемъ и ночью, пока лѣкарь не объявитъ что больной находится внѣ опасности. Надо отдать справедливость искусству, съ которымъ горскіе лѣкари вылѣчиваютъ самыя опасныя раны. Ампутаціи у нихъ не въ употребленіи, и мнѣ не разъ случалось видѣть кости сросшися, послѣ того какъ онѣ были раздроблены картечью. За то они совершенно не умѣютъ пользоваться внутренними болѣзнями. Отъ нечего дѣлать я началъ указывать Абзехамъ разныя домашнія средства противъ простуды, перорченнаго желудка, ревматизма и другихъ всеневныхъ болѣзней, научилъ ихъ употреблять чай изъ ромашки, малины, земляники, разнаго рода припарки ꙗ наконецъ рѣшился привить оспу дѣтямъ Алимъ-Гирея. Эта послѣдняя операція, къ моему счастью, удалась и составила мнѣ репутацію настоящаго гакума, къ которому стали прѣзжать за советомъ изъ дальнихъ мѣстъ.

Между тѣмъ стужа увеличилась, а съѣстные припасы уменьшались. Голодъ былъ у дверей. и Тамбіевъ рѣшился наконецъ искать спасенія отъ него въ грабежѣ. Онъ не славился особеннымъ молодечествомъ, и со времени моего пѣна совершенно бросилъ ѣздить на воровство, прини-

мая только участіе въ большихъ собраніяхъ, отъ которыхъ стыдно было отказаться. Всѣ свои надежды онъ полагалъ на мой выкупъ. Но тутъ нечего было дѣлать; пустые желудки всѣхъ его домашнихъ, не исключая меня, отказывались кормиться надеждами. Тамбіевъ присоединился къ абрекамъ, нападавшимъ на линію, подъ предводительствомъ Асланъ-Гирей, и увлекъ даже за собою обыкновенно миролюбиваго Алимъ-Гирей, имѣвшаго привычку драться съ Русскими только въ тѣхъ случаяхъ, когда они напали на Абазеховъ. Алимъ-Гирей былъ не трусъ, но человѣкъ добродушный и разсудительный въ сравненіи съ другими горцами, избѣгавшій, сколько можно, раздражать Русскихъ противъ себя и своего народа. При его миролюбивомъ взглядѣ, наши военныя дѣйствія противъ горцевъ ему казались непонятными, и онъ часто со мною говорилъ объ этомъ. Пабѣги Черкесовъ на линію и Русскихъ за Кубань онъ находилъ въ порядкѣ вещей, но никакъ не хотѣлъ признавать нашего права строить укрѣпленія и утверждаться на черкесской землѣ. Подобно ему разсуждали почти всѣ горцы. Однажды онъ просилъ меня, при большомъ числѣ абазехскихъ гостей, объяснить ему, на чемъ Русскіе основываютъ право отнимать землю у Черкесовъ, когда она имъ принадлежитъ съ незапамятныхъ временъ, и Богъ далъ всѣмъ людямъ одинаковое право жить на свѣтѣ и пользоваться воздухомъ, водою и землей. Въ отвѣтъ я разказалъ ему сказку про барановъ и волковъ, да спросилъ, почему они всѣ не только защищаютъ барановъ, а даже гоняются за волкомъ въ лѣсъ, составляющій Богомъ дарованное ему убѣжище. „Потому что отъ барановъ мы имѣемъ прокъ, а волкъ только вреденъ“, закричали всѣ въ одинъ голосъ. „Вы произнесли вашъ приговоръ, сказалъ я тогда. На линіи и въ Грузіи наши бараны, вы волки: оставить васъ въ покоѣ, такъ вы ихъ всѣхъ поѣдите.“— „А! въ такомъ случаѣ мы будемъ драться!“— „Вы совершенно правы: на то у волка зубы, чтобъ онъ оборонялся; человѣку же Богъ далъ разсудокъ, для того чтобъ онъ не равнялся дикому звѣрю.“ Абазехи не нашли возраженія противъ моего доказательства. При этомъ случаѣ одинъ изъ нихъ разспрашивалъ меня съ большимъ любопытствомъ о Сибири, куда ссылались горцы, схваченные на грабежѣ, и хотѣлъ непременно знать очень ли тамъ холодно, есть ли лѣсъ, и какъ велико число тамошнихъ генераловъ. Узнавъ что Сибирь

богата лѣсами, а генераловъ въ ней не очень много, онъ замѣтилъ весьма серьезно: „Какъ мы ошибались насчетъ Сибиря; да это прекрасная страна: лѣсу много, генераловъ мало!“

Послѣ одной изъ своихъ воронскихъ поѣздокъ, Тамбіевъ вернулся триумфально съ добытою имъ гдѣ-то арбой кукурузы и проса, двумя коровами и плѣннымъ тохтамышскимъ Ногайцомъ. Последняго онъ помѣстилъ въ моей избѣ, хуже чего не могъ сдѣлать, потому что содѣйство Нагайца обратилось для меня въ совершенное несчастіе. Надѣясь что Абдуль-Гани, какъ звали новаго плѣннаго, не откажется заплатить за себя нѣсколько головъ скотины и двѣ или три арбы хлѣба, въ чемъ Тамбіевъ нуждался болѣе всего, онъ его не сковывалъ, кормилъ и ласкалъ, называя своимъ братомъ мусульманиномъ, не плѣннымъ, а гостемъ, и каждый день приходилъ торговаться съ нимъ по цѣлымъ часамъ насчетъ выкупа. Абдуль-Гани не поддавался на своскорыстные ласкательства Тамбіева и отказывался положительно отъ выкупа, призывая Аллаха въ свидѣтели своей бѣдности. По вечерамъ этотъ плечистый, бородатый, широколицый Монголецъ вылъ и плакалъ навзрыдъ, какъ маленькій ребенокъ, о томъ что его держать въ неволѣ. Другаго дѣла онъ не зналъ. Караулъ усилили: каждую ночь ложились въ нашей избѣ три человека, вооруженныхъ кинжалами и пистолетами. Присутствіе Ногайца лишило меня кромѣ того моей единственной радости. Асланъ-Козъ, приходившая прежде, въ сопровожденіи маленькой сестры почти каждый день развлекать меня своею наивною болтовней, прекратила свои посѣщенія.

Не прошло двухъ недѣль, и мой Ногаецъ скрылся въ одинъ темный вечеръ, прежде чѣмъ пришли караульные. Тамбіевъ бросился его отыскивать и на другое же утро связаннаго привелъ назадъ. Абдуль-Гани не разчиталъ, что нельзя скрыть слѣда въ глубокомъ снѣгу. Заставивъ его присягнуть на Коранъ что онъ болѣе не убѣжитъ, Тамбіевъ помѣстилъ его опять возлѣ меня. Каждый день онъ приходилъ его убѣждать не губить своей мусульманской души, заплатить выкупъ и идти послѣ того безобидно въ родной Тохтамышъ. Все было напрасно. Абдуль-Гани не жалѣлъ клятвъ, обѣщалъ чего хотѣли, а черезъ четырнадцать дней бѣжалъ вторично. Въ этотъ разъ онъ пропадалъ трое сутокъ, былъ пой-

манъ какимъ-то бѣднымъ Абазехомъ, которому онъ, обороняясь, переломилъ лѣвою руку, и приведенъ обратно весь избитый, съ платьемъ разорваннымъ въ клочки. За переломленную руку Тамбиеву пришлось заплатить короу, что его не очень располагало въ пользу Абдуль-Ганн. Видя что его нельзя удержать присягою, и опасаясь что я, пожалуй, послѣдую его примѣру, Тамбиевъ счелъ нужнымъ насъ раздѣлить. Ногаецъ, въ цѣпяхъ, занялъ мое мѣсто, а меня перевели въ соседній аулъ къ старому Абазеху, взявшемуся караулить меня, пока Тамбиевъ будетъ находиться въ отлучкѣ. Въ это время Асланъ-Гирей составлялъ изъ кабардинскихъ абрековъ и изъ Абазеховъ большое сборище для продолжительнаго похода противъ Русскихъ. Не помню имени моего новаго караульщика, знаю только что онъ былъ очень добрый, ласковый старикъ, не показывавшій мнѣ ни малѣйшей злобы за то что я глуръ, да еще Русскій. Домикъ его стоялъ посреди непроходимаго лѣса, былъ очень теплый и чистъ, такъ что я рѣшительно сталъ у него поправляться отъ болѣзненнаго положенія, овладѣвшаго мною вслѣдствіе холода, нечистоты, голода и, могу сказать, противнаго соседства плѣннаго Ногайца. За нѣсколько дней до моего перемѣщенія я получилъ въ подарокъ отъ черноморскаго казачьяго офицера табакъ, немного чаю, сахару, да двѣ ситцевыя рубашки. Не знаю какимъ способомъ успѣлъ онъ заставить Черкесовъ передать мнѣ эти вещи, не завладѣвъ ими въ свою пользу. Такимъ образомъ мое положеніе много улучшилось. На мнѣ была рубашка, я курилъ хорошій табакъ, пилъ чай и поилъ имъ моего хозяина, кормившаго меня за то вдоволь стачнымъ молокомъ, просомъ и копченою бараниной. Тутъ я имѣлъ также удовольствіе не видѣть никого чужаго. Старикъ мой жилъ съ однимъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, взятымъ на пропитаніе гдѣ-то далеко отъ аула; кромѣ ихъ, двухъ коровъ, большой собаки, нѣсколькихъ куръ, да волковъ, регулярно осаждавшихъ насъ каждыи вечеръ, не было вблизи живаго существа. Днемъ Абазехъ ходилъ въ лѣсъ за дровами и за сѣномъ, куда я его охотно провожалъ. Послѣ ужина онъ садился съ своимъ питомцемъ къ пылающему огню и затягивалъ бесконечную пѣснь о славныхъ дѣлахъ предковъ. Въ этомъ заключалось его единственное удовольствіе. Жалью что не собралъ въ то время всѣхъ слышанныхъ мною преданій; я не имѣлъ средства ихъ записывать

и терялъ изъ памяти, будучи слишкомъ озабоченъ другими дѣлами. У Черкесовъ часто встрѣчаются странствующие барды, передающіе пѣсни, преданія старины и импровизирующіе стихи на новыя произшествія. Услѣвшись въ кунахской, посреди круга слушателей, они начинаютъ свой рифмованный разказъ довольно медленно, мѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ громкую пѣснь, увлекающую Черкесовъ до безумнаго восторга. Черкесы чрезвычайно впечатлительны, и подобно Бедуинамъ, легко воспаляются пѣснью и разказомъ. Иногда эти барды носятъ съ собою небольшую семиструнную арфу. Кромѣ ея я видѣлъ у Черкесовъ еще три музыкальных инструмента, двухструнную балабайку, двухструнную скрипку, да свирѣль. Люди, подобно Асланъ-Гирею и Джансеиду, искавшіе завладѣть народнымъ мѣстимъ и занять степень военныхъ начальниковъ въ борьбѣ противу Русскихъ, имѣли обыкновеніе, задумавъ какое-нибудь важное предпріятіе, посылать по краю сперва этого рода импровизаторовъ, которые, прославляя ихъ умъ и дѣла, увлекали за ними народъ. Пѣвцамъ принадлежало, кажется, исключительное право разказывать подвиги черкесскихъ героев: сами они никогда не говорили о нихъ. Черкесы, храбрые по природѣ, съ дѣтства привыкшіе бороться съ опасностію, въ высшей степени пренебрегаютъ самохвалствомъ. Самые смѣлые джигиты (молодцы) отличаются у нихъ необыкновенною скромностію: говорятъ тихо, никогда не хвалятся своими подвигами, готовы каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то въ дѣлѣ они совершенно перераждаются и на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчаютъ оружіемъ съ быстротою мысли, безъ угрозы, безъ крику и брани. Въ плѣну я имѣлъ случай видѣть какъ легко Черкесы хватаются за оружіе. Передъ кунахскою Алимъ-Гирея сидѣли на травѣ нѣсколько Абазеховъ и о чемъ-то разсуждали. Одинъ изъ нихъ обвинялъ другаго въ кражѣ коровы. Проходя мимо, я не замѣтилъ даже что они спорятъ, сдѣлавъ же нѣсколько шаговъ, услышалъ за собою выстрѣлъ, обернулся и увидѣлъ что одинъ изъ нихъ лежитъ въ крови на землѣ, а другой, выхвативъ ружье изъ чехла, отступаетъ къ лѣсу, обороняясь отъ преслѣдующихъ его товарищей раненаго.

Въ концѣ февраля, человекъ сто Черкесовъ, между кото-

рыми былъ и Тамбіевъ, напали на двадцать донскихъ казаковъ, ѣхавшихъ съ Чанлыка на Кубань, тринадцать изъ нихъ убили, а семерыхъ захватили въ плѣнъ. Когда стали дѣлать добычу, на долю Асланъ-Бека достался молодой казакъ, котораго онъ, по пріѣздѣ въ аулъ, помѣстилъ въ одномъ домѣ съ прикованнымъ Ногайцемъ. Русскихъ плѣнныхъ простаго званія Черкесы держатъ обыкновенно для работы, продаютъ ихъ далѣе въ горы или, женивъ, обращаютъ въ потомственное рабство. Тамбіевъ, желавшій сдѣлать для себя работника изъ плѣннаго казака, позволялъ ему ходить свободно, очень ласкалъ его и хлопоталъ прискаты для него невесту. Меня также вернули изъ лѣсу и поселили у одного Абазеха, занимавшагося пчеловодствомъ. Домъ его, окруженный ульями, стоялъ надъ оврагомъ, за которымъ лежало кладбище. Мой новый хозяинъ, страдая бессонницею, благодаря этому недугу, стоялъ десяти караульныхъ. Безсемейный, онъ проводилъ весь день возлѣ пчелъ, а ночью рѣдко засыпалъ и мнѣ не давалъ спать. Только что-нибудь зашевелится на дворѣ, мой Абазехъ вскочитъ, растворитъ ставню и начинаетъ натравливать своихъ злыхъ собакъ на невидимаго хищника. Крикъ его: „авлю! авлю!“ безпрестанно ночью будилъ меня. Это обстоятельство имѣло для меня особенную важность, такъ какъ я рѣшился въ теченіе ожидаемаго лѣта непременно спастись бѣгствомъ, и принялъ на себя личину совершенной покорности судьбѣ, даже нѣкоторой робости, съ цѣлю усыпить надзоръ Черкесовъ. Я успѣлъ въ этомъ до нѣкоторой степени, и Тамбіевъ совершенно увѣрился, что я никакъ не рѣшусь подвергнуться случайностямъ одиночнаго путешествія по горамъ и лѣсамъ, безъ оружія, безъ знанія мѣстности и переправъ черезъ рѣки, между которыми быстрая и глубокая Сагуаша составляла для меня непреодолимое препятствіе, потому что я не умѣлъ плавать, о чемъ Тамбіевъ зналъ очень хорошо. По этой причинѣ онъ считалъ мой побѣгъ весной, въ полноводіе, совершенно несбыточнымъ, и въ это время предоставлялъ мнѣ полную свободу. А именно въ это время, для меня, неумѣющаго плавать, переправа черезъ рѣки была не только возможна, но даже довольно удобна. Онъ не думалъ что я, Русскій, знакомъ со всеми подробностями горной природы и съумѣю воспользоваться ими паравиѣ съ Черкесомъ, а я всеми силами поддерживалъ въ немъ это заблужденіе. Въ полноводіе

всѣ значительныя горныя рѣки уносятъ съ собою пни и даже цѣлыя деревья, носящія на Кавказѣ названіе карчей; весьма негрудно было дожидаться на берегу подобной карчи и на ней переплыть черезъ рѣку, не подвергаясь опасности потонуть. Имѣя въ головѣ одну только мысль уйдти, я обрадовался какъ ребенокъ, увидавъ нашего пашиннаго казака. Въ немъ я находилъ товарища для бѣгства, который долженъ былъ помочь мнѣ въ переправахъ черезъ рѣки, такъ какъ всѣ Донцы плаваютъ отлично, а я бы заплатилъ ему за услугу, указывая дорогу, которой онъ не могъ знать. Въ томъ что я его уговорю бѣжать не было никакого сомнѣнія. Поэтому, не обнаруживая нисколько моихъ тайныхъ мыслей, я продолжалъ вести самую беззаботную жизнь, заходилъ очень часто къ Асланъ-Козъ, занимавшей одинъ домъ съ своею овдовѣвшею теткой, а съ казакомъ встрѣчался рѣдко и никогда не говорилъ безъ свидѣтелей, чтобы не подать подозрѣнія.

Ничу не исповѣдъ моихъ чувствъ и мыслей, а вспоминаю только дѣйствительныя происшествія, факты, постепенно развивавшіеся въ теченіи моего продолжительнаго плѣна; потому не касаюсь никакихъ обстоятельствъ, естественно порождающихся изъ ежедневной встрѣчи нестарого мужчины съ молодою, хорошенькою женщиной, гдѣ бы ни было: въ щегольской гостиной, или въ черкесской хижинѣ, — не касаюсь, не имѣя желанія придавать нашимъ отношеніямъ поэтическое значеніе. Припоминаю только доказательства чистаго, безразчетнаго участія, данныя мнѣ молодою черкесскою дѣвушкой, такъ какъ они имѣли нѣкоторое вліяніе на мое тогдашнее существованіе и выказываютъ съ выгодной стороны характеръ и нравственныя понятія лучшей половины народа, среди котораго мнѣ суждено было жить болѣе двухъ лѣтъ. Про Черкешенокъ можно сказать, что онѣ вообще хороши; имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли. Асланъ-Козъ могла считаться между ними во всѣхъ отношеніяхъ счастливо одареннымъ существомъ. Чрезвычайно стройная, тонкая въ таліи, какъ бываютъ однѣ Черкешенки, съ нѣжными чертами лица, черными, нѣсколько томными глазами и черными волосами, достававшими до колѣнъ, она вездѣ была бы признана очень красивою женщиной. Притомъ она была добродушна и чрезвычайно по-

нятлива. Никогда я не слыхалъ отъ нея безсмысленнаго вопроса, или неумѣстнаго замѣчанія на то о чемъ я ей разказывалъ. Неутолимое любопытство ея было исполнено наивности, но сквозь эту наивность всегда проглядывало много ума. Говоря о женщинахъ, нельзя миновать нѣсколькихъ словъ объ ея нарядѣ. Черкесскій женскій костюмъ я нахожу чрезвычайно живописнымъ. Поверхъ широкихъ, къ низу суженными шароваръ, безъ которыхъ не найдешь женщины на Востокѣ, носится длинная бѣлая рубашка, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и небольшимъ стоячимъ воротникомъ. Талія стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкой. Сверхъ рубашки надѣвается яркаго цвѣта шелковый бешметъ, короче колѣна, съ рукавами выше локтя, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными застѣжками. Маленькія ножки затянуты въ красные сафьянные чевяки, обшитые галуномъ. На головѣ круглая шапочка, обложенная серебрянымъ галуномъ, повитая бѣлою кисейною чалмой, съ длинными концами падающими за спину. Волосы распущены по плечамъ. Подъ рубашкою дѣвушка носить такъ называемый пша-кафтанъ (дѣвичій кафтанъ), который есть ничто иное какъ кожаный, холщевый или матерчатый корсетъ съ шнуровкою спереди и двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди, такъ какъ у Черкесовъ тонкая талія и неполная грудь составляютъ первыя условія дѣвичей красоты. Этотъ пша-кафтанъ подалъ поводъ къ баснѣ кожаномъ поясѣ, въ который Черкешенка зашивается будто бы съ дѣтства, и который будто бы распарывается кинжаломъ, когда она выходитъ замужъ. Черкесская дѣвушка растетъ свободно, какъ я самъ видѣлъ на Кучухужъ и на другихъ ея подругахъ, до двѣнадцати или четырнадцати лѣтъ, потомъ ей надѣваютъ пша-кафтанъ, перемѣняемый по мѣрѣ того какъ она растетъ и развивается. Помощію этого корсета ей даютъ немовѣрно тонкую талію. При выходѣ замужъ, пша-кафтанъ, составляющій непремѣнную принадлежность дѣвушки, просто снимается, потому что женщины отъ него совершенно избавлены. Грузины, Абазины и южныя Дагестанцы выдавали прежде двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; Черкесы напротивъ того, если возможно, удерживаютъ ихъ отъ замужества лѣтъ до двадцати, отчего женщины у нихъ сохраняются очень долго. Асланъ-Козъ имѣла въ то время девятнадцать лѣтъ; какъ каждая другая Черкешенка этого возраста, она не

могла не знать своего назначенія, но сердцемъ была невинна какъ ребенокъ. Я встрѣчался съ нею часто, потому что она доставляла мнѣ развлеченіе, котораго я нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ, и потому что любилъ ее душевно за искреннюю преданность ко мнѣ. Воспользоваться посредствомъ обмана ея красотою и молодостію мнѣ и въ голову не приходило; да и сама она не допустила бы до этого. Черкешенки очень цѣломудренны, и несмотря на предоставленную имъ свободу, рѣдко впадаютъ въ ошибку. Съ ранней молодости всѣ ихъ мечты и желанія направлены къ одной цѣли: выйдти замужъ за безстрашнаго воина и чистыми понасть въ его объятія. Асланъ-Козъ была въ этомъ отношеніи такъ щекотлива, что малѣйшее увлеченіе съ моей стороны ее тотчасъ приводило въ робость, и она меня отталкивала, говоря: „*харамъ!* Станешь моимъ мужемъ, все будетъ твое, а теперь ничего не позволю!“... Надо замѣтить, что слова: „*харамъ*“ (не чисто, запрещено) и „*халиль*“ (благо, душеспасительно) играютъ важную роль въ черкесскомъ быту и приводятся при каждомъ случаѣ. Между тѣмъ она дозволяла себѣ кокетничать со мною самымъ наивнымъ, иногда даже опаснымъ образомъ, съ видимою цѣлію совершенно запутать меня въ свои сѣти. По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ возлѣ нея, пока она работала, и разказывалъ ей, сколько умѣлъ по-черкесски, все что у насъ дѣлается, какъ наши женщины воспитываются, живутъ и одѣваются. Несмотря на мой ломанный языкъ, она все понимала легко и доказывала это своими умными вопросами. Очень ей нравилось, что мы, хрістіане, имѣемъ только одну жену, ей вѣримъ и ее не запираемъ. Признавая это истинно правовѣрнымъ правиломъ, она замѣтила, что въ такомъ случаѣ нашимъ женамъ нетрудно любить мужей и хранить имъ вѣрность. Она принялась нешуточно учить меня черкесскому языку и магометанскимъ молитвамъ; она умѣла, что у Черкесовъ встрѣчается не часто, читать и даже переводить Коранъ, а по-турецки писала не хуже другаго эфенди. Случалось, сидя около меня, она принималась изгонять злаго духа затемнявшаго мой разумъ, читая молитву и дуя мнѣ на голову. Она не переставала объяснять мнѣ согласно толкованію Корана, почему одна магометанская вѣра даетъ спасеніе, и въ этомъ случаѣ истощала все свое краснорѣчіе. Всѣ религіи отъ Бога, говорила она, всѣ пророки отъ него и передавали людямъ только его заповѣди

Сперва былъ посланъ Мусса (Моисей) просвѣтить умы еврейскаго народа и приготовить своимъ закономъ приходъ Исы (Иисуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобноисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить черезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благодсти своей, послалъ Магомета смягчить законъ Исы, опредѣливъ что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, не превышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ. По этому поводу она уговаривала меня пожалѣть свою думу, отказаться отъ житейскихъ благъ, ожидающихъ меня на русской сторонѣ, и удостоиться вѣчныхъ радостей, посвятить себя Корану и бѣдной жизни въ горахъ. На мои шуточные возраженія она чаще всего сердилась; а иногда выражала горькое удивленіе, какимъ образомъ я, кажется, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разумный человѣкъ, могъ быть ослѣпленъ шайтаномъ до такой степени, что не понималъ истины, ясной какъ день.

Въ началѣ мая, время мнѣ показалось удобнымъ для исполненія давно задуманнаго предпріятія. Казакъ согласился съ первыхъ словъ идти куда прикажу. Домъ, въ которомъ онъ ночевалъ, находился посреди аула, а я жилъ на краю его; шаговъ двѣсти насъ раздѣляло. Это обстоятельство не позволяло намъ сойтись въ аулъ; надо было соединиться гдѣ-нибудь въ лѣсу, ожидая одинъ другаго на мѣстѣ свиданія, что представляло первое немалое затрудненіе, такъ какъ ночью нетрудно было сбиться съ дороги. Кладбище находилось на такомъ видномъ мѣстѣ, что его, казалось, нельзя было миновать въ самую темную ночь, а въ то время свѣтила полная луна; поэтому я назначилъ казаку пробраться къ кладбищу около полуночи въ условленную ночь и ждать меня до разсвѣта. Успѣвъ уйти прежде, я долженъ былъ въ свою очередь его дожидаться. Но главное затрудненіе заключалось для насъ въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, безъ которыхъ нельзя было надѣяться дойти до линіи, имѣя передъ собою не менѣе шести или восьми сутокъ пути; да кромѣ того я не имѣлъ обуви, а идти босому по лѣсу и по горамъ—на такой подвигъ не рѣшился бы ни одинъ Черкесъ. Гдѣ добыть припасовъ, гдѣ достать обувь? вотъ вопросы, надъ которыми я напрасно ломалъ голову. Отъ стола нельзя было спрятать ни крошки; у моего хо-

зянна висѣло нѣсколько сыровъ въ трубѣ, и я не посовѣстился бы ими воспользоваться, да онъ имѣлъ дурную привычку считать ихъ каждый вечеръ. Недосчитавшись сыровъ, онъ легко могъ смекнуть въ чемъ дѣло и помѣшать мнѣ уйти. Въ моей бѣдѣ я рѣшился довѣриться Асланъ-Козъ и просить ее помочь мнѣ, зная навѣрное, что она меня не выдастъ, даже если мое бѣгство будетъ противно ея желанію. Признаюсь, я не зналъ сначала какъ приступить къ дѣлу, нѣсколько разъ заговаривалъ о моемъ безнадежномъ положеніи, прекращалъ потомъ разговоръ и, наконецъ, видя что долженъ объясниться или совершенно отказаться отъ моей мысли, собрался съ духомъ сказать ей, что потерявъ надежду на выкупъ, готовъ искать всеми путями своего освобожденія и скорѣе погибнуть чѣмъ оставаться еще въ неволѣ. Асланъ-Козъ поняла меня съ первыхъ словъ. На мгновеніе, ея прекрасное лицо приняло выраженіе, какого я прежде никогда не видалъ; но она скоро оправилась и взявъ за руку спросила, почему я прежде не пытался уйти, когда меня держала только сила, которой мушкетеръ не долженъ бояться, а сердце всегда влекло на русскую сторону.

Я объяснилъ ей, что не сердце, а разсудокъ, привычка всей жизни внушаютъ мнѣ желаніе вернуться къ своимъ, просилъ ее разсудить, могу ли я всегда оставаться бѣднымъ плѣнникомъ, обязаннымъ повиноваться каждому Абазеху, и указалъ на мою одежду, въ которой мнѣ даже совѣстно было показываться въ ея глазахъ. Босой, въ однихъ черкесскихъ наговицахъ, безъ исподняго платья, сверху прикрытый ситцевою клѣтчатою рубашкой и шубою безъ рукавовъ, я даже у Черкесовъ не могъ считать себя довольно прилично одѣтымъ для женскаго общества.

— Я тебя указала средство выйти изъ этого положенія, возразила она;—ты его отвергнулъ; не моя вина. Ты самъ мнѣ говорилъ, что у васъ для счастья необходимы деньги, хорошее платье, большой домъ. Здѣсь любятъ тебя безъ этого, какъ ты есть; здѣсь лучше, оставайся у насъ!

— Нельзя, Асланъ-Козъ.

— Нельзя? Такъ иди куда зоветъ сердце. Я тебя не выдамъ и даже готова помочь, если только могу.

Она сняла со стѣны небольшое зеркало, взглянула въ него, и сказала улыбувшись:

— Когда вижу себя въ этомъ стеклѣ, мнѣ кажется,

что я не хуже другихъ; Абазехи говорятъ даже будто я очень хороша; многіе изъ нихъ готовы дорого заплатить за счастье имѣть меня женою; а ты ничего не хочешь ни знать, ни видѣть, будто дочь Даура такъ мало стоитъ. Настанетъ и для тебя минута напраснаго сожалѣнія; тогда ты горько вспомнишь обо мнѣ. Въ день свѣтопреставленія, когда Азраиль станетъ звать на судъ Аллаха живыхъ и мертвыхъ, когда для мусульманъ откроются двери рая, а гауры будутъ низвергнуты въ адъ, тогда, увидавъ меня издали, ты напрасно станешь взывать съ отчаяніемъ Асланъ-Козъ: помоги! помоги! и какъ бы я ни желала тебѣ помочь, будетъ уже поздно. Опомнись, я предлагаю теперь все счастье, которое способно дать въ этомъ мірѣ, и вѣчное блаженство для будущей жизни.

Асланъ-Козъ взяла съ меня обѣщаніе не уходить, не сказавъ ей.

Черезъ нѣсколько дней я сообщалъ ей бѣду, въ какой нахожусь насчетъ свѣстныхъ припасовъ и обуви; она обѣщала переговорить объ этомъ съ Марьей, имѣвшею въ своемъ вѣдѣніи кладовую одной изъ Алимъ-Гиреевыхъ женъ, и помочь чѣмъ можно. Марья испугалась сначала моего предпріятія, сама пришла меня отговаривать, боялась дурныхъ послѣдствій для себя, если узнаютъ что она помогала, но благодаря настойчивымъ убѣжденіямъ со стороны Асланъ-Козъ обѣщала молчать и снабдить меня сыромъ и нѣсколькими связками сушеныхъ грушъ. Асланъ-Козъ дала мнѣ пару своихъ собственныхъ дорожныхъ чумакъ и два тайкомъ испеченныхъ хлѣба. Эти свѣстные припасы, равно какъ и обувь, я былъ принужденъ отдать на сохраненіе казаку, потому что въ моей избѣ я не могъ ничего спрятать. Мой чуткій и недовѣрчивый Абазехъ безпрестанно перерывалъ мою постель и пересматривалъ въ избѣ каждый уголокъ. Тамбіевъ и Алимъ-Гирей собирались уѣхать куда-то на нѣсколько дней; лучше нельзя было найти времени для побѣга, потому что въ ихъ отсутствіи некому было устроить дѣятельной погони за мною. Въ слѣдующую ночь я назначилъ казаку, по условію, быть на кладбищѣ.

Труднѣе всего было для меня выйти изъ избы, не разбудивъ Абазеха и не поднявъ собакъ. Долго передъ тѣмъ я приучалъ ихъ не тревожиться когда выходилъ на мгновеніе за двери. Въ ожиданіи рѣшительной минуты я лежалъ на

постели одѣтый, прислушиваясь заснулъ ли Абазехъ и что дѣлается въ аулѣ. Лай собакъ извѣстилъ бы меня непременно о побѣгѣ казака, но все было тихо. Предпочитая спастись прежде него и дожидать его на кладбищѣ, чтобъ онъ, пожалуй, соскучившись ожидать или съ испуга, если сдѣлается тревога, не ушелъ безъ меня, я до полуночи еще вышелъ тихонько изъ избы, медленно подошелъ къ плетню обгораживавшему аулъ, перелѣзъ черезъ него и спустился въ оврагъ. Въ это время собаки очнулись и съ громкимъ лаемъ бросились за мною; хозяинъ принялся ихъ травить, нисколько не думая что они подняли тревогу изъ-за меня. Несмотря на скорость, съ которою я бѣжалъ въ гору, собаки догнали меня около опушки лѣса и навѣрное искусаили бы самымъ страшнымъ образомъ, еслибы мнѣ не пришло въ голову бросить имъ мою кошачью шубу. Пока онѣ надъ нею тѣшились, я успѣлъ продраться черезъ непроницаемую чащу и чрезъ полчаса былъ на кладбищѣ. Здѣсь только я почувствовалъ глубокія царапины по всему тѣлу, вынесенныя мною изъ лѣсной чащи; рубашка висѣла на плечахъ длинными лентами, нисколько ихъ не закрывая. О шубѣ нечего было жалѣть потому что ея бѣлая холщевая покрыва въ лунную ночь была видна издалека, и я, можетъ-быть, позже рѣшился бы ее бросить; а все-таки въ майскую ночь не совсѣмъ ловко идти въ горахъ, имѣя только шапку на головѣ, да ноговицы отъ ноги до колѣна, а на тѣлѣ ничего кромѣ тонкой изодранной тряпицы.

На кладбищѣ я вздохнулъ свободно; самый трудный шагъ былъ сдѣланъ; теперь все зависѣло отъ казака. Хотя мнѣ извѣстно было что Абазехи очень не жалуютъ посѣщать кладбища въ ночное время, но для пущей безопасности я влѣзъ на одинъ изъ дубовъ стоявшихъ на холмѣ, и съ высоты его сталъ наблюдать за приближеніемъ моего товарища. Время казалось мнѣ безконечнымъ. Я слышалъ все, и почти могъ различать что дѣлается въ аулѣ. Вдругъ собаки подняли страшный лай по прямому направленію къ кладбищу, потомъ все стихло: значитъ, казаку удалось уйдти. Я спустился на землю и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его прихода; казалось, ему никакъ нельзя было миновать виднаго мѣста свиданія, лежавшаго прямо противъ его жилья, до котораго мнѣ надо было пробираться, напротивъ того, черезъ густой лѣсъ, дальнею обходною дорогой.

Долго ожидать я понапрасну; казакъ не являлся. Показалась заря, и съ нею поднялась тревога въ аулѣ; перваго хватились казака, потомъ замѣтили что и мое мѣсто пусто. Я различалъ голоса тамбѣевыхъ людей и знакомыхъ Абазеховъ, отыскивавшихъ наши слѣды. Казакъ, не понимаю какимъ образомъ, не попалъ на кладбище; безъ него я могъ еще обойтись, но потеря припасовъ и обуви меня крайне огорчала: могъ ли я надѣяться спастись безъ нихъ? Тутъ не было впрочемъ времени жалѣть и разсуждать. Не въ аулѣ же возвращаться или дать себя схватить на первомъ шагу, не испытать даже своихъ силъ и счастья. Не задумываясь долго, я рѣшился отдать себя на произволъ судьбы, идти пока не откажутся ноги, а послѣ того—что Бсту угодно. Съ кладбища я пошелъ черезъ кукурузное поле, на которомъ нелегко было найти мои слѣды, и залегъ недалеко отъ аула въ низкомъ, но чистомъ кустарникѣ, зная что меня станутъ скорѣе всего искать въ большомъ лѣсу, по прямой дорогѣ къ Кубани. Цѣлый день я пролежалъ въ раздумьи какъ продолжать мое путешествіе безъ обуви, безъ ѣды и безъ оружія, кромѣ палки, и въ страхѣ что меня найдутъ; цѣлый день долетали до меня клочки отыскивавшаго меня народа; передъ вечеромъ все утихло, и я заснулъ какъ убитый. Ночной холодъ разбудилъ меня; луна поднялась уже высоко; не теряя времени, я пошелъ скорымъ шагомъ на сѣверо-западъ, отклоняясь отъ прямого пути на Кубань, гдѣ меня должны были ожидать Черкесы. Въ эту ночь я навѣрное прошелъ около двадцати верстъ, пользуясь въ лѣсу битыми дорогами, оставляя ихъ въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ я предпочиталъ идти полемъ, и обгибалъ попадавшіеся мнѣ аулы. Второй день, какъ и всѣ прочіе дни, я пролежалъ въ густомъ лѣсу, позволяя себѣ идти только ночью. Двое сутокъ я подавался быстро впередъ, не чувствуя усталости; на третьи—желудокъ началъ напоминать что онъ пустъ; я сталъ его наполнять водою изъ ручья, изъ лужи, гдѣ попало. Скоро этотъ способъ обманывать голодъ оказался недостаточнымъ: листья, травы, коренья, которые я пытался ѣсть, были горьки и производили только тошноту. Силы начали уменьшаться; нѣсколько разъ въ ночь усталость принуждала меня отдыхать. Движеніе меня согрѣвало, но въ одной легкой и къ тому же изодранной рубашкѣ ночной холодъ и вѣтеръ заставляли меня дрожать, когда я останавливался. Тогда я садился спи-

ною къ дереву, прижавъ колѣни къ подбородку, и въ этомъ положеніи начиналъ дремать, пока мысль, что одно спасеніе идти впередъ, не поднимала меня снова на ноги. Однажды какой-то шумъ разбудилъ меня; я раскрылъ полусомнѣнные глаза и увидалъ передъ собою двѣ свѣтлыя точки. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ волкъ, разглядывавшій меня съ любопытствомъ, а можетъ-быть и съ какимъ-нибудь другимъ сокровеннымъ желаніемъ. Чтобъ избавиться отъ его непріятнаго сосѣдства, я тихонько протянулъ руку къ близко лежавшей палкѣ и такъ неожиданно взмахнулъ ею и крикнулъ на волка, что онъ убѣжалъ отъ меня безъ оглядки.

Пятые сутки моего странствованія были исполнены самыхъ непріятныхъ походовъ, и рѣшили подѣлить конецъ мою участь. Голодъ сталъ меня мучить не на шутку; съ самаго выхода изъ аула я ничего не ѣлъ; передъ глазами становилось иногда темно; голова кружилась. Ноги, истерзанныя колючими травами и кустами, сильно болѣли и начинали уже пухнуть. Въ этомъ положеніи я набрелъ печально на бараньи кости, что было гораздо хуже чѣмъ имѣть дѣло съ волкомъ. Стая огромныхъ собакъ налетѣла на меня съ неукротимымъ бѣшенствомъ и непременно бы заѣла, еслибъ это случилось не возлѣ лѣса. Палка не могла меня оборонить, я ушелъ въ лѣсъ и спасся на дерево. Собаки окружили его съ громкимъ лаемъ и держали меня въ осадѣ, пока пастухи ихъ не отозвали, сдѣлавъ изъ предосторожности нѣсколько выстрѣловъ по лѣсу. Когда утомились собаки и пастухи, я слѣзъ съ дерева, обошелъ кости и выбрался на большую битую дорогу, проходившую черезъ лѣсъ. На первой верстѣ я встрѣтилъ огромный заваль, потомъ другой, третій. Радость вспыхнула во мнѣ: я былъ на хорошей дорогѣ и близко къ Сагуашѣ; завалы были построены противъ русскихъ войскъ. Откуда взялись силы, голодъ пропалъ, боль въ ногахъ исчезла, я не шелъ, а бѣжалъ, едва чувствуя землю подъ ногами. Застѣвки продолжались такъ далеко въ лѣсъ, что я не могъ терять времени отыскивая ихъ обходъ, а перелѣзалъ, несмотря на высоту и количество взгроможденныхъ деревьевъ, раздиравшихъ мнѣ тѣло сухими сучьями. Между прочимъ, маленькій сучекъ вонзился мнѣ въ плтку такъ глубоко, что я не имѣлъ способа отъ него изъавиться; хромя, я пошелъ дальше. Въ эту ночь я крайне утомился. Передъ утромъ я вышелъ на поляну, изнещренную, къ мосту несказанной ра-

дости, алыми ягодами спѣлой клубники, легъ въ траву и съ жадностію началъ утолять голодъ, разгорѣвшійся со всею силой при видѣ сочныхъ ягодъ. Звуки свирѣли пастуха, гнавшего стадо прямо ко мнѣ, принудили меня оторваться отъ спасительной клубники и уйдти въ лѣсъ, гдѣ я скоро заснулъ непробуднымъ сномъ. Когда я проснулся, солнце стояло высоко надъ моею головой и пекло меня знойнымъ лучемъ; я сдѣлалъ усиліе подняться и съ испугомъ замѣтилъ что не могу отъ боли держаться на ногахъ, красныхъ, опухшихъ и горѣвшихъ какъ въ огнѣ. Отчаяніе овладѣло мною, но только на мгновеніе; я вспомнилъ, что въ тридцать второмъ году гребенской казакъ, раненый въ несчастномъ дѣлѣ Волжинскаго, съ перебитою ногой, проползъ болѣе тридцати верстъ и на четвертые сутки, еще живой, добрался до Терека; почему же я не могъ сдѣлать то же самое? Около меня темнѣлъ густой лѣсъ, повсюду царствовала глубокая тишина, нарушаемая только легкимъ журчаніемъ ручья. Кое-какъ я направился въ его сторону, увидалъ что онъ протекаетъ въ глубокой лощинѣ, спустился въ нее на колѣнахъ и сѣлъ на берегу съ опущенными въ воду ногами, надѣясь унять воспаленіе помощію холодной струи. Пока я сидѣлъ надъ ручьемъ, взвѣсивая средства и обстоятельства, отъ которыхъ зависѣло мое спасеніе въ настоящую минуту, и машинально слѣдилъ за теченіемъ воды, два Абазеха подѣхали ко мнѣ совершенно незамѣтно. Шумъ ручья покрывалъ шаги лошадей на мягкой травѣ; только когда они меня окликнули, я узналъ о сосѣдствѣ ихъ. Тутъ не было спасенія: они стояли за мною въ двухъ шагахъ, и одинъ держалъ на всякій случай ружье наготовѣ. Я не перемѣнилъ моего положенія; между нами завязался слѣдующій разговоръ.

— Кто ты, и что здѣсь дѣлаешь?

— Кто я, ты видишь, и больше сказать я не намѣренъ; что дѣлаю, не трудно отгадать,—отдыхаю!

Абазехи пытливо осматривали меня съ ногъ до головы: недостатокъ обычной одежды, отсутствіе всякаго оружія, между тѣмъ отвѣты по-черкесски и спокойный видъ, съ которымъ я продолжалъ болтать ногами въ водѣ, ставили ихъ въ явное недоумѣніе. Они отѣхали въ сторону, поговорили и потомъ опять приблизились.

— Иди съ нами! сказалъ старшій изъ нихъ повелительнымъ тономъ.

— Этого-то я не сдѣлаю, былъ мой отвѣтъ.

— Какъ не сдѣлаешь? крикнулъ Абазехъ, показавъ на ружье.

— А вотъ почему не сдѣлаю, и я показалъ на ноги.

Одинъ взглядъ на нихъ убѣдилъ Абазеху въ справедливой причинѣ моего отказа.

— Ну такъ поѣдешь, сказалъ онъ, приказавъ своему товарищу слѣзть съ лошади.

Когда я сѣлъ на нее, спѣшенный Абазехъ взялъ въ руки поводъ, и мы углубились въ лѣсъ. Я попался въ руки совершенно чужимъ людямъ; они меня не знали, значить не имѣли знакомства ни съ Тамбіевымъ, ни съ Алимъ-Гиреемъ, а можетъ-быть находились съ ними даже въ непріязни; проявилась слабая надежда на возможность употребить встрѣчу съ ними въ мою пользу, и я ухватился за нее. Забравъ въ лѣсъ, я остановилъ Абазеховъ, сказавъ что имѣю сдѣлать имъ важное открытіе, если они знакомы съ Кемюргоевскимъ княземъ, Шерлетукомъ. Айтека Кануковъ былъ уже тогда убитъ. На ихъ утвердительный отвѣтъ я спросилъ имѣютъ ли они желаніе черезъ него получить значительную сумму денегъ, напримѣръ, три тысячи цѣлковыхъ.

Лица моихъ Абазеховъ прояснились.

— Какъ же это возможно?

— Очень легко, если вы не трусы. Никто не видалъ какъ вы меня нашли въ лѣсу (я назвалъ себя), провезите меня къ себѣ тайкомъ, спрячьте и отвезите два слова къ Шерлетуку, который не замѣдитъ кончить дѣло къ нашему общему удовольствію. Онъ никогда васъ не выдастъ, Кабардинцы ничего не узнаютъ, а вы получите деньги, которыхъ они напрасно добиваются другой годъ. Не теряйте случая, который Богъ вамъ послалъ, сдѣлаться богатыми людьми.

Моя мысль очень понравилась Абазехамъ: три тысячи цѣлковыхъ была для нихъ такая сумма, о которой они никогда не смѣли помышлять; Кабардинцевъ они въ своей землѣ не очень боялись; чего же задумываться? Пѣшій Абазехъ надѣлъ мнѣ свою шапку съ башлыкомъ, перекинулъ черезъ плечо винтовку, накрылъ буркою, а самъ пошелъ въ другую сторону, когда мы окольными дорогами поѣхали въ аулъ, принадлежавшій его господину. Все было отлично разчитано, для того чтобы меня не узнали. Не встрѣтивъ никого чужаго, мы пріѣхали въ домъ, гдѣ меня помѣстили въ чистой

комнатѣ, на мягкой постелѣ, не допуская ко мнѣ никого кромѣ дочери хозяйки, ухаживавшей за мною какъ за своимъ братомъ. Узнавъ что я пятеро сутокъ ничего не ѣлъ, сварили курицу и похлебкою отъ нея кормили сначала по ложкѣ, каждыя четверть часа, и только на другой день дали попробовать мяса. Моя рубашка требовала радикальной починки; но прежде всего надо было промыть царапины на тѣлѣ и полѣчить ноги, для чего ихъ обложили холодными компрессами. Послѣ этого я написалъ Шерлетуку разведеннымъ порошкомъ на листкѣ вырванномъ изъ Корана, въ какомъ положеніи я нахожусь, и просилъ его немедленно принять всѣ мѣры къ моему освобожденію, поручившись подагрю письма въ трехъ тысячахъ цѣлковыхъ, если онъ меня проводить въ Кемюргой. Ни Шерлетука, находившагося въ нашей полной зависимости, можно было совершенно надѣяться, и я не имѣлъ сомнѣній въ томъ что онъ не упуститъ случая оказать правительству услугу, которой я отъ него требовалъ. Въ тотъ же вечеръ, когда пришелъ слуга, отлавившій мнѣ лошадь, хозяинъ поскакалъ въ Кемюргой, обѣщая вернуться съ отвѣтомъ не позже сутокъ. Можно себя вообразить какъ крѣпко я спалъ обѣ ночи, и въ какихъ пріятныхъ мечтахъ провелъ цѣлый день, ожидая ежеминутно увидеть передъ собою если не самого Шерлетука, то, по крайней мѣрѣ, десятокъ кемюргоевскихъ узденей, присланныхъ проводить меня на Кубань. Дѣло было быточное, потому что отъ аула, въ которомъ я находился, до Сагуаши не могло быть болѣе пятнадцати верстъ, а за Сагуашею начиналась Кемюргоевская земля. На другое утро, передъ самымъ разсвѣтомъ, послышались шаги лошадей и людской говоръ. Сгорая нетерпѣніемъ, я бросился навстрѣчу предполагаемымъ освободителямъ; двери растворились и я увидалъ передъ собою слишкомъ знакомыя лица: Абазеха пчельника, Бечира и Магомета, Тамбисовыхъ слугъ. Полусонный, нѣсколько мгновеній я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, такъ неожиданно мнѣ пришлось этотъ безсовѣстный обманъ. Совершенно я освоился съ истинною только тогда, когда посланные въ одинъ голосъ объявили что пора домой.

Позже мнѣ объяснили ходъ этого происшествія. Абазехъ, встрѣтившій меня въ лѣсу, дѣйствительно былъ готовъ ѣхать къ Шерлетуку и воспользоваться за мое освобожденіе обещанными деньгами, да поѣхалъ сперва къ родственникамъ

посоветоваться о столь важномъ дѣлѣ, а тѣ напугали его мщеніемъ Асланъ-Гирея, Джансеида и въ особенности Алимъ-Гирея, покровителя Тамбіева, такъ что онъ вмѣсто Кемюр-гоя отправился къ Дауру дать знать, что я не пропасть и нахожусь у него въ домѣ.

Не стану говорить о чувствахъ, съ которыми я возвращался на старое мѣсто моего плѣна; горечь ихъ унималась одною твердою рѣшимостію посредствомъ того или другаго способа добиться свободы, не ожидая чужой помощи, и не жалѣя потерять жизнь. Отдыхая на берегу какого-то ручья, я замѣтилъ твердый шероховатый камень и на всякій случай спрятавъ его за пазуху. Люди Тамбіева привезли мѣхъ черкесску и толстая сукопная шаровары; иначе я не нашель бы даже куда спрятать мою находку.

Тамбіевъ встрѣтилъ меня безъ брани и оскорбленій, когда я молча вошелъ въ кунахскую Алимъ-Гирея и сѣлъ на приготовленную для меня подушку.

— Здорово братъ, сказалъ онъ, ласкательно улыбаясь, — давно твоего не видалъ, что пошелъ о дроби; ружье нѣтъ, сѣмхуа нѣтъ, тамъ догушъ (волкъ), али мишъ (медвѣдь) твоя кушай. Здѣсь лучше, я люблю твое ровно братъ!

— Спасибо за твою братскую любовь. Охотище отдамъ свое твоему волкамъ, чѣмъ стану здѣсь сидѣть. Ужели ты думаешь, Асланъ-бекъ, что обманутый вами, я въ свою очередь не буду стараться обмануть васъ? Теперь дѣло открытое: разъ ушелъ, уйду и второй разъ; стану уходить пока не дойду, пропаду въ дорогѣ, или вы же убьете меня! Соглашайся скорѣе на выкупъ, который вамъ предлагали, иначе останешся безъ всего. Не надѣйся меня удержать; скоро я опять разпрошусь съ тобой.

Тамбіевъ разсмѣялся:

— Хорошо, хорошо! твоя не хочетъ садись, хочетъ пропасть; моя твоя любить, будетъ твоя крѣпко удержи желѣзомъ.

Вечеромъ того же дня, я опять сидѣлъ прикованный въ своей прежней пзбѣ; возлѣ меня вылъ и рыдалъ попрежнему Абдуль-Гаши, съ цѣпью и огромнымъ замкомъ на шеѣ.

Казакъ спасся. Миновавъ кладбище, не знаю почему, онъ бѣжалъ прямо въ лѣсъ, и пользуясь моими припасами, въ шесть дней дошелъ до Сагуаши. Поймавъ карчу, онъ раздѣлся, привязалъ на нее платье, самъ сѣлъ верхомъ и сталъ переправляться. Но среднякъ рѣки изъ-подъ него унесло де-

рево съ платьемъ. Онъ выплылъ на другой берегъ и совершенно нагой путешествовалъ трое сутокъ по Закубанской равнинѣ. Кемюргоевскіе пастухи, встрѣтившіе его въ этомъ видѣ, бѣжали сперва, но потомъ, убѣдившись что они имѣютъ передъ собою человека а не шайтана, прикрыли его кое-чѣмъ, накормили и привели на Кубань.

Асланъ-Козъ не замедлила навѣстить меня, и несмотря на присутствіе Ногайца, принялась лѣчить мои больныя ноги, прикладывая къ нимъ сметану, какъ одно изъ лучшихъ противувоспалительныхъ средствъ. Въ первую минуту она не знала болѣе ли ей радоваться моему возвращенію, или жалѣть о постигшей меня горькой неудачѣ. Незнакомая съ притворствомъ, она умѣла меня утѣшать только взглядами, полными участія, да приговаривая: „такъ было написано, покорись волѣ Аллаха!“

XI.

Около двухъ недѣль я не могъ порядочно стоять на ногахъ; чтобы совершенно поправиться, мнѣ пришлось самому вырѣзать себѣ изъ пятки занозу. Эта операція, сдѣланная обыкновеннымъ ножомъ, обошлась не безъ боли; да и рана долго потомъ не заживала. Мои ноги еще не поправились, какъ я уже сталъ придумывать способы снова уйдти. Оковы меня затрудняли менѣе всего; противъ нихъ я берегъ два на-кому невѣдомыя средства, камень, да деревянный ключъ къ винтовому замку, которымъ ихъ запирали, обмотавъ около бревна. Ключъ я приготовилъ и зарылъ въ землѣ около моей постели еще зимой. Татаринъ не зналъ объ этихъ вещахъ и не долженъ былъ знать о моемъ намѣреніи, прежде чѣмъ я успѣю завладѣть его безотчетнымъ послушаніемъ, поставивъ его въ совершенную зависимость отъ себя. Опытъ научилъ меня быть осторожнымъ: еслибы провіантъ и челяки оставались въ моихъ рукахъ, казакъ не миновалъ бы мѣста свиданія, и я былъ бы на свободѣ. Безъ Абдуль-Гани я не могъ уйдти, потому что онъ выдалъ бы меня; сѣдственнымъ, имѣя товарища по неволѣ, я долженъ былъ только стараться извлечь возможную пользу изъ его силы и звѣрской храбрости, не принеся ему никакого прока когда онъ уходилъ одинъ, по причинѣ его ненаходчивости и глупаго упрямства. Не убѣжденіями, а только фактами могъ я подчинить его своей волѣ. Для дальняго путешествія нужны

были силы, которыхъ не могла дать скудная пища, доставляемая намъ отъ Тамбіева. Асланъ-Козъ, сестра ся Кучухъ и Марія, русская плѣнница, не упускали случая, когда за нами не наблюдали, приносить мнѣ что-нибудь съѣстное. Я все дѣлалъ съ Абдуль-Гани и этимъ способомъ проложилъ себѣ путь къ его сердцу; онъ сталъ смотрѣть на меня нѣжными глазами и сдѣлался преданнымъ поклонникомъ Асланъ-Козъ. Тамбіевъ каждый день приходилъ на короткое время, большею частію передъ сумерками, осмотрѣть все ли исправно, поторговаться съ Абдуль-Гани о выкупѣ, спросить меня все ли я имѣю намѣреніе снова уйдти, и получить постоянный отвѣтъ что непременно уйду. Чѣмъ болѣе я объ этомъ говорилъ, тѣмъ менѣе онъ вѣрилъ; что и понуждало меня каждый разъ повторять ему одно и то же. Послѣ того мой товарищъ начиналъ молиться, выть, плакать, и весь вечеръ проводилъ въ возгласахъ: „я Аллахъ! я раби Аллахъ!“ въ чемъ я ему нисколько не мѣшалъ; наконецъ приходили трое караульныхъ, спавшіе каждую ночь въ нашей избѣ передъ самими дверьми. Днемъ мы оставались не только одни въ своемъ затворѣ, но даже изъ аула всѣ Черкесы уходили въ поле на работу, увѣренные въ прочности нашихъ оковъ; да кромѣ того въ аулѣ было много женщинъ, готовыхъ поднять тревогу, еслибы мы вздумали освободиться. Прекрасная лѣтняя погода, свѣжал зелень полей и лѣсовъ, да свобода движенія, которыхъ мы были лишены въ нашемъ затворѣ, казались намъ благами выше всякой цѣны, когда сквозь щель стѣны удавалось намъ захватить глазомъ окраину лѣса или горъ. Дверь нашей избы была такъ закрыта навѣсомъ, что солнце въ нее не проникало, а тѣмъ менѣе можно было видѣть что дѣлается на дворѣ. Абдуль-Гани приходилъ въ бѣшенство. Я далъ его отчаянію дойти до высшей степени, и когда онъ заговорилъ что пора зарѣзаться, я замѣтилъ только, что по моему мнѣнію умѣе уйдти домой чѣмъ рѣзаться. Абдуль-Гани не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, услыхавъ что я думаю объ уходѣ, несмотря на тяжелые оковы; упрекалъ меня даже что я издѣваюсь надъ его отчаяніемъ, забывая свое собственное несчастіе. Тогда я объявилъ ему, что знаю средство противъ оковъ и ручаюсь освободить его, если онъ дастъ святое обѣщаніе повиноваться мнѣ какъ рабъ своему господину, пока мы не перейдемъ за Кубань. Тамъ я обѣщалъ подарить ему еще сто цѣлковыхъ, если онъ будетъ уменъ и послушенъ. Абдуль-Гани, не ожидавшій подоб-

наго счастія, присягнувъ въ чемъ я хотѣлъ. Тогда я вынулъ камень и началъ свою работу.

Восемнадцать дней я теръ звено цѣпи пока успѣлъ его распилить. Работа производилась только днемъ, когда все уходило изъ аула и насть караулила одна черная собака, на которую Тамбѣевъ полагалъ свои главные надежды, не зная что между нами существуетъ тайная дружба. Она служила уже не ему, а мнѣ, давая знать ворчаніемъ когда кто-нибудь подходилъ. Кромѣ того Татаринъ смотрѣлъ въ щели, пока я трудился надъ цѣпью, и по моему приказанію, привычнымъ воємъ и восклицаніями заглушалъ журчаніе камня о желѣзо. Каждый вечеръ Тамбѣевъ или одинъ изъ караульных осматривали оковы, пропуская при огнѣ каждое звено сквозь пальцы. Блескъ стертаго желѣза могъ мнѣ измѣнить: я нашелъ способъ устранить это неудобство. Выпросивъ у Асланъ-Козъ немного воску, будто бы для больного зуба, я залѣчивалъ имъ, перемѣшавъ съ желѣзными опилками, такъ искусно стертое звено, что никто не успѣлъ открыть обмана. Когда кольцо, имѣвшее прежде толщину пальца, въ одномъ мѣстѣ сдѣлалось тоньше листа бумаги, я принялся за замокъ. Абдулъ-Гани спилилъ тѣмъ же камнемъ заклепки, ножницами, добытыми мною для стрижки бороды, проткнулъ щпиньки, замѣнилъ ихъ деревянными засовками, и залѣпилъ потомъ воскомъ съ опилками. Все шло такъ удачно, что я въ этотъ разъ нисколько не сомнѣвался спастись. Вдвоемъ, помогая одинъ другому, намъ не трудно было дойти до Кубани. Татаринъ пользовался силою, которой я не имѣлъ, а я могъ служить ему соображеніемъ, безъ котораго два побѣга его были неудачны; одно обстоятельство только заставляло меня иногда задумываться: подобно мнѣ онъ не умѣлъ плавать, а между нами и Кубанью протекала глубокая Сагуаша. Между тѣмъ Асланъ-бекъ, тайкомъ отъ меня, строилъ на краю аула какой-то домъ, долго я не могъ узнать для какой цѣли. Асланъ-Козъ и Марья, единственные существа въ аулѣ, отъ которыхъ я могъ получать кое-какія извѣстія, сообщили мнѣ, что домъ строится собственно для меня, съ такими предосторожностями, что изъ него никакъ нельзя будетъ уйти. Въ чемъ состоитъ дѣло, онѣ не могли объяснить, потому что Тамбѣевъ, возымѣвшій подозрѣніе противъ этихъ двухъ женщинъ въ тайномъ потворствѣ имъ видамъ, не допускалъ ихъ до постройки, и онѣ знали о

его новыхъ затѣяхъ только по слухамъ, которыхъ сами хорошо не понимали. Одно я видѣлъ ясно, что меня разлучать съ Татариномъ, и рѣшился бѣжать какъ можно скорѣе, не ожидая даже пока Тамбіевъ куда-нибудь уйдетъ. Когда все было подготовлено, я снова повѣрилъ свою тайну Асланъ-Козъ и просилъ мнѣ помочь чѣмъ можно. Въ этотъ разъ она безъ противорѣчія одобрила мое намѣреніе и помогла чѣмъ была въ силахъ, отдавъ мнѣ пару своихъ собственныхъ чувакъ, да небольшой бараній сыръ, тайкомъ захваченный ею у тетки. Больше припасовъ она не могла добыть; по наущенію Тамбіева, очень ее не любившаго, пришлось въ аудѣ много глазъ, присматривавшихъ за всѣмъ что она дѣлала и куда ходила. Ножа я не могъ допроситься.

Въ ночь, назначенную для бѣгства, караульные, осмотрѣвъ оковы и не замѣтивъ никакой порчи, легли на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ; къ нашему счастью, они спали крѣпко, весь день проработавъ въ полѣ. Дверь, находившаяся два фута надъ землею, запиралась деревяннымъ заклинованнымъ запоромъ. Въ избѣ царствовала непроницаемая темнота, потому что лѣтомъ разводили огонь на очагѣ только для свѣта, пока караульные убирались и оглядывали все ли въ порядкѣ. Для того чтобы выбраться на свободу, мнѣ приходилось дѣйствовать ошупью, безпрестанно опасаясь разбудить Черкесовъ,—допилить цѣпь, снять замокъ съ Татарина, черезъ трехъ спящихъ пробраться къ двери, вынуть клинъ и запоръ, растворить ее безъ скрипу, выпроводить сперва моего товарища и потомъ самому вылѣзть. Сказать нетрудно, да не легко было сдѣлать, тѣмъ болѣе что я ничего не могъ предоставить на волю неуклюжаго и тупоумнаго Абдуль-Гали. Едва умъ его постигъ дѣйствительную возможность избавиться отъ оковъ и выйти на свободу, какъ мстительная и кровожадная натура уже стала въ немъ разыгрываться. Первая мысль его была—украсть кинжалъ у одного изъ спящихъ рабовъ Тамбіева и убить всѣхъ троихъ, для того чтобы свободнѣе выйти, да сверхъ того сдѣлать убытокъ нашему мучителю. Получивъ отъ меня рѣшительный отказъ, онъ долго не могъ успокоиться, приговаривая: „а какъ бы хорошо это было: мы ушли, выкупъ пропалъ, да и всѣ холопы пропали, оставили бы мы Асланъ-Беку хорошую память.“

Одѣвшись я сидѣлъ въ темнотѣ и прислушивался, сдерживая дыханіе, спать ли караульщики какъ слѣдуетъ. Ногаецъ,

толкая, давалъ мнѣ знать что пора, а я тѣми же знаками унималъ его нетерпѣніе; говорить было невозможно. Выждавъ сколько было нужно, я принялся съ осторожностію за дѣло, допилилъ цѣпь, снялъ замокъ и избавилъ себя и Абдуль-Гани отъ оковъ безъ малѣйшаго звука. Усадивъ его добрымъ толчкомъ на своемъ мѣстѣ, я приблизился къ караульщикамъ; ощущавъ какъ они лежатъ, поставилъ ноги между ними, уперся одною рукой въ стѣну, а другою сталъ тихонько вынимать запоръ. Въ самомъ изловкомъ положеніи, согнувшись дугою надъ спящими Черкесами, я трудился не менѣе четверти часа пока успѣлъ вынуть клинъ, вытащить длинный запоръ и растворить двери съ размаху, для того чтобъ онѣ не скрипнули. Потомъ я вернулся за Ногайцемъ, подвелъ его къ спящимъ, уставляя его ноги между ними своими собственными руками и высадилъ его за двери. Прежде еще я ему далъ наставленіе идти между домами тихимъ шагомъ, для того чтобы не поднять собакъ; но едва Абдуль-Гани вдохнулъ свободнаго воздуха, какъ всѣ мои наставленія были забыты. Онъ бросился очертя голову въ совершенно другую сторону, чѣмъ слѣдовало, а за нимъ увязалась, съ лаемъ и визгомъ, цѣлая стая собакъ. Послѣ этого одна скорость могла спасти насъ отъ караульныхъ. Не имѣя времени долго разбирать, я выскочилъ за двери, кажется задѣвъ одного изъ нихъ, выбравившаго за то своего товарища, полагая что тотъ его толкнулъ, и догнавъ Абдуль-Гани у плетня, обгораживавшаго аулъ, черезъ который ему не давали перелѣзть собаки, кусавшіе его за ноги. Моя пріятельница, черная собака, не отставала отъ меня, прыгая и мотая хвостомъ; видя что насъ атакуютъ прочія собаки, она бросилась на нихъ съ оскаленными зубами и отогнала въ одно мгновеніе. За плетнемъ я остановилъ Татарина, заставивъ его обыкновеннымъ шагомъ спуститься въ оврагъ, пройти версты двѣ по ложу ручья, для того чтобы скрыть наши слѣды, и потомъ повернуть не на сѣверъ, а на западъ, что насъ совершенно удаляло отъ направленія, по которому Черкесы должны были гнаться за нами. Черная собака не уходила, сколько я ни гналъ ее домой. Татаринъ уже подвѣлъ камень, чтобъ убить ее: это была его господствующая мысль; но я остановилъ его руку и самъ рѣшился палкою заставить ее уйдти въ аулъ, потому что черезъ нее насъ легко могли открыть. Пролежавъ въ лѣсу часть ночи и весь день, я раз-

читывалъ пропустить погоню впередъ и идти потомъ на сѣверо-западъ къ низовью Сагуани, гдѣ, думалъ, насъ не станутъ искать. Весь день мы опять слышали голоса отыскивавшихъ насъ Черкесовъ, но очень далско, и въ той сторонѣ гдѣ я предполагалъ.

Взоружившись кольями изъ перваго плетня, двѣ ночи мы шли не останавливаясь по предположенному направленію, соблюдая только обыкновенныя предосторожности, не идти все по одной дорогѣ, обходить аулы и, гдѣ можно, для уничтоженія слѣда, пробираться по водѣ. Въ этотъ разъ я былъ одѣтъ лучше прежняго, имѣлъ на себѣ суконные шаровары, черкесску и, по милости Асланъ-Козъ, совершенно новые чуваки. Съ такимъ дюжимъ товарищемъ, каковъ былъ Абдуль-Гани, мнѣ нечего было бояться лѣсу, овраговъ или бродовъ чрезъ самыя быстрыя рѣчки; гдѣ я одинъ долженъ былъ бы искать дальняго обхода, тамъ, благодаря его силѣ, мы пробивались на прямикъ. Наше странствованіе имѣло также свои трудныя, непріятныя и опасныя минуты. Не разъ Абдуль-Гани, забывъ свои общанія, отказывался слушать меня насчетъ выбора дороги или мѣста для дневки, начиналъ спорить, упрямиться и приходилъ въ повиновеніе только послѣ угрозы, что я съ нимъ разстанусь и онъ потеряетъ обещанные сто цѣлковыхъ. На третьи сутки не стало сыру. Въ то же время подошла у моихъ чувакъ обертелась до того, что я сильно сталъ бояться за цѣлость ногъ; въ этомъ случаѣ Абдуль-Гани помогъ мнѣ: каждый вечеръ онъ срывалъ зубами кору съ молодого липняка и обвертывалъ мнѣ ноги лыкою, что ихъ совершенно предохраняло отъ камней и отъ колючки. На четвертые сутки какой-то Абазехъ расположился пасты свою одинокую корову въ двадцати шагахъ отъ чащи, въ которую мы залегли дневать. Съ утра до поздняго вечера онъ не покидалъ своего мѣста; мы хорошо видѣли какъ онъ плелъ корзину, отдыхалъ и съ наслажденіемъ ѣлъ имѣвшіеся у него въ запасѣ куски просяной каши и отличной баранины. Для насъ голодныхъ соблазнъ былъ великъ, но не только мы не смѣли надѣяться заставить его подѣлиться съ нами, а даже опасались шевельнуться, для того чтобъ онъ насъ не замѣтилъ. У него были ружье, пистолетъ и прочее оружіе, а у насъ только палки. Когда онъ растянулся отдыхать, Абдуль-Гани не выдержалъ и опять сталъ меня упрашивать не упускать такого удобнаго случая за-

владѣть оружіемъ и запасами Абазеха, а его самого убить, чтобы не поднималъ тревоги. Мнѣ стоило много труда удержать его отъ этого дѣла, потому что мысль убить и ограбить спящаго человѣка, хотя бы онъ былъ Абазехъ, намъ врагъ, наводила на меня омерзѣніе; я имѣлъ намѣреніе только въ открытой оборонѣ, если понадобится, не пожалѣть жизни противника. Въ подобномъ случаѣ ничего нельзя было сдѣлать палкою противъ ружья, надо было подпустить неприятеля какъ можно ближе и стараться нечаянно, силою или ловкостію, завладѣть его собственнымъ оружіемъ; напрасно я внушалъ Абдуль-Гани это правило; послѣдствія доказали, что онъ не могъ разстаться съ своими прежними безсмысленными привычками. Послѣ одного ночнаго перехода, отправившись въ лѣсъ для дневки, мы набрали нечаянно на логовище медвѣдя; встревоженный звѣрь заревѣлъ, а мы отвѣтили ему такимъ страшнымъ крикомъ, что онъ со всѣхъ ногъ бросился отъ насъ бѣжать. Закончивъ сырѣ, мы питались уже вторые сутки ржаными колосьями.

Въ шестую ночь мы вышли изъ сплошныхъ лѣсовъ, покрывавшихъ Абазехскую землю; при лунномъ свѣтѣ открылись намъ широкія холмистыя поля, ограниченныя вдаль темною полосой лѣса, обозначаващаго теченіе Сагуаши. Сколько мы ни спѣшили пройти открытое пространство, а утренняя заря застигла насъ еще на этомъ берегу. Рѣка протекала двумя широкими рукавами, съ свойственною ей кипучею быстротой. Оба мы не умѣли плавать, что насъ понудило условиться, пока можно касаться грунта идти вмѣстѣ, а въ случаѣ глубины спасаться отдѣльно, для того чтобы напрасно не топить одинъ другаго. Не зная мѣстности, намъ приходилось отыскивать брода по слѣдамъ, которыхъ напрасно искали наши глаза; нигдѣ ни малѣйшей примѣты человеческой жизни, будто никогда, никто не проникалъ въ это пустынное мѣсто. Между тѣмъ нельзя было медлить ни мгновенія, день занимался и насъ могли увидать издалека. Не мѣшкая, мы раздѣлись, привязали платье за спину, и взявшись крѣпко подъ руку, вошли въ воду. Первый рукавъ Сагуаши былъ не очень глубокъ; вода доходила только до груди, но за то неслась съ такою быстротой, что неимоверныхъ усилій стоило держаться на ногахъ, и палки, на которыя мы упирались, рвало изъ рукъ. Только воловья сила Татарина позволяла мнѣ устоять противъ теченія; съ его по-

мощью я благополучно перебрался на отмель, за которою лежало главное русло рѣки. Болѣе плавное теченіе обнаруживало въ немъ глубину, которой мы не знали какимъ способомъ преодолѣть. Но тутъ не было времени думать: за нами лежала неволя; впереди маячила надежда близкой свободы; мы схватились подъ руку и вошли въ рѣку. На третьемъ шагу вода хлынула черезъ голову. Помня условіе, я вырвалъ руку и бросился плыть, какъ зналъ. Абдуль-Гани нырнулъ на дно, потомъ показался на поверхности, схватилъ меня судорожно за руку и заставилъ невольно перевернуться на спину. Къ счастью онъ не захлебнулся. Работая ногами и одною рукою, я дѣлалъ сверхъестественныя усилія, для того чтобы удержаться на водѣ. Абдуль-Гани, уцѣпившись крѣпко за руку, тянулъ меня на дно; по временамъ, вынырнувъ, вскрикивалъ: „лай илай!“ и погружался, не докончивъ молитвы. Между тѣмъ насъ несло по теченію, рѣка становилась все ширѣ, казалось не было конца водяному пространству; машинально, безъ мысли, безъ надежды на спасеніе я билъ ногами губительную струю. Вдругъ меня чѣмъ-то ослѣпило, и въ то же время я почувствовалъ сильный толчекъ въ голову; инстинктивно бросивъ руку въ ту сторону, откуда толкнуло, я ухватился за твердый предметъ. Это былъ древесный сукъ. Абдуль-Гани, вынырнувши, не упустилъ уцѣпиться за него обѣими руками. Насъ остановило большое дерево, колыхавшееся на поверхности воды; корнями оно держалось еще за матерую землю, что и позволило намъ пробраться по немъ на другой берегъ. Почувствовавъ землю подъ ногами, Абдуль-Гани, возгласилъ: „лай илай иль Аллахъ, Магомедъ ашгедъ рейсулула;“ и не дожидаясь меня, не слушая крика: „тохта! тохта!“ (погоди), бросился бѣжать съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука. Напрасно я гнался за нимъ, стараясь его остановить. Наконецъ силы ему измѣнили; онъ упалъ на землю почти безъ дыханія, и тогда только я его настигъ. Два глубокихъ слѣда остались послѣ насъ на травѣ и на мокромъ песку; упреками въ томъ что онъ опять сдѣлалъ глупость, ихъ нельзя было изгладить; поэтому я позаботился только скорѣе увлечь его въ невысокій, но чрезвычайно густой лѣсъ, находившійся недалеко отъ переправы. Выбравъ скрытное мѣсто, мы развѣсили по деревьямъ наше мокрое платье для просушки; сами въ томъ видѣ, какъ создала насъ природа, остались ожидать солнца, долженство-

вашаго обогрѣть насъ послѣ продолжительнаго купанія. Къ несчастію, наше ожиданіе не сбылось. Въмѣсто солнца, небо покрылось тучами; съ горъ подулъ свѣжій вѣтеръ и скоро полился проливной дождикъ, подъ которымъ мы просидѣли далеко за полдень, однимъ оттираніемъ приводя въ движеніе остывавшую кровь. Наше положеніе было, право, не завидно, и не знаю перенесъ ли бы я его въ другую минуту, неподдерживаемый одушевлявшею меня тогда надеждою вырваться на свободу. Съ первымъ солнечнымъ лучомъ, пригрѣвшимъ наши окоченѣвшія тѣла, мы встреपнулись, и забывъ недавнoproшедшее мученіе, принялись думать какъ бы вѣрнѣе достигнуть конца нашего предпріятія. Абдулъ-Гани не ожидалъ что наше платье высохнетъ до вечера; идти въ немъ ночью по открытой степи, если оно будетъ еще сыро, онъ считалъ невозможнымъ, говоря что при самомъ небольшомъ вѣтрѣ мы лишимся силъ двигать ноги и непременно умремъ. Его мысль была надѣть платье и пойдти лѣсомъ пока не сѣло солнце, для того чтобы скорѣе просушить его на себѣ. Я отказывался идти днемъ, но потомъ имѣлъ слабость согласиться на предложеніе Абдулъ-Гани, убѣждавшаго меня, кромѣ того, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ мы находимся, что на немъ бывалъ не разъ и поведетъ меня такими тропинками, на которыхъ нѣтъ возможности встрѣтить живаго человѣка; а что касается до погони, такъ насъ послѣ шести дней навѣрное перестали искать, или ищутъ въ совершенно другой сторонѣ. Послѣднее предположеніе Татарица я самъ считалъ весьма вѣроятнымъ, потому что мы, заключая по мѣстности, прошли къ низовью Сагуани, далеко западише нашего прямого пути на Кубань, около котораго Черкесы должны были насъ караулить. Это насъ пагубило.

Одѣвшись не безъ труда, мы пошли сушить на себѣ платье. Сначала Абдулъ-Гани велъ меня по глухому лѣсу, позволявшему дѣйствительно идти днемъ, не опасаясь встрѣчи; но потомъ онъ вышелъ на большой лугъ, окоймленный купами деревьевъ, окруженныхъ частымъ кустарникомъ, и покрытый высокою травой, по которой нѣсколько битыхъ тропинокъ вели къ арбанной дорогѣ. Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно мнѣ не понравилось, я остановился чтобы сказать моему товарищу, что не намѣренъ идти по мѣсту испещренному дорогами, а вернуться въ лѣсъ и залягу въ немъ до ночи, предоставляя ему дѣ-

лать что хочетъ, если располагаетъ иначе. Въ эту самую минуту я услыхалъ въ кустахъ передъ нами разговоръ, и до моего слуха долетѣлъ знакомый голосъ Алимъ-Гирсѣ. Мы наткнулись на ожидавшую насъ засаду; слѣды на берегу Сагуаши намъ измѣнили. Не теряя присутствіе духа, я понималъ что насъ еще не замѣтили, иначе не стали бы громко говорить, указалъ Татарину на кусты, приложилъ палецъ къ губамъ и скорымъ шагомъ пошелъ обратно по тропинкѣ. Во ста шагахъ стоялъ высокій дубъ, окруженный частымъ кустарникомъ; я добрался до него не оставляя слѣда и легъ въ кусты. Абдулъ-Гани, между тѣмъ, какъ угорѣлый бросился бѣжать по травѣ совершенно въ другую сторону, но замѣтивъ что я нашелъ хорошее мѣсто чтобы укрыться, повернулъ ко мнѣ, и также легъ въ кустахъ. Между нами было шаговъ пятьдесятъ разстоянія. Я видѣлъ глубокій слѣдъ оставленный имъ на травѣ, понималъ что экспрессіей человекъ но надѣялся что меня не найдутъ. Мѣсто, гдѣ я лежалъ, накрывшись черкесскою одного цвѣта съ землею и съ сухими листьями, было выбрано такъ удобно, что даже черкесской смѣтливости и черкесскому глазу трудно было меня увидать. Около часу лежалъ я въ этомъ положеніи, колеблясь между страхомъ и надеждою; все зависѣло оттого, поѣдутъ ли Черкесы, наскучивъ караулить, въ нашу сторону, и когда по слѣду, чего нельзя было миновать, наѣдутъ на Абдулъ-Гани, скажетъ ли онъ гдѣ я скрываюсь. Сбылось чего я боялся. Передъ заходомъ солнца я увидалъ Алимъ-Гирсѣ съ какимъ-то другимъ Абазехомъ, медленно слѣдовавшихъ вдоль роковой тропинки, по которой мы вышли изъ лѣсу. Слѣдъ Абдулъ-Гани не скрылся отъ ихъ привычнаго глаза; они пристально его разсмотрѣли, вынули ружья изъ чехловъ, и пустивъ лошадей рысью, наѣхали прямо на него. Мнѣ все было видно. Ногаецъ, чувствовалъ себя открытымъ, вскочилъ, и съ поднятою палкою, какъ разъяренный звѣрь, бросился на Абазеховъ. Видъ ружей, направленныхъ ему въ грудь, остановилъ порывъ этой бѣшеной храбрости. Въ мгновеніе ока его бросили на землю и связали. Алимъ-Гирсѣ стоялъ надъ нимъ, уперѣвъ въ него дуло ружья.

— Гдѣ Русскій? отвѣчай!

— Не знаю! мы поссорились два дни тому назадъ и пошли разными дорогами.

— Врешь! На берегу Сагуани два слѣда: поутру вы не разлучались еще. Говори или убью! Алимъ-Гирей взвелъ курока.

Абдуль-Гани молча указалъ на дерево, возлѣ котораго я залегъ.

— Товарищъ Алимъ-Гирей приблизился къ нему, обошелъ кусты и вернулся къ Абдуль-Гани, не замѣтивъ меня въ въ пяти шагахъ. Я смѣлъ еще надѣяться, авось не найдутъ.

Снова принялись грозить Ногайцу; онъ вторично указалъ въ мою сторону. Абазехъ опять принялся искать. Видя что нѣтъ спасенія, я далъ ему подойти и поднялся мгновенно, помышляя съ нимъ сдѣлаться. Мы были челоуѣкъ на челоуѣка. Алимъ-Гирей не могъ остановить Татарина, порывавшагося освободиться. Но мой противникъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, выхватилъ пашку и описывая, ея круги надъ моею головою, кричалъ чтобъ я сдавался. Я шелъ къ нему, имѣя правую руку за пазухою, по особому разчету: мнѣ хотѣлось сдаться на условіяхъ. Алимъ-Гирей, замѣтя что я прячу руку, кричалъ своему товарищу остерегаться, потому что у меня долженъ быть ножъ.

По мѣрѣ того какъ я подходилъ, Абазехъ отступалъ, и направливаясь ударить меня по головѣ, кричалъ чтобъ и сдавался и прежде всего бросилъ ножъ.

Алимъ-Гирей, видя что происходитъ, крикнулъ Абазеху кончать дѣло, рубить меня только не по головѣ, а по ногамъ, чтобъ я упалъ.

Перспектива открывалась для меня самая неутѣшительная, съ прорубленными ногами остаться навсегда калѣкою: я остановился.

— Алимъ-Гирей, закричалъ я,—хотите вы меня живаго или мертваго?

— Сдайся добромъ и ты будешь живъ.

— Хорошо, Алимъ-Гирей, я сдамъ, только не простому челоуѣку, а тебѣ старому дворянину, Дауру, есая ты мнѣ дашь святое слово что мнѣ не будетъ сдѣлано оскорбленія, и меня не станутъ вязать; иначе Богъ разсудитъ! Клянись за себя и за Асланъ-бека!

Алимъ-Гирей поклялся Кораномъ да могилою отца и матери.

Тогда я подошелъ къ нему.

— Брось же ножикъ.

Я вынулъ изъ-за пазухи пустую руку: на возьми его!

Алимъ-Гирей засмѣялся.

— Обмануль ты насъ, да нечего дѣлать: клятва дана, и я сдержу ее; тебѣ нечего бояться брани и оскорбленій.

Послѣ того Абазехи посадили насъ на лошадей, сами помѣстились на крупѣ и повезли вверхъ по Сагуашѣ, къ сборному мѣсту многочисленной шайки Кабардинцевъ и Абазеховъ, помогавшихъ Тамбіеву насъ отыскивать. На высокомъ обрывистомъ берегу рѣки ожидали насъ уже нѣсколько человѣкъ, прочіе сѣѣжались одинъ за другимъ. Тамбіевъ пріѣхалъ поздно ночью. Ожидая его, сѣѣзли съ лошадей и расположились на землѣ отдыхать, помѣстивъ меня посерединѣ. Послѣ заката солнца поднялся холодный сѣверный вѣтеръ, насквозь продувавшій мое мокрое платье. Татаринъ былъ правъ: съ мокрымъ платьемъ на тѣлѣ можно умереть въ открытой степи. Я переносилъ много боли, много страданій, но подобнаго мученія я еще не испытывалъ. Рубашка жгла меня какъ огнемъ; при каждомъ порывѣ вѣтра, будто тысячи раскаленныхъ иголъ вонзались въ мое измученное тѣло. пытка дошла до такой степени, что я потерялъ силу ее переносить, но гордость не позволяла мнѣ просить Черкесовъ помочь бѣдѣ; въ первый разъ я почувствовалъ желаніе положить навсегда конецъ моимъ страданіямъ. Въ пяти шагахъ, подъ крутымъ обрывомъ, шумѣла Сагуаша. Непреодолимая сила влекла меня въ рѣку. Я оглянулся: Черкесы, казалось, все заснули; легко было придвинуться къ краю обрыва; но при первомъ движеніи, которое я сдѣлалъ въ ту сторону, Алимъ-Гирей, спавшій только однимъ глазомъ, быстро перегородилъ мнѣ дорогу.

— Это что значитъ? Куда ты? въ рѣку? Да чего ты боишься, когда я поклялся что тебя не стануть обижать.

Не получая отвѣта, онъ взглянулъ мнѣ въ лицо, ощущалъ платье и понялъ мои страданія. Онъ и еще другой Абазехъ накрыли меня своими бурками, послѣ чего боль стала постепенно уменьшаться. Когда дали знать, что Тамбіевъ подъѣзжаетъ, Алимъ-Гирей вышелъ къ нему навстрѣчу, и долго съ нимъ переговаривалъ; потомъ они подошли поздравить меня съ тѣмъ что я, по милости Аллаха, не погибъ въ лѣсу, и говорили, что я долженъ считать себя счастливымъ опять попавъ въ ихъ власть. Не знаю, была ли это иронія, могу только сказать, что я другихъ упрековъ не слышалъ отъ Тамбіева. Послѣ этого сѣли на лошадей и повезли меня, накрытаго двумя

бурками, въ ближайшій аулъ, верстѣ за десять, гдѣ я обогрѣлся возлѣ огня, немного поѣлъ и заснулъ летаргическимъ сномъ. И въ этотъ разъ послѣдніе трое сутокъ я положительно ничего не ѣлъ, но не чувствовалъ отъ этого замѣтнаго упадка силъ, хотя еще въ ночь передъ переправою прошелъ вѣрныхъ двадцать верстѣ, и даже готовъ былъ, еслибы насъ не схватили, идти не останавливаясь до Кубани. Съ перваго ночлега до аула, въ которомъ я жилъ у Тамбіева, мы дошли въ два перехода. Мнѣніе Тамбіева заключалось въ томъ, что онъ меня заставилъ идти пѣшкомъ всю дорогу; это новое мученіе я перенесъ съ привычнымъ мнѣ упрямымъ молчаніемъ, столько же сердившимъ Черкесовъ, сколько оно внушало имъ уваженія къ моему характеру. Не было страданія, которымъ бы они могли вынудить отъ меня жалобу, или просьбу облегчить мое положеніе. Тамбіевъ часто повторялъ:

— Твоя сердитъ много: хорошо не скажи, худо не скажи, никогда проси не будетъ.—Этò значило: ты очень сердитъ: за хорошее не благодарить, за дурное не бранишься и ни о чемъ не хочешь просить.

Замѣчая усиліе, съ которымъ я передвигалъ усталыя ноги, Асланъ-Бекъ, платя упрямствомъ за упрямство, какъ будто въ извиненіе своего поступка со мною, слѣзая съ лошади и шедъ самъ возлѣ меня, увѣряя что она крайне измучена, а другой лошади для себя или для меня онъ нигдѣ не можетъ добыть.

По возвращеніи въ аулъ я занялъ съ Абдуломъ-Гани прежнюю избу; его приковали исправленною цѣпью, а мнѣ наложили оковы на ноги. Первая встрѣтила меня съ непритворною радостію черная Хакразъ, забывшая побои, которыми я ее угостилъ въ лѣсу, право, противъ моего желанія и только для спасенія ея отъ смерти. Абдулъ-Гани не пожалѣлъ бы ее. Потомъ, Асланъ-Козъ, воспользовавшись минутой когда не было караульныхъ, показалась у дверей, улыбнулась мнѣ и только успѣла шепнуть, что новый домъ готовъ и меня переведутъ въ него на другой день. Все приняло для меня свой прежній видъ. Абдулъ-Гани прорыдалъ весь вечеръ, проклиная свою глупость, и съ разтерзаннымъ видомъ просилъ простить его. Глубокое его отчаяніе возбудило мою жалость. Зная что насъ разлучать, и, на первое время, всѣ караульные, которыми Тамбіевъ могъ располагать, будутъ находиться у меня, а его оставлять можетъ-быть одного, надѣясь что

въ одну или двѣ ночи нельзя перепилить оковъ, я указалъ ему на приготовленное мною средство избавиться отъ нихъ и снова бѣжать. По обыкновенію, Ногаецъ не понималъ ничего, и я долго долженъ былъ ему толковать употребленіе ключа и способъ какъ добраться до замка, висѣвшаго за стѣною, съ наружной стороны избы, что было возможно только черезъ крышу. Все сбылось какъ я предполагалъ. Въ новомъ помѣщеніи три человека пришли меня караулить, несмотря на положительную невозможность уйти изъ него. Абдулъ-Гани остался одинъ и въ первую же ночь воспользовался ключомъ и моими совѣтами. Въ этотъ разъ онъ болѣе не возвращался, десять дней бродилъ по лѣсамъ, отъ голода съѣлъ свои чевяки изъ телячей кожи, а все-таки кончилъ тѣмъ что дошелъ до роднаго Тохтамыша. Несмотря на свою силу и, казалось, неразрушимое здоровье, онъ не перенесъ безнаказанно страданій семимѣсячнаго плѣна и четырехъ попытокъ спастись. Скоро послѣ прихода домой онъ началъ чахнуть, и умеръ черезъ полгода.

Двумъ плѣннымъ Тамбіева, казаку да Татарину, я указалъ путь къ свободѣ; за то судьба, казалось, совершенно отря-зала его для меня самого. Новый домъ для меня, надъ которымъ Асланъ - Бекъ трудился такъ долго, состоялъ изъ крѣпкаго деревяннаго сруба съ потолкомъ, не существующимъ въ обыкновенныхъ черкесскихъ постройкахъ. Въ глубинѣ избы находился другой срубъ изъ толстыхъ бревенъ, съ бревенчатыми поломъ и потолкомъ, снабженный низенькими дверьми: въ немъ-то я долженъ былъ помѣститься. Въ этой темницѣ, имѣвшей большое сходство съ ящикомъ увеличеннаго размѣра, царствовала совершенная мгла; окна не было; свѣтъ и воздухъ проходили только въ замазанные щели между бревнами стѣны, обращенной во внутрь большой избы. Въ затворѣ я могъ только лежать и сидѣть; на ноги подняться было невозможно. Каждый день растворяли на нѣсколько мгновеній дверь, запертую двумя запорами и замкомъ, ставили миску съ молокомъ и кашею, кувшинъ воды, и тотчасъ затворяли. Все платье, кромѣ рубашки и холщевыхъ шароваръ, у меня отняли. Сверхъ оковъ на ногахъ, меня еще приковали попрежнему, за шею; хотѣли мнѣ сковать также руки, да во всей абазехской землѣ не нашли потребныхъ на то желѣзъ. Въ такомъ положеніи я пролежалъ конецъ іюля, августъ, сентябрь и октябрь безъ дви-

женія, безъ занятія, безъ свѣта, почти безъ свѣжаго воздуха, безъ надежды на освобожденіе. Что я перенесъ и передумалъ въ это время извѣстно одному Богу; разказывать было бы слишкомъ долго, къ тому же, какъ было сказано, я не пишу исповѣди, а вспоминаю одни факты. Не стану отъ нихъ отклоняться.

На первыхъ порахъ мною овладѣло глубокое уныніе. Мое положеніе казалось до того нестерпимымъ, возможность освободиться столь невѣроятною, что не разъ мнѣ приходила мысль уморить себя голодомъ или разбить голову объ стѣну. Одно время я пересталъ даже ѣсть и около шести дней не трогалъ пищи, стоявшей возлѣ меня; потомъ вдругъ проявлялась опять надежда: вырабатывалась увѣренность, что съ твердою волею и терпѣніемъ можно вырваться даже изъ этой темницы и спастись, несмотря на Кабардинцевъ и на всѣхъ Абазеховъ перегоражившихъ дорогу на Кубань. Тогда я переходилъ къ неумолкаемой, лихорадочно потрясавшей меня умственной дѣятельности, день и ночь придумывалъ средства къ спасенію; каждому предположенію моему постоянно противился только недостатокъ какой-нибудь самой незначительной вещи, камня, кусочка желѣза, способныхъ обратиться для меня въ орудіе свободы. Всѣ мои мысли, всѣ желанія были обращены къ одному предмету—добыть ножикъ, но какъ и гдѣ его добыть? Ножа мнѣ не давали въ руки не только для ѣды, но даже для крошенія табаку, изъ котораго я дѣлалъ нѣчто похожее на пахитосы; я былъ принужденъ рвать его ногтями. Пока я мысленно ухищрялся какъ бы преодолѣть судьбу, дни тянулись для меня безъ конца. Для того чтобы не помѣшаться на одной мысли, занимался ею исключительно, я выучился жить двойною жизнію. Мнѣ стоило только днемъ задумать о томъ что желалъ видѣть во снѣ, и ночью все задуманное представлялось такъ ясно, будто я испытывалъ его на яву. Этимъ способомъ я переносился куда хотѣлъ, видѣлъ кого желалъ, и часто, просыпаясь, не умѣлъ въ первые минуты отличить сна отъ дѣйствительности: такъ живы, такъ ощутительны были картины, являвшіяся во снѣ моему воображенію.

Первое время одинъ изъ слугъ Тамбіева караулилъ меня днемъ; трое ночевали въ большой избѣ; послѣ того надзоръ сталъ ослабѣвать. Тамбіевъ часто уѣзжалъ; тогда люди его расходились во всѣ стороны, оставляя меня одного на цѣлый

день. Этимъ временемъ Асланъ-Козъ и плѣнница Марія заходили ко мнѣ на нѣсколько минутъ. Бревенчатая стѣна разделяла насъ; я видѣлъ ихъ, но онѣ могли только слышать мой голосъ. Въ одномъ мѣстѣ щель, между двумя бревнами, позволяла просунуть руку. Асланъ-Козъ начинала тѣмъ что протягивала мнѣ свою маленькую ручку, осведомлялась о здоровьѣ и разговаривала сколько могла безъ свидѣтелей, убѣгая когда показывались люди. За нею подсматривали, и абазехская молодежь часто дразнила ее участіемъ, которое она принимала во мнѣ. Разъ ее таки подкараулили. Прежде чѣмъ она успѣла уйти, нѣсколько молодыхъ Абазеховъ вбѣжали въ избу съ крикомъ. „Теперь видимъ, Асланъ-Козъ, гдѣ бываешь, когда тебя нѣтъ у сестеръ: у Русскаго сидишь; пожалуй, чего добраго, хочешь быть его женою!“ Никогда я не видалъ ее разсерженною до такой степени. Она выпрямилась во весь ростъ, краска покрыла ея прекрасное лицо, брови нахмурились. „Да! вы отгадали, я желаю быть его женою, а извѣстнаго никому знать не хочу: Русскій все знаетъ, все понимаетъ, съ нимъ есть о чемъ поговорить; а вы что?—совершенные невѣжи.“ Они загородили было ей дорогу. Асланъ-Козъ сдѣлала движеніе рукою и вышла. Абазеки разступились не вымолвивъ ни слова, такъ они были озадачены ея гордымъ видомъ. Послѣ этой сцены она не приходила ко мнѣ болѣе двухъ недѣль и присылала только Кучухужъ узнавать о моемъ здоровьѣ. Первый разъ когда она опять появилась, я просилъ ее не отказать мнѣ въ ножѣ. Дѣло было щекотливое, она сама имѣла только одинъ, многимъ извѣстный ножикъ, съ бѣлымъ черенкомъ; въ случаѣ передачи надо было объявить его потеряннымъ или украденнымъ; его могли увидать у меня; кромѣ того она боялась, что я въ минуту отчаянія обращу его противъ себя. Это послѣднее опасеніе побуждало ее дать мнѣ рѣшительный отказъ, подъ предлогомъ что она не видитъ для меня никакой пользы отъ ножа. Въ слѣдующее свиданіе я повторилъ мою просьбу, и спорилъ и просилъ до тѣхъ поръ пока она не согласилась дать мнѣ ножъ, взявъ прежде святое слово ни въ какомъ случаѣ не употреблять его на прекращеніе жизни. Этотъ ножикъ составлялъ для меня величайшую драгоценность; помощію его я могъ надѣяться, щенка за щенкою, пробить отверстіе въ наружной стѣнѣ и снова уйти, избавившись отъ оковъ дру-

гимъ средствомъ, которымъ судьба меня надѣлила совершенно неожиданно.

Тамбіевъ не имѣлъ своей особой куняхской. Случалось, что иногда знакомые ему Черкесы проводили нѣсколько часовъ или даже ночевали въ большой избѣ, вмѣщавшей мой затворъ. Они не могли ни видѣть меня, ни сообщаться со мною; къ тому же Тамбіевъ, или слуги его, въ подобномъ случаѣ не уходили ни на одно мгновеніе. Однажды, совершенно незнакомый мнѣ татарскій эфенди, Абдалла, заѣхалъ въ гости къ Тамбіеву; къ счастью моему, его не было дома. Муллѣ нельзя отказать въ гостепріимствѣ. Коченисса, жена Тамбіева, пригласила его отдохнуть въ моей избѣ. Пока готовили обѣдъ, Абдалла разговаривалъ со мною о моихъ путешествіяхъ, о плѣнѣ и весьма не оправдывалъ поступка Кабардинцевъ, дошедшаго до его слуха еще въ Константинополѣ, откуда онъ возвращался на родину, послѣ поклоненія гробу Магомета. Уславъ, подъ разными предлогами, глазѣвшихъ на него слугъ Тамбіева, онъ сунулъ мнѣ кусокъ англійскаго напильника, прибавивъ: „это посылаетъ тебѣ Аллахъ противъ оковъ, въ которыхъ тебѣ держатъ Черкесы не согласно съ правилами открытой войны; они не избѣгутъ наказанія за обманъ, а ты, съ упованіемъ на providence, испытай еще разъ свое счастье.“

Подобнымъ напильникомъ освободиться отъ оковъ было часовое дѣло: но проскочить деревянную стѣну требовало труда цѣлыхъ мѣсяцевъ. Не пугаясь времени, я принялся за работу въ самомъ темномъ уголкѣ моего затвора, каждый день вырѣзывалъ въ толстомъ бревнѣ, сколько успѣвалъ и сколько нужно было чтобы сдѣлать вертикальные нарѣзы, между которыми, вытолкнувъ бревно, я могъ бы выѣсть. Щепки я бросалъ подъ полъ, для того чтобы ихъ не замѣтили, выметая затворъ. Занятый своимъ дѣломъ, я не замѣчалъ какъ уходило время. Асланъ-Козъ развлекала меня, приходя поболтать, и каждый разъ приносила мнѣ яицъ, хлѣба или мяса, безъ чего моихъ силъ не достало бы на долгую и трудную работу. Отъ Тамбіева мнѣ давали молока и проса, да и то въ такомъ маломъ количествѣ что едва можно было жить. Подошелъ октябрь. Послѣ жару, отъ котораго я задыхался въ тѣсномъ ящикѣ, наступилъ холодъ, переѣхавшій только мученіе. Дрожа всемъ тѣломъ, я проводилъ бессонныя ночи, напрасно отыскивая спасеніе подъ

дырявымъ одѣяломъ, служившимъ мнѣ болѣе двухъ лѣтъ. Рубашки моей не оставалось и слѣдѣ; мнѣ замѣнили ее нагольною шубой, брошенною казакомъ, когда онъ скрылся. Новая бѣда отъ этого. Крысы, поселившіяся подъ поломъ, каждую ночь приходили ее гадать, такъ что я не зналъ какъ отъ нихъ избавиться. Наконецъ Черкесы рѣшились мнѣ дать палку для обороны отъ этихъ докучливыхъ гостей. Въ это время случилось обстоятельство, о которомъ не могу умолчать. Тамбіева не было одчажды дома. Рабы его вдругъ засуетились, съ озабоченнымъ видомъ бросились отворять двери моей темницы и звали выйти. Князь Асланъ-Гирей стоялъ передо мною. Долго онъ глядѣлъ на меня злобными глазами, не говоря ни слова; я также смотрѣлъ на него не очень дружелюбно.

— Что, хорошо тебѣ? спросилъ онъ подѣ конецъ.

— Благодаря тебѣ, отлично, былъ мой отвѣтъ.

Асланъ-Гирей далъ знакъ рукою чтобы меня опять заперли, и вышелъ. Онъ показался мнѣ убить духомъ. Можетъ-быть онъ уже предчувствовалъ что дни его сосчитаны, и что мой плѣнъ грозно отзовется на его головѣ.

Въ половинѣ октября холодъ усилился; меня стала бить лихорадка. Это принудило Тамбіева приказать караульщикамъ выпускать меня днемъ въ большую избу грѣться около огня. Цѣпь оставалась на мнѣ, ее отпускали только длиннѣе. На ночь меня снова помѣщали въ затворъ, несмотря на стужу, отъ которой я сильно страдалъ. Тамбіевъ, дѣлавшій частыя поѣздки, возвращался нерѣдко вечернею порой, входилъ въ избу, гдѣ я сидѣлъ около огня, снималъ съ себя оружіе, вѣшалъ его на гвоздѣ и уходилъ къ женѣ или посмотрѣть на хозяйство. Надѣясь на мои двойныя оковы, люди провожали его, и случалось, полчаса и болѣе я оставался совершенно одинъ. Между тѣмъ лошадь его стояла передъ домомъ, привязанная къ столбу, находящемуся для этой цѣли передъ каждою хуахской. Это обстоятельство подало мнѣ мысль спастись другимъ способомъ. Надпиливъ цѣпи на шеѣ и на ногахъ я намѣревался выждать перваго снагу, по которому мнѣ легко было найти слѣды прямой дороги къ Сагуашѣ, воспользоваться однимъ изъ подобныхъ приѣздовъ Асланъ-бека, когда всѣ уйдутъ, сбросить оковы, взять его оружіе, сѣсть на лошадь и ускорать. Тамбіевъ, опасаясь Русскихъ, имѣлъ всегда отличныхъ лошадей; я

зная что во всей окрестности не найдется скакуна, способнаго догнать меня; а на случай несчастной встрѣчи мнѣ оставались ружье да шашка, для того чтобы не сдаться живымъ. Этотъ способъ имѣлъ многое въ свою пользу и, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ привести къ какому-нибудь рѣшительному концу. Приготовившись совершенно, я при-сматривался только къ привычкамъ Асланъ-бека и выжидалъ удобной минуты для исполненія моего предпріятія.

Тѣмъ временемъ на Урупѣ разыгралась черкесская семейная драма, имѣвшая первымъ актомъ похищеніе знаменитой Гуани-фуджъ. Скоро послѣ похищенія сдѣланнаго мнѣ Асланъ-Гиреемъ, Тамбіевъ вернулся разъ домой, блѣдный, разстроенный, какъ я его никогда не видалъ. Онъ и его рабы безпрестанно перешептывались, и бросая озлобленные взгляды на мой затворъ, громко проклинали глауровъ. Какое-то необыкновенное происшествіе всѣхъ смутило: это было ясно, но въ чемъ оно состояло я не могъ узнать. Караульщики не выходили ни на мгновеніе изъ избы и не допускали ко мнѣ ни Марыи, ни Асланъ-Козъ. Лишенный этого послѣдняго удовольствія, я провелъ дней восемь въ самомъ тягостномъ одиночествѣ; лихорадка усилилась, уныніе стало вкрадываться въ душу, и я не знаю на что готовъ былъ рѣшиться, когда совершенная неожиданность меня вывела изъ моего грустнаго положенія.

Въ одно утро Тамбіевъ вошелъ ко мнѣ съ Тембулатомъ Карамурзинымъ, котораго я менѣе всего ожидалъ видѣть при настоящихъ обстоятельствахъ, посоветовалъ въ этотъ разъ не упрямиться насчетъ выкупа и оставилъ меня переговорить съ нимъ наединѣ. Время было дорого; слѣдовало скорѣе кончать, для того чтобы не возбудить чуткой недо-вѣрчивости Асланъ-бека. Въ короткихъ словахъ Тембулатъ мнѣ разказалъ для чего онъ здѣсь, какимъ способомъ добился отъ Тамбіева позволенія говорить съ мною безъ свидѣтелей, и какое устроилъ дѣло для того чтобы меня освободить. Въ удачѣ своего предпріятія онъ не сомнѣвался, имѣя хаджи Джансеида на своей сторонѣ.

Болѣе года онъ безъ всякой пользы старался разными путями освободить меня. Хитрый Асланъ-Гирей опрокидывалъ всѣ его расчеты, находя выгоднымъ длить мой плѣнъ до безконечности въ видахъ своей личной безопасности. Пока я нахожусь въ рукахъ у Кабардинцевъ, думалъ онъ, рус-

скія власти, опасаясь за мою жизнь, не рѣшались его извести. Для этого онъ поддерживалъ въ простоумномъ Тамбіевѣ надежду на несоразмѣрно большой выкупъ, и съ удовольствіемъ видѣлъ когда тотъ отвергалъ всѣ предложенія нашего правительства. Теперь Асланъ-Гирей не стало въ живыхъ: Адель-Гирей заплатилъ ему за кровь отца. Русскіе не купили его головы: она давно принадлежала каналь, — а только ускорили ея паденіе. Неожиданная смерть Асланъ-Гирея сильно подѣйствовала на Тамбіева, онъ сталъ болѣть за себя; въ то же время быстрый упадокъ моихъ силъ отъ изнурительной лихорадки окончательно смутилъ его. Въ случаѣ моей смерти онъ терялъ всѣ выгоды обмана, удерживая только на своихъ плечахъ полную тяжесть непримиримаго мщенія Русскихъ. Тембулатъ, знавшій черезъ Джансеида все что дѣлается со мною и что около меня задумываютъ, поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; онъ уговорилъ Тамбіева согласиться на выкупъ въ двѣнадцать тысячъ рублей серебромъ, обѣщая добыть деньги отъ моихъ родственниковъ, если я не стану противиться, и говоря что правительство совершенно отказалось отъ меня. Нуждаясь въ моемъ согласіи, онъ требовалъ чтобъ его допустили переговорить со мною. Это была только наружная оболочка дѣла, скрывавшая сущность его. Тембулатъ мало надѣялся на выкупъ. Пока я находился у Тамбіева, зависѣвшаго отъ Алимъ-Гирея, и держался посреди недоступныхъ абазехскихъ дѣсовъ, нельзя было разчитывать ни на что. Завтра они могли отказаться отъ того на что сегодня соглашались; могли вмѣсто двѣнадцати тысячъ запросить вдвое и остановить дѣло. Тембулатъ рѣшился меня увезти, а послѣ того, на произволъ судьбы, судиться, или драться съ Тамбіевымъ. Для этого меня надо было только вырвать изъ его дома и перевести къ хаджи Джансеиду, пріятелю Тембулата. Болѣзнь, угрожавшая погубить меня наканунѣ выкупа, служила къ тому хорошимъ поводомъ, потому что бѣдный Тамбіевъ не имѣлъ способовъ доставить мнѣ удобства, необходимыя для поддержанія здоровья, и не могъ найдти ихъ у своихъ друзей, Абазеховъ. Одинъ хаджи имѣлъ все что было нужно для этого. Перспективою выкупа возбудили въ Тамбіевѣ съ новою силой всѣ его прежнія надежды и опасенія, а я долженъ былъ довершить дѣло, притворившись гораздо болѣе больнымъ, чѣмъ былъ дѣйствительно. Чтобы облечь наше продолжительное

свиданіе въ благопріятный видъ для интересовъ Тамбіева, я поручилъ Тембулату открытое письмо, написанное по-русски и адресованное будто бы къ родственникамъ въ Россію; въ письмѣ томъ я самымъ жалкимъ образомъ описывалъ мое положеніе и просилъ выкупить меня, не щадя денегъ. Я зналъ, что прежде чѣмъ пропустить это письмо на русскую сторону, Тамбіевъ узнаетъ его содержаніе. Послѣ того надо было дѣйствовать скоро и рѣшительно, не давъ Черкесамъ времени одуматься. Тембулатъ обѣщалъ не оставлять меня въ домѣ Джансеида долѣе пяти или шести дней. Кунахская Джансеида мнѣ была знакома. Появленіе передъ нею Ханафа, питомца Карамурзина, бывшаго съ нами когда мы ѣздили въ Абхазію, должно было служить извѣщеніемъ что въ ночь меня освободятъ. Три удара въ уголъ стѣны, около которой я буду спать, съ опредѣленными разстановками, назначались условнымъ знакомъ, что за мною пріѣхали.

Передъ разставаньемъ, Тембулатъ передалъ мнѣ подробности Асланъ-Гиреевой смерти. Это былъ одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, которыми такъ богата черкесская жизнь. Въ началѣ я разказалъ похищеніе Гуаши-фуджи, убійство отца Адель-Гирея и бѣгство самого Адель-Гирея въ Чечню. Долго онъ скитался за Терекомъ; память отца не давала ему покоя и все тянула его къ тому, кто пролилъ родную кровь. Онъ перешелъ къ Абазехамъ, у которыхъ жилъ Асланъ-Гирей. Скоро мужъ Гуаши-фуджи увидалъ, что здѣсь нѣтъ возможности отомстить своему врагу. Абазехи дорожили Асланъ-Гиреемъ, находившимся на высотѣ своей разбойничьей славы, наравнѣ съ кабардинскими абреками. Первымъ дѣломъ ихъ было созвать шаріатъ для примиренія братьевъ, и Адель-Гирей долженъ былъ покориться его приговору, положившему на одни вѣсы смерть отца и похищеніе невѣсты. Канла считалась прекращенною. Братья стали видѣться и не разъ ѣздили вмѣстѣ грабить Русскихъ; но откровенности между ними не было: Адель-Гирей затаилъ чувство мщенія въ глубинѣ сердца; годы проходили, а онъ ничего не забывалъ и ничего не прощалъ. Въ то время когда Асланъ-Гирей задумалъ передаться на сторону Русскихъ, Адель-Гирей выказалъ желаніе остаться у Абазеховъ. Годъ спустя послѣ того какъ Асланъ-Гирей, обманувъ меня, отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ примиренію, Адель-Гирей счелъ необходимымъ покориться и отъ Абазеховъ выселился на Урупъ, бли-

же къ русской границѣ. Тутъ онъ взялся за трудное дѣло: предпринялъ увѣрить Асланъ-Гирея въ своей дружбѣ, для того чтобы его вѣрнѣе подвести подъ ударъ, который ему давно готовилъ. На половинѣ дороги за Кубань, куда Асланъ-Гирей безпрестанно отправлялся, то съ большими, то съ малыми партіями, онъ имѣлъ случай часто видѣть его у себя и помогать ему тайно во всѣхъ его замыслахъ, доставлялъ ему самыя точныя извѣстія и не разъ спасалъ его отъ Русскихъ, рискуя собственною безопасностію. Такія ясныя доказательства откровеннаго примиренія и нелицемѣрной дружбы усыпили подъ конецъ недовѣрчивость Асланъ-Гирея; онъ сдѣлался менѣе осторожнымъ; а этого только и добивался Адель-Гирей. Хитрый и метительный Асланъ-Гирей забылъ, что отъ врага можно отводить чужую руку, сберегая его для собственного мщенія. Въ октябрѣ тридцать восьмага года, планъ Адель-Гирея созрѣлъ. Къ нему присоединились еще два человѣка, давшіе клятву отомстить Асланъ-Гирею за прежнія обиды, это были: Мамать-Кирей Лоовъ, провожавшій меня въ ночь измѣны, и ногайскій князь Канмирза, у котораго онъ отогналъ когда-то нѣсколько сотъ лошадей. Давно уже они поджидали Асланъ-Гирея въ урупскихъ лѣсахъ. Къ своему несчастію, онъ приготовилъ набѣгъ на русскую границу, прибылъ съ довольно значительною шайкой абрековъ къ аулу своего брата, и узнавъ что въ окрестностяхъ замѣчены казаки съ линіи, отправилъ товарищей въ лѣсъ, а самъ остался ночевать въ аулѣ съ однимъ только человѣкомъ. Извѣстіе о казакахъ было придумано единственно для того, чтобы удалить отъ него провожавшихъ его абрековъ; за то Лоова и Канмирзу тотчасъ увѣдомили о томъ, что онъ попалъ въ западню. Послѣ сытнаго и веселаго ужина, братья пожелали другъ другу пріятнаго сна. Адель-Гирей ушелъ къ себѣ; Асланъ-Гирей раздѣлся, самъ заклиновалъ изнутри дверь кунахской и легъ спать, положивъ подъ подушку, по своему обыкновенію, два заряженные пистолета. Кромѣ товарища его въ комнатѣ оставался еще десятилѣтній ребенокъ, которому поручено было поддерживать ночью огонь. Мальчикъ былъ подученъ тихонько отворить дверь, когда гости заснутъ. Ночью онъ впустилъ Адель-Гирея, Лоова и Канмирзу, имѣвшихъ по два пистолета въ рукахъ. Спящаго легко было убить, но это они считали недостаточнымъ: имъ хотѣлось чтобы онъ ихъ видѣлъ, и зналъ за что его убиваютъ. Его разудбили, дали ему опом-

ниться и потомъ тремя пулями пробили грудь, крикнувъ: „за отца! за русскаго офицера! за табунъ!“ Асланъ-Гирей успѣлъ разрядить оба пистолета въ напавшихъ, не ранивъ никого, и испустилъ духъ.

Между тѣмъ товарищъ его сидѣлъ полуживой на своей постели, не зная ожидаетъ ли и его та же участь. Ему отдали оружіе, подвели лошадь и приказали ѣхать въ лѣсъ къ абрекамъ, разказать какъ кончилъ Асланъ-Гирей за свои грѣхи, и посоветовать благодарить Аллаха, что ихъ самихъ отпускаютъ живыми съ Урупа; при этомъ показали дворъ установленный лошадьми Абазинъ и Ногайцевъ, пріѣхавшихъ съ Лоовымъ и Каммурзою.

Черезъ нѣсколько дней голова Асланъ-Гирея свидѣтельствовала въ Прочномъ Окопѣ о томъ, что линія отъ него дѣйствительно избавлена; тамъ я ее видѣлъ, освободившись изъ плѣна.

Послѣ отъѣзда Карамурзина, я сталъ показывать видъ, какъ было условлено, что моя болѣзнь усиливается съ каждымъ днемъ. Въ виду ожидаемаго выкупа, Тамбіевъ принималъ живое участіе въ моемъ положеніи, ухаживалъ за мною какъ нянька, допускалъ ко мнѣ Асланъ-Козъ и Марью, предлагалъ мнѣ мясо, куръ, поилъ медовою водой, снималъ оковы, постлалъ тюфякъ возлѣ огня; но ничего не помогало: мнѣ становилось все хуже, а пищи я совсѣмъ не касался. Тамбіевъ пришелъ въ отчаяніе. По цѣлымъ часамъ онъ просиживалъ не спуская съ меня глазъ, увѣрялъ въ своей братской любви, уговаривалъ и утѣшалъ. Чтобъ испытать не притворяюсь ли я, около меня ставили мясо, молоко, медъ, но я крѣпился и ничего не трогалъ. Отказываться отъ пищи было для меня не совсѣмъ легко, потому что кромѣ лихорадки я былъ въ остальномъ здоровъ и чувствовалъ голодъ какъ здоровый; къ тому же отъ усиленной діеты силы мои стали дѣйствительно упадать. Наконецъ Асланъ-бекъ, замѣчая мое изнеможеніе рѣшился на что-то, повидимому, необыкновенное, осѣдлалъ лошадь и уѣхалъ скорою рысью. Дѣло шло на ладъ. Пользуясь его отъѣздомъ, Асланъ-Козъ пришла повидаться со мною и принесла мнѣ нѣсколько медовыхъ лепешекъ, какія Черкесы готовятъ для похода. Я сообщилъ ей, прося хранить это въ тайнѣ, что жду перемены въ моемъ положеніи и можетъ-быть въ скоромъ времени распрощусь съ нею навсегда. Я былъ убѣжденъ что она не измѣнитъ мнѣ и въ

этомъ случаѣ, и потому не видѣлъ причины отъ нея скрываться. Давно ожидалъ что меня увезутъ за Кубань, или что я самъ уйду, если не умру, она съ своею обыкновенною скромностію, пожавъ мнѣ руку, пожелала удачи и счастья на русской сторонѣ, котораго не могу найти въ горахъ. Пожикъ я ей отдалъ, а лепешки мнѣ очень пригодились; я грызъ ихъ тайкомъ и нѣсколько равнодушнѣе могъ смотрѣть на кушанье, которымъ меня соблазнили.

На другой день, когда уже смеркалось, пріѣхалъ Тамбиевъ, тотчасъ зашелъ ко мнѣ, увидалъ нетронутое кушанье и сильно нахмурился. Я принялъ его охая. Не выговоривъ ни слова, онъ вышелъ дѣлать разныя домашнія распоряженія. Ночью, когда въ аулѣ все улеглось, онъ вышелъ ко мнѣ, одѣтый и вооруженный, и только сказалъ: „пойдемъ, ты боленъ, а я, по бѣдности своей, не имѣю чѣмъ тебя лѣчить; хаджи Джансеидъ богатъ и дастъ тебѣ что нужно.“ Меня укутали въ шубу, посадили на небольшую покойную лошадку и повезли на Вентухву. Ночь была темная и холодная, лошади спотыкались въ лѣсу, вѣтеръ продувалъ меня. Тамбиевъ молчалъ упорно, и только глядѣлъ чтобъ я не ушелъ, хотя это было совершенно невозможно на моей лошадкѣ. Для пущей вѣрности, онъ съ половины дороги повелъ се въ поводу. Передъ разсвѣтомъ мы пріѣхали въ аулъ на Вентухѣ. Усталый до изнеможенія, я едва слышалъ какъ нѣжно прощался со мною Тамбиевъ, увѣряя что не можетъ долго оставаться, но не замедлитъ скоро заѣхать узнать о моемъ здоровьѣ, и заснулъ глубокимъ сномъ.

Проснувшись около полудня, я увидалъ себя въ знакомой кунахской, на мягкомъ, шелкомъ крытомъ тюфлѣ, подъ бархатымъ одѣяломъ. Яркій огонь пылалъ на очагѣ, разливая пріятную теплоту. Хаджи Джансеидъ, въ желтой чалмѣ какъ два года тому назадъ, стоялъ почтительно передо мною, готовый предупредить каждое мое желаніе. Между тѣмъ временемъ и настоящей минутой казалось лежалъ одинъ продолжительный, тяжелый сонъ. Недоставало только Маматъ-Кирел. Умный хозяинъ мой молчалъ о дѣлѣ затѣянномъ Карамурзиннымъ, но обращеніемъ своимъ давалъ мнѣ чувствовать что часъ освобожденія близокъ. Внимательная заботливость его о моемъ здоровьѣ, и обо всемъ что для меня могло быть пріятно, доказывала на сколько онъ стоялъ по своимъ понятіямъ выше другихъ горцевъ. Джансеидъ

просиживалъ у меня долгіе часы, много говорилъ о Кавказѣ и о черкесскихъ дѣлахъ, объяснялъ мнѣ обстоятельства, которыхъ я еще не зналъ. Онъ не сомнѣвался что Русскіе завладѣютъ наконецъ горами, но считалъ это время еще весьма отдаленнымъ.

— Еслибы Черкесы были умнѣе, не ссорились бы между собою и не рѣзали бы другъ друга, — вѣка бы прошли до вашего утвержденія въ горахъ, говорилъ онъ мнѣ. — Я самъ не располагаю покоряться. Въ мои годы неприлично покинуть дѣло, за которое я дрался шестьдесятъ лѣтъ и пролилъ столько крови. Не могу болѣе подчиняться чужой волѣ, новому закону и изучать иные порядки. Умру чѣмъ родился. Сыновъ мой моложе, ему легче будетъ привыкать къ новому порядку вещей, когда Аллаху будетъ угодно отдать горы во владѣніе Русскимъ, если только не предпочтетъ онъ въ этомъ случаѣ лечь въ могилу возлѣ своего отца. Объ Асланъ-Гирѣ онъ вспоминалъ неохотно и только замѣтилъ, что неограниченное честолюбіе влекло его къ большимъ замысламъ, на исполненіе которыхъ у него стало бы ума и смѣлости, еслибы онъ умѣлъ владѣть своими бѣшенными страстями.

Семь дней прошло со времени моего перемѣщенія къ Джансеиду. Удобства, которыми я у него пользовался, сытный столъ, а болѣе всего надежда на Карамурзина, чувствительно поправляли мои силы. Тамбіевъ не показывался, но раза два присылалъ своихъ людей узнавать о моемъ здоровьѣ; ему отвѣчали что мнѣ, кажется, легче, но все еще замѣтна слабость. Хаджи замѣтилъ мнѣ съ улыбкою, что это лишь хитрость со стороны Тамбіева, и онъ легко могъ бы самъ пріѣхать, находясь въ сосѣдствѣ, котораго онъ не покинулъ со времени моего пребыванія у него въ домѣ.

— Не понимаю, чего онъ боится, прибавилъ Джансеидъ: — я поручился клятвенно заплатить ему не менѣе трехъ тысячъ цѣлковыхъ, если съ тобою что-нибудь случится, даже еслибы ты умеръ у меня. Впрочемъ не безпокойся; близость его не опасна; люди и хитрѣе его да попадаютъ въ просакъ.

На восьмой день, рано поутру, хаджи пришелъ ко мнѣ въ полномъ вооруженіи повидаться передъ отъѣздомъ, отправляясь, какъ онъ сказывалъ, въ набѣгъ на русскую границу. Несмотря на свои лѣта, онъ былъ молодецъ, джигитъ, какъ говорятъ Черкесы, въ полномъ смыслѣ слова.

— Уѣзжая, поручаю тебя моей хозяйкѣ, требуй отъ нея чего хочешь. Не поминай лихомъ, еслибы намъ не пришлось болѣе видѣться, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку. — У меня въ домѣ ты былъ всегда гостемъ, плѣннымъ никогда; не осуди, а пойми старика. Ты молодъ и честолюбивъ, иначе ты не рѣшился бы сунуть свою голову въ пасть волку, захвативъ одинъ въ горы, къ Черкесамъ. Вспомни обо мнѣ съ меньшею горечью, когда позже, между своими, ты встрѣтишь на пути жизни столько же разчета, хитрости и обмана какъ у Черкесовъ. Вся разница въ томъ, что у насъ чаще всего бьютъ палкою и кинжаломъ, а у васъ убиваютъ человека коварными словами да грязнымъ перомъ. Ты навѣрное одѣнилъ бы меня иначе, встрѣтившись со мною въ открытомъ бою!

Въ тотъ же день, послѣ сѣда, я увидалъ Ханафа, медленно проходившаго мимо кунахской; замѣтивъ меня, онъ кивнулъ головой: значить, часъ освобожденія былъ близокъ. Нетерпѣніе овладѣло мною. Два года я умѣлъ ожидать терпѣливо рѣшенія моей судьбы, а тутъ, въ послѣднія минуты, не зналъ какъ убить время, тянувшееся безъ конца. Обѣда я едва коснулся и только мѣнялъ трубку за трубкой; Джансеидъ не забылъ приготовить для меня турецкаго табаку, котораго Черкесы обыкновенно не имѣютъ въ запасъ, отказывая себѣ въ удовольствіи курить, на основаніи религіознаго правила, воспреещающаго человеку каждую привычку могущую обратиться въ страсть. Передъ вечером мое безпокойство усилилось; самыя тревожныя мысли пробѣгали въ умѣ: удастся ли Карамурзину? не помѣшаетъ ли Тамбіевъ съ своими абазехскими друзьями? Эти два вопроса мучили меня нестерпимымъ образомъ. Послѣ ужина жена Джансеида позвала къ себѣ молодаго Черкеса, ночевавшаго въ кунахской для караула. Черезъ полчаса онъ вернулся, глаза его были мутны, языкъ лепеталъ невнятные слова; затворивъ двери на запоръ, онъ сѣлъ къ огню, нѣсколько времени кивалъ головой и потомъ растянулся во всю длину. Крѣпкая буза, которою его напоили, погрузила моего караульщика въ непробудный сонъ. Между тѣмъ я лежалъ подъ одѣяломъ, полуодѣтый, и считалъ минуты. Скоро наступила совершенная тишина; изрѣдка доходилъ до моего напряженнаго слуха легкій шорохъ, будто работали около частокола загораживавшаго дорогу къ кунахской, въ которой я лежалъ. Ударъ въ стѣну, потомъ, черезъ нѣсколько се-

кундъ, два удара безъ разстановки заставили меня встрепенуться; точность условнаго знака не допускала сомнѣнiя; тутъ не могло быть обмана, приготовленнаго Тамбиевымъ. Я поднялся съ постели, снялъ тихонько запоръ и вышелъ за дверь; темная ночь встрѣтила меня, на небѣ ни одной звѣзды. На дворѣ, только что я появился, двѣ сильныя руки принялись срывать съ меня старое платье, другiя руки одѣвали меня сызнова и навѣшивали на меня оружіе. Все дѣлалось, въ глубокомъ молчанiи, съ необычайною скоростію. Когда мои глаза привыкли къ темнотѣ, я разсмотрѣлъ что около меня хлопочутъ Тембулатъ и его переводчикъ, кривой Али, а въ нѣкоторомъ отдаленiи стоятъ три лошади и нѣсколько конныхъ людей. Въ противоположной сторонѣ отъ калитки ведущей въ аулъ, по направленію къ лѣсу, частоколъ былъ разобранъ. Накинувъ на меня бурку и башлыкъ, меня подняли на лошадь, тихимъ шагомъ выѣхали за ограду, и помѣстивъ посрединѣ партіи, поскакали по полю во весь опоръ. Черезъ нѣсколько мгновенiй темный лѣсъ закрылъ насъ; мы неслись съ быстротою вѣтра; я ничего не могъ разобрать и только чувствовалъ какъ вѣтви хлестали меня по лицу. Въ нѣкоторомъ разстоянiи изъ чащи вынырнулъ Черкесъ, свистнулъ особымъ образомъ, получилъ отвѣтъ отъ Карамурзина, и поскакалъ впереди насъ. Черезъ нѣсколько времени опять Черкесъ на дорогѣ, опять свистъ, и опять та же скачка. Это были абазехскіе проводники, которыхъ Тембулатъ уговорилъ помочь ему въ тайномъ предпріятіи, не говоря въ чемъ оно состоитъ. Таковъ обычай у Черкесовъ: друзья оказываютъ услугу, требующую иногда крови, не спрашивая и не добиваясь даже отгадать въ чемъ она заключается. Съ разсвѣтомъ мы переправились черезъ Сагуашу. Тутъ кончалась абазехская земля. Проводники совершили свое дѣло, распростились съ Карамурзинымъ и поворотили назадъ. Однѣ изъ нихъ, Мисирбей, вскрикнулъ отъ удивленія, узнавъ меня подъ башлыкомъ; впрочемъ пожалъ мнѣ руку и пожелалъ счастливаго пути. За рѣкой мы уменьшили шагъ, своротили къ верховью Лабы и около полудня остановились отдыхать въ глухомъ лѣсу, сдѣлавъ болѣе ста верстъ въ теченіе двѣнадцати часовъ. Лошади чрезвычайно устали, и нѣкоторые едва переставляли ноги; но хуже ихъ уморился я, послѣ двухъ годовой непривычки ѣздить; меня везли, могу сказать, не сидя на сѣдлѣ, а лежа на шѣи моей лошади. Вечеромъ Карамур-

завтра пустился опять въ дорогу, ночью остановился на нѣсколько часовъ въ бесденеевскомъ Тазартуковомъ аулѣ, гдѣ мы порядочно поужинали, и направился потомъ на Чанлыкъ. Съ первыми лучами восходящаго солнца я увидалъ передъ собою хорошо знакомое мнѣ Вознесенское укрѣпленіе, получившее лучшую наружность съ пристройкою барачковъ для донскаго казачьяго полка. Въ верстѣ отъ укрѣпленія насъ окликнули пикетные казаки, и узнавъ что ѣдетъ офицеръ изъ плѣна, дали знать коменданту. У воротъ меня встрѣтила вся рота, капитанъ впереди, съ пѣсней и бубнами. Спрыгнувъ съ лошади, я очутился въ объятіяхъ крѣпко сжимавшаго меня офицера, котораго, признаюсь, я видѣлъ въ первый разъ. Левашова не было болѣе въ укрѣпленіи. Не помню какъ я попалъ въ комнату. Солдаты, цѣлуя и обнимая, внесли меня на рукахъ. Знаю только что я очутился возлѣ стола, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ; съ одной стороны мнѣ подставляли стаканъ горячаго чаю, съ другой — дымящуюся трубку. Я самъ не былъ столько радъ, сколько радовались моему освобожденію добрые кавказскіе служаки. Глубоко тронутый ихъ непритворнымъ участіемъ, я чувствовалъ вполне что нахожусь теперь между своими.

Пробывъ между ними нѣсколько часовъ, я поѣхалъ съ Тембулатомъ на Кубань, сопровождаемый взводомъ пѣхоты и сотнею донскихъ казаковъ. Эта предосторожность была не излишняя. Тамбѣевъ, узнавъ о моемъ бѣгствѣ въ то самое утро, собралъ нѣсколько десятковъ Абазеховъ, гнался за нами, потерялъ слѣдъ, когда мы свернули къ Лабѣ, потомъ подстергаль на Закубанской равнинѣ, и раздосадованный неудачнымъ поискомъ, бросился на Урупъ, гдѣ отхватилъ шесть человѣкъ рабовъ и нѣсколько десятковъ лошадей, принадлежавшихъ Карамурзину, не переселившемуся на Кубань для того только, чтобы не отнять у себя возможности бывать у Абазеховъ и хлопотать о моемъ освобожденіи. Переправившись черезъ Кубань противъ Убѣженской станицы, я остановился въ ней ночевать. Здѣсь незнакомый простой казакъ далъ мнѣ новое доказательство того горячаго участія, которое прежніе Кавказцы принимали въ судьбѣ своихъ сослуживцевъ. Получивъ отъ него приглашеніе къ завтраку, для котораго онъ уставлялъ столъ вѣкъ что было лучшаго въ домѣ, я нашелъ въ сборѣ у него станичныхъ

стариковъ, пришедшихъ поздравить меня съ освобожденіемъ изъ рукъ бусурманъ. За Кубанью, на русской землѣ, я находился въ всякой опасности, и могъ сказать что я дѣйствительно свободенъ. Пленъ мой длился ровно два года и два мѣсяца: въ ночь съ девятаго на десятое сентября тысяча-восемьсотъ-тридцать-шестого года Кабардинцы схватили меня на берегу Курджипса; ночью съ девятаго на десятое ноября тридцать-восьмого года Тембулатъ Карамурзинъ увезъ меня отъ хаджи Джансеида.

Пробывъ въ Прочномъ Окопѣ очень короткое время, я поспѣшилъ въ Ставрополь, гдѣ меня ожидала самая живая радость. Послѣ Вельяминова командовалъ войсками на линіи П. Х. Граббе, подъ начальствомъ котораго я первый разъ находился въ огнѣ, въ тысяча-восемьсотъ-двадцать-пятомъ году, привзятіи турецкаго города Бахова,—мой первый наставникъ въ военномъ дѣлѣ, любимый и уважаемый мною, сколько можно только любить и уважать человека его характера и военныхъ достоинствъ. Въ его, издавна мнѣ знакомомъ семействѣ, я нашелъ самый ласковый пріемъ и нравственно могъ отдохнуть, любуясь прекрасными дѣтьми, которыя позже, все безъ исключенія, пошли по немъ. Хорошая кровь и отцовскій примѣръ отозвались въ нихъ храбростію и благородствомъ характера, поставившими ихъ въ число самыхъ блистательныхъ офицеровъ русской арміи. Безъ генерала Граббе я былъ бы на Кавказѣ въ положеніи совершенно осиротѣвшаго человека. А. А. Вельяминова, полюбившаго меня съ чеченской экспедиціи тридцать-второго года, не было въ живыхъ. Барона Розена, да коротко меня знавшихъ, Вальховскаго и барона Ховена, потерялъ Кавказъ. Съ ними уѣхали почти все мои старые товарищи; наша тифлисская военная семья, отличавшаяся согласіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ зависти и искательства, разлетѣлась во все стороны пространной Россіи. Гдѣ было ихъ отыскивать?

По полученіи извѣстія о моемъ освобожденіи, Государь потребовалъ меня въ С.-Петербургъ, „для отдыха и для личнаго объясненія.“ Я испросилъ позволеніе привезти съ собою Карамурзина и отправился съ нимъ въ дальній путь, получивъ желаемое разрѣшеніе.

На дорогѣ я столкнулся недалеко отъ г. Ельца съ генераломъ Вальховскимъ, ѣхавшимъ изъ Динабурга, гдѣ онъ

командовалъ бригадою, въ Полтавскую губернію, съ намѣреніемъ, испросивъ отставку, служить по выборамъ. Онъ узналъ насъ ночью по черкесскимъ шапкамъ, остановился на станціи, приказалъ подать чаю и просидѣлъ нѣсколько часовъ, подробно разспрашивая обо всемъ. Послѣ нареканій павшихъ на него за безпорядки, будто бы имъ терпимые въ кавказскихъ войскахъ, въ которыхъ онъ, это я могу засвидѣтельствовать, совершенно былъ безвиненъ, все честолубіе этого умнаго, скромнаго и честнаго человѣка, всегда предпочитавшаго истинную пользу наружному блеску, ограничивалось желаніемъ получить въ своей родной губерніи мѣсто предсѣдателя гражданской палаты. Онъ достигъ своего желанія, но къ общему сожалѣнію умеръ нѣсколько лѣтъ спустя. Мнѣ онъ предсказалъ въ ту ночь довольно вѣрно ожидавшую меня служебную будущность и очень совѣтовалъ не возвращаться болѣе на Кавказъ. Я не послушалъ его опытнаго совѣта и раскаялся потомъ, когда въ сороковомъ году, безъ проку и безъ пользы потерявъ здоровье въ черноморской береговой экспедиціи, долженъ былъ выѣхать изъ Крыма полуживой, и навѣрное умеръ бы безъ рациональной помощи, оказанной мнѣ докторомъ Мейсромъ, другомъ всѣхъ кавказскихъ страдальцевъ.

Въ Москвѣ я счелъ первою обязанностію явиться къ умному и доброму Розену, накликавшему на себя невзгору, право, только непомѣрною добротой и слишкомъ большою снисходительностію къ слабостямъ другихъ. За Кавказомъ, въ мое время, кажется, не было болѣе его прозорливаго администратора. Старикъ, тронутый уже параличемъ, обрадовался, увидѣвъ меня живаго, и со слезами на глазахъ просилъ извинить его въ томъ что не вполне довѣрился мнѣ, отнюдь не полагая что это поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Охотно и душевно я простилъ ему, сохранивъ въ памяти только добро которымъ я отъ него пользовался.

Государь оцѣнилъ выше ожиданія мои слабыя заслуги и щедро наградилъ Карамурзина.

Въ заключеніе скажу два слова о судьбѣ измѣнившихъ мнѣ Кабардинцевъ.

Асланъ-Гирей первый палъ, какъ я уже разказалъ, подъ ударами своего двоюроднаго брата, пока я находился еще въ плѣну.

Тамбіевъ былъ убитъ два года спустя. Черкесы въ числѣ

сорока человекъ, и Тамбиевъ съ ними, отправились грабить на Линию; у насъ знали о ихъ намѣреніи и приготовили западню. Недалеко отъ Кубани заяцъ перебѣжалъ имъ дорогу. Тридцать три человека, считая это дурнымъ предзнаменованіемъ, вернулись назадъ. Семеро, между ними и Тамбиевъ, пренебрегая подобнымъ предразсудкомъ, пошли впередъ, на разсвѣтѣ встрѣтили линейныхъ казаковъ, были окружены, и всѣ перебиты. Тамбиевъ не славившійся прежде молодечествомъ, какъ сказывали свидѣтели дѣла, умеръ весело, и тѣмъ поправилъ свою репутацію.

Хаджи Джансеидъ жилъ долѣе. Въ тысяча-восемь сотъ-сорокъ-третьемъ году онъ кончилъ жизнь на моихъ глазахъ. Я служилъ тогда опять на Кавказѣ. Небольшой отрядъ изъ двухъ пѣхотныхъ батальоновъ, пяти-сотъ линейныхъ казаковъ и четырехъ орудій провожалъ командующаго войсками на линіи В. О. Гурко, выѣхавшаго осмотрѣть мѣста на среднемъ Уруцѣ. При обратномъ слѣдованіи, мнѣ было поручено съ полсотнею мирныхъ ногайскихъ князей опередить отрядъ для занятія скалистой высоты, заслонявшей нашу дорогу. Непріятельская конница, неуспѣвшая завладѣть ею, стала собираться на противулежащей горѣ; нѣшіе Черкесы бѣжали къ ней на подмогу. Наблюдая за непріятелемъ въ зрительную трубу, я замѣтилъ на другой горѣ вѣдока въ желтой чалмѣ, смотрѣвшаго также въ трубу на наши приближающіяся войска. Это былъ хаджи. Мои Ногайцы незамедлили узнать его и подняли крикъ: „твой пріятель! твой пріятель!“ Онъ узналъ меня въ свою очередь, и мы размѣнялись поклонами. Черезъ часъ подошли войска, мы спустились въ долину раздѣлявшую обѣ горы, и дѣло началось. Триста конныхъ Черкесовъ, желтая чалма впереди, безъ выстрѣла, безъ крика, налетѣли неожиданно на оврагъ, въ которомъ залегли спѣшенные казаки, спустились въ него и стали рубить ихъ. Конницы не было подъ рукою, пѣхота находилась довольно далеко, одно казачье орудіе стояло вблизи. Я приказалъ ему скакать навстрѣчу Черкесамъ. Храбрый сотникъ Бирюковъ, не дожидаясь прикрытія, стрѣлою полетѣлъ съ нимъ къ непріятелю на триста шаговъ, снялъ съ передка и двумя картечными выстрѣлами совершенно его смѣшалъ. Желтая чалма исчезла въ дыму и болѣе не показывалась; уходящіе Черкесы подняли чье-то тѣло. Тембудатъ,

бывшій возлѣ меня, своимъ соколинымъ глазомъ увидалъ паденіе Джансеида.

— Хаджи убить! крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ какъ полотно:—онъ былъ джигитъ, онъ былъ хорошій человекъ! Помолимся за него.

И съ этими словами онъ соскочилъ съ лошади и сталъ творить молитву.

Т.

Въна.
1864 года.